

ИСТОРИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

2023, Том 6, №2

Подписано к публикации: 24.04.2023

Главный редактор журнала
Скопа Виталий Александрович
доктор исторических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

- Аккиева Светлана Исмаиловна (РФ, г. Нальчик)** – доктор исторических наук
Акмурзаева Зухра Магомедминовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Бойко Владимир Сергеевич (РФ, г. Барнаул) – доктор исторических наук, доцент
Бруз Владимир Виленович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент,
Быстренко Валентиновна Ивановна (РФ, г. Новосибирск) – доктор исторических наук, профессор
Галиева Зайраш Идрисовна (Кыргызстан, Бишкек) – доктор исторических наук, профессор
Гарсаев Лейчий Магамедович (РФ, г. Грозный) – доктор исторических наук, профессор,
Гашимов Рамис Рамазанович (РФ, г. Дербент) – кандидат исторических наук, доцент
Головашина Оксана Владимировна (РФ, г. Тамбов) – кандидат исторических наук, доцент
Исакиева Зулай Сулимовна (РФ, г. Грозный) – кандидат исторических наук, доцент
Купченко Константин Владимирович (РФ, Смоленск) – кандидат исторических наук, доцент
Макарчук Сергей Владимирович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, профессор,
Мещеряков Константин Евгеньевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор исторических наук, доцент,
Мусаева Салихат Ибрагимовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Непомнящий Андрей Анатольевич (Респ. Крым, г. Симферополь) – доктор исторических наук, профессор
Пузыня Николай Николаевич (РФ, г. Иркутск) – доктор исторических наук, доцент
Сафин Фаиль Габдуллович (РФ, г. Уфа) – доктор исторических наук, профессор,
Сефербеков Руслан Ибрагимович (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук
Столярова Гузель Рафаиловна (РФ, г. Казань) – доктор исторических наук, профессор,
Терехов Олег Эдуардович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, доцент,
Тонких Владимир Алексеевич (РФ, г. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Фурсов Владимир Николаевич (РФ, Р. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Худолеев Алексей Николаевич (РФ, г. Новокузнецк) – доктор исторических наук, доцент
Чайка Евгений Александрович (РФ, г. Славянск-на-Кубани) – кандидат исторических наук, доцент
Шаяхметова Венера Рюзальевна (РФ, г. Пермь) – кандидат исторических наук, доцент
Шкунов Владимир Николаевич (РФ, г. Самара) – доктор исторических наук, доктор педагогических наук
Ярцев Сергей Владимирович (РФ, г. Тула) – доктор исторических наук, доцент

«Исторический бюллетень» включен в перечень ВАК с 25.12.2020г., РИНЦ (Elibrary.ru)
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78050 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2658-5685 (online)

Е-mail: historical@dgpu-journals.ru

Сайт: <http://hb-journal.ru>

© Исторический бюллетень, 2023

Содержание

Буторов С.А., Буторов А.С. Международное антивоенное движение во второй половине XX века: историко-политический анализ	7-13
Захарьев Я.О. Новые формы консолидации китайской общины Юго-Восточной Азии в начале XXI века	14-17
Кудашев У.Н. Американо-сомалийский дипломатический кризис вокруг советской базы в Бербере (1974-1975 гг.)	18-25
Виниченко Н.В. Условия и формы жизни горожан Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века в досоветской историографии	26-33
Касарова В.Г., Сологян А.А. Кризисные явления в театральной жизни России в конце XIX века и пути их преодоления	34-41
Юрченко Е.С. Позиция США по вопросу о польско-украинской войне и восточным границам Польши в 1918-1919 г.	41-48
Астанина Е.А. Современная отечественная историография советской молодежной политики конца 1920-х – 1930-е гг.	49-57
Волков А.С. Датировка методом астрономической хронологии написания трагедии Эсхила «Эвмениды»	58-64
Чуркин М.К. Репрезентации г. Омска и прилегающих территорий в дневнике-травелоге А.К. Гейнса	65-70
Гончаренко О.Н. Роль академика Василия Захаровича Ямова в деле сохранения ветеринарной региональной науки и образования в конце XX – начале XXI вв.	71-76
Михалёв Д.О. Антикубинская деятельность кубинской диаспоры в США	77-82
Семиколенов М.В. Наказ Екатерины II как воплощение политики просвещенного абсолютизма: правовые проблемы	83-87
Галиакберова А.А., Мухаметшин А.Г., Асратян Н.М., Корнилова И.В., Галиев Р.М. Категории и методология цивилизационного подхода в современном философско-историческом дискурсе	88-95
Волкова Е.А., Лебедева М.А., Шевченко В.Н. К вопросу о развитии промышленной отрасли в Воронежской губернии в середине XIX века	96-101
Пасечников А.А. Особенности функционирования колхозов Северо-Запада РСФСР в 1943 году	102-106

Галанюк П.П. Русский просветитель в окружении Regina Scientiarum: Антиох Кантемир и математика	107-111
Иликаев А.С. Сведения о марийской и удмуртской этнической религии в трудах исследователей XVIII в. – начала 60-х гг. XVIII в.: к вопросу об интерпретациях	112-119
Молчанова Е.Г. Освоение Приамурья Россией и иностранный капитал (50-60-е гг. XIX в.)	120-124
Шляхов А.В. Историческая память о первой мировой войне на страницах журнала «Вопросы истории» (на примере 1952 года)	125-132
Семелева Е.В., Елисейкина Е.В., Курмышева Т.В., Попов Н.Н. Институционализация демографии 20 века	133-136
Стряпихина А.А. Роль неземледельческих заработков в жизни крестьян в 1920-е гг.	137-141
Тимошенко В.Н., Куркова Н.В. Изменение целей и задач японо-американского альянса в 1990-х годах	142-147
Пенькова А.Н., Кухарев Ю.С., Выходцева А.В., Балашов К.Г. Рынок труда и промышленное производство в России на рубеже XIX-XX вв (на примере ЦЧЗ)	148-153
Балдин П.П., Дворковая М.В., Куренкова Е.А. Проекты социальных преобразований Российской империи 1813-1825 г.г.	154-156
Енгальчева Е.В. Семейное чтение как инструмент социокультурной идентичности детей первого российского поколения (по материалам глубинного интервью)	157-164
Фомин М.В. О центрических мартириях позднеантичного Херсонеса – ранневизантийского Херсона	165-170
Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка «Затмения Фалеса»	171-177
Воробьева Н.В., Лидер Н.В. История, государственность и культура России в восприятии иностранных курсантов: итоги педагогического эксперимента	178-183
Губченко Г.П. Местное книгоиздание в городах Томской губернии в конце XIX – начале XX века: историография проблемы исследования	184-188
Погорелов С.С., Емельянова Е.А. Влияние «Дела Алабамы» на англо-американские отношения в годы гражданской войны в США	189-191

Contents

Butorov S.A., Butorov A.S. International anti-war movement in the second half of the twentieth century: historical and political analysis	7-13
Zakhariev Ya.O. New forms of consolidation of the Chinese community of Southeast Asia at the beginning of the XXI century	14-17
Kudashev U.N. The US-Somali diplomatic crisis around the Soviet base in Berbera (1974-1975)	18-25
Vinichenko N.V. Conditions and forms of life of citizens of Western Siberia of the second half of the 19 th – early 20th centuries in the pre-Soviet historiography	26-33
Kasarova V.G., Sologyan A.A. Crisis phenomena in the theater life of Russia at the end of the XIX century and ways to overcome them	34-41
Yurchenko E.S. The US position on the Polish-Ukrainian war and the eastern borders of Poland in 1918-1919	42-48
Astanina E.A. Modern domestic historiography of the Soviet youth policy in the end of the 1920s – 1930s	49-57
Volkov A.S. Dating, using the method of astronomical chronology, writing the tragedy of a Eschylus «Eumenides»	58-64
Churkin M.K. Representations of the city of Omsk and surrounding territories in A.R. Gaines' travelogue diary	65-70
Goncharenko O.N. The role of academician Vasily Zakharovich Yamov in the preservation of regional veterinary science and education in the end of the XX – beginning of the XXI centuries	71-76
Mikhalev D.O. Anti-Cuban activities of the Cuban diaspora in the United States	77-82
Semikolenov M.V. The Order of Catherine II as the embodiment of the policy of enlightened absolutism: legal problems	83-87
Galiakberova A.A., Mukhametshin A.G., Asratyan N.M., Kornilova I.V., Galiev R.M. Categories and methodology of the civilizational approach in modern discourse in the philosophy of history	88-95
Volkova E.A., Lebedeva M.A., Shevchenko V.N. To the question of the development of the industrial industry in the Voronezh province in the middle of the XIX century	96-101
Pasechnikov A.A. Peculiarities of functioning of collective farms of the North-West of the RSFSR in 1943	102-106

Galanyuk P.P. Russian educator surrounded by Regina Scientiarum: Antiochus Cantemir and Mathematics	107-111
Ilikaev A.S. Data about Mari and Udmurt ethnic religions in works of researchers of the XVII century – the early 60s of the XVIII century: on issue of interpretations	112-119
Molchanova E.G. Development of the Amur region by Russia and foreign capital (50-60s of the 19th century)	120-124
Shlyakhov A.V. Historical memory of the First World War on the pages of “Questions of History” journal (based on the example of 1952)	125-132
Semeleva E.V., Yeliseykina E.V., Kurmysheva T.V., Popov N.N. Institutionalization of 20th century demography	133-136
Stryapikhina A.A. The role of non-agricultural earnings in the life of peasants in the 1920s	137-141
Timoshenko V.N., Kurkova N.V. Changing the goals and objectives of the Japan-US Alliance in the 1990s	142-147
Penkova A.N., Kukharev Yu.S., Vykhodtseva A.V., Balashov K.G. The labor market and industrial production in Russia at the turn of the XIX-XX centuries (using the example of the Central Chernozem Regions)	148-153
Baldin P.P., Dvorkovaya M.V., Kurenkova E.A. Projects of social transformations of the Russian Empire 1813-1825	154-156
Engalycheva E.V. Family reading as a tool of socio-cultural identity of children of the first Russian generation (based on in-depth interview materials)	157-164
Fomin M.V. About centric martyries of Late Antique Chersonesos – Early Byzantine Cherson	165-170
Volkov A.S. Historical and chronological study of documentary sources and dating «Eclipses of Thales»	171-177
Vorobyova N.V., Lider N.V. History, statehood and culture of Russia in the perception of foreign cadets: results of the pedagogical experiment	178-183
Gubchenko G.P. Local book publishing in the cities of Tomsk Province in the late XIX – early XX century: historiography of the research problem	184-188
Pogorelov S.S., Emelyanova E.A. The impact of the Alabama case on Anglo-American relations during the American Civil War	189-191

*Буторов С.А., доктор философских наук, профессор,
Институт сервисных технологий,
Российский государственный университет туризма и сервиса,
Буторов А.С., кандидат исторических наук, старший преподаватель,
Российский университет дружбы народов*

**Международное антивоенное движение во второй половине
XX века: историко-политический анализ**

Аннотация: в статье предпринята попытка историко-политического анализа международного антивоенного движения второй половины XX столетия. На основе материалов из российских архивов, а также работ отечественных и зарубежных исследователей дается характеристика основных этапов становления и развития движения, выявляются причины его подъемов и спадов. В научный оборот введен ряд архивных документов, ранее не публиковавшихся как в России, так и за рубежом. В работе рассматривается перспектива регенерации международного антивоенного движения. Авторы приходят к выводу, что сохраняющаяся угроза развязывания ядерной войны, продолжающиеся попытки Запада установить на международной арене однополярный мир, отказ государств Североатлантического альянса предоставить России гарантии безопасности, беспрецедентная гонка вооружений, а также появление новых угроз и вызовов в своей совокупности в перспективе приведут к возрождению международного антивоенного движения.

Ключевые слова: антивоенное движение, пацифизм, противостояние, холодная война, мировое сообщество, протестные выступления, вооруженный конфликт, марш мира, конфронтация, гонка вооружений, международная безопасность, милитаризм, внешнеполитический курс

Для цитирования: Буторов С.А., Буторов А.С. Международное антивоенное движение во второй половине XX века: историко-политический анализ // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 7 – 13.

Антивоенное движение как совокупность стихийных и организованных коллективных выступлений добровольных групп, общественных организаций, политических партий, народов, международных организаций и других сил, возникшее в годы Первой мировой войны, стало в последующий период самым массовым и многочисленным в истории человечества. Со времени образования движения его усилия направлены против военного насилия, милитаризма, войн и военных конфликтов за мир и международную безопасность [3].

Международное антивоенное движение как предмет научного исследования во второй половине прошлого столетия, занимал заметное место в отечественной обществоведческой мысли [10, 19]. Однако после распада СССР и окончания холодной войны в среде российских исследователей наметилась тенденция снижения интереса к данной теме. В противоположность этому за последние годы возросло количество научных работ по проблематике антивоенного движения в зарубежных странах [20, 21, 22].

После Второй мировой войны во многих странах, и в первую очередь на Западе, заметно активизировалось антивоенное движение. Его масштабы и рост были обусловлены прежде всего появлением и применением Соединенными Штатами ядерного оружия, началом гонки вооружений, а также усилившимся в условиях холодной войны военно-политическим противостоянием между

двумя противоположными системами. В эти годы появились новые массовые движения – антиядерные, антимилитаристские, пацифистские, женские, экологические и др., которые отвергали классовую направленность своей деятельности и направляли свои усилия на борьбу за мир. В апреле 1949 года одновременно в Париже и Праге состоялся Первый всемирный конгресс сторонников мира, в работе которого участвовало более 2 тысяч делегатов из 72 стран мира. Прошедший форум положил начало структуризации этого движения и избрал руководящий орган – Постоянный комитет, с 1950 года – Всемирный совет мира (ВСМ)

Политическое руководство СССР придавало важное значение проблематике, связанной с антивоенным движением. 13 июня 1949 года Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение по проведению в стране ряда мероприятий, приуроченных к итогам состоявшегося во Франции конгресса. Было признано «целесообразным создать Советский Комитет защиты мира, возложив на него задачи ознакомления советской общественности с движением сторонников борьбы за мир в других странах, осуществление связи с Комитетом Всемирного конгресса сторонников мира в Париже, а также установление связей с национальными и местными комитетами сторонников мира за рубежом» [16]. Были даны также конкретные поручения видным деятелям партии и правительства (Г.М. Маленкову, М.А. Суслову и др. – С.Б., А.Б.) по

созыву в июле – августе 1949 года в Москве совещания представителей профсоюзных, женских, молодежных, научных и других общественных организаций для образования на этом совещании Советского Комитета защиты мира. Сталин и его окружение придавали большое значение международной трибуне для пропаганды внешнеполитического курса СССР. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 13 июня 1949 года обязывало «Министерство финансов СССР (т. Зверева) выдать т. Фадееву, как вице-председателю Комитета Всемирного Конгресса, на расходы, связанные с деятельностью Комитета, 20. 000 ам. долларов, отнеся эту сумму в счет причитающегося с СССР членского взноса в Комитет Конгресса за 1949 год» [16]. Деятельность Советского комитета защиты мира, а также руководство организации, находилось под тотальным контролем высшего партийного руководства. Свидетельством тому служит решение о поездке советского представителя, режиссера С.А. Герасимова в мае 1949 года в Лондон для участия в собрании деятелей культуры в Англии в защиту мира, которое утверждалось Политбюро ЦК ВКП (б) [17].

С момента своего основания Всемирный совет мира позиционировал себя в качестве независимого движения, которое существует-де на взносы и пожертвования своих сторонников. Руководство совета отвергало обвинения западных идеологов, утверждавших, что деятельность движения финансируется Советским Союзом и странами социалистического содружества. В 1989 году руководители ВСМ вынуждены были признать, что 90 процентов поступлений в бюджет организации составляли перечисления из СССР [24].

Пропаганда приверженности СССР миролюбивой внешней политике стала одной из составных частей марксистско-ленинской (государственной) идеологии. В 1961 году на XXII съезде КПСС была принята Программа партии, в которой содержится целый раздел, определивший конкретные задачи советского государства в борьбе за мир и предотвращение войны [15]. В 1971 году XXIV съезд КПСС принял «Программу мира» – систему мероприятий, направленных на коренное улучшение международной обстановки и принципиальную перестройку отношений между государствами [13]. Конституция СССР 1977 года включала целую главу, в которой была прописана внешняя политика государства. Ключевыми приоритетами в документе провозглашались сохранение мира, предотвращение агрессивных войн, достижение всеобщего и полного разоружения. «В СССР пропаганда войны запрещается», – гласил Основной закон советского государства [12].

В то же время было бы неправомерно считать, что антивоенное движение в СССР носило сугубо пропагандистский характер. Важная особенность воспитания подрастающего поколения в духе мира состояла в том, что оно осуществлялось не только в рамках учебных центров, а представляло собой общегосударственный процесс. Идеи мира пронизывали все сферы духовной жизни общества – литературу, искусство, науку, всю многонациональную культуру страны [18].

Для реализации поставленных политическим руководством страны задач в борьбе за мир, а также в целях обеспечения этой деятельности финансовыми ресурсами, в 1961 году был учрежден Советский фонд мира (СФМ). Созданная структура считалась общественной организацией и действовала за счет добровольных взносов и пожертвований как рядовых граждан, так и государственных предприятий и учреждений. Его учредителями были Советский комитет защиты мира, Комитет молодежных организаций СССР, Комитет советских женщин, Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. В 1989 году фонд располагал ресурсами в 4, 5 млрд. рублей. В переводе на американскую валюту это составляло приблизительно 7 млрд. долларов США. Ежегодно в организацию поступало около 300 миллионов рублей пожертвований [14]. Фонд осуществлял финансирование Советского комитета защиты мира и Всемирного совета мира, оплачивал обучение студентов из стран Азии и Африки в СССР; оказывал помощь странам, в которых происходили внутренние вооруженные конфликты: Анголе, Вьетнаму, Никарагуа, Эфиопии, палестинским беженцам в Ливане; финансировал установки и реставрацию памятников погибшим советским воинам в Европе; выделял средства для оказания помощи пострадавшим в землетрясении в городе Спитак и аварии на Чернобыльской АЭС.

Однако вряд ли можно считать перечислявшие в СФМ пожертвования добровольными. По установкам партийных и советских органов в стране на регулярной основе проводились «Вахты мира», когда трудящихся принуждали перечислять однодневную заработную плату на счет Фонда. Осуществлялись также изъятия из доходов Русской православной церкви (РПЦ). Церковные приходы и епархии принуждали перечислять значительную часть своих прибылей в СФМ. 16 сентября 1968 года председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР В. Куроедов издал секретную директиву уполномоченным Совета по делам религий по республикам, краям и областям СССР о перечислении религиозными организациями денежных средств в Фонд мира. «Совет по делам религий просит всех уполномоченных

всячески поддерживать и развивать инициативу религиозных обществ в отчислениях или взносах в Фонд мира, а также на охрану памятников истории и архитектуры, – отмечается в документе [9].

Аналогичные директивы шли и в адрес организаций советских граждан за рубежом. Предпринимались попытки создания в этих организациях комитетов содействия по сбору средств в СФМ. В фондах Государственного архива Российской Федерации хранятся документы, которые служат свидетельством этих фактов: «Ответственному секретарю Правления Советского фонда мира Л.Г. Никонову. Подтверждаем получение Вашего письма от 16 декабря 1974 года. Благодарим за указание перевода собранных средств в Советский фонд мира. К сожалению, по независящим от нас обстоятельствам, организовать Комитет содействия по сбору средств в Советский фонд мира нам не оказалось возможным. Сбор средств в Советский фонд мира осуществляется через Центральное правление Союза советских граждан в Бельгии. В данное время уже собрано 15.000 бельгийских франков и сбор продолжается. Член ЦП Союза советских граждан в Бельгии Н. Попандопуло» [4].

Однако от иностранных граждан в Фонд мира поступали и добровольные пожертвования. Анализ обращений сторонников мира, проживающих за рубежом, которые оказывали финансовую поддержку деятельности Советского фонда мира, свидетельствует о том, что по размеру денежных переводов их никак нельзя отнести к категории состоятельных. В сопроводительных письмах выражается симпатия к советскому народу, одобрение внешнеполитического курса СССР. П. Кюнст (г. Эйндховен, Голландия), перечисливший 4 февраля 1975 года в качестве дара СФМ 10 гульденов, пишет: «От всего сердца (хотя и больного) примите заверения в моих самых лучших и искренних чувствах к советскому народу» [5]. В семидесятые годы в условиях разрядки международной напряженности и ослабления военно-политического противостояния между двумя противоположными системами СССР имел имидж миролюбивой державы и располагал большим авторитетом. Гражданка Швейцарии Валли Мартин (г. Базель), пожертвовавшая в мае 1975 года в Советский фонд мира 500 швейцарских франков, пишет в своем обращении: «Советский Союз, который на протяжении последнего полувека понес самые крупные жертвы в истории человечества, на деле доказал свою любовь к миру, людям, к дружбе» [6]. В подавляющем большинстве этих обращений содержится призыв к политикам и простым людям бороться за мир и не допустить развязывания новой войны. «Пусть никогда не приходит та война, те

ужасы на нашу землю. Таково мое пожелание», – говорится в письме Н.А. Розмарица (г. Дерби, Англия), перечислившего на счет СФМ в качестве дара 20 фунтов стерлингов [6].

Советский фонд мира способствовал налаживанию двусторонних контактов в сотрудничестве между деятелями науки, культуры и искусства Востока и Запада. 19 августа 1975 года австрийский гражданин Э. Росслер из г. Линца передал в Международный институт мира в Вене 1.000 австрийских шиллингов с просьбой передать эти деньги СФМ в знак его уважения «деятельности советского народа и советской общественности в интересах укрепления мира». Президент института профессор Г. Фукс обратился к председателю правления Советского фонда мира Б.Н. Полевою с просьбой оставить эти средства в бюджете исследовательского центра. Г. Фукс мотивировал свою просьбу тем, что институт испытывает серьезные финансовые трудности. Б.Н. Полевой в ответном письме на обращение австрийской стороны сообщил, что правление Фонда сочло возможным оставить дар Э.Росслера в бюджете института [7].

Советский фонд мира играл заметную роль в установлении культурных связей между СССР и зарубежными странами. В январе 1975 года вице-президент Рокфеллеровского центра в Нью-Йорке Т. Джоши обратился к руководству Фонда оказать организационную поддержку и содействие в организации концертов студенческого хора колледжа из г. Джексонвилл (штат Флорида) во время его выступления в СССР [8]. Концерты музыкального коллектива из США прошли в мае 1975 года в Москве и вызвали положительные отклики у советских зрителей.

По оценкам отечественных исследователей советского периода, антивоенное движение Европы в 70-е годы проходило в сложных условиях. С одной стороны, политическая разрядка стала ведущей тенденцией международных отношений. С другой – гонка вооружений, инициированная Соединенными Штатами и странами НАТО, не только сбавляла темп, а напротив, усиливала его. Разработка новых систем и видов оружия, которого не было ни в 60-е, ни в 50-е годы XX в., вызвали массовые протесты со стороны миллионов европейских граждан [11]. Планы правящих кругов США и НАТО разместить на территории европейского континента нейтронное оружие оказались нереализованными благодаря консолидированным действиям европейцев, выступивших единым фронтом против нового вида смертоносного оружия. Решение сессии Совета НАТО о размещении в странах Западной Европы американских ракет средней дальности «Першинг-2» и крылатых ракет «Томагавк», а также ответные меры СССР по раз-

вертыванию на территории государств Варшавского договора ракет СС-20, вызвали более масштабные протестные выступления сторонников мира Старого Света. Будучи разными по социальному статусу, образу жизни, политическим взглядам и убеждениям, их объединяло стремление остановить дальнейшую милитаризацию континента и не допустить развязывания третьей мировой войны. Отличительная особенность антивоенного движения в Европе в 70-е годы заключается в его охвате и численности. За эти годы были проведены десятки тысяч маршей мира, митингов, акций протеста, других форм антивоенных выступлений. Такая массовость была обусловлена тем, что среди значительной части населения континента, в первую очередь старшего поколения, была жива историческая память о Второй мировой войне и ее последствиях.

Однако в 90-е годы XX столетия антивоенное движение в Европе потеряло свой динамизм. Логика суждений представителей западной общественно-политической мысли сводится к тезису о том, что его спад объясняется якобы завершением ее миссии в связи с прекращением существования СССР, роспуском Организации Варшавского договора с последующим выводом советских войск с территории восточноевропейских государств и окончанием холодной войны. Как нам представляется, такая трактовка необъективна и ведет к одностороннему толкованию причин его спада. Из него следует, что источником военной угрозы в Европе всегда выступал-де Советский Союз. В действительности ответственность за гонку вооружений в Европе и в мире в годы холодной войны в одинаковой степени несут как США и их союзники, так и СССР. Действия Советского Союза скорее были ответными и носили сугубо оборонительный характер.

Антивоенное движение в США связано в первую очередь с протестными выступлениями американцев против войны во Вьетнаме («Поход на Пентагон», состоявшийся 21 октября 1967 года); антивоенные протесты 1968 года; расстрел в Кентском университете 4 мая 1970 года, в результате которого погибло четыре и было ранено девять студентов. Между тем после расстрела в Кенте малоизвестными стали события в Джексонском университете (штат Миссисипи), где 15 мая 1970 года полиция расстреляла мирную манифестацию студентов (погибли два человека и двенадцать были ранены).

Американская агрессия против вьетнамского народа вызывала протесты не только в США, но и в других странах. В октябре 1967 года в Лондоне прошла многотысячная демонстрация, участники которой требовали от правительства США прекра-

тить войну во Вьетнаме. 17 марта 1968 года у американского посольства в Лондоне состоялась массовая манифестация, в которой участвовало более 15 тысяч протестующих. Акция носила такой бурный характер, что при разгоне демонстрантов была использована конная полиция, в результате чего получили ранения около 100 человек [11].

Антивоенное движение в США в конце 70 – начале 80-х годов разворачивалось в условиях, когда в обществе нарастала обеспокоенность утратой лидирующего положения страны в мире, неизжитого чувства вины после Вьетнама, потери доверия к правительству и основным государственным институтам. Все это в комплексе создавало атмосферу пессимизма и неудовлетворенности, порождало потребность в переменах [1]. «Я называю время, проведенное во Вьетнаме, «мертвым временем», – говорил один из участников антивоенных выступлений. – Я называю это временем, когда вы просто функционировали» [23].

Сторонники мира США в 80-е годы тесно взаимодействовали и с зарубежными партнерами. 15 июня – 8 июля 1987 года в бывшем СССР был проведен советско-американский поход за мир, проходивший по маршруту Ленинград – Новгород – Калинин – Москва. Он являлся продолжением «Великого марша мира», проходившего в США в 1986 году и «Миссисипского круиза мира». С американской стороны в походе принимало участие около 200 человек – представителей антивоенных и общественных организаций: учителя, студенты, муниципальные работники, фермеры, бизнесмены, служащие. Равное число участников представляла и российская сторона. Они были отобраны Советским Фондом мира и по своему социальному статусу соответствовали американцам – учителя, студенты, квалифицированные рабочие, инженеры, врачи и т.д. В процессе движения участников похода по маршруту к ним присоединялись представители регионов, по которым проходил марш. На отдельных участках число его участников составлял порядка 4 тысяч человек. Состоявшееся совместное советско-американское мероприятие стало настоящим проявлением народной дипломатии.

В 90-е годы в современном мире произошли кардинальные перемены. Распад мировой системы социализма, развал СССР и окончание холодной войны привели к утрате антивоенного движения своего влияния как общественной силы. Соединенные Штаты, победив в холодной войне и став единственной сверхдержавой и мировым гегемоном, не остановили гонку вооружений и продолжили политику экспансии. В 1999 году США и их ближайшие союзники по Североатлантическому альянсу провели на территории Союзной Республики Югославии военную операцию под кодовым

названием «Союзная сила» (Operation «Allied Force», англ. – С.Б., А.Б.), обернувшуюся гибелью нескольких тысяч военнослужащих и мирных граждан. Агрессия против суверенного государства была проведена под предлогом защиты косовских албанцев, в отношении которых Югославией якобы проводились этнические чистки. В результате бомбардировок натовской авиацией были разрушены многочисленные объекты инфраструктуры, промышленные предприятия, больницы и школы. Однако военные действия государств – членов НАТО против Югославии оказались практически незамеченными большинством народов стран Центральной и Восточной Европы. Они не вызвали на европейском континенте и в мире массовых антивоенных выступлений. Антиамериканские митинги протеста были отмечены только в Нью-Йорке (около 2000 участников) и в Сиднее (более 7000 человек). Европейское сообщество также безоговорочно признало расширение Североатлантического альянса и его продвижение на Восток, что создало реальную угрозу национальной безопасности России и привело к росту международной напряженности в мире.

По нашему мнению, мировое сообщество переживает духовный кризис. Начавшееся в конце XX века широкомасштабное насаждение в мире духовно-нравственных устоев и культуры американского общества оттеснило многие идеалы, которые были дороги людям послевоенных поколений. Произошла подмена моральных ценностей, понятий, норм, принципов. Проблемы войны и мира отошли на второй план.

В заключение считаем необходимым сделать некоторые выводы. Международное антивоенное движение во второй половине XX века сыграло важную роль в борьбе за всеобщий мир, прекращение гонки вооружений и уменьшение военного противостояния между двумя противоположными системами. Однако ему не удалось окончательно снять с повестки дня мировой политики феномен войны как глобальной проблемы человечества. В конце прошлого столетия мировому сообществу после длившейся на протяжении нескольких десятков лет существовавшей реальной угрозы возможного начала третьей мировой войны удалось отодвинуть ее вероятность. В то же время этот период был отмечен началом расширения Североатлантического альянса и его продвижения на Восток, вопреки ранее достигнутому договоренностям между руководством бывшего СССР и Западом не предпринимать подобных шагов. В 1999 году США и их ближайшие союзники по НАТО провели на территории Югославии военную операцию, нарушив Устав Организации Объединенных Наций, который запрещает применение силы без решения Совета безопасности ООН. В конце XX столетия Соединенные Штаты, несмотря на исчезновение так называемой «советской угрозы», не только сократили, а, напротив, увеличили свои расходы на военные нужды. Между тем действия коллективного Запада не вызвали массовых выступлений сторонников антивоенного движения, которое оказалось в этот период в состоянии кризиса.

Литература

1. Актуальные проблемы современного антивоенного движения. М.: МГИМО, 1987. 151 с.
2. Антивоенное движение в Северной Америке и Западной Европе: тенденции, проблемы, перспективы. М.: Международные отношения, 1986. С. 91.
3. Большая Российская энциклопедия: В 30 т., т.2. М.: Большая Российская энциклопедия. 2005. С. 40.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9605. Оп. 1. Д. 133. Л. 29.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9605. Оп. 1. Д. 133. Л. 27.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9605. Оп. 1. Д. 133. Л. 49 а.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9605. Оп. 1. Д. 133. Л. 67.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9605. Оп. 1. Д. 133. Л. 11.
9. Директива Уполномоченным Совета по делам религий по республикам, краям и областям СССР о перечислении религиозными организациями денежных средств в Фонд Мира. 16 сентября 1968 г. <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/259657-direktiva-upolnomochennym-soveta-po-delam-religiy-po-respublikam-krayam-i-oblastyam-sssr-o-perechislenii-religioznyimi-organizatsiyami-denezhnyh-sredstv-v-fond-mira-16-sentyabrya-1968-g>
10. Исакова И.В. Антивоенное движение в США и новые подходы к проблемам безопасности. М., 1990 – 109 с.
11. История антивоенного движения в капиталистических странах Европы (1945-1976). М.: Наука, 1981. С. 389. 39.
12. Конституция СССР (Основной закон). М., Политиздат, 1977.
13. Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971.

14. "На вопрос, кто из олигархов есть в 'Петромире', ни один из участников проекта вам не ответит". <https://www.kommersant.ru/doc/741711> Газета «Коммерсантъ» № 21/П от 12.02.2007
15. Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята на XXII съезде КПСС. М., Госполитиздат, 1961.
16. Российский государственный архив социально-политической истории РГАСПИ; КПСС). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1076.П.209. Л. 51.
17. Российский государственный архив социально-политической истории; РГАСПИ; КПСС). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1076.П.209. Л. 50.
18. Современное антивоенное движение (под ред. П.Н. Федосеева. М.: Наука, 1987, с. 103.
19. Хархардин О.С. Советская общественность в мировом антивоенном движении. М.: Наука, 1986. 71 с.
20. Brock P., Young N. Pacifism in the Twentieth Century. Syracuse Univ Pr., 1999. 436 p.
21. Hail S. Rethinking the American Anti-War Movement (American Social and Political Movements of the 20th Century). Routledge, 2011. 208 p.
22. Smith L. Voices Against War: A Century of Protest. Mainstream Digital, 2011. 352 p.
23. The New Soldier by John Kerry and Vietnam Veterans Against the War. Ed. by David Thorne, George Butler. Collier Books N.Y. Collier Macmillan Lim. London, p. 72.
24. WPC. Peace Courier. 1989. № 4.

References

1. Aktual'nye problemy sovremennogo antivoennogo dvizhenija. M.: MGIMO, 1987. 151 s.
2. Antivoennoe dvizhenie v Severnoj Amerike i Zapadnoj Evrope: tendencii, problemy, perspektivy. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1986. S. 91.
3. Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija: V 30 t., t.2. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija. 2005. S. 40.
4. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF). F. R-9605. Op. 1. D. 133. L. 29.
5. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF). F. R-9605. Op. 1. D. 133. L. 27.
6. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF). F. R-9605. Op. 1. D. 133. L. 49 a.
7. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF). F. R-9605. Op. 1. D. 133. L. 67.
8. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF). F. R-9605. Op. 1. D. 133. L. 11.
9. Direktiva Upolnomochennym Soveta po delam religij po respublikam, krajam i oblastjam SSSR o perechislenii religioznymi organizacijami denezhnyh sredstv v Fond Mira. 16 sentjabrja 1968 g. <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/259657-direktiva-upolnomochennym-soveta-po-delam-religij-po-respublikam-krajam-i-oblastyam-sssr-o-perechislenii-religioznymi-organizatsiyami-denezhnyh-sredstv-v-fond-mira-16-sentyabrya-1968-g>
10. Isakova I.V. Antivoennoe dvizhenie v SShA i novye podhody k problemam bezopasnosti. M., 1990 – 109 s.
11. Istorija antivoennogo dvizhenija v kapitalisticheskix stranah Evropy (1945-1976). M.: Nauka, 1981. S. 389-39.
12. Konstitucija SSSR (Osnovnoj zakon). M., Politizdat, 1977.
13. Materialy HHIV s#ezda KPSS. M., Politizdat, 1971.
14. "Na vopros, kto iz oligarhov est' v 'Petromire', ni odin iz uchastnikov proekta vam ne otvetit". <https://www.kommersant.ru/doc/741711> Gazeta «Kommersant#» № 21/P ot 12.02.2007
15. Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Sojuza. Prinjata na HHII s#ezde KPSS. M., Gospolizdat, 1961.
16. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii RGASPI; KPSS). F. 17. Op. 3. D. 1076.P.209. L. 51.
17. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii; RGASPI; KPSS). F. 17. Op. 3. D. 1076.P.209. L. 50.
18. Sovremennoe antivoennoe dvizhenie (pod red. P.N. Fedoseeva. M.: Nauka, 1987, s. 103.
19. Harhardin O.S. Sovetskaja obshhestvennost' v mirovom antivoennom dvizhenii. M.: Nauka, 1986. 71 s.
20. Brock P., Young N. Pacifism in the Twentieth Century. Syracuse Univ Pr., 1999. 436 p.
21. Hail S. Rethinking the American Anti-War Movement (American Social and Political Movements of the 20th Century). Routledge, 2011. 208 r.
22. Smith L. Voices Against War: A Century of Protest. Mainstream Digital, 2011. 352 r.
23. The New Soldier by John Kerry and Vietnam Veterans Against the War. Ed. by David Thorne, George Butler. Collier Books N.Y. Collier Macmillan Lim. London, p. 72.
24. WPC. Peace Courier. 1989. № 4.

*Butorov S.A., Doctor of Philosophical Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Institute of Service Technologies,
Russian State University of Tourism and Service,
Butorov A.S., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer,
Peoples' Friendship University of Russia*

**International anti-war movement in the second half
of the twentieth century: historical and political analysis**

Abstract: the article attempts a historical and political analysis of the international anti-war movement of the second half of the twentieth century. Based on materials from Russian archives, as well as the works of domestic and foreign researchers, the main stages of the formation and development of this movement are characterized, the causes of its ups and downs are revealed. A number of archival documents, previously unpublished both in Russia and abroad, have been put into scientific circulation. The paper considers the prospect of regeneration of the international anti-war movement. The authors conclude that the continuing threat of unleashing a nuclear war, the West's continuing attempts to establish a unipolar world in the international arena, the refusal of the North Atlantic Alliance states to provide Russia with security guarantees, an unprecedented arms race, as well as the emergence of new threats and challenges in their entirety will lead to a revival in the future the international anti-war movement.

Keywords: anti-war movement, pacifism, confrontation, cold war, world community, protests, armed conflict, peace march, confrontation, arms race, international security, militarism, foreign policy

For citation: Butorov S.A., Butorov A.S. International anti-war movement in the second half of the twentieth century: Historical and Political Analysis Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 7 – 13.

*Захарьев Я.О., аспирант,
Дипломатическая академия МИД России*

Новые формы консолидации китайской общины Юго-Восточной Азии в начале XXI века

Аннотация: китайская община Юго-Восточной Азии (ЮВА) исторически несколько веков является одним из важнейших игроков региональных международных отношений не только в странах АСЕАН, но и в сопредельных регионах Восточной Азии, Океании. В последние годы 2010-2022 интересы хуацяо простираются также в государствах Юго-Восточной и Экваториальной Африки (Демократическая Республика Конго, Конго). Причина таких успехов, несмотря на Азиатский кризис 1997-1998, глобальный экономический кризис 2008, пандемию коронавируса, события в Украине, конкуренцию с корпорациями КНР и другие, кроется в специфике реорганизации менеджмента корпораций хуацяо с вводом качественного аудита не только в деловом сегменте активности холдингов, но и в руководящих и средних звеньях самой общины данного национального меньшинства. В статье рассматриваются проблемы консолидации китайской общины Юго-Восточной Азии в начале XXI века. Анализируются аспекты инновационных подходов интеграции национального меньшинства в странах АСЕАН. Выявляется специфика опыта хуацяо после событий Азиатского кризиса 1997-1998 гг. Дан прогноз перспектив развития мягкой силы китайского меньшинства в Юго-Восточной Азии с учетом современных комплексных проблем международных отношений.

Ключевые слова: китайская община Юго-Восточной Азии, хуацяо, АСЕАН, Юго-Восточная Азия, китайское национальное меньшинство

Для цитирования: Захарьев Я.О. Новые формы консолидации китайской общины Юго-Восточной Азии в начале XXI века // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 14 – 17.

Азиатский кризис 1997-1998 гг. с последствиями китайских погромов в Индонезии показал существенные проблемы ячеек общины хуацяо во всех странах АСЕАН: в Индонезии, неправильная политика взаимодействия с титульным большинством привела к массовым жертвам, несмотря на предысторию идентичных горьких уроков поведения в XV111-X1X вв [2-5]. Срочное бегство китайских капиталов из Явы и других островов в Сингапур спровоцировало волну обесценивания предложений для других компаний хуацяо в регионе, осложнив им деловую активность по период частичного возврата средств сбежавших хуацяо в экономику Индонезии 1999-2001 гг. [6] Это заставило руководителей холдингов и лидеров китайской общины сменить управленческие звенья с родственников, проваливших ряд направлений, на независимых от родственных связей хуацяо ЮВА, США и реже китайцев из КНР. Данная мера возымела эффект не только на уровне высшего руководства формального руководства компаний, но и в системе их средних звеньев и институций самой китайской общины по странам АСЕАН [7]. Это позволило снять накал противостояния не только в Индонезии, но понизить градус напряженности и нестабильности положения китайцев в Социалистической Республике Вьетнам (СРВ), Лаоской Народной Демократической Республике (ЛНДР), Союзе Мьянма, Малайзии и на Филиппинах. Для Сингапура, где китайцы являются титульным большинством прекращение хаотичных средств от хуацяо других стран ЮВА ознаменовало относи-

тельную стабилизацию рынка и работу банковских структур, прежде всего для ОСВС (Overseas Chinese Banking Group) [8-10].

Дальнейшими успешными шагами к консолидации китайской общины Юго-Восточной Азии стали факты занятия хуацяо ведущих позиций в системе государственного управления во всех странах АСЕАН, где хуацяо были национальным меньшинством: в Таиланде (премьеры хуацяо Таксин Чиннават 2001-2006, 2008-2011 Апхисит Витчачива, 2011-2014 Йинглак Чиннават), на Филиппинах Бенинго Акино 3й в 2010-2016 гг. президент), китайский Йома банк активно лоббировал интересы хуацяо в Мьянме до его закрытия в 2008 и возврату при Аун Сан Су Чжи в 2012 году, имеющей сложное бирмано-китайское происхождение. В Индонезии ряд напряженных моментов для хуацяо был разрешен на уровне правительства благодаря Элки Пангесту, занимавшей различные посты на протяжении 2000-х-2010-х гг. Наименьших успехов в данных полях достигли представители китайской общины во Вьетнаме, Малайзии и Брунее, где действуют меры позитивной дискриминации, препятствующие гражданам-национальным меньшинствам занимать ряд ниш во внутренней экономике страны [7, 20, 22].

Другим примером успешной кооперации бизнеса хуацяо Юго-Восточной Азии стал обмен пакетами акций корпораций со смежными отраслями производства. Также слияния, поглощения или сохранения компаний происходили по принципу адаптации логистических схем или браков наслед-

ников-хуацяо, создавая сначала новые формы транскитайского капитала хуацяо внутри каждого государства АСЕАН, а затем во всем регионе. Моделью для такого объединения стал филиппинский крупнейший клан хуацяо Бенинго-Корасон-Кохуанго-Акино (окончательно сформировался как транскитайская корпорация хуацяо к 1990 году) [7, 11], из которого вышло несколько президентов страны. Сам же клан управляет значительной долей промышленного и финансового капитала страны по прямым и дочерним предприятиям, а также по факту владения пакетами условно независимых холдингов [30].

Рассмотрим примеры обмена долевым участием в корпорациях хуацяо в ходе данных операций с целью трансформации холдингов в новые деловые структуры транскитайского капитала общины Юго-Восточной Азии к 2020-2030м гг. [7, 29].

В Сингапуре ярчайшим образом к середине 2010-х гг. была разыграна карта обмена пакетами акций и долевыми паями собственности в банковской сфере. Так OCBC (Overseas Chinese Banking Group) с большим долевым участием Lee Seng Wee произвел данные операции самостоятельно с контрагентами и при личном посредничестве со следующими банками и компаниями хуацяо страны: Overseas Union Bank, Hong Leong Group (Kwek), Overseas Banking group (Wee), Goodwood Park Hotel Group (Khoo), Far East Organisation group (Ngu) [9, 16].

В Малайзии холдинги: Bejaya group (Tan), Kouk Group, Genting Group (Lim), Honng Leong Group (Chan), IGB Group (Tan Boom Seng) владеют как пакетами акций материнских компаний друг друга, так и имеют совместные долевыми участия в дочерних корпорациях и создают новый наднациональный уровень коммуникации, поглощения, слияния и сохранения брендов с компаниями хуацяо Индонезии (близость малайзийского и индонезийского языков с т.з. логистики, границ и законодательства), Таиланда и Филиппин [7, 16].

В Индонезии, благодаря корпорации Pangestu (Barito Pasific) и роли Элки Пангесту в течение всех ее сроков пребывания во власти на постах в центральном правительстве, а также в рамках схожих отраслей производства, а также долевыми операциями произошли идентичные процесс в следующих корпорациях: Sinar Mas Group (Widjaja), Ciputa Group, Lippo Group (Riady), Astra Group (Rachmat), Salim Group [12].

В Таиланде: Shinawatra Group (Таксин и его сестра Йинглак оба бывшие премьеры страны), Charoen Pokhand (Cearavonot), Louts Supermarket chain, Bangkok bank, Saha Pathana (Chokwattana), Bangkok Land (Laohothai), Thai Farmer

Bank(Lamsam), Siam motors, Sukri Group, Nangongdej [19].

На Филиппинах, благодаря примеру Корасон-Кохуанго-Акино были осуществлены следующие операции между компаниями хуацяо: Long distance telecom (Cojuango), Fortune Tobacco (Tan Philippines), SM Prime Holdings (Sy), Yuchengo Group, Hsu [19, 21].

Таким образом была заложена мощнейшая экономическая предпосылка интеграции транскитайских капиталов хуацяо Юго-Восточной Азии в систему устойчивых к вызовам связям, позволяющим их бизнесу не опасаться вытеснения из ниш титульным большинством в Малайзии, Индонезии, Таиланде, Филиппинах и Сингапуре, а деловым кругам китайской общины Мьянмы, Лаоса, Вьетнама и Брунея были даны новые упрощенные и эффективные логистические схемы финансового участия в данных сложных холдингах с конкретной корпорацией или их концернами не только по принципу работы в одной стране, но и во всем блоке АСЕАН [30].

Несмотря на такую успешную интеграцию хуацяо испытывают мощное давление по конкуренции от китайских компаний Китайской Народной Республики (КНР), которые пытаются потеснить хуацяо не только в Юго-Восточной Азии, но и в Океании. Такое давление возымело вес, и китайская община Юго-Восточной Азии всё чаще вынуждена обращаться к ресурсам Африки, поскольку сырьевой сектор Индокитая и островных Архипелагов в сегменте быстрых в добыче благ резко истощается. В ряде стран черного континента по-прежнему можно легко вести деятельность, несмотря на активную экономическую политику Китая в Африке, развивающейся с начала XXI века [1].

В середине 2010-х гг. Российская Федерация из-за ошибок в назначениях ответственных лиц, проводя серию деловых мероприятий для стран АСЕАН игнорировала бизнес хуацяо, что сейчас привело к серьезным проблемам в рамках спецоперации в Украине: ряд корпораций хуацяо охотнее поддержали США, а Москва лишилась эффективных региональных партнеров, не находившихся под давлением курса центральных правительств, транслируемого им из Вашингтона. Исключения составляют Мьянма, Малайзия и Вьетнам, где обзор перспектив отношений с РФ превалирует над влиянием извне [25, 26].

Исходя из вышеизложенного материала можно сделать вывод, что подобные сложные меры интеграции хуацяо в Юго-Восточной Азии стали возможны благодаря комплексным процессам международных отношений в стране АСЕАН экономическим, социальным, политическим, этниче-

ским и культурным. Китайцы организовались именно в общину, целью которой является не просто сохранение культурных традиций и идентичности (как в диаспоре), но и борьба за экономическое и политическое влияние с целью закрепления устойчивого положения, как национального меньшинства в регионе Юго-Восточной Азии [27]. Роль формальных и неформальных лидеров китайской общины способствовала быстрому преодолению последствий кризиса 1997-1998 гг., оперативному извлечению уроков из событий в Индонезии и началу позитивной кооперации всего бизнеса

хуацяо, как по смежным отраслям, так и по принципам инновационной интеграции. Результатом данных действий станут новые транскитайские корпорации [28], которые в настоящее время после объединений или размену долей участия проводят комплексный аудит для создания максимально эффективных устойчивых к рынку конкуренции холдингов сложного состава предприятий в государствах блока АСЕАН с перспективным продолжением своей экспансии в Океанию и регионы Африки к 2024-2035 гг.

Литература

1. Дейч Т.Л. Политика Китая в Африке. М. 2008. – С. 30-115.
2. Малявин В.В. История Китая. М.: Муравей 2005. 340 с.
3. Мясников В.С. Кастальский ключ китаевода. М.: Научка. 2014. 562 с.
4. Мясников В.С. Квадратура китайского круга. М.: ИДВ РАН. 2006. С. 1 – 25.
5. Тюрин В.А. История Индонезии. М. ИВРАН. 2012. 360 с.
6. Тюрин В.А. История Юго-Восточной Азии. М.: ИВРАН. 2006. 456 с.
7. Шейко А.В. Правовой обычай и правовая традиция, как ключ к разгадке «китайской идентичности» // Сборник: Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности – 2017: сборник работ V Всероссийской студенческой конференции. СПбГУ. 2017. С. 229 – 238.
8. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2000. P. 1 – 250.
9. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2001. P. 20 – 194.
10. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2002. P. 10 – 212.
11. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2003. P. 20 – 179.
12. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2004. P. 3 – 220.
13. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2005. P. 1 – 250.
14. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2006. P. 2 – 180.
15. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2007. P. 20 – 179.
16. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2008. P. 1 – 89.
17. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2009. P. 32 – 215.
18. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2010. P. 3 – 200.
19. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2011. P. 20 – 179.
20. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2012. P. 4 – 210.
21. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2013. P. 8 – 196.
22. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2014. P. 4 – 207.
23. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2015. P. 3 – 145.
24. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2016. P. 15 – 179.
25. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2017. P. 5 – 220.
26. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2018. P. 10 – 199.
27. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2019. P. 4 – 215.
28. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2020. P. 25 – 142.
29. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2021. P. 4 – 213.
30. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2022. P. 4 – 175.

References

1. Dejch T.L. Politika Kitaja v Afrike. M. 2008. – S. 30-115.
2. Maljavin V.V. Istorija Kitaja. M.: Muravej 2005. 340 s.
3. Mjasnikov V.S. Kastal'skij kljuch kitaeeveda. M.: Nauchka. 2014. 562 s.
4. Mjasnikov V.S. Kvadratura kitajskogo kruga. M.: IDV RAN. 2006. S. 1 – 25.
5. Tjurin V.A. Istorija Indonezii. M. IVRAN. 2012. 360 s.
6. Tjurin V.A. Istorija Jugo-Vostochnoj Azii. M.: IVRAN. 2006. 456 s.

7. Shejko A.V. Pravovoj obychaj i pravovaja tradicija, kak kljuch k razgadke «kitajskoj identichnosti». Sbornik: Rossiya v global'nom mire: novye vyzovy i vozmozhnosti – 2017: sbornik rabot V Vserossijskoj studencheskoj konferencii. SPBGU. 2017. S. 229 – 238.
8. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2000. P. 1 – 250.
9. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2001. P. 20 – 194.
10. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2002. P. 10 – 212.
11. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2003. P. 20 – 179.
12. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2004. P. 3 – 220.
13. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2005. P. 1 – 250.
14. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2006. P. 2 – 180.
15. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2007. P. 20 – 179.
16. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2008. P. 1 – 89.
17. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2009. P. 32 – 215.
18. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2010. P. 3 – 200.
19. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2011. P. 20 – 179.
20. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2012. P. 4 – 210.
21. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2013. P. 8 – 196.
22. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2014. P. 4 – 207.
23. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2015. P. 3 – 145.
24. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2016. P. 15 – 179.
25. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2017. P. 5 – 220.
26. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2018. P. 10 – 199.
27. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2019. P. 4 – 215.
28. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2020. P. 25 – 142.
29. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2021. P. 4 – 213.
30. Daljit Singh. Southeast Asian Affairs. Singapore.: ISEAS. 2022. P. 4 – 175.

*Zakhariev Ya.O., Postgraduate,
Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs*

**New forms of consolidation of the Chinese community
of Southeast Asia at the beginning of the XXI century**

Abstract: the Chinese community of Southeast Asia (Southeast Asia) has historically been one of the most important players in regional international relations for several centuries, not only in the ASEAN countries, but also in the adjacent regions of East Asia and Oceania. In recent years 2010-2022, Huaqiao's interests also extend to the States of Southeastern and Equatorial Africa (Democratic Republic of the Congo, Congo). The reason for such success, despite the Asian crisis of 1997-1998, the global economic crisis of 2008, the coronavirus pandemic, the events in Ukraine, competition with Chinese corporations and others, lies in the specifics of the reorganization of the management of Huaqiao corporations with the introduction of a quality audit not only in the business segment of the activity of holdings, but also in the leadership and middle links of the community of this national minority. The article deals with the problems of consolidation of the Chinese community of Southeast Asia at the beginning of the XXI century. The aspects of innovative approaches to the integration of the national minority in the ASEAN countries are analyzed. The specifics of Huaqiao's experience after the events of the Asian crisis of 1997-1998 are revealed. A forecast of the prospects for the development of the soft power of the Chinese minority in Southeast Asia is given, taking into account modern complex problems of international relations.

Keywords: Chinese community of Southeast Asia, Huaqiao, ASEAN, Southeast Asia, Chinese national minority

For citation: Zakhariev Ya.O. New forms of consolidation of the Chinese community of Southeast Asia at the beginning of the XXI century. Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 14 – 17.

*Кудашев У.Н., аспирант,
Уфимский университет науки и технологий*

Американо-сомалийский дипломатический кризис вокруг советской базы в Бербере (1974-1975 гг.)

Аннотация: данная статья посвящена американо-сомалийскому дипломатическому кризису, развернувшемуся в 1974-1975 гг. вокруг пункта материально-технического обслуживания военно-морского флота СССР в сомалийском порту Бербера. В 1970-е гг. проблема милитаризации Индийского океана, обострившаяся после начала строительства американской военной базы на атолле Диего-Гарсия, стояла достаточно остро, и как СССР, так и США активно критиковали друг друга после любого наращивания присутствия в данном регионе. Для США «советская база» в Бербере была не только оправданием для строительства базы на Диего-Гарсия, но и несла угрозу американским позициям в Индийском океане, что означало, с одной стороны, необходимость вывести проблему на рассмотрение СМН, и, с другой стороны, минимизировать советское присутствие в Бербере. Основной проблемой для США было то, что доказать наличие «советской базы» в Сомали было крайне сложно – все аргументы, от спутниковых снимков до советских кораблей в порту Берберы были только косвенными аргументами. Громкие высказывания президента США Форда в августе 1974 г. и министра обороны США Шлезингера в 1975 г. о «советской базе» в основном подогревали кризис и усложняли и без того непростые отношения между Вашингтоном и Могадишо. Разведывательные службы США, хоть и фиксировали активность в Бербере и смогли установить, что там находится склад с противокорабельными ракетами производства СССР, также не могли сообщить что-то, что могло бы переломить ситуацию. В статье показаны основные этапы кризиса вокруг Берберы и пути его мирного разрешения, к которому приложили усилия как американская, так и сомалийская стороны.

Ключевые слова: США, Сомали, военная база, пункт материально-технического обеспечения (ПМТО), Центральное разведывательное управление (ЦРУ), Джеральд Форд, Сиад Барре

Для цитирования: Кудашев У.Н. Американо-сомалийский дипломатический кризис вокруг советской базы в Бербере (1974-1975 гг.) // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 18 – 25.

В 1971 г. США начали строительство военной базы на атолле Диего-Гарсия, которая сразу же стала объектом критики СССР и его союзников. Данная критика заставляла Вашингтон искать оправдания. Одним из них стал пункт материально-технического обслуживания (ПМТО) военно-морского флота СССР в сомалийском порту Бербера. Сам по себе этот объект был достаточно незначительным, и был бы в целом не представлен в публичном поле, если бы не желание Вашингтона отвлечь внимание от базы на Диего-Гарсия или хотя бы продемонстрировать, что не только США имеет базы в Индийском океане. Это наложилось на то, что с 1969 г. отношения Сомали и США были достаточно прохладными, что было связано с целым рядом факторов – от просоветской ориентации Могадишо до поддержки со стороны США предыдущего сомалийского правительства. Несмотря на то, что реальных проявлений враждебности стороны, по большей части, не выказывали, сомалийские и американские официальные лица и СМИ достаточно часто достаточно резко высказывались о противоположной стороне.

О существовании советского ПМТО в Сомали США было известно ещё с начала 1970-х гг. Спутниковые снимки и агентурная разведка сообщали

о появлении советских кораблей и о строительной активности в Бербере, но несколько лет эта информация практически не имела какого-либо практического применения в американской политике.

Формальной точкой отсчета для сомалийско-американского дипломатического кризиса вокруг советского ПМТО в Бербере стало заявление президента США Джеральда Форда 28 августа 1974 г. о том, что у СССР есть три основные «базы» в Индийском океане – Бербера в Сомали, Умм-Каср в Ираке и Аден в Народно-демократической республике Йемен [20, р. 9].

Заявлению Форда предшествовали сообщения от ЦРУ США, связанные с возможным базированием советских кораблей в Сомали. В конце июня в подготавливаемой ЦРУ «Президентской ежедневной сводке», предназначавшейся только президенту Форду, сообщалось о том, что советский противолодочный крейсер проекта 1123 «Ленинград», вероятно, направляется в Индийский океан, а возможной конечной точкой маршрута называлось Сомали [17].

В июле 1974 г. произошло несколько значительных событий в сомалийско-советских отношениях, заинтересовавших ЦРУ. 6 июля в «Пре-

зидентской ежедневной сводке» говорилось, среди прочего, о готовящемся визите председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорного в Могадишо. Среди прочего, поднимался вопрос о советской «базе» в Бербере [13]. Схожее сообщение, но уже с упором на то, что в ходе визита Подгорного могут быть укреплены сомалийско-советские отношения, был опубликован в «Бюллетене национальной разведки», предназначенном для более широкого круга американских высших чиновников [29].

Интерес высших лиц США к вопросу о советской «базе» в Сомали подогревался сообщениями ЦРУ, которые, хоть и носили зачастую спекулятивный характер, поднимали интересовавшие Вашингтон вопросы. 12 июля «Президентская ежедневная сводка» и «Бюллетень национальной разведки» разместили почти аналогичные сообщения о том, что СССР и Сомали подписали договор о дружбе и сотрудничестве. Высказывалось также предположение, что одной из целей СССР при заключении договора было официальное оформление возможности использовать портовые сооружения в Бербере [14]. То, что текст договора был не опубликован сразу, было подано Форду как признак того, что в нем могла содержаться информация о военной помощи Сомали или доступе СССР к «сомалийским объектам» – базе в Бербере и/или аэродромам [16]. «Бюллетень национальной разведки» прямо сообщал, что в любом случае договор выгоден СССР и переводит Сомали в круг тех стран, которые «связаны» с Советским Союзом [30].

Постепенно вопрос о советской активности в Индийском океане начинал разрабатываться более активно. В конце июля 1974 г. Управление текущей разведки ЦРУ подготовил документ для внутреннего пользования по данной проблеме. Отмечалось, что с 1969 г. 65% визитов советских военных кораблей в порты государств Индийского океана приходилось на порт Бербера, что, по мнению Управления текущей разведки, отражало увеличение важности данного порта для советского военно-морского флота. Отмечалось улучшение объектов в порте, проведенное советскими специалистами, а также то, что там теперь проводилось техническое обслуживание кораблей [4]. 16 августа Управление текущей разведки в документе, также предназначенном для использования внутри ЦРУ, сообщал мнение, что СССР намерен сохранить свое влияние в Индийском океане для противостояния США в регионе, и теперь вынужден опираться на свои объекты в НДРЙ и Сомали. «Уступчивость» Могадишо, который ранее часто критиковал практику размещения иностранных баз в Африке, Управление текущей разведки объ-

яснял сильной зависимостью Сомали от СССР в вопросах военной помощи [5].

Выступлению Форда 28 августа предшествовали две «Президентские ежедневные сводки». В первой, от 10 августа, сообщалось о том, что в соответствии с ещё не опубликованным текстом советско-сомалийского договора, Могадишо предоставлял СССР полный доступ ко всем сомалийским аэропортам. Сообщалось и о возможном расширении объектов в Бербере и формализации доступа к ним по данному договору [10].

Второй, от 12 августа, просто повторял предположения о том, что СССР намерен сохранить и расширить свои плацдармы в районе Аденского залива на южной оконечности Аравийского полуострова. При этом в сообщении был сделан упор на «базы» в Бербере и Адене [11].

Таким образом, к 28 августа Джеральд Форд получил сразу несколько сообщений от ЦРУ, которые сигнализировали о расширении советской «базы» в Бербере. То, что они носили характер предположений, вероятно, было проигнорировано.

ЦРУ также приходилось давать разъяснения и комитету сената США по вооруженным силам. 11 июля 1974 г. директор ЦРУ Уильям Колби дал разъяснения по вопросу Берберы в сенате, где его в основном опрашивал сенатор Стюарт Саймингтон [21, р. 29-37]. После августовской речи президента Форда к 3 сентября для сенатора Саймингтона ЦРУ спешно был подготовлен меморандум о советском присутствии в Сомали, который суммировал имеющиеся у Управления данные по этому вопросу. Порт Бербера в меморандуме был назван «сосредоточием советских интересов», однако указывалось, что юридически он находится под контролем Могадишо, хоть некоторые объекты, по мнению ЦРУ, де-факто находились под советским контролем. Отмечалось, что создание некоторых вспомогательных объектов в Бербере увеличили время нахождения советских кораблей в Индийском океане. Касаясь советско-сомалийского договора, заключенного в июле, авторы меморандума повторили ранее высказанные предположения ЦРУ, что он может формализовать пребывание советских кораблей в Бербере, но при этом они указывали, что это только предположение [2].

В целом, после заявления Форда о советской «базе» в Сомали ЦРУ начало больше сталкиваться с запросами от сенаторов и иных официальных лиц по данной теме. Например, 19 сентября директор ЦРУ Колби направил письмо министру военно-морских сил США Миддендорфу, в котором разъяснял мнение Управления о дальнейших перспективах присутствия СССР в Сомали в Индийском океане [23].

31 октября 1974 г. «Бюллетень национальной разведки» сообщил о том, что «Правда» опубликовала текст советско-сомалийского договора – и в нем не было ни слова об использовании советским флотом объектов на территории Сомали. Более того, «Правда» разоблачала предположения западной прессы о мифических советских военных базах на территории Сомали [31]. И действительно, в тексте договора ничего не говорилось о каких-либо военных базах [1, с. 21-24].

Ситуация стала серьезнее для Вашингтона в начале февраля 1975 г., когда у США появилась информация, что СССР строит в Бербере хранилище для крылатых ракет. Спутниковые снимки базы в Бербере имелись у США и ранее, но именно в это время аналитики ЦРУ и Национального центра интерпретации фотографий США пришли к выводу, что то, что изображено на них, очень похоже на объекты для хранения ракет на военноморских базах в СССР [6]. 4 февраля 1975 г. ЦРУ в «Президентской ежедневной сводке» сообщало президенту Форду об этом. Предполагалось, что на объекте могут храниться, кроме крылатых ракет для советского флота, торпеды и ракеты «земля-воздух». Предполагалось, что этот первый подобный объект за пределами СССР после своего предполагаемого завершения в середине 1975 г. значительно повысит в время нахождения советских кораблей в Индийском океане, хоть и ударит по международному престижу как СССР, так и Сомали [12].

В марте 1975 г., после интервью министра обороны США Шлезингера, в котором снова была поднята тема советской «базы» в Бербере [32, р. 46], сомалийская сторона выразила свое возмущение. 11 мая правительство Сомали направило в американское посольство в Могадишо ноту протеста в связи с заявлениями официальных лиц США и американских СМИ о том, что у СССР есть «военная база» в Сомали [27].

В начале мая 1975 г. ЦРУ докладывало Форду о том, что наследный принц Саудовской Аравии Фахд выразил Сиаду Барре недовольство тем, что Сомали предоставила СССР в пользование «базы и объекты» на своей территории [18]. В то же время Государственный департамент, ЦРУ и РУМО США совместно подготовили обзор ситуации на Африканском роге. По вопросу о Бербере было сказано, что этот объект был, по их мнению, очень важен для Москвы, что подчеркивалось недавним визитом туда адмирала Горшкова. Однако отмечалось, что на берегу из советских объектов имеются только казармы, ретранслятор и, возможно, строящийся комплекс для хранения крылатых ракет [19].

На тот момент ЦРУ уже, по большей части, пришло к выводу, что строящийся в Бербере объект предназначен для хранения и обслуживания ракет. В начале мая Управление стратегических исследований ЦРУ подготовил по нему меморандум, в котором, помимо сообщавшейся ранее информации, указывалось, что у Сомали нет ракетных комплексов в районе Берберы (что подразумевало использование объекта только советскими силами), и что сомалийцы могут быть не вполне осведомлены о назначении объекта [8].

В июне 1975 г. новые спутниковые снимки Берберы позволили обнаружить на строящемся объекте ящики с советскими противокорабельными ракетами П-15 «Термит» (SS-N-2 Styx по классификации НАТО). Если в риторике американских официальных лиц это ничего особенно не изменило, то ЦРУ этим было поставлено в тупик. 20 июня Управление текущей разведки в очередной еженедельной сводке подвел все основные сомнения – во-первых, в Индийском океане не было замечено советских ракетных катеров, которые могли бы использовать «Термиты» – ни собственно советских, ни сомалийских. Предполагалось, что СССР мог перебросить туда эти катера – либо для передачи Сомали, либо для собственного пользования, но это были только предположения, основанные на факте наличия ракет. Во-вторых, комплекс, по мнению ЦРУ, был явно рассчитан не только на эти ракеты – но строительство близилось к завершению, и никаких других ракет выявлено не было [3]. 24 июня Управление стратегических исследований ЦРУ прокомментировал шумиху вокруг объекта в Бербере, которая поднялась в СМИ. Основной проблемой стало то, что однозначно доказать причастность СССР к «базе» было практически невозможно. Отмечалось, что единственным возможным доказательством могло быть отсутствие пусковых установок для «Термитов» у Сомали – всё остальные аргументы легко парировались Москвой и Могадишо. Рассматривался и вариант передачи ракетного объекта советской стороной Сомали – это ставило бы в неловкое положение правительство США, которое увязывало расширение базы на Диего-Гарсия с советской «базой» в Бербере, успокаивало бы тревожность арабских стран иставляло американскую разведку в дурном свете [9].

К лету 1975 г. взаимные претензии Сомали и США зашли в тупик – все усилия Могадишо по отрицанию наличия советской «базы» в Бербере не воспринимались Вашингтоном всерьез. В свою очередь, США не могли полностью подтвердить свои подозрения – они сводились к косвенным признакам и к убежденности в злонамеренности СССР и Сомали.

Фактически, единственным способом, который мог бы разубедить американцев в их подозрениях, было посещение ими Берберы. В июне 1975 г. правительство Сомали решило пойти на этот шаг. 16 июня сомалийские СМИ официально сообщили о том, что Сиад Барре направил американским сенаторам и конгрессменам приглашения посетить Сомали, чтобы убедиться в отсутствии иностранных военных баз в любой части Сомалийской Демократической Республики [25].

Одновременно с этим в Сомали была приглашена и съемочная группа американской телерадиовещательной сети CBS, которая прибыла в Могадишо 20 июня. После длившихся несколько дней проволок съемочная группа побывала в Бербере. По итогу посещения у руководителя группы, журналиста Берта Квинта, сложилось впечатление, что проблема чрезвычайно преувеличена. Даже несмотря на беседы, проведенные с ним в американском посольстве в Могадишо перед его отъездом в Берберу и после его возвращения, он считал, что выводы американских аналитиков о «советской базе» скорее необоснованны [28].

Ещё несколько групп журналистов посетили Берберу в конце июня-начале июля, причем сомалийские власти всячески ограничивали их, чего не было с группой CBS. Например, 28 июня в Берберу прибыла крупная группа репортеров, включая репортеров из новостного агентства Reuters, газет Le Monde, Daily Nation и телеканала ABC, которые увидели меньше, чем люди из CBS, а затем сомалийцы заявили, что среди них есть шпионы [26].

Предложение сомалийской стороны было принято сенатором Стеннисом от имени комитета Сената США по вооруженным силам, а посетить сам объект в Бербере должен был сенатор Бартлетт, опять-таки, от имени вышеупомянутого комитета.

Делегация комитета прибыла в Могадишо 3 июня, а уже 4-го отправилась в Берберу. Вторая группа сенатора Стрэттона прибыла в Берберу 6 июля. Обе делегации отбыли из Сомали 7 июля.

Наиболее результативным был визит группы Бартлетта, которая посетила все объекты, которые были запланированы. В отчете данной группы комитету по вооруженным силам были сделаны выводы, что у Берберы имеется значительный военный потенциал, что СССР имеет доступ ко всем военным объектам в городе и в порту [24, р. 21]. Отмечалось, что Сомали хочет улучшить отношения с США, но в целом для Бартлетта и его группы было загадкой, почему сомалийцы разрешили

им посетить Берберу [24, р. 20]. Рекомендации же сводились к тому, что США надо улучшать свои отношения с Сомали и что необходимо расширять базу на Диего-Гарсия [24, р. 21].

Комментарии ЦРУ по поводу визита журналистов CBS и группы сенатора Бартлетта сводились, в основном, к констатации фактов, естественно, сдобвив их большим количеством приятных для получателей этих документов эпитетов. Например, «Президентская ежедневная сводка» от 10 июля на основе анализа советской прессы старалась создать впечатление, что для СССР «разоблачение» «базы» в Бербере является крайне неприятным событием [15]. Документы, предназначенные для использования внутри ЦРУ, были более сдержанными – сообщалось, что представители СССР и Сомали старались создать впечатление, что в Бербере нет никаких советских объектов, а также указывались на предположения некоторых репортеров о назначении тех или иных строений [7].

Сомалийская сторона отреагировала так же, как и раньше – в официальных публикациях заявлялось, что американская пропаганда утверждала о существовании военной базы в Бербере, но эти заявления были опровергнуты международной прессой, никакой советской базы там нет, а США использовали эту выдуманную базу как предлог для того, чтобы легитимировать строительство военных объектов на Диего-Гарсии [22, р. 38].

Фактически, после визита делегаций конгрессменов дипломатический кризис был исчерпан. Кризис не привел к каким-то глобальным изменениям – советский ПМТО в Бербере продолжил действовать, американо-сомалийские отношения, во многом, остались на том же уровне. Достаточно интересна роль ЦРУ США в данном кризисе. С одной стороны, интерпретация разведывательных данных аналитиками Управления была не всегда беспристрастна и не всегда точна. С другой, ЦРУ старалось воздержаться от резких суждений, собственных официальному Вашингтону, и по возможности не обострять ситуацию. И Вашингтон, и Могадишо остались при своем мнении, но этот вопрос применительно к сомалийско-американским отношениям уже поднимался намного реже и не с таким рвением. Окончание строительства американской базы на Диего-Гарсия прошло без значительной критики со стороны Могадишо, но, в то же время, США своей критикой ПМТО в Бербере никак не повлияли на активность советского флота в Индийском океане.

Литература

1. Договор о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Сомалийской Демократической Республикой // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск XXX, М.: ИМО, 1976. С. 21 – 24.
2. Central Intelligence Agency. Memorandum. The Soviet Military Presence in Somalia. 3 September 1974. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80B01495R000500050024-9.pdf> (дата обращения: 8.07.2022)
3. Central Intelligence Agency. Office of Current Intelligence. No. 0025/75. Weekly Summary. June 20, 1975. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP86T00608R000300020028-8.pdf> (дата обращения: 8.07.2022)
4. Central Intelligence Agency. Office of Current Intelligence. No. 0030/74A. Weekly Summary. Special Report: Soviet Naval Operations in the Indian Ocean. July 26, 1974. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79-00927A010800180003-3.pdf> (дата обращения: 8.07.2022)
5. Central Intelligence Agency. Office of Current Intelligence. Weekly Review. 15 August 1974. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP85T00875R001000070014-5.pdf> (дата обращения: 8.07.2022)
6. Central Intelligence Agency. Office of Current Intelligence. Weekly Review. February 14, 1975. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP85T00875R001000080008-1.pdf> (дата обращения: 8.07.2022)
7. Central Intelligence Agency. Office of Current Intelligence. Weekly Review. July 5, 1975. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP85T00875R001000080031-5.pdf> (дата обращения: 8.07.2022)
8. Central Intelligence Agency. OSR. Memorandum. Missile Handling and Storage Facility in Somalia. 7 May 1975. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP86T00608R000700120005-8.pdf> (дата обращения: 5.07.2022)
9. Central Intelligence Agency. OSR. Memorandum. Status of the Missile Facility at Berbera, Somalia. 24 June 1975. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP86T00608R000700130018-3.pdf> (дата обращения: 5.07.2022)
10. Central Intelligence Agency. The President's Daily Brief. August 10, 1974. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0006007788.pdf (дата обращения: 9.07.2022)
11. Central Intelligence Agency. The President's Daily Brief. August 12, 1974. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0006007789.pdf (дата обращения: 9.07.2022)
12. Central Intelligence Agency. The President's Daily Brief. February 4, 1975. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0006007933.pdf (дата обращения: 9.07.2022)
13. Central Intelligence Agency. The President's Daily Brief. July 6, 1974. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0006004757.pdf (дата обращения: 9.07.2022)
14. Central Intelligence Agency. The President's Daily Brief. July 8, 1974. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0006007758.pdf (дата обращения: 9.07.2022)
15. Central Intelligence Agency. The President's Daily Brief. July 10, 1975. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0006014845.pdf (дата обращения: 9.07.2022)
16. Central Intelligence Agency. The President's Daily Brief. July 15, 1974. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0006007765.pdf (дата обращения: 9.07.2022)
17. Central Intelligence Agency. The President's Daily Brief. June 29, 1974. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0006007996.pdf (дата обращения: 9.07.2022)
18. Central Intelligence Agency. The President's Daily Brief. May 8, 1975. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0006014792.pdf (дата обращения: 9.07.2022)
19. Department of State. Central Intelligence Agency. Defence Intelligence Agency. DCI/NIO 1076-75. East Africa: Outside Influence and Potential Conflict. 7 May 1975 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79R01142A000500070002-5.pdf> (дата обращения: 10.07.2022)
20. Diego Garcia, 1975: The Debate Over the Base and the Island's Former Inhabitants. Hearing Before the Special Subcommittee on Investigations of the Committee on International Relations House of Representatives. Ninety-Fourth Congress. First Session. June 5 and November 4, 1975. Washington: U.S. Government Printing Office, 1975. 123 p.
21. Disapprove Construction Projects on the Island of Diego Garcia. Hearing Before the Committee on Armed Services United States Senate. Ninety-Fourth Congress. First Session on S. Res. 160. June 10, 1975. Washington: U.S. Government Printing Office, 1975. 72 p.

22. Jaalle Siyad's OAU Chairmanship, June 1974-July 1975. Mogadishu: Wasaaradda Warfaafinta iyo Hanuuninta Dadweynaha, 1975. 94 p.
23. NIO #2031-74. From the Director of Central Intelligence W. E. Colby to the Secretary of the Navy J. William Middendorf II. 19 September 1974. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80B01495R000500110007-1.pdf> (дата обращения: 11.07.2022)
24. Report of Senator Bartlett to the Committee on Armed Services United States Senate. Soviet Military Capability in Berbera, Somalia. July, 1975. Washington: U.S. Government Printing Office, 1975. 29 p.
25. Siad Invites US Senators and Congressmen to Visit Somalia. 1975 June 16. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://wikileaks.org/plusd/cables/1975MOGADI00840_b.html (дата обращения: 21.11.2022)
26. Soviet Base Issue: GSDR Restricts Access. 1975 June 30. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://wikileaks.org/plusd/cables/1975MOGADI00922_b.html (дата обращения: 21.11.2022)
27. Soviet Base Issue: Note of Protest From Somali MOFA. 1975 June 11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://wikileaks.org/plusd/cables/1975MOGADI00821_b.html (дата обращения: 21.11.2022)
28. Soviet Facilities at Berbera: Briefing Problems. 1975 June 27. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://wikileaks.org/plusd/cables/1975MOGADI00911_b.html (дата обращения: 20.11.2022)
29. United States Intelligence Board. National Intelligence Bulletin. 6 July 1974. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A026700010032-0.pdf> (дата обращения: 10.07.2022)
30. United States Intelligence Board. National Intelligence Bulletin. 15 July 1974. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A026700010046-5.pdf> (дата обращения: 10.07.2022)
31. United States Intelligence Board. National Intelligence Bulletin. 31 October 1974. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A027100010022-5.pdf> (дата обращения: 9.07.2022)
32. U.S. arms: Are our defenses down? // Newsweek. 1975. № 11 (85). P. 45 – 48.

References

1. Dogovor o druzhbe i sotrudnichestve mezhdru Sojuzom Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik i Somalijskoj Demokraticheskoj Respublikoj. Sbornik dejstvujushchih dogovorov, soglashenij i konvencij, zakljuchennyh SSSR s inostrannymi gosudarstvami. Vypusk XXX, M.: IMO, 1976. C. 21 – 24.
2. Central Intelligence Agency. Memorandum. The Soviet Military Presence in Somalia. 3 September 1974. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80B01495R000500050024-9.pdf> (дата обращения: 8.07.2022)
3. Central Intelligence Agency. Office of Current Intelligence. No. 0025/75. Weekly Summary. June 20, 1975. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP86T00608R000300020028-8.pdf> (дата обращения: 8.07.2022)
4. Central Intelligence Agency. Office of Current Intelligence. No. 0030/74A. Weekly Summary. Special Report: Soviet Naval Operations in the Indian Ocean. July 26, 1974. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79-00927A010800180003-3.pdf> (дата обращения: 8.07.2022)
5. Central Intelligence Agency. Office of Current Intelligence. Weekly Review. 15 August 1974. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP85T00875R001000070014-5.pdf> (дата обращения: 8.07.2022)
6. Central Intelligence Agency. Office of Current Intelligence. Weekly Review. February 14, 1975. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP85T00875R001000080008-1.pdf> (дата обращения: 8.07.2022)
7. Central Intelligence Agency. Office of Current Intelligence. Weekly Review. July 5, 1975. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP85T00875R001000080031-5.pdf> (дата обращения: 8.07.2022)
8. Central Intelligence Agency. OSR. Memorandum. Missile Handling and Storage Facility in Somalia. 7 May 1975. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP86T00608R000700120005-8.pdf> (дата обращения: 5.07.2022)
9. Central Intelligence Agency. OSR. Memorandum. Status of the Missile Facility at Berbera, Somalia. 24 June 1975. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP86T00608R000700130018-3.pdf> (дата обращения: 5.07.2022)
10. Central Intelligence Agency. The President's Daily Brief. August 10, 1974. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0006007788.pdf (дата обращения: 9.07.2022)

11. Central Intelligence Agency. The President's Daily Brief. August 12, 1974. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0006007789.pdf (data obrashhenija: 9.07.2022)
12. Central Intelligence Agency. The President's Daily Brief. February 4, 1975. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0006007933.pdf (data obrashhenija: 9.07.2022)
13. Central Intelligence Agency. The President's Daily Brief. July 6, 1974. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0006004757.pdf (data obrashhenija: 9.07.2022)
14. Central Intelligence Agency. The President's Daily Brief. July 8, 1974. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0006007758.pdf (data obrashhenija: 9.07.2022)
15. Central Intelligence Agency. The President's Daily Brief. July 10, 1975. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0006014845.pdf (data obrashhenija: 9.07.2022)
16. Central Intelligence Agency. The President's Daily Brief. July 15, 1974. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0006007765.pdf (data obrashhenija: 9.07.2022)
17. Central Intelligence Agency. The President's Daily Brief. June 29, 1974. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0006007996.pdf (data obrashhenija: 9.07.2022)
18. Central Intelligence Agency. The President's Daily Brief. May 8, 1975. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0006014792.pdf (data obrashhenija: 9.07.2022)
19. Department of State. Central Intelligence Agency. Defence Intelligence Agency. DCI/NIO 1076-75. East Africa: Outside Influence and Potential Conflict. 7 May 1975 [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79R01142A000500070002-5.pdf> (data obrashhenija: 10.07.2022)
20. Diego Garcia, 1975: The Debate Over the Base and the Island's Former Inhabitants. Hearing Before the Special Subcommittee on Investigations of the Committee on International Relations House of Representatives. Ninety-Fourth Congress. First Session. June 5 and November 4, 1975. Washington: U.S. Government Printing Office, 1975. 123 p.
21. Disapprove Construction Projects on the Island of Diego Garcia. Hearing Before the Committee on Armed Services United States Senate. Ninety-Fourth Congress. First Session on S. Res. 160. June 10, 1975. Washington: U.S. Government Printing Office, 1975. 72 p.
22. Jaalle Siyad's OAU Chairmanship, June 1974-July 1975. Mogadishu: Wasaaradda Warfaafinta iyo Hanuuninta Dadweynaha, 1975. 94 p.
23. NIO #2031-74. From the Director of Central Intelligence W. E. Colby to the Secretary of the Navy J. William Middendorf II. 19 September 1974. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80B01495R000500110007-1.pdf> (data obrashhenija: 11.07.2022)
24. Report of Senator Bartlett to the Committee on Armed Services United States Senate. Soviet Military Capability in Berbera, Somalia. July, 1975. Washington: U.S. Government Printing Office, 1975. 29 p.
25. Siad Invites US Senators and Congressmen to Visit Somalia. 1975 June 16. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://wikileaks.org/plusd/cables/1975MOGADI00840_b.html (data obrashhenija: 21.11.2022)
26. Soviet Base Issue: GSDR Restricts Access. 1975 June 30. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://wikileaks.org/plusd/cables/1975MOGADI00922_b.html (data obrashhenija: 21.11.2022)
27. Soviet Base Issue: Note of Protest From Somali MOFA. 1975 June 11. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://wikileaks.org/plusd/cables/1975MOGADI00821_b.html (data obrashhenija: 21.11.2022)
28. Soviet Facilities at Berbera: Briefing Problems. 1975 June 27. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://wikileaks.org/plusd/cables/1975MOGADI00911_b.html (data obrashhenija: 20.11.2022)
29. United States Intelligence Board. National Intelligence Bulletin. 6 July 1974. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A026700010032-0.pdf> (data obrashhenija: 10.07.2022)
30. United States Intelligence Board. National Intelligence Bulletin. 15 July 1974. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A026700010046-5.pdf> (data obrashhenija: 10.07.2022)
31. United States Intelligence Board. National Intelligence Bulletin. 31 October 1974. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A027100010022-5.pdf> (data obrashhenija: 9.07.2022)
32. U.S. arms: Are our defenses down? Newsweek. 1975. № 11 (85). P. 45 – 48.

*Kudashev U.N., Postgraduate
Ufa University of Science and Technology*

The US-Somali diplomatic crisis around the Soviet base in Berbera (1974-1975)

Abstract: this article is devoted to the US-Somali diplomatic crisis that unfolded in 1974-1975 around the point of logistics of the navy of the USSR in the Somali port of Berbera. In the 1970s the problem of the militarization of the Indian Ocean, which escalated after the start of the construction of the American military base on the Diego Garcia Atoll, was quite acute, and both the USSR and the United States actively criticized each other after any increase in their presence in the region. For the United States, the "Soviet base" in Berbera was not only a justification for building a base on Diego Garcia, but also posed a threat to American positions in the Indian Ocean, which meant, on the one hand, the need to bring the problem to the attention of the media, and, on the other hand, minimize the Soviet presence in Berbera. The main problem for the United States was that it was extremely difficult to prove the existence of a "Soviet base" in Somalia - all arguments, from satellite images to Soviet ships in the port of Berbera, were only indirect arguments. The loud statements of US President Ford in August 1974 and US Secretary of Defense Schlesinger in 1975 about the "Soviet base" basically fueled the crisis and complicated the already difficult relations between Washington and Mogadishu. US intelligence services, although they recorded activity in Berbera and were able to establish that there was a warehouse with Soviet-made anti-ship missiles, also could not report anything that could turn the tide. The article shows the main stages of the Berbera crisis and the ways of its peaceful resolution, to which both the American and Somali sides made efforts.

Keywords: the USA, Somalia, military base, logistic support point, Central Intelligence Agency (CIA), Gerald Ford, Siad Barre

For citation: Kudashev U.N. The US-Somali diplomatic crisis around the Soviet base in Berbera (1974-1975). Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 18 – 25.

*Виниченко Н.В., аспирант,
Новосибирский государственный педагогический университет*

Условия и формы жизни горожан Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века в досоветской историографии

Аннотация: в статье дано методологическое обоснование применения современными исследователями категории «образ жизни горожан» при историческом изучении городов. Характеризуются научные и научно-публицистические труды досоветского периода, в которых исследовались условия жизни горожан и некоторые аспекты образа жизни городского населения Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. Привлечена литература, относящаяся к исторической урбанистике, этнографии, социально-экономической истории. Вопросы и тематические сюжеты, имеющие отношения к интересующей нас теме, представлены в работах сотрудников и корреспондентов Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, деятелей сибирского областничества и местных краеведов. Историографический анализ обеспечивает современного исследователя богатыми выводами о природно-географических условиях жизни городского населения всей Западной Сибири; представление же об административных и социальных условиях, информационных ресурсах жизнедеятельности горожан дается применительно к конкретным губернским или крупным уездным городам. В очерках публицистов и краеведов представлена характеристика некоторых форм жизненной активности городского населения. Речь идет о хозяйственной деятельности, посещении общественных клубов, концертов, спектаклей, научно-просветительных мероприятий и пр. Содержащиеся в трудах досоветского периода теоретические положения и богатый фактологический материал должны быть учтены при изучении образа жизни горожан Западной Сибири поздней имперской эпохи.

Ключевые слова: история Сибири, локальная история, социальный образ жизни, сибирский город, горожане

Для цитирования: Виниченко Н.В. Условия и формы жизни горожан Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века в досоветской историографии // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 26 – 33.

Замысел исследования и его теоретические рамки

Современные научные тенденции смещают акцент с исследований глобальных исторических процессов на изучение актуальных вопросов локальной истории и микроистории, в частности – образа жизни представителей конкретных социальных групп. В этом отношении характеристика образа жизни городского населения Сибири второй половины XIX – начала XX в. позволяет расширить область исследования повседневных практик горожан для полной реконструкции исторической действительности сибирского города.

Категория «образ жизни» изначально являлась областью научных интересов философов и социологов, которые заложили теоретические основы изучения проблематики. К отечественным специалистам относятся И.В. Бестужев-Лада, А.П. Бутенко, В.И. Куценко, В.И. Толстых [7, 9, 18, 23 и др.], в трудах которых сформулировано определение образа жизни и даны общие характеристики этого явления. Нами под образом жизни понимается «способ или характер всех взаимосвязанных форм жизненной активности данной личности, социальной группы или общества в целом, детерминированный как собственной природой субъекта активности, так и внешними по отношению к

нему условиями и факторами его жизни» [15, с. 77]. В данном случае определение философа А.П. Бутенко модифицировал историк В.А. Зверев, используя его затем в контексте исторических исследований образа жизни сельского населения Сибири. Образ жизни в выбранной нами методологии характеризуется природно-географическими, социальными, информационными условиями и ресурсами жизнедеятельности городского населения, формами его жизненной активности в этих условиях. Отметим, что характеристика образа жизни тесно связана с историей повседневности и быта [7, с. 15].

В современной исторической литературе немало примеров использования понятия «образ жизни» и изучения соответствующей проблематики. Из немногочисленных исследований стоит отметить работы историков Ю.М. Гончарова и Е.А. Дегальцевой [12, 13]. В книге Ю.М. Гончарова представлены выводы о повседневности городского населения Сибири второй половины XIX – начала XX в., связанные с образом жизни: приведена характеристика участия горожан в хозяйственной, общественной, театральной и концертной деятельности. Монография Е.А. Дегальцевой является первой работой в отечественной историографии, в которой представлена реконструкция

образа жизни населения целого региона и сделана попытка определить «сибирскую идентичность». Здесь стоит отметить, что условия и формы жизнедеятельности различных социальных групп в различных сибирских локусах имели свои индивидуальные особенности развития, что создает проблематичность в выявлении универсальных характеристик «всесибирского» образа жизни. Отметим, что современными авторами предложена конкретно-историческая характеристика образа жизни сибирского населения, созданная в различных социально-исторических контекстах с разных методологических позиций. Однако изучение условий и форм жизни горожан Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. в контексте исследования образа жизни конкретной социальной группы не стало самостоятельным предметом изучения.

Целью данного исследования является выявление степени изученности вопросов, относящиеся к образу жизни городского населения Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. в дореволюционной научной и публицистической литературе.

Отметим два положения, определивших в данном случае сложность историографического анализа. Во-первых, до сих пор не существует общепринятого понимания структуры того явления, которое обозначается этим понятием, поэтому не просто сгруппировать изучаемую литературу по тем аспектам, что имеют отношение к «образу жизни». Во-вторых, междисциплинарный характер социальной истории обуславливает привлечение исследовательской литературы, относящейся к разным дисциплинарным полям: к исторической урбанистике, этнографии, социально-экономической истории, краеведению и др. В нашей статье изучаемая литература сгруппирована следующим образом: 1) исследования, посвященные характеристике условий и ресурсов жизнедеятельности горожан; 2) труды, в которых содержатся положения и выводы о различных формах жизненной активности городского населения. Отметим, что в историографии второй половины XIX – начала XX в. мы находим и анализируем работы, относящиеся к истории как отдельных конкретных городов Западной Сибири, так и городского населения целых губерний.

Исследования, посвященные характеристике условий и ресурсов жизнедеятельности горожан

Жизнедеятельность горожан в конце имперского периода во многом обуславливалась природно-географическими, социальными, информационными условиями и ресурсами. Наша первая задача заключается поэтому в отыскании и характеристике той литературы второй половины XIX – начала

XX в., в которой представлены названные условия и факторы жизненной активности городского населения Западной Сибири указанного периода.

Начальный этап изучения сибирского города и горожан обозначенного периода относится к 1860-м гг. Со второй половины XIX в. активизируется исследовательская работа этнографов и статистиков, о чем свидетельствует учреждение в 1877 г. Западно-Сибирского отдела Русского географического общества (ЗСОРО). О научном интересе к условиям и ресурсам жизнедеятельности Сибири свидетельствуют разработанные Н.М. Ядринцевым в 1879 и 1880 гг. краеведческие проекты «Программа для описания сибирских инородцев» [29] и «Программа исследования сельской общины в Сибири» [30]. Первый проект был направлен на изучение антропологических особенностей, образа жизни, бытового уклада и занятий коренного населения Западной Сибири. Целью второго проекта являлось восполнение недостатков экономических исследований региона по вопросам землепользования. Современный исследователь С.А. Абселемов отмечает, что экспедиционная деятельность ЗСОРО «в сфере исследования природно-географических, социально-экономических, культурных условий Степного края имеет не только прикладное, но и важное теоретическое значение. Накопление и тиражирование экспедиционных материалов являлись основой для создания обобщающих трудов или фрагментов монографий, посвященных степным окраинам империи» [2, с. 104]. Выводы об условиях и ресурсах жизнедеятельности жителей Западно-Сибирского региона в различных его локусах содержатся в 11-м томе сборника «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении», где впервые представлен опыт изучения Западной Сибири с междисциплинарных позиций [3, 21, 28 и др.]. Редактор этого сборника, известный ученый П.П. Семенов обратил внимание, что «экономическое положение Сибири и ее населения находится в непосредственной зависимости как от природы рассматриваемой нами области, так и от ее истории» [21, с. 363], а соседство русских с коренным населением является одной из особенностей формирования и развития хозяйственного устройства региона [21, с. 363-365].

Работа ссыльного литератора и этнографа И.И. Завалишина «Описание Западной Сибири» имеет публицистический характер и обладает источниковедческим потенциалом. Автор подробно анализирует природное и экономическое состояние больших и малых городов Тобольской губернии. Определяя природно-географическое и экономическое положение губернского города Тобольска,

автор пишет: «Местность Тобольска... неудобна в гигиеническом отношении – он почти весь стоит на болоте, ежегодно заливаемом весенними наводнениями Иртыша... Торговля его, некогда цветущая, ныне совсем упала; значительных капиталов нет, пожары и наводнения, периодически его посещающие, не дают ему поправиться и не представляют никаких надежд на будущее» [14, с. 310]. К причинам экономического упадка Тобольска во второй половине XIX в. автор вместе с пожарами и наводнениями относит «перемещение центрального управления краем в Омск» [14, с. 320] и «перемещение торговли, которая теперь от Ирбита и Тюмени тоже стремится к югу как сосредоточение всех производительных сил Западной Сибири» [14, с. 321]. Социальные условия жизнедеятельности тоболяков во второй половины XIX в. включали 21 церковь, 24 фабрики и завода, духовную семинарию, военное, почтовое, казачье училища, гимназию с пансионом, татарскую школу, Мариинскую женскую школу, публичную библиотеку, благородное собрание, общественный сад [14, с. 311]. В работе И.И. Завалишина содержатся выводы об экономическом потенциале губернского города, объясняются причины постепенной утраты Тобольском статуса крупного экономического центра Западной Сибири. Автор анализирует влияние природно-климатических и экономических изменений на ресурсы жизнедеятельности городского населения в целом и на хозяйственную, повседневную жизнь, в частности: «Тобольск имеет все данные, чтобы быть значительным городом – но, в сущности, его поддерживает только административное значение» [14, с. 312].

Условия и ресурсы жизнедеятельности горожан уездного города Тюмени описаны Н.А. Абрамовым, этнографом и автором около ста статей и заметок о прошлом Сибирского края. В работе «Город Тюмень» [1] автор изложил историю развития города, начиная с «татарского периода». Этнограф определяет такие социальные условия жизнедеятельности тюменцев во второй половине XIX в., как административное устройство, застройка и благоустройство, заводская и ремесленная промышленность, наличие благотворительных организаций, образовательных учреждений, библиотек, ярмарок и торгов.

Влиятельным течением в сибирской досоветской историографии было областничество, деятели которого являлись исследователями в различных научных областях: географии, этнографии, статистике и пр. В их работах мы находим географические, природно-климатические описания Западно-Сибирского региона, которые позволяют определить условия и ресурсы жизнедеятельности местного населения в конце имперского периода.

К таким исследованиям относятся, например, работы А.В. Адрианова, Г.Н. Потанина и упомянутого ранее Н.М. Ядринцева [3-5, 19, 28]. В работе Г.Н. Потанина «Города Сибири» сравнивается экономический и культурный потенциал городов Восточной и Западной Сибири, указан такой определяющий фактор развития сибирского города, как «каприз бюрократии». Выделяются три типа городов: бюрократический, буржуазный и смешанный. Анализируя бюрократические города Западной Сибири, Г.Н. Потанин пишет, что они со своими деревянными постройками имеют «тщедушный вид», «но здесь бывают любительские спектакли, иногда даже концерты; эти города являются рассадниками мод» [19, с. 235]. К таким городам автор относит Тобольск и Омск. Буржуазные города отличаются «каменными купеческими домами с цепными собаками на дворе, с тяжелыми замками на амбарах. <...> Жизнь в таких городах не нуждалась в умственных развлечениях; она довольствовалась именинами, свадьбами, попойками, рысаками и кулачными боями» [19, с. 235]. К городам этого типа, по мнению автора, относятся Тюмень и Томск. Особое внимание уделяется исследованию Иркутска как ведущего города не только Восточной Сибири, но и Сибирского региона в целом. Подробно характеризуется также Томск, раскрыта траектория его культурного развития в сравнении с Иркутском [19, с. 245]. Акцентируется деятельность Томского общества попечения о начальном образовании, которое являлось первой организацией подобного рода в Сибири. Оно устраивало для горожан спектакли, народные чтения, музыкальные утра, рождественские елки в школах, даже балы для рабочих, открыло две бесплатные библиотеки [19, с. 247].

К работам конца XIX – начала XX в., посвященным городам Западной Сибири, относятся сочинения историков и экономистов М.И. Боголепова, Н.Д. Путинцева, М.Н. Соболева, Н.В. Турчанинова [8, 20, 27, 24]. Труды М.И. Боголепова и М.Н. Соболева посвящены исследованию экономического развития городов Сибири, авторы особо отмечают рост тех городов, которые расположены на пересечении железнодорожных и водных путей. В работах Н.В. Турчанинова и Н.Д. Путинцева представлен большой фактический материал о населении, дается интересная информация об экономических условиях жизни горожан, однако научный анализ этой информации практически отсутствует.

Необходимо отметить, что в опубликованных во второй половине XIX – начале XX в. трудах по интересующей нас теме приводятся данные официальной статистики, полевые этнографические материалы и собственные повседневные наблюдения авторов. Характеристика условий и ресурсов

жизнедеятельности горожан представлена иногда в рамках целых губерний, но чаще применительно к конкретным городам. Прежде всего исследователей интересовали крупные губернские и уездные центры – Тобольск, Омск, Томск, Барнаул, Бийск, поэтому описание здешних социальных условий жизнедеятельности наиболее информативное: раскрывается природно-климатическое состояние, административное устройство, производственный потенциал, характер застройки и благоустройство городов, наличие в них благотворительных организаций, образовательных учреждений, библиотек. Несмотря на свой описательный и не всегда научный характер, выявленные нами труды содержат неплохой историографический и источниковедческий потенциал.

Исследования, в которых представлены формы жизненной активности городского населения Западной Сибири

К формам жизненной активности можно отнести хозяйственную деятельность горожан, их познавательную и общественную активность, досуговые практики. Жизненная активность городского населения тесно связана с обстановкой повседневности и быта. Характеристика обозначенных аспектов образа жизни городского населения Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. представлена в сочинениях государственных чиновников, публицистов и краеведов. Отметим, что многие из них имели описательный характер и не были в классическом смысле научными исследованиями. Описание занятий городского населения, хозяйственной деятельности, познавательной и общественной активности, досуговых практик и быта встречаются в работах Г.Б. Баитова, К.М. Голодниковой, Н.А. Кострова и др. [6, 11, 17 и др.].

Характеристика познавательной и общественной активности городского населения Барнаула на рубеже веков представлена в работе общественного деятеля Г.Б. Баитова «Очерки муниципального Барнаула». Здесь дана характеристика народного образования со статистикой обучающихся детей, здравоохранения, благотворительных организаций, различных частных обществ города [6]. Формы жизненной активности городского населения заключены Г.Б. Баитовым в рамки характеристики деятельности частных обществ, существовавших в Барнауле в поздней имперский период. Автор описывает цели, род деятельности, доступность частных организаций, их социальный и численный состав. Отметим деятельность Общества попечения о начальном образовании (1884 г.), мероприятия которого носили просветительский и социокультурный характер. Благодаря деятельности общества в Барнауле были организованы Народный дом со зрительным залом на тысячу мест, город-

ская библиотека, имевшая до 200 постоянных подписчиков, кабинетом для чтения журналов и газет, которую в течение года посещали до 3 тыс. горожан [6, с. 123]. Общество устраивало народные чтения, которые на окраинах города привлекали до 100-300 человек, а в Народном доме до 200-600 человек [6, с. 123-124]. Анализируя деятельность общества, Г.Б. Баитов написал: «Объединяя наиболее отзывчивые элементы, оно неуклонно идет навстречу просветительным запросам местного населения и для других городов Сибири служит блестящим примером общественной самостоятельности» [6, с. 124].

Опыт изучения городов Западной Сибири представлен в работах статистика и краеведа Н.А. Кострова. Здесь мы находим характеристику интересующих нас форм жизненной активности городского населения Колывани, Нарыма, Бийска, Барнаула, Мариинска, Кузнецка и Томска [10, 17]. Так, из работы о Колывани мы узнаем, что в 1860-х гг. в этом городе не было промышленности, торговля была незначительная и ограничивалась удовлетворением потребностей местных жителей. Основные занятия горожан: земледелие, скотоводство и рыболовство. Существовала единственная Екатерининская двухнедельная ярмарка. Автор отмечает, что потребности населения были не особенно дорогими по сравнению с другими сибирскими городами [17, с. 5]. Для Нарыма было характерно слабое развитие ремесленной промышленности, ею занимались только ссыльные. Горожане занимались в основном торговлей пушным товаром, который они выменивали у инородцев на хлеб, продавая после на ярмарках в соседних городах [17, с. 15]. Очерк о Бийске позволяет узнать, что к основным занятиям горожан относились разведение табака, скотоводство и торговля. Местная торговля с инородцами состояла в пушном товаре, меде, воске и хлебе. Жители Бийска также вели торговлю с китайскими подданными, которые привозили чай и бумагу. В городе с 1860 г. существовало два училища: женское и мужское [17, с. 57-58]. Барнаул автор называет лучшим городом в Сибири, так как он являлся промышленным центром. Во второй половине XIX в. здесь существовали промышленные предприятия, горное училище, две библиотеки, музей с зоологическими, минералогическими и этнографическими коллекциями. Работали воскресный базар и ежегодная Введенская ярмарка (впрочем, автором отмечаются незначительные торговые обороты) [17, с. 68, 73-74].

В публикациях Н.А. Кострова западносибирские горожане 1860-х гг. представлены населением, которое не совсем еще потеряло связь с земледелием и скотоводством, было не чуждым рыбо-

ловству и охоте. Наличие в городе заводов и фабрик создавало условия для появления образовательных, культурных учреждений, что расширяло круг форм жизненной активности городского населения. Представленные краеведом демографические данные свидетельствуют о многословности и многонациональности социокультурного пространства в городах Западной Сибири второй половины XIX в., что отражалось на характеристиках хозяйственной жизни городского населения. Особенности социокультурного пространства были связаны также с соседством горожан с коренными народами региона и переселенцами из Центральной России.

В работе краеведа К.М. Голодников «Город Тобольск и его окрестности» представлены характеристики досуговых практик горожан, которые, как отмечает автор, были разнообразными, но малочисленными. Во второй половине XIX в. в Тобольске существовали общественные клубы, устраивались музыкальные концерты, спектакли, маскарады, в 1886 г. была открыта публичная библиотека [11, с. 29-31, 138-139]. Краеведом раскрывается познавательная, общественная активность тоболяков, занятых устройством «разного рода ученых, артистических и благотворительных обществ, физико-медицинского, музыкального и драматического, а также обществ: миссионерского, Красного Креста» [11, с. 32]. Также в городе существовали организации помощи бедным студентам Тобольской губернии, два клуба – военный и гражданский, члены которых занимались в определенные дни чтением книг, газет, а также танцами. Правительственными и общественными учреждениями, частными лицами выписывались журналы и газеты. Автор отмечает, что это «уже много говорит в пользу морального и интеллектуального развития в среде городского общества» [11, с. 32]. К.М. Голодниковым оценены эпидемиологическая обстановка в городе и гигиенические условия жизни горожан. Уровень витального состояния населения определяется краеведом, исходя из природных условий и инфраструктуры города: «Можно положительно сказать, что город-

ские жители нагорной части обставлены лучшими гигиеническими условиями, чем соответственные им по своему состоянию обитатели подгорных приходов» [11, с. 35].

Стоит отметить наличие в позднимперский период опыта изучения соседних субрегионов. Историческое, экономическое и этнографическое описание городов Восточной Сибири представлено в работах Ф.Я. Кона, В.П. Сукачева, С.Л. Чудновского, Н.С. Щукина [16, 22, 25, 26 и др.]. Теоретический материал и фактологическую информацию об условиях и ресурсах жизнедеятельности здешнего городского населения, его жизненной активности необходимо использовать в сравнении для характеристики образа жизни горожан Западной Сибири. Результаты исследований сибирских городов, предпринятых на рубеже XIX-XX вв., позволяют предположить, что условия жизни и поведенческие практики в каждом городе имели свои индивидуальные особенности. Прежде всего они были связаны с историческим контекстом возникновения города и особенностями его торгового и промышленного развития.

Отметим в заключение, что формы жизненной активности городского населения Западной Сибири еще не стали во второй половине XIX – начале XX в. самостоятельным предметом изучения, специальные работы по этой теме не появились. Вместе с тем был опубликован довольно широкий круг работ, посвященных историческому и экономическому развитию сибирского города, в ключе которого характеризовались некоторые формы жизненной активности горожан. Здесь мы находим выводы о занятиях горожан, их хозяйственной деятельности, фрагментарные сведения о познавательной и общественной активности, досуговых практиках. Результаты исследовательской деятельности ученых позднимперского периода обладают не только историографической, но и источниковедческой ценностью. Они содержат важные теоретические положения и выводы, богатый фактический материал, который необходимо учитывать сегодня при изучении истории образа жизни горожан Западной Сибири.

Литература

1. Абрамов Н.А. Город Тюмень: из истории Тобольской епархии. Тюмень: СофтДизайн, 1998. 574 с.
2. Абселемов С.А. Роль Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в становлении российской историографии колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Омского университета. Сер.: Ист. науки. 2018. № 4 (20). С. 100 – 106.
3. Адрианов А.В. Кузнецкий край: отроги Кузнецкого Алатау // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб.: Т-во М.О. Вольф, 1884. Т. 11. С. 374 – 302.
4. Адрианов А.В. Путешествие в Кузнецкий край // Известия Императорского Русского географического общества. 1881. Т. 17, вып. 4. С. 39 – 46.
5. Адрианов А.В. Томская старина. Томск: типолит. Сиб. т-ва печ. дела, 1912. 83 с.

6. Баитов Г.Б. Очерки муниципального Барнаула. Томск: Паротип. П.И. Макушина, 1906. 156 с.
7. Бестужев-Лада И.В. Содержание и структура категории образа жизни // Теоретические и методологические проблемы исследования образа жизни. М.: ИСИ, 1979. С. 4 – 21.
8. Боголепов М.И. Торговля в Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб.: А.Ф. Девриен, 1908. С. 169 – 200.
9. Бутенко А.П. Социалистический образ жизни. М.: Наука, 1978. 365 с.
10. Васенькин Н.В. Князь Николай Алексеевич Костров и его архив в фондах научной библиотеки Томского государственного университета // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. Т. 10. С. 35 – 47.
11. Голодников К.М. Город Тобольск и его окрестности. Тобольск: тип. Тобол. губ. прав., 1887. 139 с.
12. Гончаров Ю.М. Очерки повседневной жизни горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во АГУ, 2014. 347 с.
13. Дегальцева Е.А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул: Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2005. 187 с.
14. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. М.: О-во распространения полезных книг, 1862. Т. 1. 414 с.
15. Зверев В.А. Образ жизни сельского населения Сибири в начальный период модернизации российского общества: проблемы исторического изучения // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск: Ин-т ист. СО РАН, 2004. С. 75 – 84.
16. Кон Ф.Я. Усинский край. Красноярск: Тип. М.И. Абалакова, 1914. 111 с.
17. Костров Н.А. Историко-статистическое описание городов Томской губернии. Томск: Губ. тип., 1872. 119 с.
18. Куценко В.И. Философско-социологическое содержание категории «образ жизни» // Социалистический образ жизни и всестороннее развитие личности. Киев: Наукова думка, 1979. С. 31 – 32.
19. Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб.: А.Ф. Девриен, 1908. С. 234 – 259.
20. Путинцев Н.Д. Статистический очерк Томской губернии. Самара: Типолит. Н.А. Жданова, 1892. 135 с.
21. Семенов П.П. Западная Сибирь в ее современном экономическом состоянии // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб.: Т-во М.О. Вольф, 1884. Т. 11. С. 350 – 370.
22. Сукачев В.П. Иркутск: его место и значение в истории и культурного развития Восточной. Сибири. М.: типолит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1891. 271 с.
23. Толстых В.И. Образ жизни: понятие, реальность, проблемы. М.: Политиздат, 1975. 184 с.
24. Турчанинов Н.В. Города Азиатской России // Азиатская Россия. СПб.: Переселен. упр., Гл. упр. землеустройства и земледелия, 1914. Т. 1. С. 285 – 360.
25. Чудновский С.Л. Енисейская губерния к 300-летию юбилею Сибири. Томск: тип. «Сиб. газ.», 1885. 186 с.
26. Щукин Н.С. Народные увеселения в Иркутской губернии. СПб.: Тип. Майкова, 1868. 18 с.
27. Экономическое положение томских студентов / сост. М.Н. Соболев, при участии студ. – членов стат. семинария. Томск: Пар. типолит. П.И. Макушина, 1902. 54, 4 с.
28. Ядринцев Н.М. Западно-Сибирская низменность // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб.: Т-во М.О. Вольф, 1884. Т. 11. С. 50 – 82.
29. Ядринцев Н.М. Программа для описания сибирских инородцев Омск: тип. Окр. штаба, 1880. 16, 8 с.
30. Ядринцев Н.М. Программа исследования сельской общины в Сибири. Омск: тип. Окр. штаба, 1879. X, 22, 8 с.

References

1. Abramov N.A. Gorod Tjumen': iz istorii Tobol'skoj eparhii. Tjumen': SoftDizajn, 1998. 574 s.
2. Abselemov S.A. Rol' Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva v stanovlenii rossijskoj istoriografii kolonizacii Stepnogo kraja vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Ist. nauki. 2018. № 4 (20). S. 100 – 106.
3. Adrianov A.V. Kuzneckij kraj: otrogi Kuzneckogo Alatau. Zhivopisnaja Rossija. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, jekonomicheskom i bytovom znachenii. SPb.: T-vo M.O. Vol'f, 1884. T. 11. S. 374 – 302.

4. Adrianov A.V. Puteshestvie v Kuzneckij kraj. Izvestija Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva. 1881. T. 17, vyp. 4. S. 39 – 46.
5. Adrianov A.V. Tomskaja starina. Tomsk: tipolit. Sib. t-va pech. dela, 1912. 83 s.
6. Baitov G.B. Ocherki municipal'nogo Barnaula. Tomsk: Parotip. P.I. Makushina, 1906. 156 s.
7. Bestuzhev-Lada I.V. Soderzhanie i struktura kategorii obraza zhizni. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy issledovanija obraza zhizni. M.: ISI, 1979. S. 4 – 21.
8. Bogolepov M.I. Torgovlja v Sibiri. Sibir', ee sovremennoe sostojanie i ee nuzhdy. SPb.: A.F. Devrien, 1908. S. 169 – 200.
9. Butenko A.P. Socialisticheskij obraz zhizni. M.: Nauka, 1978. 365 s.
10. Vasen'kin N.V. Knjaz' Nikolaj Alekseevich Kostrov i ego arhiv v fondah nauchnoj biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeja. Tomsk: Izd-vo TGU, 2000. T. 10. S. 35 – 47.
11. Golodnikov K.M. Gorod Tobol'sk i ego okrestnosti. Tobol'sk: tip. Tobol. gub. prav., 1887. 139 s.
12. Goncharov Ju.M. Ocherki povsednevnoj zhizni gorozhan Sibiri vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. Barnaul: Izd-vo AGU, 2014. 347 s.
13. Degal'ceva E.A. Obraz zhizni sibirjakov vo vtoroj polovine XIX – nachale HH v. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. tehn. un-ta, 2005. 187 s.
14. Zavalishin I.I. Opisanie Zapadnoj Sibiri. M.: O-vo rasprostraneniya poleznykh knig, 1862. T. 1. 414 s.
15. Zverev V.A. Obraz zhizni sel'skogo naselenija Sibiri v nachal'nyj period modernizacii rossijskogo obshhestva: problemy istoricheskogo izuchenija. Sibirskaja derevnja: problemy istorii. No-vosibirsk: In-t ist. SO RAN, 2004. S. 75 – 84.
16. Kon F.Ja. Usinskij kraj. Krasnojarsk: Tip. M.I. Abalakova, 1914. 111 s.
17. Kostrov N.A. Istoriko-statisticheskoe opisanie gorodov Tomskoj gubernii. Tomsk: Gub. tip., 1872. 119 s.
18. Kucenko V.I. Filosofsko-sociologicheskoe soderzhanie kategorii «obraz zhizni». Socialisticheskij obraz zhizni i vsestoronnee razvitie lichnosti. Kiev: Naukova dumka, 1979. S. 31 – 32.
19. Potanin G.N. Goroda Sibiri. Sibir', ee sovremennoe sostojanie i ee nuzhdy. SPb.: A.F. Devrien, 1908. S. 234 – 259.
20. Putincev N.D. Statisticheskij ocherk Tomskoj gubernii. Samara: Tipolit. N.A. Zhdanova, 1892. 135 s.
21. Semenov P.P. Zapadnaja Sibir' v ee sovremennom jekonomicheskom sostojanii. Zhivopisnaja Rossija. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, jekonomicheskom i bytovom znachenii. SPb.: T-vo M.O. Vol'f, 1884. T. 11. S. 350 – 370.
22. Sukachev V.P. Irkutsk: ego mesto i znachenie v istorii i kul'turnogo razvitija Vostochnoj Sibiri. M.: tipolit. T-va I.N. Kushnerev i K^o, 1891. 271 s.
23. Tolstyh V.I. Obraz zhizni: ponjatie, real'nost', problemy. M.: Politizdat, 1975. 184 s.
24. Turchaninov N.V. Goroda Aziatskoj Rossii. Aziatskaja Rossija. SPb.: Pereselen. upr., Gl. upr. zemleustrojstva i zemledelija, 1914. T. 1. S. 285 – 360.
25. Chudnovskij S.L. Enisejskaja gubernija k 300-letnemu jubileju Sibiri. Tomsk: tip. «Sib. gaz.», 1885. 186 s.
26. Shhukin N.S. Narodnye uveselenija v Irkutskoj gubernii. SPb.: Tip. Majkova, 1868. 18 s.
27. Jekonomicheskoe polozhenie tomskih studentov. sost. M.N. Sobolev, pri uchastii stud. – chlenov stat. seminarija. Tomsk: Par. tipolit. P.I. Makushina, 1902. 54, 4 s.
28. Jadrincev N.M. Zapadno-Sibirskaja nizmennost'. Zhivopisnaja Rossija. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, jekonomicheskom i bytovom znachenii. SPb.: T-vo M.O. Vol'f, 1884. T. 11. S. 50 – 82.
29. Jadrincev N.M. Programma dlja opisaniya sibirskih inorodcev Omsk: tip. Okr. shtaba, 1880. 16, 8 s.
30. Jadrincev N.M. Programma issledovanija sel'skoj obshhiny v Sibiri. Omsk: tip. Okr. shtaba, 1879. X, 22, 8 s.

*Vinichenko N.V., Postgraduate,
Novosibirsk State Pedagogical University*

Conditions and forms of life of citizens of Western Siberia of the second half of the 19 th – early 20th centuries in the pre-Soviet historiography

Abstract: the article gives a methodological justification for the application by modern researchers of the category “lifestyle of citizens” in the historical study of towns. Scientific and scientific-journalistic works of the pre-Soviet period are characterized, in which the living conditions of citizens and some aspects of the lifestyle of the urban population of Western Siberia of the second half of the XIX – early XX centuries were studied. Literature related to historical urban studies, ethnography, socio-economic history was involved. Questions and thematic subjects related to the topic of interest are presented in the works of employees and correspondents of the West Siberian department of the Russian Geographical Society, figures of the Siberian region and local historians. Historiographic analysis provides a modern researcher with rich conclusions about the natural and geographical living conditions of the urban population of the whole of Western Siberia; the idea of administrative and social conditions, information resources of the life of citizens is given in relation to specific provincial or large county towns. The essays of publicists and local historians present a description of some forms of life activity of the urban population. We are talking about visiting public clubs, concerts, performances, scientific and educational events. The theoretical provisions and rich factual material contained in the works of the pre-Soviet period should be taken into account when studying the lifestyle of the citizens of Western Siberia of the late imperial period.

Keywords: history of Siberia, local history, social lifestyle, Siberian city, citizens

For citation: Vinichenko N.V. Conditions and forms of life of citizens of Western Siberia of the second half of the 19 th – early 20th centuries in the pre-Soviet historiography. Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 26 – 33.

*Касарова В.Г., кандидат исторических наук, доцент,
Сологян А.А., кандидат исторических наук,*

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)

Кризисные явления в театральной жизни России в конце XIX века и пути их преодоления

Аннотация: в статье повествуется о театральном кризисе в России на рубеже XIX-XX веков. На примере московского Малого театра рассматриваются проблемы в театральной жизни. Кризис был связан с социальной, экономической и политической ситуацией в этот период. В театральном искусстве возникли необходимые реформы. О кризисном положении в театральном мире говорили и писали режиссеры, актеры, театральные деятели, писатели и критики. В конце XIX – начале XX веков начали появляться новые направления и стили. В искусство вторгся кинематограф. Известные российские режиссеры К.С. Станиславский и В.И. Немирович-Данченко боролись за создание общенародного доступного Художественного театра. Ведущие артисты Императорских театров, критики, режиссеры, видные общественные и театральные деятели подготовили переход к новому этапу в развитие российского театрального искусства к новому, общедоступному театру. Выдающиеся театральные деятели сделали всё, чтобы русский театр не только любил, не только им увлекались, но и чтобы его уважали, а его самоценность была равна высшему искусству. Данная работа анализирует борьбу великих творцов за переустройство театрального дела. Статья основана на исторических архивных документах, мемуарах, письмах.

Ключевые слова: драматический театр, мемуары, кризис театрального искусства, Малый театр, МХТ, реформы, история театра

Для цитирования: Касарова В.Г., Сологян А.А. Кризисные явления в театральной жизни России в конце XIX века и пути их преодоления // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 34 – 41.

На состоявшемся в марте 1897 года Первом съезде театральных деятелей было отмечено, что к концу XIX столетия российские драматические театры находятся в состоянии упадка, что ему присущи вредные и ненормальные явления, что необходимо сделать все для процветания современной русской сцены [1, с. 56]. Одновременно делегаты съезда заявили, что главной, основной задачей театра является его общественное и нравственное значение, его главной составляющей должна быть общедоступность. «Русский актер официально признан. Русский актер назван «деятелем». Теперь уже нам нет пути назад. Мы обязаны идти вперед», – писал А.И. Южин-Сумбатов [2, с. 286]. По его мнению, актеры должны были «работать и работать неустанно над своим делом и над самим собой, веря в одно: только то можно надеяться получить, что заработано на почве свободного, сознательного, просвещенного и неустанного труда. Вне этого – все паллиатив, соломинка утопающего. Работать при всяких условиях, – ведь жить же приходится при всяких. Пусть «жить» станет синонимом «работать», и право, условия жизни сначала покажутся лучше, а потом и на самом деле станут лучшими» [2, с. 287].

Театральный кризис был связан с социально-экономическими и политическими изменениями в России. В конце 90-х годов XIX века – начале XX века страна перешла из домонополистического капитализма к монополистическому капитализму.

Одновременно она пережила экономический подъем и экономический кризис. Эти потрясения не могли не сказаться на жизни и деятельности населения России. С наибольшей силой экономические преобразования ударили по аграрно-крестьянскому сектору страны. Обнищание населения, подъем революционного движения привели к включению в борьбу всех социальных слоев населения России, к появлению политических партий и их революционной деятельности. Эти явления не могли обойти театральных деятелей и в первую очередь артистов [3, с. 286].

Неслучайно трудный и кризисный период для русского театра в конце XIX века завершился событиями эпохального значения. Появился новый театр, театр нового типа, стремление к которому и борьба за него насыщала 80-90-е годы XIX века. Театральные деятели, артисты, режиссеры, театральные критики с каждым годом все больше и больше осознавали необходимость всеобщих перемен в театральной жизни. Подготовка нового этапа была скрыта остротой театрального кризиса. Но без вызревания новых явлений в недрах старой театральной жизни, без отбора лучшего, его совершенствования в новую историческую эпоху не произошло бы формирования и развития новых форм театральной деятельности, не возник бы Московский Художественный театр.

Вспоминая пути и формы борьбы за создание театра в России, В.И. Немирович-Данченко писал: «Не было ни единого листа в старом театре, на

какое мы оба не обрушились бы с критикой беспощадной, наперебой стараясь обогнать друг друга в количестве наших ядовитых стрел. Но что еще важнее, — не было ни одной части во всем реальном театральном организме, для которой у нас не оказалось бы готового положительного плана — реформы, реорганизации или даже полной революции» [4, с. 91].

О кризисном положении в театральном искусстве говорил А.П. Ленский, отмечая, что основная масса актеров не понимала, не сознавала, что образование для него является благом, благом для искусства, что «для его искусства, в сущности, не требуется никакого искусства, что подобное отношение довело сцену до абсурда, что актер играет «одним нутром» [5, с. 309-310].

Кризис в театральном искусстве заставил многих актеров, режиссеров, критиков искать пути выхода из него. Так, В.И. Немирович-Данченко отметил, что он начал мечтать не о новом театре, а о своем [4, с. 35, с. 37], что вообще необходимо реформировать Малый театр, что нужен новый театр [4, с. 39].

Кризис театрального искусства, кризис постановочной части в Малом театре, в Александринском театре и в других вызвал дискуссию о положении в театрах страны, и необходимость реформировать театральную жизнь. Одновременно была высказана мысль о ликвидации драматических и вообще театров. Надо отметить, что усиление колебаний театральных деятелей вызвало вторжение в искусство кинематографа. Древнейшее искусство, драматический театр начал теснить молодой, бодрый, жизненный кинотеатр. Это новое явление заставило серьезно задуматься К.С. Станиславского, А.И. Южина-Сумбатова, В.И. Немировича-Данченко и других выдающихся актёров о состоянии театрального дела. Несмотря на то, что отдельные кинофильмы, например, «Кармен», понравились К.С. Станиславскому, однако он относился к кинофильмам скептически, считая, что экран — не самостоятельное искусство с огромным будущим, а лишь техническое средство репродукции и тиражирования. Многие театральные деятели вообще были довольно осторожны в суждениях о кинематографе, присматривались и выжидали [6, с. 69].

В то же время многие артисты пошли в кинотелье (киностудии). Среди них были К.А. Варламов, В.Н. Давыдов, В.Э. Мейерхольд, А.Г. Коонен и даже Ф.И. Шаляпин. Это было вызвано поиском новых форм театрального искусства, неудовлетворенностью своей игрой на сцене и современным искусством. Это был путь собственных исканий, потерь и разочарований, поиска новых форм театра, поиска выхода из тупика, ощущение неблаго-

получия и страшное недовольство положения дел в театральном искусстве [6, с. 6].

Кризисное явление в драматических театрах вызвало массу критических заметок в прессе. Репортеры писали о театре, порой, довольно пренебрежительно и отрицательно. Этот постоянный «обстрел» заставлял руководителей Императорских театров быть осмотрительными и стараться проводить честную и трезвую политику, необходимо было вкладывать в театральную жизнь «удвоенный запас прочности» [7, с. 6].

В течение долгих лет на страницах российской печати то поднимался, то угасал вопрос о создании в стране общенародного театра, который будет гораздо больше отвечать действительности, т.е. составу той публики, которая станет ходить в эти театры. По мнению П.А. Боборыкина такие театры необходимо открывать в столицах и больших городах. Но, он считал, что такие театры «не должны быть чисто коммерческими предприятиями» [8, с. 5, с. 7, с.10-11]. Этот вывод отражал интересы российской буржуазии, буржуазного обывателя, чиновников. В нем утверждались их интересы и мировоззрения, их художественные вкусы [9, с. 131].

В конце XIX века была выдвинута идея о том, быть или не быть театру. Этот вопрос был поднят в работах литературного критика Ю.И. Айхенвальда. Он вообще отрицал театр, считал, что театр находится в не области искусства, он не нужен, «что театральное представление ничего не прибавляет к замыслу поэта», что это «ложный и незаконный вид искусства» [10, с. 13-15]. Однако на поставленный в упор вопрос: «Почему с глубокой древности народ шел в театр и идет в наши дни?» не последовало ответа. Выдающийся историк, публицист А.А. Кизеветтер считал ошибочным взгляд Ю.И. Айхенвальда. Он писал, что театр отвечал определенным духовным потребностям людей [11].

Против взглядов Ю.И. Айхенвальда выступил В.И. Немирович-Данченко. Он писал, что такие идеи просто ошеломили его. Полемизируя с Ю.И. Айхенвальдом, В.И. Немирович-Данченко отметил, что артист должен понять и воплотить на сцене идеи автора пьесы, но внести в него одновременно свое: переживания, страх, где надо плакать — плакать, где надо смеяться — смеяться. По каждому произведению написано множество работ, и актер должен понять и выбрать то, что соответствует той эпохе, когда происходили действия. Актер, режиссер, коллеги актера обязаны понять роль, внутреннее скрытое действие драмы. Если эти проблемы не выяснить на репетициях, артисты не почувствуют переживаний в драме «во всей ее выразительности» [12, с. 235, с. 237].

На сцене, по мнению В.И. Немировича-Данченко, «актер – творец. Он обладает настолько сильной интуицией жизни и психологии, что вносит во всякое свое создание свою собственную личность, автор же только устанавливает известную точку зрения, особое чувство жизни, и это служит для актера руководящим началом в его собственных исканиях» [12, с. 239].

Отрицая идеи Ю.И. Айхенвальда, В.И. Немирович-Данченко писал, что театр является «истинным искусством, как только театр становится выразителем искусства актера...» [12, с. 242].

На рубеже XIX–XX веков проявилось еще одно направление в искусстве, которое затронуло и российские драматические театры. В конце века знаменитый русский писатель, поэт и литературный критик Д.С. Мережковский провозгласил теоретический манифест символизма. Он предлагал определить «мистическое содержание в еще не открытых мирах впечатлительности, наметить новые течения в российской литературе, отрицая необходимость реалистических традиций». Символисты считали себя «талантливыми мыслителями», «могучей силой».

Символисты обходили социальные конфликты в произведениях Г. Ибсена, считая, что Г. Ибсен допускал «невероятность смысла», что в его пьесе «Мертвые» происходило взаимодействие космического и человеческого, что «они любят все сводить на символы, так как не уважают действительности. В.И. Немирович-Данченко отметил и символизм метерлинковских пьес, что в них сквозит таинственная недосказанность, которую артисты на сцене «сценические языки» должны открыть и донести до зрителя [13, с. 31–33].

В.И. Немирович-Данченко выдвинул формулу реалистической эстетики: «от быта к символу; реализм, отточенный до символа» [13, с. 33]. В результате при подготовке к постановке на сцене драму «Мертвые», В.И. Немирович-Данченко, по мнению критиков, слишком заземлил, втиснув символическую пьесу в прокрустово ложе реализма [14], что на репетициях он пользовался гиперболой и придавал среде, окружающей Рубена причудливо гротескный характер [15, с. 143].

Отдал свои симпатии зарождающему в России символизму В.Э. Мейерхольд. Он считал, что это было связано с его точкой зрения «по искусству больших обобщений», что он способен руководить театром [16, с. 67]. Увлечась, но вскоре разочаровалась в символизме В.Ф. Комиссаржевская. Она, создав свой театр, не смогла найти четкой его творческой линии, здесь проявились элементы эклектизма в ее практике, отсутствовала выработанная единая позиция. Единственное, что она могла повторить, воплотить на сцене своего театра –

идеи, открытые К.С. Станиславским и В.И. Немировичем-Данченко [17, с. 92].

Таким образом, на рубеже XIX–XX веков, когда вырабатывались новые направления в театральном искусстве, когда К.С. Станиславский и В.И. Немирович-Данченко боролись за создание общенародного доступного художественного театра, возник символизм, который стал претендовать на лидирующее положение в художественных исканиях театральной жизни России. Символисты выступали за свободу одиноких личностей творить свое искусство, искусство ради искусства. Это был конфликт между идеальным и реальным [18, с. 10–11]. И не случайно Д. Мережковский отрицал высшие идеалы культуры среди цивилизованного варварства, среди грандиозных изобретений человечества [19, с. 243].

О тяжелом положении в российских Императорских драматических театрах знала дирекция и артисты. Рутинная цепко въелась во вкусы и привычки публики, критики, администрации. Так, назначенный новый директор Императорских театров, видный театральный деятель В.А. Теляковский признавался, что порой даже он, наделенный громадной властью, не пробовал вступать в единоборство с определенными традициями петербургских сцен, с их носителями и защитниками. И только постепенно ему удалось ликвидировать замшелость, а артисты перестали жить «по старинке» [20, с. 8 с. 9].

О тяжелом положении в Малом театре в Москве писал в конце XIX века выдающийся артист А.П. Ленский. Он подчеркнул, что «в последнее время наш чудный Малый театр, истощив все средства идти вперед, позволил другому театру опередить себя и, в конце концов, даже ткнуть себя носом в лужу, как провинциального щенка». «Должен даже признаться, что, хотя и с очень большим чувством за свой родной театр, коя от всей души порадовался, радовался даже возникновению художественного театра. Я надеялся, что искры их успеха подожгут, наконец, пуховик нашей «Спящей царевны» – и разбудят ее от летаргического сна!..» [21, с. 433].

Причину кризиса в Малом театре проанализировал выдающийся театральный деятель, актёр, режиссёр А.П. Ленский. Основной причиной, по мнению А.П. Ленского, было то, что актеры вынуждены были играть одобренные комитетом плохие пьесы, что репертуар – тайна от актера. Так, по его подсчетам, в сезон 96–97 годов состоялось 14 «классических» пьес, из которых 12 пьес «не должны были появиться на свет божий» [22, с. 322], что для театральной дирекции было все равно. К таким пьесам он отнес «В новой семье» П.М. Неvejeва, «Грех попутал» Л.Г. Жданова, «Кому

весело живется» И.В. Шпажинского, «По родным дорогам» В.А. Крылова и другие [22, с. 589].

А.П. Ленский отстаивал перед администрацией театра постановку классических пьес и достойных пьес современных драматургов. Он выступал не только против Театрально-литературного комитета, пропускавшего и рекомендовавшего театрам плохие пьесы, предлагавшего и навязывавшего актерам требуху [22, с. 323, с. 590], но и против «Положения об Императорских театрах», против включения в репертуар театров новых пьес русских авторов, даже заведомо плохих [22, с. 590].

В своем письме В.И. Немировичу-Данченко от 17 июня 1898 года П.А. Ленский писал, что он со своим художественным репертуаром будет изображать «добродетельную супругу с тихими семейными радостями», а главный режиссер театра Кондратьев со своими «Виями» и «Подростками», где главной героиней является размазанная француженка «с самым разнузданным сладострастием». Куда же мне тягаться, когда заведующий монтажной частью Малого театра Г.М. Бершов заявил, «что мои желания и планы как режиссера – несколько для него не обязательны Черневским», против такой политики, против уменьшения зарплаты молодым артистам театральной студии протестовал А.П. Ленский. Быть же Черневский великим артистом не мог [23, с. 195–196].

Забываясь о престиже Малого театра А.П. Ленский, критиковал театральную администрацию. Он писал, что в свои бенефисы актеры в основном играли в малозначительных пьесах, «в то время как большинство классических пьес падает лишь на бенефисы Ермоловой и Ленского. Изучение репертуара Малого театра подтверждает, что все основные как классические, так и литературно наиболее ценные современные пьесы вошли в обиход театра лишь благодаря актерам...» [22, с. 590].

Сам А.П. Ленский умел создавать и из эпизодических ролей шедевры. Так, только за игру в пьесе «Старая сказка» он был трижды вызван зрителями [24, с. 141].

Затянувшийся кризис Малого театра волновал московскую театральную общественность. Так, А. Белый писал, что, если на рубеже 80-90-х годов Малый театр вновь завоевал звание «второго университета», то впервые он ощутил тогда, что становится носителем всего духовного опыта, накопленного мировой классикой. Малый театр в эти годы был «рычагом и конденсатором культуры» [25, с. 287], но в конце 90-х годов он утратил свою былую славу. Кризисное явление проявилось в первую очередь в репертуарах театра, что в классических драматических театрах игра артистов в трагедиях и комедиях перестала волновать зрите-

ля, оставляя его холодным и даже безучастным. Отсюда вытекал вывод о необходимости новых форм и новых средств сценической выразительности. Именно это уловили создатели Художественного театра в Москве [26, с. 6].

В прошлом выдающиеся артисты стали сходиться со сцены, стал разлагиваться ансамбль. Для того, чтобы Малый театр не потерял своего выдающегося положения в России и в мире, новый директор московского отдела Императорских театров В.А. Теляковский предпринял ряд мер. Действуя в совершенно других условиях – в замшелых рамках казенных театров, где был, казалось, минимум свободы действия и отсутствовало пространство для маневра, «он принес туда трезвую рабочую голову, отличную русскую смекалку и честность чисто плотного человека» [27, с. 415]. Анализируя положение в Императорских театрах, особенно в период острых конфликтов, В.А. Теляковский пришел к выводу, что «На свете, как в театре, всё так просто – нужно только правильно играть свою роль!» [28, с. 11].

Именно В.А. Теляковский начал с единственно возможного шага возрождения Малого театра. Зная, что в Малом театре в это время работали выдающиеся артисты Г.Н. Федотова, М.Н. Ермолова, О.О. Садовская, Е.К. Лешковская, Н.И. Музиль, П.М. Садовский, В.А. Макшеев, А.П. Ленский, О.А. Правдин, Н.Х. Рыбаков, А.И. Южин и другие [20, с. 84]. В.А. Теляковский знал, что театр в конце 90-х годов стал переживать артистический кризис, особенно в женской своей половине. Знаменитые артисты стали состариваться, многие покинули театр, а пополнение театра молодежью, окончившей театральное училище, не привело к улучшению состава труппы. Многие пришли со старинными театральными фамилиями, «могущими украсить именами любую афишу, но одного в них не доставало и самого главного – таланта!» [20, с. 85].

Познакомившись с положением в Малом театре, В.А. Теляковский предпринял ряд мер: во-первых, он решительными действиями стал наводить порядок в репертуаре, просто запретил ставить вульгарные пьесы Жданова, Шпажинского, Неvejeина, Крылова и других; во-вторых, для молодых артистов был арендован новый театр, где главные роли раздали молодежи, выработали репертуар, обновили декорации [20, с. 88-89]. Следующая задача оказалась наиболее сложной. Многие артисты в сезон играли 50-100 раз личных ролей. Конторы Императорских театров назначали артистам роли, которые они не хотели и не могли играть. Артист вместо художника превращался в исполнителя не только ролей, но и всех распоря-

жений и указаний лиц, решавших судьбу театра [2, с. 380].

Ведущие актеры театра, театральные деятели Российской Империи, такие как А.И. Южин, А.П. Ленский во многих своих статьях, заметках, докладах, письмах систематически ставили вопрос о судьбе Малого театра. Так А.П. Ленский в служебной записке на имя В.А. Теляковского писал в 1899 году, что много скорбных годов пережил Малый театр, «много лет задыхался в бессмысленных пошлостях наводнявшего его репертуар», что артисты просили и молили избавить их «от этого надругательства над несчастным театром и над ними». И чем больше артисты просили, тем больше становилось нелепых пьес, одобряемых комитетом, «и тем чаще они повторялись» [22, с. 210]. Дело дошло до того, что великая артистка после посещения спектакля «Царь Федор Иоаннович» в Художественном театре, стала подумывать о том, чтобы покинуть Малый театр и перейти К.С. Станиславскому [29, с. 163]. Она осознавала, что в МХТ существовал живой контакт артиста со зрителями, то что утратил Малый театр [30, с. 246].

В.А. Теляковский обратился к созвездию первоклассных артистов Малого театра, к самым родовитым, определяющим судьбу театра, к тем, которые определяли единство художественной воли, которые позволяли каждому актёру не терять самостоятельность, идти до конца в своих устремлениях и во много раз увеличивать общие силы. Сплоченность этой плеяды являлось самым существенным достижением театра и выражало глубинные свойства его природы. Это был опыт Малого театра, и судьба многих артистов зависела от этого опыта. Репертуар держался на таланте многих выдающихся артистов. На Ленском и Ермоловой держался основной репертуар классических пьес западноевропейских и российских авторов [31, с. 14].

Прежде чем собрать всю труппу Малого театра, В.А. Теляковский провел беседы с А.П. Ленским, П.М. Садовским и Г.Н. Федотовой, а затем «6 февраля 1899 года состоялось общее совещание, на котором присутствовали: Федотова, Ермолова, Никулина, Лешковская, Садовский, Рыбаков, Ленский, Юшин, Правдин, Музиль, Кондратьев, Нелидов и помощник по управлению конторой Лапка-Старженецкий» [20, с. 91].

Совещание продолжалось около трех часов. На нем высказывались самые разнообразные соображения, но все они сводились к одному – недоволь-

ству ведением дел со стороны Конторы. Единственным выходом из создавшегося положения артисты видели в том, чтобы их привлекли к составлению репертуара и распределению ролей, чтобы постановочное отделение Конторы ограничило свою деятельность выполнением готовых требований относительно новых пьес. С этими доводами артистов В.А. Теляковский согласился [20, с. 91].

Во время собрания было высказано много предложений по улучшению работы театра, особенно со стороны А.И. Южина. В.А. Теляковский сделал вывод, что совещание было интересным, а для него полезным и поучительным, так как много представилось ему «не в том освещении, в каком представилось при отдельных предварительных разговорах с артистами» [20, с. 92].

После совещания В.А. Теляковский пригласил всех артистов к себе на скромный ужин, где он с ними познакомился поближе. Ужин прошел весело и оживленно, превратился в оживлённую беседу, где многие вопросы театральной жизни были обсуждены вне принужденной обстановки [20, с. 92, с. 93].

По своему социальному положению В.А. Теляковский к высшей российской аристократии не принадлежал. Он был демократичнее своих предшественников, прекрасно понимал, что казённая сцена отстает от уровня современных художественных интересов, и стремился привлечь новые силы. Он стремился проводить театральные реформы, но ограниченный различными циркулярами и инструкциями, мог действовать в административном порядке [32, с. 20].

«В конце XIX века в России происходили культурные и общественно-политические процессы, затрагивающие и перестраивающие основы старого театрального мышления. Необходимо было осуществить двуединые задачи: провести коренной обновление театра, одновременно сохранить, развить лучшие традиции прошлого и объединить с интересами современного искусства» [33, с. 199].

В эту эпоху «единственным средством общения передовой интеллигенции и народных масс был театр» [34, с. 137].

Исследование театрального искусства всегда актуально и своевременно. На историческом опыте прошлого всегда основывается современное развитие культуры, которое определено «необходимостью обращения к историческому опыту» [35, с. 1].

Литература

1. История русского драматического театра. М.: Искусство, 1986: в 7 т. Т. 6. 575 с.
2. Южин-Сумбатов А.И. Записки. Статьи. Письма. М.: Искусство, 1951. 612 с.

3. История России XX – начало XIX века. Под редакцией академика РАН Л.В. Милова. М.: Эксмо, 2006. 958 с.
4. Немирович-Данченко В.И. Рождение театра. М.: Зебра, 2009. 650 с.
5. Евреинов Н.Н. История русского театра, Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1955. 411 с.
6. Зоркая Н.М. На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России в 1900-1910 гг. М.: Наука, 1976. 300 с.
7. Теляковский В.А. Дипломатические интриги // Театр, 1923. №10. С.6.
8. Боборыкин П.Д. Народный театр. Санкт-Петербург: тип. газ. «Новости», 1886. 28 с.
9. Державин К. Эпохи Александрийский сцены. Л.: Ленгилх, 1932. 239 с.
10. Айхенвальд Ю. Отрицание театра // В спорах о театре. М., 1924. С. 13 – 15.
11. Кизеветтер А.А. Театр. Очерки. Размышления. Заметки. М.: Задруга, 1922. 115 с.
12. Немирович-Данченко В.И. Рецензии. Очерки. Статьи. Интервью. Заметки, 1877-1942. М.: Всерос. театр. о-во, 1980. 375 с.
13. Фрейдкина Л. Вера в могущество театра // Немирович-Данченко В.И. Рецензии. Очерки. Статьи. Интервью. Заметки, 1877-1942. М.:ВТО, 1980. С. 5 – 52.
14. Письма о современном искусстве // А.В. М.: т-во типо-лит. и торг. В. Чичерин, 1898. 158 с.
15. Виленкин В.Я. Немирович-Данченко В.И. Очерк творчества. М.: Муз. театр им. нар. артиста СССР В. И. Немировича-Данченко, 1941. 326 с.
16. Рудницкий К. Мейерхольд. М.: Искусство, 1981. 423 с.
17. Рыбакова Ю.П. Комиссаржевская: летопись жизни и творчества. Санкт-Петербург: РИИИ, 1994. 519 с.
18. Русский драматический театр конца XIX – начала XX вв. М.: ГИТИС, 2000. 309 с.
19. Мережковский Д. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во И.Д. Сытина, Т. 1-24. Т. 18. 1914. 278 с.
20. Теляковский В.А. Воспоминания. М.: Искусство, 1965. 483 с.
21. Эфрос Н. Московский художественный театр 1898-1923. М., Петербург: Гос. изд-во, 1924. 448 с.
22. Ленский А.П. Статьи. Письма. Заметки. М.: Л.: Academia, 1935. 669 с.
23. Пажитнов Л.Н. Александр Павлович Ленский. М.: Искусство, 1988. 302 с.
24. Гнедич П.П. Книга жизни. Воспоминания, 1855-1918. Москва: Аграф, 2000. 365 с.
25. Белый А. На рубеже двух столетий. М.; Ленинград: Земля и фабрика, 1930. 495 с.
26. Марков П. Новейшие театральные течения (1848-1923): Опыт попул. Изложения. М.: Ред.-изд. Отд. ВСНХ, 1924. 68 с.
27. Боголюбов Н.Н. Теляковский // Театр и искусство. 1917. № 24. С. 415.
28. Теляковский В.А. Тайна кулис // Театр, 1923. № 13. С. 11.
29. Ермолова М.Н. Письма. Из литературного наследия. Воспоминания современников. М.: Искусство, 1955. 495 с.
30. Виноградская И. Жизнь и искусство К.С. Станиславского: Летопись: В 4 т. 1863-1938. Т.1. 1973. 560 с.
31. Фельдман О.М. О Теляковском и его дневниках // Теляковский В.А. Дневники Директора Императорских театров 1898-1901. М. Артист. Режиссер. Театр, 1998. 746 с.
32. История русского драматического театра: в 7 т. Т. 7. 1898-1917. М.: Искусство, 1987. 585 с.
33. Сологян А.А. Российские Императорские драматические театры Петербурга и Москвы в 80-90-е гг. XIX века: дис. ... канд. историч. наук / Московский городской педагогический университет. Москва, 2011. 219 с.
34. Сологян А.А. Российские Императорские драматические театры Петербурга и Москвы в 80-90-е гг. XIX века: автореф. дис. ... канд. историч. наук / Московский городской педагогический университет. Москва, 2011. 20 с.
35. Сологян А.А. Театральная реформа 1882 г. и ее влияние на финансово-экономическое положение Императорских драматических театров России в 80-90-е гг. XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 4. С. 137 – 149.

References

1. Istorija russkogo dramatičeskogo teatra. M.: Iskustvo, 1986: v 7 t. T. 6. 575 s.
2. Juzhin-Sumbatov A.I. Zapiski. Stat'i. Pis'ma. M.: Iskustvo, 1951. 612 s.
3. Istorija Rossii XX – nachalo XIX veka. Pod redakciej akademika RAN L.V. Milova. M.: Jeksmo, 2006. 958 s.
4. Nemirovich-Danchenko V.I. Rozhdenie teatra. M.: Zebra, 2009. 650 s.

5. Evreinov N.N. Istorija russkogo teatra, N'ju-Jork: izd-vo im. Chehova, 1955. 411 s.
6. Zorkaja N.M. Na rubezhe stoletij. U istokov massovogo iskusstva v Rossii v 1900-1910 gg. M.: Nauka, 1976. 300 s.
7. Teljakovskij V.A. Diplomaticheskie intrigi. Teatr, 1923. №10. S.6.
8. Boborykin P.D. Narodnyj teatr. Sankt-Peterburg: tip. gaz. «Novosti», 1886. 28 s.
9. Derzhavin K. Jepohi Aleksandrinskij sceny. L.: Lengihl, 1932. 239 s.
10. Ajhenval'd Ju. Otricanie teatra. V sporah o teatre. M., 1924. S. 13 – 15.
11. Kizevetter A.A. Teatr. Ocherki. Razмышlenija. Zametki. M.: Zadruga, 1922. 115 s.
12. Nemirovich-Danchenko V.I. Recenzii. Ocherki. Stat'i. Interv'ju. Zametki, 1877-1942. M.: Vseros. teatr. o-vo, 1980. 375 s.
13. Frejldkina L. Vera v mogushhestvo teatra. Nemirovich-Danchenko V.I. Recenzii. Ocherki. Stat'i. Interv'ju. Zametki, 1877-1942. M.: VTO, 1980. S. 5 – 52.
14. Pis'ma o sovremennom iskusstve. A.V. M.: t-vo tipo-lit. i torg. V. Chicherin, 1898. 158 s.
15. Vilenkin V.Ja. Nemirovich-Danchenko V.I. Ocherk tvorchestva. M.: Muz. teatr im. nar. artista SSSR V. I. Nemirovicha-Danchenko, 1941. 326 s.
16. Rudnickij K. Mejerhol'd. M.: Iskusstvo, 1981. 423 s.
17. Rybakova Ju.P. Komissarzhevskaja: letopis' zhizni i tvorchestva. Sankt-Peterburg: RIII, 1994. 519 s.
18. Russkij dramaticheskij teatr konca XIX – nachala XX vv. M.: GITIS, 2000. 309 s.
19. Merezhkovskij D. Polnoe sobranie sochinenij. M.: Izd-vo I.D. Sytina, T. 1-24. T. 18. 1914. 278 s.
20. Teljakovskij V.A. Vospominanija. M.: Iskusstvo, 1965. 483 s.
21. Jefros N. Moskovskij hudozhestvennyj teatr 1898-1923. M., Peterburg: Gos. izd-vo, 1924. 448 s.
22. Lenskij A.P. Stat'i. Pis'ma. Zametki. M.: L.: Academia, 1935. 669 s.
23. Pazhitnov L.N. Aleksandr Pavlovich Lenskij. M.: Iskusstvo, 1988. 302 s.
24. Gnedich P.P. Kniga zhizni. Vospominanija, 1855-1918. Moskva: Agraf, 2000. 365 s.
25. Belyj A. Na rubezhe dvuh stoletij. M.; Leningrad: Zemlja i fabrika, 1930. 495 s.
26. Markov P. Novejšie teatral'nye techenija (1848-1923): Opyt popul. Izlozhenija. M.: Red.-izd. Otd. VSNH, 1924. 68 s.
27. Bogoljubov N.N. Teljakovskij. Teatr i iskusstvo. 1917. № 24. S. 415.
28. Teljakovskij V.A. Tajna kulis. Teatr, 1923. № 13. S. 11.
29. Ermolova M.N. Pis'ma. Iz literaturnogo nasledija. Vospominanija sovremennikov. M.: Iskusstvo, 1955. 495 s.
30. Vinogradskaja I. Zhizn' i iskusstvo K.S. Stanislavskogo: Letopis': V 4 t. 1863-1938. T.1. 1973. 560 s.
31. Fel'dman O.M. O Teljakovskom i ego dnevnikah. Teljakovskij V.A. Dnevniky Direktora Imperatorskih teatrov 1898-1901. M. Artist. Rezhisser. Teatr, 1998. 746 s.
32. Istorija russkogo dramaticheskogo teatra: v 7 t. T. 7. 1898-1917. M.: Iskusstvo, 1987. 585 s.
33. Sologjan A.A. Rossijskie Imperatorskie dramaticheskie teatry Peterburga i Moskvy v 80-90-e gg. XIX veka: dis. ... kand. istorich. Nauk. Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet. Moskva, 2011. 219 s.
34. Sologjan A.A. Rossijskie Imperatorskie dramaticheskie teatry Peterburga i Moskvy v 80-90-e gg. XIX veka: avtoref. dis. ... kand. istorich. Nauk. Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij univer-sitet. Moskva, 2011. 20 s.
35. Sologjan A.A. Teatral'naja reforma 1882 g. i ee vlijanie na finansovo-jekonomicheskoe polozhenie Imperatorskih dramaticheskih teatrov Rossii v 80-90-e gg. XIX v. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Istorija Rossii. 2009. № 4. S. 137 – 149.

*Kasárova V.G., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Sologyan A.A., Candidate of Historical sciences (Ph.D.),
Moscow State Automobile and Road Construction University (MADI)*

Crisis phenomena in the theater life of Russia at the end of the XIX century and ways to overcome them

Abstract: the article tells about the theatrical crisis in Russia at the turn of the 19th-20th centuries. Problems in art are considered on the example of the Moscow Maly Theater. The crisis was related to the social economic and political situation during this period. Necessary reforms arose in the theatrical art. Directors, actors, theatrical figures and critics spoke and wrote about the crisis in theatrical art. In the late 19th and early 20th centuries, new trends and styles began to appear in theatrical art. Cinema invaded art. Famous Russian directors K.S. Stanislavsky and V.I. Nemirovich-Danchenko fought for the creation of a public accessible Art Theater. Leading artists of the Imperial Theatres, critics, directors, prominent public and theatrical figures prepared the transition to a new stage in the development of Russian theatrical art to a new, public theater. Leading theatrical figures have done everything to make the Russian theater not only loved, not only carried away, so that it is respected, so that its value in itself is equal to the highest art. The article analyzes their struggle for the theatre. The work is based on historical archival documents, memoirs, letters.

Keywords: drama theatre, memoirs, theatrical art crisis, Maly Theatre, reforms, theater history

For citation: Kasárova V.G., Sologyan A.A. Crisis phenomena in the theater life of Russia at the end of the XIX century and ways to overcome them. Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 34 – 41.

*Юрченко Е.С., кандидат исторических наук, доцент,
Тихоокеанский государственный университет*

Позиция США по вопросу о польско-украинской войне и восточным границам Польши в 1918-1919 г.

Аннотация: в статье рассматривается позиция американского руководства по вопросу о польско-украинской войне 1918-1919 гг. Автор обращает внимание на стремление правительства США ограничить территориальные претензии Польши на востоке и крайне негативную оценку попыток польского руководства закрепить за собой эти территории военным путем. Также в работе нашло отражение отсутствие четкой позиции Белого дома по вопросу о статусе и границах УНР и ЗУНР. Анализируются факторы, обусловившие решение Вашингтона поддержать временную оккупацию Восточной Галиции польской армией. Подчеркивается намерение правительства США рассматривать вопрос об украинских территориях лишь как часть проблемы российско-польского размежевания.

Ключевые слова: польско-украинская война, Восточная Галиция, политика «свершившихся фактов», принцип моноэтничности, самоопределение наций

Для цитирования: Юрченко Е.С. Позиция США по вопросу о польско-украинской войне и восточным границам Польши в 1918-1919 г. // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 42 – 48.

В условиях текущей ситуации на международной арене можно наблюдать беспрецедентный уровень зависимости Украины от Польши и США. Несмотря на то, что польская политическая элита не скрывает своих экспансионистских намерений в отношении восточного соседа, взаимодействие двух государств надежно скреплено общей анти-российской направленностью их политики и влиянием со стороны американского государства. При этом официальный Вашингтон игнорирует рост польского милитаризма и территориальные претензии Варшавы, подстегивая ее к дальнейшему активному участию в конфликте. В этой связи актуально вспомнить, насколько отличалась позиция США в вопросе о польско-украинских отношениях в момент, когда сами Штаты под руководством демократа В. Вильсона впервые продемонстрировали претензии на роль мирового гегемона.

В исторической литературе проблема американской позиции в отношении польско-украинского конфликта чаще привлекает внимание специалистов как один из аспектов более широкого круга вопросов послевоенного урегулирования в Европе, а также в рамках исследований по истории борьбы национальных окраин за самоопределение [4, 7, 8]. Исследователи истории польско-украинских отношений и борьбы за судьбу Восточной Галиции обращают внимание на стремление национальной элиты использовать американский тезис о праве на самоопределение в качестве аргумента в защиту своих территориальных претензий. Попытки легализовать претензии на спорные территории путем демонстрации активной поддержки со стороны населения [7]. Вместе с тем, в большинстве работ до сих пор прослеживается тенденция рассматривать позицию США

как часть общей политики Антанты. Вне поля зрения остаются вопросы об отношении руководства Белого дома к вопросу о статусе и границах Украины, а также факторах, определявших позицию американского государства в отношении польской оккупации восточных территорий.

В 1918 г. поляки и украинцы одновременно оказались вовлечены в геополитическое противостояние великих держав, решая вопрос о независимости и границах своих государств. Президент США В. Вильсон, чья программа мирного урегулирования по итогам мировой войны должна была лечь в основу работы Парижской мирной конференции предполагал, что образование на руинах старых авторитарных империй новых государств станет наглядной демонстрацией воплощения в жизнь принципа о праве наций на самоопределение. Однако данный принцип в понимании американского президента предусматривал, во-первых, что данные государства будут моноэтничными, во-вторых, будет признана независимость лишь тех из них, кто продемонстрировал политическую, экономическую и военную состоятельность. И если пункт о воссоздании независимого Польского государства уже был озвучен американским руководством в ходе войны и вошел в «14 пунктов» в январе 1918 г., то проблема признания и поддержки независимости Украины правительством США даже не упоминалась. Даже в преддверии начала мирной конференции «украинского вопроса», как такового, в международной повестке не существовало.

Отправляясь в Париж на конференцию, Вильсон на совещании с членами американской делегации заявил, что в рамках реализации принципа о праве на самоопределение, необходимо выяснить

под чей суверенитет хотели бы перейти государства, образовавшиеся на месте Российской империи. Президент настаивал, что, право на самоопределение «теперь не сможет проигнорировать ни один государственный деятель без вреда для себя» [1, с. 42-44]. Госсекретарь Р. Лансинг опасался, что подобная позиция подтолкнет отдельные народы к выдвижению «невозможных требований, и вызовут во многих странах волнения и недовольство» [1, с. 46]. Однако предоставлять им право голоса на конференции глава Белого дома не собирался. Судьбу малых народов должны были решать великие державы. Понимая это, национальная элита большинства бывших окраин империи стремилась предпринять шали, чтобы упрочить свое положение к началу Парижской конференции. Основной тактикой польских властей во главе с Ю. Пилсудским, стала политика «свершившихся фактов». Она предусматривала оккупацию и установление фактического контроля польских властей над спорными территориями до начала мирной конференции. Развал Австро-Венгрии и военное поражение Германии создали для Польши благоприятные условия, позволявшие заполнить возникший вакуум силы в регионе. 9 октября 1918 г. польские депутаты в австрийском парламенте заявили о суверенитете Польши и присоединении к ней территории Галиции. Это привело к конфликту с украинскими националистами. 10 октября 1918 г. украинская фракция, которую возглавлял Е. Петрушевич, назначила на 18 октября 1918 г. созыв во Львове Украинского национального совета (УНС). В конце октября 1918 г. совет выступил за создание независимого украинского государства на территории Галиции, Буковины и Закарпатья. Далеко не все многонациональное население Галиции, четверть которого составляли поляки, поддержало идею самостоятельности. Тем не менее, опираясь на поддержку украинских солдат и офицеров австро-венгерской армии, сторонники независимости захватили власть во Львове. 3 ноября 1918 г. Украинский национальный совет опубликовал манифест о независимости Галиции. Против выступили не только поляки, начавшие вооруженное сопротивление, но и сторонники объединения с Венгрией, Украиной, Россией. Территориальные претензии на галицийские земли имели и другие государства. Румынские войска заняли Черновцы. 15 января 1919 г. в Закарпатье вошли войска Чехословакии.

Сразу после прихода к власти Ю. Пилсудского и провозглашения независимости Польши в ноябре 1918 г. польские войска активизировали наступление в Галиции и отвоевали Перемышль. Британское правительство заявило, что не приемлет такие действия и рассматривает их как попыт-

ку польского правительства «опередить решения Мирной конференции» [9]. Тем не менее, польские войска продолжили наступление и заняли Львов. В защиту действий польской армии выступил польский Национальный комитет в Париже. Несмотря на то, что Западно-Украинская республика не объявляла о своем присоединении к Украине, польские политики усмотрели в действиях украинских националистов во Львове реализацию совместного германо-украинского плана. По мнению польских – лидеров Германия и Австрия стремятся сделать Польшу как можно более слабой и создать Украину, управляемую Германией. «С этой целью Германия в течение всей войны выступала против союза Галиции и Польши и даже сейчас прилагает все усилия, чтобы предотвратить этот союз. Именно по тем же причинам немцы предоставили украинцам, по Брест-Литовскому договору, Холмскую губернию, которая всегда была частью царства Польского и польский характер которой был доказан даже австрийской переписью» [9]. 28 ноября Ю. Пилсудский направил командующему польской армией в Восточной Галиции генералу Т. Розвадовскому письмо, в котором настаивал на необходимости скорейшей оккупации Восточной Галиции [5, с. 28].

В конце декабря 1918 г. Председатель Национального совета Западно-Украинской Народной Республики Е. Петрушевич обратился с посланием к американскому президенту, в котором попросил помощи американского государства. По словам Петрушевича, «польское правительство в Варшаве постоянно посылает войска в большом количестве в Восточную Галицию. Его целью является свержение военной силой бывшего украинского государства Галицкого, восстановленного на своей территории украинской нацией в порядке осуществления права народов на самоопределение и в настоящее время образованного как «Западно-Украинская Республика», и насильственное присоединение его к Польскому королевству». По мнению Петрушевича, США как гарант права наций на самоопределение, могут оказать воздействие на поляков с целью немедленного вывода польских войск [9].

Американское государство было обеспокоено стремлением поляков отодвинуть границы на востоке, но поскольку восстановление независимости Польши было одним из пунктов вильсоновской программы, в ноябре-декабре 1918 г. правительство США больше волновал вопрос о создании польского коалиционного правительства. Проблема границ для Вильсона являлась частью общего европейского урегулирования и должна

была решаться лишь после заключения мирных договоров с Германией и ее союзниками.

В декабре 1918 г. войскам украинской Директории удалось свергнуть прогерманское правительство гетмана Скоропадского. Была восстановлена Украинская народная республика (УНР), начавшая оказывать военную и экономическую поддержку ЗУНР. 22 января 1919 г. между Украинской Народной Республикой и Западно-Украинской Народной Республикой был подписан акт об объединении. Для польского руководства действия УНР являлись попыткой аннексии исконно польских территорий. Поляки не рассматривали ЗУНР как самостоятельное образование и расценивали вооруженный конфликт в Восточной Галиции как польско-украинскую войну. 29 января глава польской делегации на мирной конференции И. Падеревский выступил с планом, согласно которому, вся Восточная Галиция должна была присоединиться к Польше. В двух нотах от 28 февраля и 3 марта польская делегация в Париже потребовала присоединения областей со «смешанным населением (польским, белорусским и украинским) на том основании, что эти территории: 1) являются бывшей Речи Посполитой и 2) несмотря на 150-летнюю антипольскую политику русского правительства, сохранили свой явно польский характер» [5, с. 264].

Однако в январе 1919 г. украинцы контролировали большую часть этой территории. Объединенная делегация УНР и ЗУНР выступила с требованием проведения польско-украинской границы по реке Сан. Основным аргументом в борьбе с польским проектом для украинцев являлся тезис В. Вильсона о праве наций на самоопределение. В Восточной Галиции украинцы составляли большинство населения. Однако осуществление совместных действий с немецким командованием и большое число австрийцев в составе армии ЗУНР являлись серьезным препятствием для расширения поддержки со стороны союзников, не менее значимым фактором являлось стремление Франции содействовать укреплению положения Польши в противовес позиции Великобритании и США. Еще одним фактором являлась гражданская война в России и успешные действия Красной армии зимой 1919 г.

Зима 1919 г. была периодом наиболее успешных военных действий объединенных украинских сил. Перед американским правительством возникло две альтернативы: либо поддержать стремление национальных правительств к суверенитету и использовать их в борьбе с Советами, добившись от антибольшевистских сил признания независимости национальных окраин; либо пойти на соглашение с Советским правительством на тех же

условиях. Зимой 1919 г. войска Красной армии вышли к Днепру. После чего отдельные эксперты в составе американской делегации высказались в пользу обсуждения вопроса о судьбе национальных окраин с правительством РСФСР.

24 января Вильсон выступил с заявлением, в котором недвусмысленно дал понять, что тактика «свершившихся фактов» может иметь для Польши самые серьезные последствия: «Те, кто применяет силу, вызывают подозрение, что они сомневаются в правомерности и справедливости своих поступков и намерены вместо доказательств поставить факт обладания, утверждая, таким образом, свой суверенитет скорее применением силы, чем соображениями национального родства. Это мешает удовлетворению претензий, которые они могли бы потом предъявить, свидетельствует об их недоверии к конференции и может привести к губительным последствиям» [5, с. 184]. Американская делегация выступила решительно против действий польских властей. Руководство официального Вашингтона настояло на прекращении набора добровольцев в польскую армию на территории США. Вильсон отказался обсуждать вопрос о границах Польши, пока не будет подписан договор с Германией.

Верховный совет Парижской мирной конференции 12 февраля 1919 г. назначил комиссию по польским делам. 28 февраля 1919 г. польская сторона под давлением союзников согласилась на установление разграничительной линии между польскими и украинскими войсками, в соответствии с предложением межсоюзной комиссии, прибывшей в Польшу. При этом Львов и Перемышль оставались на польской стороне. Украинская сторона с таким разграничением не согласилась, и перемирие было сорвано.

1 марта была создана подкомиссия для разработки проекта будущих границ Польши. В состав комиссии вошли генерал Ле Рон (Франция), доктор Боумен (США) и полковник Ф. Киш (Великобритания). В основу проекта комиссии был положен принцип этнического характера территорий.

В апреле-мае 1919 г. ситуация на востоке радикально изменилась. Перешедшие в наступление армии антибольшевистских сил сумели значительно потеснить Красную армию. Великие державы начали обсуждать возможность признания правительства Колчака и совместных действий армий антибольшевистских сил с армиями национальных государств. По свидетельствам членов польского Национального комитета, наступление Колчака серьезно повлияло на восприятие союзниками проблемы восточных границ. Из Франции в Польшу была перебросена армия, состоявшая из поляков-эмигрантов, под командованием Ю. Галлера. Сразу по прибытии эти части были направ-

лены на украинский фронт, что позволило переломить ситуацию и значительно отодвинуть границу на восток. Это укрепило позиции милитаристов и сторонников продолжения политики «свершившихся фактов» в окружении Пилсудского. 19 марта союзники потребовали от польского руководства прекратить наступление, однако это требование было проигнорировано. Уже в апреле Генеральный штаб польской армии считал, что договариваться о перемирии с украинцами, тем более на условиях соглашения 28 февраля нет смысла [5, с. 200-201].

Однако решение каких-либо политических вопросов без одобрения союзников могло означать для Польши поражение в борьбе за признание западных границ. 3 апреля на Заседании Совета Четырех в присутствии главы польской делегации было озвучено предложение не передавать Данциг Польше, а сделать его вольным городом. 13 апреля польский дипломат в Великобритании Т. Филипович отправил в Париж секретную записку об отношении Великобритании к вопросу о границах на востоке. Дипломат подтвердил, что министерство иностранных дел Великобритании продолжает придерживаться позиции проведения границ по этнографическому принципу. При этом оно не возражает против федерации с Литвой со столицей в Вильнюсе и даже Латвией. Однако считает территорию Белоруссии частью России, а Восточную Галицию предпочитает передать Украине. Также, по словам Филиповича, влиятельные английские политики выступают против передачи Данцига под контроль Польши [5, с. 209].

Польский Национальный комитет в Париже настаивал в своих посланиях правительству в Варшаве, что союзники не станут принимать окончательного решения, пока в России не будет правительства, признанного Антантой. Поскольку союзники не перестали считаться «весьма щепетильно с голосом России в вопросе урегулирования ее границ с Польшей» гораздо больше шансов на осуществление имеет программа федерализации под эгидой России. По мнению членов комитета, единственный способ избежать этого - доказать польский характер этих территорий и добиваться их непосредственного присоединения к Польше, а не унии. Зная о намерении американцев использовать инструмент плебисцита, польские представители в Париже настаивали на том, что необходимо принять срочные меры: «В любой момент может быть проведен опрос в целях проверки, польский или не польский характер имеют наши восточные окраины. Еще до этого времени территории, на которые претендует Польша, должны быть в наших руках, и там должно быть все сделано для того, чтобы польский их характер

сразу же бросился в глаза комиссии, которая придет для проведения опроса населения» [5, с. 265].

В своих инструкциях И. Падеревскому Ю. Пилсудский настаивал: «До решения вопроса о наших западных границах мы на 9/10 зависим от доброй воли Антанты. Поэтому я всегда придерживался того мнения, что пока этот основной вопрос не будет разрешен, нужно решение всех других проблем, которые могут вызвать протесты Антанты, стараться затягивать насколько возможно, не ставя нигде точек над «и». Тогда будет легче, используя различные предлоги, которые всегда найдутся решать вопросы в свою пользу, учитывая то обстоятельство, что мы будем нужны другим больше, чем они нам» [5, с. 239].

И. Падеревский в мае 1919 г. выступил перед участниками конференции при голосовании о восточных границах Польши. Он заявил, что действия польских властей – это операция против украинских бандитов, притесняющих польское и русинское население [6, с. 25]. 27 мая на заседании Совета Четырех американский президент заявил, что наступление поляков в действительности часть французского плана по формированию санитарного кордона [11, р. 531]. Британская и американская делегации на конференции придерживались схожих позиций по вопросу о границах Польши. И те и другие стремились ограничить территориальные претензии Варшавы. Однако угроза того, что в ходе гражданской войны спорные районы окажутся заняты Красной армией заставляла союзников считаться с присутствием польских войск. Обращает на себя внимание тот факт, что сформулированные союзниками в мае условия продолжения помощи Колчаку содержали пункты об обязательном признании независимости Польши и Финляндии, содержалось также требование предоставить широкую автономию Прибалтике и Закавказью, отношения с которыми правительство России должно было выстраивать при посредничестве Лиги Наций [11, р. 448-470]. Аналогичное требование относительно Украины отсутствовало.

К маю военное положение украинской армии стало катастрофическим. Делегация ЗУНР обратилась за помощью к межсоюзной комиссии, однако получила отказ. К началу июня Украинская Галицийская Армия оказалась зажата в так называемый «треугольник смерти», будучи окружена польскими, советскими и войсками белых армий. 18 июня министры иностранных дел стран Антанты получили ноту британского министра иностранных дел Бальфура с предложением временно разрешить Польше оккупировать Восточную Галицию для борьбы с большевиками. Также предлагалось назначить комиссара от Лиги Наций и разъяснить

украинцам, что польская оккупация явление вынужденное. После освобождения от большевиков, по мнению британского кабинета, в Восточной Галиции необходимо было провести плебисцит [5, с. 258]. 25 июня польское правительство получило разрешение от союзных держав оккупировать Восточную Галицию до реки Збруч и использовать для этого войска генерала Ю. Галлера. К началу июля польско-украинская война была фактически завершена.

1 августа Р. Дмовский направил в министерство иностранных дел секретную телеграмму, в которой ознакомил польское правительство с проектом по границам, подготовленным межсоюзной комиссией под руководством Ле Рона. В соответствии с проектом предполагалось, что граница пройдет восточнее Перемышля. При этом Галиция должна будет иметь самоуправление, свой бюджет и представительство в польском Сейме. Проект вызвал протесты британской делегации, стремившейся максимально расширить автономию Галиции [5, с. 292]. Американские эксперты рекомендовали президенту Вильсону воздержаться от обсуждения вопроса о восточных границах Польши, до тех пор, пока не будет заключен договор между Польшей и правительством России, признанным союзниками [10, р. 297]. Адмирал Колчак отказывался обсуждать вопрос о границах, пока не завершится гражданская война, и не будет созвано Учредительное собрание. 1 сентября было подписано соглашение польского правительства с главой Украинской директории С. Петлюрой об установлении демаркационной линии по реке Збруч. Остатки Галицийской армии, принимавшие участие в попытке захватить Киев вместе с Петлюрой, предпочли заключить договор с Деникиным, расценив польско-украинские переговоры как предательство.

Отступление армий Колчака летом – осенью 1919 г. перенесло центр антибольшевистского движения в России на Юг и Северо-Запад. В этих условиях перспектива участия польских войск в совместных военных действиях с Деникиным могла стать решающим фактором перелома в гражданской войне. Но для польского руководства возможность победы антибольшевистских сил под руководством великодержавно-настроенных белых генералов могла обернуться потерей уже отвоєванных позиций.

В сентябре в Таганроге состоялось совещание А.И. Деникина с представителем польской военной миссии генералом Карницким. Деникин настаивал на совместных действиях и продвижении польской армии до линии Верхнего Днепра, тогда как глава польской миссии стремился, в первую очередь, добиться гарантий

по вопросу о границах на востоке. Однако от обсуждения этой темы Деникин уклонился. В разгар боевых действий польские войска прекратили боевые действия против Красной армии, позволив ей сосредоточить силы против белых, занявших Киев [2, с. 150]. Одновременно, начальник польского государства поддерживал инициативу тех представителей антибольшевистского лагеря, которые готовы были пойти на территориальные уступки в обмен на военную помощь поляков.

30 сентября министр иностранных дел омского правительства С.Д. Сазонов уведомил посла в Вашингтоне о том, что Б.В. Савинков и Н.В. Чайковский уже заручились согласием Ю. Пилсудского на совместные действия при условии, что в Литве и Белоруссии после освобождения от большевиков, будет проведен плебисцит по вопросу о будущем этих территорий, и интересы России будет представлять не А.И. Деникин, а «широкий фронт политических и общественных имен». Также Ю. Пилсудский отказывался от претензий на Подолье и Волынь, и соглашался привлечь к совместным действиям эстонцев и латышей, если омское правительство признает их в качестве де-факто правительств [3].

На практике польское руководство предпочло дожидаться разгрома Деникина. Тогда как союзники готовы были поощрить Польшу к совместным действиям с белыми. 21 ноября Польша получила мандат на 25 летнее управление Восточной Галицией под контролем Лиги Наций. 8 декабря 1919 г. Верховный совет Антанты огласил Декларацию о временных восточных границах Польши, согласно которой границей стала линия этнографического преобладания польского населения. Польские лидеры оказались разочарованы позицией союзников. 26 декабря 1919 г. польский министр иностранных дел Патеке встретился с британским премьером в Лондоне. Д. Ллойд Джордж заявил, «что Лига Наций, без сомнения, придет на помощь Польше, если на нее нападут большевики в ее истинно польских границах, но она не может рассчитывать на помощь в удержании территорий за ее этническими пределами». Глава английского правительства четко дал понять, что если Польша будет и дальше пытаться отстоять захваченные на востоке земли, она останется без поддержки союзников [9]. Официальный Вашингтон также считал линию Керзона решением вопроса о границах и отказывался поддерживать любые попытки поляков пересмотреть условия Декларации.

20 января 1920 г. госсекретарь направил президенту доклад по ситуации в России, с рекомендацией представить в Конгрессе в виде специального послания и обращение английского премьера. В

послании говорилось, что союзные правительства должны провозгласить политику невмешательства в границы России, но при этом признать независимость пограничных государств. Также добиться от большевиков отказа от посягательств на независимость этих сообществ [12, р. 307-309]. Однако в центре внимания американского руководства находилась проблема ратификации Версальского мирного договора, без которого проект Вильсона по послевоенному переустройству был бы потерян. 19 марта 1920 г. в ходе окончательного голосования Сенат не ратифицировал договор, и правительство США потеряло юридические основания выступать гарантом реализации достигнутых в Париже соглашений. Однако позицию по границам Польши официальный Вашингтон не изменил.

Показательно, что за весь период с момента образования УНР и ЗУНР руководство официального Вашингтона ни разу не озвучило вопрос о международно-правовом статусе этих образований. Проблема признания их независимости ни разу не стала предметом обсуждения в Белом доме. Несмотря на то, что украинцы апеллировали к вильсоновскому принципу о праве наций на самоопределение, вопрос о судьбе украинских территорий рассматривался американским президентом

как часть проблемы границ Польши и России. Будучи сторонником моноэтничной Польши и федерализованной России, В. Вильсон шел по пути включения пунктов о правах национальных меньшинств в договоры с новыми государствами в Европе. Данные пункты позволяли интернационализировать проблему самоопределения народов в многонациональных государствах, предоставляя им возможность обратиться за защитой в Лигу Наций. Именно такой пункт был включен в Малый Версальский трактат, навязанный Польше в июне 1919 г.

Однако военные успехи польской армии стали наиболее значимым фактором в решении вопроса о судьбе спорных территорий, обусловив стремление польского руководства и дальше применять политику «свершившихся фактов» на востоке. В свою очередь, Белый дом, настаивая на проведении границы по этнографическому принципу, расценивал продвижение польских войск как попытки захватить российские территории. Из-за противодействия американского Конгресса, реальных рычагов воздействия на политику польских властей у американского руководства к концу 1919 г. практически не осталось, что позволило польскому правительству игнорировать требования США.

Литература

1. Бекер Р.С. Вудро Вильсон, мировая война, Версальский мир: По документам и запискам пред. Амер. ком. печати на Версальск. конференции Стэннарта Бекера М.; П.: Гос. изд-во, 1923. 451 с.
2. Гаврин Д.А. Наступление вооруженных сил юга России на Москву и советско-польская война в 1919 г. // Вестник ТГПУ. 2009. № 5 (83) С. 149 – 153.
3. ГАРФ. Ф. 10003, К. 86, Р. 1.
4. Гуцин А.В. Установление восточных границ независимого польского государства в 1918-1923 гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2012. № 4. С. 50 – 61
5. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. II. Ноябрь 1918 г. апрель 1920 г. / Ин-т славяноведения АН СССР, Сектор истории польско-советских отношений Польской АН; Отв. ред. И.А. Хренов, Н. Гонсеровская-Грабовская. М.: Наука, 1964. 719 с.
6. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918-1939 гг. М.: Вече, 2001. 460 с.
7. Пятовский С.А. Западные державы и урегулирование 1918-1919 гг. польско-украинского конфликта // Метаморфозы истории. 2021. № 22. С. 266 – 278.
8. Складов А.С. Польско-украинское разграничение 1918-1923 гг.: дисс... канд. ист. наук. М. 1998. 250 с.
9. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, The Paris Peace Conference, 1919. Vol. II. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1919Parisv02> (дата обращения: 12.06.2021)
10. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, The Paris Peace Conference, 1919. Vol. XI [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1919Parisv02> (дата обращения: 12.06.2021)
11. The papers of Woodrow Wilson. Vol. 59. Princeton, 1989. 744 p.
12. The papers of Woodrow Wilson. Vol. 64. Princeton, 1991. 575 p.

References

1. Beker R.S. Vudro Vil'son, mirovaja vojna, Versal'skij mir: Po dokumentam i zapiskam pred. Amer. kom. pechati na Versal'sk. konferencii Stjennarta Bekera M.; P.: Gos. izd-vo, 1923. 451 s.
2. Gavrin D.A. Nastuplenie vooruzhennyh sil juga Rossii na Moskvu i sovetsko-pol'skaja vojna v 1919 g. Vestnik TGPU. 2009. № 5 (83) S. 149 –1 53.
3. GARF. F. 10003, K. 86, R. 1.
4. Gushhin A.V. Ustanovlenie vostochnyh granic nezavisimogo pol'skogo gosudarstva v 1918-1923 gg. Vestnik RGGU. Serija: Politologija. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2012. № 4. S. 50 – 61
5. Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-pol'skih otnoshenij. T. II. Nojabr' 1918 g. aprel' 1920 g. In-t slavjanovedenija AN SSSR, Sektor istorii pol'sko-sovetskih otnoshenij Pol'skoj AN; Otv. red. I.A. Hrenov, N. Gonserovskaja-Grabovskaja. M.: Nauka, 1964. 719 s.
6. Mel'tjuhov M.I. Sovetsko-pol'skie vojny. Voennopoliticheskoe protivostojanie 1918-1939 gg. M.: Veche, 2001. 460 s.
7. Pjatovskij S.A. Zapadnye derzhavy i uregulirovanie 1918-1919 gg. pol'sko-ukrainskogo konflikta. Metamorfozy istorii. 2021. № 22. S. 266 – 278.
8. Skljarov A.S. Pol'sko-ukrainskoe razgranichenie 1918-1923 gg.: diss... kand. ist. nauk. M. 1998. 250 s.
9. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, The Paris Peace Conference, 1919. Vol. II. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1919Parisv02> (data obrashhenija: 12.06.2021)
10. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, The Paris Peace Conference, 1919. Vol. XI [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1919Parisv02> (data obrashhenija: 12.06.2021)
11. The papers of Woodrow Wilson. Vol. 59. Princeton, 1989. 744 p.
12. The papers of Woodrow Wilson. Vol. 64. Princeton, 1991. 575 p.

*Yurchenko E.S., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Pacific State University*

The US position on the Polish-Ukrainian war and the eastern borders of Poland in 1918-1919

Abstract: the article examines the position of the American leadership on the issue of the Polish-Ukrainian war of 1918-1919. The author draws attention to the desire of the US government to limit Poland's territorial claims in the east and the extremely negative assessment of the attempts of the Polish leadership to de facto secure these territories by military means. The work also reflected the lack of a clear position of the White House on the status and borders of the UPR and WUPR. The factors that caused Washington's decision to support the temporary occupation of Eastern Galicia by the Polish army are analyzed. The intention of the US government to consider the issue of Ukrainian territories only as part of the problem of Russian-Polish demarcation is emphasized.

Keywords: Polish-Ukrainian war, Eastern Galicia, the policy of "fait accompli", the principle of mono-ethnicity, self-determination of nations

For citation: Yurchenko E.S. The US position on the Polish-Ukrainian war and the eastern borders of Poland in 1918-1919. Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 42 – 48.

*Астанина Е.А., кандидат исторических наук, доцент,
Тихоокеанский государственный университет*

Современная отечественная историография советской молодежной политики конца 1920-х – 1930-е гг.

Аннотация: молодежь, являясь самой подвижной, адаптивной и одновременно передовой частью общества, стремительно откликается на любые перемены в социально-экономической, политической и культурной сфере. Однако разобщенность и дезинтегрированность современной молодежи делают эту социальную группу наиболее подверженной негативным влияниям, что определяет особое внимание к ней со стороны властных и общественных структур.

Интерес со стороны современных исследователей к молодежной политике Советского государства, обращает внимание на переломный период в истории страны – конец 1920-1930-е гг., когда ее руководство приступило к проведению социалистической модернизации. В связи с этим, предметом статьи стал анализ диссертационных исследований отечественных ученых начала XXI в., которые объектом своих изысканий определили молодежь, молодежные движения и советскую молодежную политику в рассматриваемый период.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, молодежь, историография молодежной политики, Советское государство

Для цитирования: Астанина Е.А. Современная отечественная историография советской молодежной политики конца 1920-х – 1930-е гг. // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 49 – 57.

Политико-трансформационные процессы Российской Федерации в последнее десятилетие XX столетия оказали мощное влияние на российское общество, затронув все сферы социально-экономической, политической и духовной жизни страны. Одной из негативных тенденций явилась глубокая дисфункция традиционных форм социализации молодых, которая привела к повсеместному усвоению молодежной средой ценностей индивидуализма, эгоизма, порицанию и даже полному отрицанию коллективного, а также росту различных социальных патологий [41].

С отказом от идеологической модели советского общества перед государственной властью встала задача выработать свою программу молодежной политики и институционально оформить структуру государственных органов по делам молодежи. Закон «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР, принятый в 1991 г., закрепил трактовку государственной молодежной политики как деятельности государства, «имеющей целью создание социально-экономических, организационных и правовых условий и гарантий для социального становления и развития молодых граждан, их наиболее полной самореализации в интересах всего общества» [19]. Во второй половине 1990-х гг. были приняты документы, относящиеся к сфере молодежной политики, которые, однако, не в состоянии были решить все проблемы молодежи [17, 18].

Ситуация мало изменилась и в начале XXI в. Принятые 29 ноября 2014 г. «Основы государственной молодежной политики Российской Фе-

дерации на период до 2025 года» подтвердили наличие тенденции нарастания негативного влияния целого ряда внутренних и внешних факторов. В документе отмечено, что «проблемным фактором является деструктивное информационное воздействие на молодежь, следствием которого в условиях социального расслоения, как показывает опыт других стран, могут стать повышенная агрессивность в молодежной среде, национальная и религиозная нетерпимость, а также социальное напряжение в обществе» [22].

В связи с этим, возрастает потребность в более пристальном изучении молодежи и политики по отношению к ней в разные периоды отечественной истории. Интерес представляет разработка отечественными историками молодежной политики, осуществляемой советским руководством в один из переломных моментов истории советского государства – период социалистической модернизации конца 1920-х – 1930-е гг.

С начала XXI в. было подготовлено и защищено около 40 диссертационных исследований, посвященных различным аспектам советского молодежного движения и государственной молодежной политики в рассматриваемый период. Из этого перечня были выделены две группы работ, географические рамки которых, носят общегосударственный и региональный характер. Внутри этих групп деление происходило в хронологическом и географическом порядке.

Исследования, охватывающие проблемы молодежи в общегосударственном контексте представляют особый интерес, в связи с попыткой дать

обобщающий анализ. Большая часть таких работ появилась в первое десятилетие XXI в. Однако если объектом исследования у авторов выступает преимущественно советская молодежь и политика по отношению к ней, то предмет и цель конкретизируется в зависимости от того аспекта, который авторы рассматривают. Так, С.Р. Туктаров [37] определяет предметом политику ВКП(б) и государства в отношении молодого поколения; А.В. Афонин [1] анализирует положение рабочей молодежи, уделяя внимание механизму формирования нового пополнения рабочих кадров города и деревни в 1920-е – начале 1930-х гг. и роли партийно-государственных органов и структур в этом направлении, О.В. Татаринев [35] рассматривает в целом молодежное движение и его роль и место в советской политической системе. Указанные исследователи обращают внимание на исторический опыт функционирования молодежного движения в стране. Маковецкая Ю.Г. [11] близка по предмету О.В. Татариневу, но акцент делает на общественно-политических процессах в 1920-1930-е гг. и влиянии государственной и партийной политики на формирование советской молодежи. Цветлюк С.Л. [39] рассматривает политику правящей компартии и советского государства, направленную на мобилизацию молодого поколения в дело модернизации страны на коммунистических основах. Все эти исследования отличает то, что выбранные темы не являлись до этого предметом системного и комплексного анализа с позиций нового методологического подхода после отказа от советской исторической методологии.

Особняком среди этих работ выделяются исследования А.Ю. Рожкова, Л.В. Кульгускиной и С.Г. Новикова. Рожков А.Ю. [28], используя наработки «новой» исторической науки на примере школьников, студентов и красноармейцев, предпринимает попытку выявить условия повседневной жизни и деятельности молодых людей. Используя концепты «молодой человек» и «повседневный жизненный мир», исследователь открывает возможность по-новому взглянуть на процессы, происходившие в молодежной среде с точки зрения их обыденной жизни. Работа представляет интерес тем, что обращает внимание на первое поколение Советского государства, на долю которого выпало участие в социалистической модернизации.

Кульгускина Л.В. [10] рассматривает молодежь в качестве объекта государственной политики по созданию «нового советского человека», в связи с чем предметом исследования стали формы и методы советского государства по формированию определенных стереотипов мышления и социально-психологических качеств молодежи. Как и ис-

следование А.Ю. Рожкова, работа соответствует исследовательской модели «новой» исторической истории, а именно социальной, позволяющей обращаться к таким явлениям как менталитет, общественное сознание, образ жизни, мировоззрение. Используя междисциплинарный подход, автор широко использует метод «ментального измерения» истории, позволяющий реконструировать социально-психологические особенности и стереотипы поведения, закладываемые в сознание подрастающего поколения в конце 1920-х – 1930-х гг.

Новиков С.Г. [16] исследует рабочую молодежь и ее воспитание как важнейшее условие форсированной модернизации. Работа выполнена по специальности «Педагогические науки», однако автор обращается к историческому опыту воспитания новой генерации молодых людей в рамках «реализации большевистского социального мегапроекта» 1920-1930-х гг., демонстрируя междисциплинарный подход к рассмотрению проблемы.

В рассматриваемый период были подготовлены труды, посвященные отдельным направлениям молодежной политики. Баланцев А.В. [2] исследует деятельность комсомола в контексте борьбы государства с церковью, рассматривая содержание, формы и методы антирелигиозной работы и участие в ней молодежи, а Н.П. Панков [25] акцентирует внимание на военно-патриотическом воспитании молодого поколения, уделяя внимание не только формам и методам формирования патриотического сознания, но и итогам построения «нового общества», а именно создания «нового» человека – советского патриота.

Одной из последних работ в этой группе является исследование П.А. Меркулова [12]. Беря во внимание широкий диапазон хронологических рамок исследования – со второй половины XIX в. по начало XXI в., интересующий нас период рассматривается ученым в разделе, охватывающем советский период. Раскрывая взаимодействие партийно-государственного аппарата управления и ВЛКСМ, автор убедительно иллюстрирует трансформацию ВЛКСМ от статуса партийной молодежной организации к общественному союзу, который, используя особые управленческие практики, успешно выполнял в отношении молодежи идеологическую и воспитательную функцию.

Несмотря на разные аспекты, затрагиваемые авторами, объединяет все эти работы их практическое значение, а именно определение исторических уроков, аккумуляция которых необходима для определения современной стратегии государства по отношению к молодежи и определения нравственно-ценностных ориентиров современной системы воспитания молодого поколения.

Вторая группа представлена исследованиями по региональной истории. В рамках ее можно выделить работы, которые рассматривают молодежную политику в контексте социально-политической деятельности комсомола и места молодежи в советском обществе. Одним из первых таких исследований на материалах Центрального Черноземья стала докторская диссертация А.А. Слезина [30]. Целью исследования стал анализ роли комсомола в 1920-е гг. в процессе формирования советской политической культуры. Особенно интересен конец второго десятилетия, когда был взят курс на форсированную индустриализацию, главной силой которой стала молодежь. Это одна из первых работ, в которых была предпринята попытка обобщить позитивный и негативный опыт работы комсомола, отказавшись от идеологизированных оценок разной полярности, характерных для отечественной историографии советского и постсоветского периода конца XX в.

Особое значение представляют и территориальные рамки исследования – Центрально-Черноземная область (ЦЧО), которая являлась типичным аграрным регионом страны. Не случайно эта область или отдельные ее округа: Воронежская, Курская, Орловская, Тамбовская и другие стали предметом интереса исследователей. Так, Р.Л. Никулин [15] обращается к деятельности союзной молодежи Тамбовского и Козловского округов ЦЧО периода сплошной коллективизации. В качестве положительных сторон диссертации следует отметить попытку ученого рассмотреть «эволюцию комсомола в квазигосударственную структуру» в контексте ее приобщения к процессам, связанным с колхозным строительством, а также выявить негативные тенденции, связанные с усилением политического контроля над комсомолом со стороны властных структур.

В определенном смысле продолжением разработки вышеуказанных проблем стала работа Д.В. Павлухина [23], который на материалах Воронежской и Тамбовских областей в годы второй пятилетки рассмотрел условия формирования и механизмы обеспечения политической линии союза молодежи и ее участия в социалистической модернизации. Одним из выводов автора стало определение комсомола как одного из элементов «механизма политического контроля» страны, особенно в контексте «борьбы с врагами народа», проводимой советским руководством.

На материалах Смоленской, Калининской и Орловской областей И.С. Дудич [7] исследовал деятельность государственных и общественно-политических организаций по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Ученым показаны положительные и отрицательные сторо-

ны этого процесса, а также сделан вывод о появлении во второй половине 1930-х гг. концепции «советского патриотизма», ознаменовавшего переход к национально-патриотическим позициям, жизненность которого в полной мере проявилась в годы Великой Отечественной войны.

К молодежной политике Чувашской республики обращено исследование В.И. Соколовой [32]. Основываясь на неиспользованных и рассекреченных архивных материалах и рассматривая молодежь как социальную группу с мощным потенциалом, автор приходит к выводу, что, несмотря на серьезный урон, нанесенный молодежному движению репрессиями конца 1930-х гг., тем не менее, советское руководство верно определило стратегические основы по развитию молодежи, которая стала решающей силой в процессе социалистической модернизации страны. В 2010 г. Соколова В.И. в докторской диссертации продолжила изучение молодежи, но значительно расшив хронологические рамки до 1985 г. [33].

Отдельно стоит упомянуть исследователей, изучающих положение молодежи в 1920-е гг. Палеевских О.В. [24] рассмотрела молодежь Тюменского региона, социализация которого проходила с учетом активного вмешательства государства, а перспективы молодежной политики в конце 1920-х гг. были подчинены коррективам политического и социально-экономического курса. Дик А.А. [5] обратил внимание на сельскую молодежь и ее повседневный быт в Тамбовской губернии (с 1928 г. Борисоглебском, Козловском и Тамбовском округах ЦЧО). Согласно выводу автора коммунистическая молодежь становилась не только контролирующим органом, но и примером для подражания, постепенно приучая молодежную среду к подобной форме партийного руководства. В качестве положительной черты работ, следует отметить их новизну, так как комплексных исследований, посвященных разным категориям молодежи на региональном уровне с позиций мировоззренческого и методологического плюрализма, до этого предпринято не было.

Советская молодежь Дальнего Востока тоже стала предметом интереса историков начала XXI в. Первым исследованием социальной жизни, ментальности и социального характера дальневосточной молодежи в контексте социальной истории Дальнего Востока явилась работа И.Л. Долговой [6]. Автор делает акцент на высокой роли молодежи в заселении, освоении региона и модернизации дальневосточной экономики в 1930-е гг. Интересен вывод, что качества молодежи формировались и реализовывались в специфических условиях региона, и именно они позволили вынести все тяготы индустриализации и колхозного строительства.

Предметом исследования Е.А. Мининой [13] стала молодежная политика Дальневосточного края в деревне в годы коллективизации, которая рассматривается в контексте проблемы «власть и общество». Автором было показано подчиненное положение местных органов государственной власти и комсомола курсу коммунистической партии, без учета региональных особенностей, что предопределило трудности в реализации молодежной политики и ее декларативный характер. Эта же причина стала результатом крайней неоднородности в оценке политики советской власти со стороны сельской молодежи, так и не ставшей в полной мере объектом эффективного государственного и общественного патернализма.

Оборонно-массовой работе с дальневосточной молодёжью посвящено исследование В.Г. Сиянова [29]. Рассматривая 1920-1930-е гг., автор впервые предметно поднимает вопрос о деятельности государственных органов и общественных организаций по военно-патриотическому воспитанию и подготовке дальневосточной молодежи к защите Родины. Ученый обращает внимание на такие трудности в реализации задач оборонной работы как географические особенности и пограничный характер региона, непростая международная обстановка, слабая материально-техническая база и недостаток квалифицированных кадров, дифференцированный подход в работе с различными категориями молодежи. Однако, несмотря на все сложности, подготовка молодежи к защите Родины имела большое значение в укреплении обороноспособности страны и на протяжении всего рассматриваемого периода углублялась, становилась массовой, а военная подготовка в целом показала свою эффективность в последующие годы.

Значительный вклад в разработку молодежной политики как целостного явления на советском Дальнем Востоке сделала Н.Н. Билим [3]. Автор пришла к обоснованному выводу, что в 1922-1941 гг. Советским руководством проводилась целенаправленная, продуманная молодёжная политика по воспитанию «нового человека», осуществляемая под патронажем Коммунистической партии, комсомолом и общественными организациями. Эффективность ее была достаточно высокой, даже несмотря на то, что не все молодые люди региона ее поддерживали. Однако были и негативные тенденции, которые проявились в ужесточении контроля над молодёжью, который не позволил ей части реализовать свой жизненный потенциал.

Молодежь Бурят-Монгольской АССР рассмотрена А.Н. Соболевой [31]. Это одна из первых работ постсоветского периода, в которой предпринята попытка дать комплексное исследование молодежной политике в данном регионе. Автором по-

казано становление республиканской комсомольской организации, проанализированы основные направления комсомола – антирелигиозное, военно-патриотическое, культурно-просветительское и их реализация на практике, рассмотрено участие молодежи в социалистической модернизации. Автор пришла к выводу, что большую роль в вопросе социализации молодежи, составляющей подавляющую часть населения БМАССР, играли партийно-государственные органы, что отражало общие закономерности развития молодежного движения. Но специфические особенности республики – экономическая и культурная отсталость, преобладание сельского населения, замедляли этот процесс.

Второе десятилетие XXI в. отмечено возобновлением интереса к молодежи ЦЧО со стороны исследователей. Молодежные движения и деятельность Орловского комсомола рассмотрена в одном из разделов диссертации Р.П. Осипова [21], в котором ученый уделил внимание процессу становления и генезиса областной комсомольской организации, а также внутрисоюзным процессам и общественно-политической деятельности союзной молодежи в межвоенный период. Якимов К.Я. [42] предметом исследования избрал общественные настроения Тамбовской молодежи в предвоенный период. Автор пришел к выводу, что, несмотря на массовые репрессии и появление антиправительственных настроений среди молодежи, тем не менее, к 1941 г. наблюдается усиление патриотических настроений, которые стали фактором Победы в Великой Отечественной войне.

Исследование О.С. Фефеловой [38] охватывает историю Орловской комсомольской организации с 1919 по 1991 гг., два параграфа которого посвящены взаимодействию местного комсомола с ВКП(б), региональными властными структурами государства и общественными организациями, а также его деятельности в экономической, социальной и культурной жизни в 1919-1941 гг. Интересен вывод автора о том, что руководящие комсомольские работники состояли в рядах ВКП(б) и обычно включались в состав выборных партийных органов, что обуславливало взаимопроникновение комсомола и компартии, и как следствие взаимовлияния этих структур.

Одним из последних диссертационных исследований молодежи является работа Б.А. Оконова [20], посвященная комсомольской организации Калмыкии. Значимость исследования обусловлена тем, что в советской историографии комсомольские организации республики рассматривались с позиции марксистской методологии или затрагивались фрагментарно в рамках обобщающих трудов по истории Колмыкской АССР. Последнее замечание касается и трудов, написанных в конце

XX в., где молодежь рассматривалась в контексте иных проблем истории региона. Как и другие исследователи ВЛКСМ, автор рассматривает историю образования и деятельности Колмыкской областной комсомольской организации как ключевой в деле политической социализации молодежи.

Помимо рассмотренных работ, были подготовлены исследования, в которых молодежь и деятельность комсомольских организаций в конце 1920-х – 1930-е гг. косвенно затрагиваются в контексте оборонно-массовой работы и патриотическое воспитание населения [4, 27], деятельности Осоавиахима [14, 36], работы по ликвидации массовой детской беспризорности [8, 26, 30], культурно-просветительской политике и борьбе с неграмотностью [34, 40] Советского государства. Географические рамки исследований охватывают такие регионы РСФСР как Алтайский край, Среднее Поволжье, Уральский регион и Дальний Восток. Учитывая, что эти направления также являлись объектом внимания со стороны ВЛКСМ, и исследователи в ходе работы обращались к архивным материалам местных комсомольских организаций, их нельзя не упомянуть.

Благодаря указанным научным трудам был сделан существенный вклад в изучение истории

молодежи, молодежного движения и политики государства на региональном уровне. Как и авторы первой группы, исследователи отмечают необходимость дальнейшего осмысления накопленного опыта в работе с молодежью для объективного понимания прошлого страны и его регионов, а также для определения проблем изучения современной молодежи и формирования взвешенной государственной молодежной политики.

Таким образом, внимание исследователей к заявленной проблеме связано не только с научным интересом, способствующим накоплению и обобщению исторического знания, но и с практическими перспективами, на которые указывают все авторы. Обзор работ позволит сделать вывод, что, несмотря на серьезный вклад по истории молодежи и молодежного движения, проделанный современными исследователями, ее дальнейшая разработка остается актуальной. А применение новых научных подходов с использованием междисциплинарного инструментария, расширение источниковой базы, особенно личного происхождения, обращение к неизученным в данном аспекте регионам, открывает широкое проблемное поле для будущих научных изысканий.

Литература

1. Афонин А.В. Отечественная история. Диссертация Рабочая молодежь России в 1917-1932 гг. Состав, социально-экономическое положение: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 507 с.
2. Баланцев А.В. Антирелигиозная деятельность комсомола: 1918-1925 гг.: дис. ... канд. истор. наук. Тамбов, 2008. 253 с.
3. Билим Н.Н. Молодёжная политика СССР и её реализация на советском Дальнем Востоке (ноябрь 1922 – июнь 1941 гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Астрахань, 2015. 439 с.
4. Богуцкий А.В. Оборонно-массовая работа в Алтайском крае накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938-1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2001. 223 с.
5. Дик А.А. Сельская молодежь 1920-х гг.: учеба, досуг, военная служба : на материалах Тамбовской губернии : дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2008. 215 с.
6. Долгова И.Л. Социальный характер советской молодежи Дальнего Востока 30-х годов : дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2003. 226 с.
7. Дудич И.С. Деятельность государственных органов и общественно-политических организаций по подготовке молодежи к защите Родины во второй половине 1930-х К июню 1941 годов: на примере Смоленской, Калининской и Орловской областей : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Москва, 2009. 187 с.
8. Жаркова А.А. Исторический опыт борьбы с беспризорностью и правонарушениями несовершеннолетних на Дальнем Востоке России (20-е-30-е гг. XX века): дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2006 260 с.
9. Королева В.В. Состав, быт и социально-экономическое положение студенчества Европейской части РСФСР (1921-1932 гг.): дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Орел, 2005 199 с.
10. Кульгускина Л.В. Государство и молодое поколение в конце 1920-х – 1930-е годы: опыт создания новой ментальности: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Барнаул, 2005. 224 с.
11. Маковецкая Ю.Г. Формирование молодого поколения в условиях становления советской административной системы: Историческая практика и уроки, 1920 – 1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Москва, 2003. 191 с.
12. Меркулов П.А. Исторический опыт разработки и реализации государственной молодежной политики в России (вторая половина XIX в. – начало XXI в.): дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2014. 655 с.

13. Минина Е.А. Государственная молодежная политика в деревне юга Дальневосточного края периода коллективизации: 1927-1937 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2008. 244 с.
14. Никонова О.Ю. Осоавиахим и военно-патриотическое воспитание населения в Уральском регионе: 1927-1939 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2013. 469 с.
15. Никулин Р.Л. Социально-политические аспекты деятельности комсомола на начальном этапе сплошной коллективизации, 1929-1930 гг. // На материалах Тамбовского и Козловского округов ЦЧО: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003. 227 с.
16. Новиков С.Г. Воспитание рабочей молодёжи в условиях форсированной модернизации России: 1917-й – 1930-е годы : дис. ... д-ра пед. наук. Волгоград, 2007. 384 с.
17. О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений. Федеральный закон от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 27. Ст. 2503.
18. О федеральной целевой программе «Молодежь России» (1998–2000 годы). Текст: Постановление Правительства Российской Федерации от 18 июня 1997 г. № 746 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 26. Ст. 3050.
19. Об общих началах государственной молодежной политики в СССР. Текст: Закон СССР от 16.04.1991 г. № 2114-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 19. Ст. 533.
20. Оконов Б.А. Становление и развитие комсомольской организации Калмыкии в 1921-1943 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 10006157. Ставрополь, 2022. 220 с.
21. Осипов Р.П. Молодежное движение Орловского региона в 1890-е гг. – 1945 г.: от политических организаций начала XX века до ВЛКСМ: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2013.
22. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Текст: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р // Российская газета: офиц. сайт. URL: <https://rg.ru/2014/12/08/molodej-site-dok.html> (дата обращения: 1.03.2023)
23. Павлухин Д.В. Комсомол в системе политического контроля: 1934-1938 гг. На материалах Воронежской и Тамбовской областей: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005. 190 с.
24. Палецких О.В. Молодежь тюменского региона в 1920-е годы: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2007. 238 с.
25. Панков Н.П. Военно-патриотическое воспитание советской молодежи в 1929 – июнь 1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2013. 232 с.
26. Реутова А.Д. Ликвидация массовой детской беспризорности в 1921-1935 годах (На материалах Верхневолжья): дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2004 242 с.
27. Родионова И.В. Механизмы формирования патриотического сознания населения в 1930-е гг. (На материалах РСФСР): дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2004. 243 с.
28. Рожков А.Ю. Молодой человек в советской России 1920-х гг., повседневная жизнь в группах сверстников (Школьники, студенты, красноармейцы): дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2003. 493 с.
29. Сиянов В.Г. Оборонно-массовая работа с молодежью Дальнего Востока в 1922-1941 гг.: историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2011. 242 с.
30. Слезин А.А. Роль комсомола в формировании политической культуры советского общества, 1921-1929 гг.: На материалах Центрального Черноземья: дис. ... д-ра ист. наук. Тамбов, 2005. 538 с.
31. Соболева А.Н. Молодежь Бурят-Монгольской АССР в модернизационных процессах 1920-х – 1930-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2014. 194 с.
32. Соколова В.И. Молодежь Чувашии в 1917-1941 гг.: Исторический опыт социально-политической организации : дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2001. 258 с.
33. Соколова В.И. Молодежь Чувашии в 1917-1985 годы: исторический опыт реализации советской молодежной политики : дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2010. 533 с.
34. Сологуб Н.Н.. Ликвидация неграмотности в Среднем Поволжье в 1917-1930-х годах: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2004 275 с. РГБ ОД, 61:04-7/916
35. Татаринцов О.В. Молодежь и юношеское движение: Из опыта советской политической системы, 1917-1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2002 571 с.
36. Тихомирова Т.В. Осоавиахим в 1927-1948 гг.: на материалах Верхнего Поволжья: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2011. 266 с.
37. Туктаров Р.С. Государство и молодежь в период от революции 1917 г. до Великой Отечественной войны : Исторические опыт и уроки : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2000. 417 с.

38. Фёфелова О.С. Проблемы развития региональной молодежной коммунистической организации в России-СССР 1919-1991 гг. (На примере Орловской комсомольской организации): автореф. дис. ... канд. ист. наук. 24 с.
39. Цветлюк Л.С. Политика компартии и государства по привлечению молодежи к строительству социалистического общества (1917-1941 годы): дис.... д-ра ист. наук. Москва, 2005 591 с.
40. Ченская Т.В. Культурная политика Советского государства в российской деревне в 1926-1932 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2007. 211 с.
41. Шаламова Л.Ф. Студенческая молодежь и государственная молодежная политика // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 4. С. 113.
42. Якимов К.А.. Общественные настроения молодежи Тамбовской области в 1937-1941 ГГ.: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2017. 223 с.

References

1. Afonin A.V. Otechestvennaja istorija. Dissertacija Rabochaja molodezh' Rossii v 1917-1932 gg. Sostav, social'no-jekonomicheskoe polozhenie: dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2001. 507 s.
2. Balancev A.V. Antireligioznaja dejatel'nost' komsomola: 1918-1925 gg.: dis. ... kand. istor. nauk. Tambov, 2008. 253 s.
3. Bilim N.N. Molodjozhnaja politika SSSR i ejo realizacija na sovetskom Dal'nem Vostoke (nojabr' 1922 – ijun' 1941 gg.): dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02. Astrahan', 2015. 439 s.
4. Boguckij A.V. Oboronno-massovaja rabota v Altajskom krae nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny, 1938-1945 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. Barnaul, 2001. 223 s.
5. Dik A.A. Sel'skaja molodezh' 1920-h gg.: ucheba, dosug, voennaja sluzhba : na materialah Tambovskoj gubernii : dis. ... kand. ist. nauk. Tambov, 2008. 215 s.
6. Dolgova I.L. Social'nyj harakter sovetskoj molodezhi Dal'nego Vostoka 30-h godov : dis. ... kand. ist. nauk. Habarovsk, 2003. 226 s.
7. Dudich I.S. Dejatel'nost' gosudarstvennyh organov i obshhestvenno-politicheskikh organizacij po podgotovke molodezhi k zashhite Rodiny vo vtoroj polovine 1930-h K ijune 1941 godov: na primere Smolenskoj, Kalininskoj i Orlovskoj oblastej : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02. Moskva, 2009. 187 s.
8. Zharkova A.A. Istoricheskij opyt bor'by s besprizornost'ju i pravonarushenijami nesovershennoletnih na Dal'nem Vostoke Rossii (20-e-30-e gg. XX veka): dis. ... kand. ist. nauk. Habarovsk, 2006 260 s.
9. Koroleva V.V. Sostav, byt i social'no-jekonomicheskoe polozhenie studenchestva Evropejskoj chasti RSFSR (1921-1932 gg.): dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02. Orel, 2005 199 s.
10. Kul'guskina L.V. Gosudarstvo i molodoe pokolenie v konce 1920-h – 1930-e gody: opyt sozdaniya novoj mental'nosti: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Barnaul, 2005. 224 s.
11. Makoveckaja Ju.G. Formirovanie mladogo pokolenija v uslovijah stanovlenija sovetskoj administrativnoj sistemy: Istoricheskaja praktika i uroki, 1920 – 1930-e gg.: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Moskva, 2003. 191 s.
12. Merkulov P.A. Istoricheskij opyt razrabotki i realizacii gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v Rossii (vtoraja polovina XIX v. – nachalo XXI v.): dis. ... d-ra ist. nauk. Moskva, 2014. 655 s.
13. Minina E.A. Gosudarstvennaja molodezhnaja politika v derevne juga Dal'nevostochnogo kraja perioda kollektivizacii: 1927-1937 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. Habarovsk, 2008. 244 s.
14. Nikonova O.Ju. Osoaviahim i voenno-patrioticheskoe vospitanie naselenija v Ural'skom regione: 1927-1939 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk. Cheljabinsk, 2013. 469 s.
15. Nikulin R.L. Social'no-politicheskie aspekty dejatel'nosti komsomola na nachal'nom etape sploshnoj kollektivizacii, 1929-1930 gg. Na materialah Tambovskogo i Kozlovskogo okrugov CChO: dis. ... kand. ist. nauk. Tambov, 2003. 227 s.
16. Novikov S.G. Vospitanie rabochej molodjozhi v uslovijah forsirovannoj modernizacii Rossii: 1917-j – 1930-e gody : dis. ... d-ra ped. nauk. Volgograd, 2007. 384 s.
17. O gosudarstvennoj podderzhke molodezhnyh i detskikh obshhestvennyh ob#edinenij. Federal'nyj zakon ot 28 ijunia 1995 g. № 98-FZ. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1995. № 27. St. 2503.
18. O federal'noj celevoj programme «Molodezh' Rossii» (1998–2000 gody). Tekst: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 18 ijunia 1997 g. № 746. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1997. № 26. St. 3050.
19. Ob obshhchih nachalah gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v SSSR. Tekst: Zakon SSSR ot 16.04.1991 g. № 2114-1. Vedomosti S#ezda narodnyh deputatov Rossijskoj Federacii i Verhovno-go Soveta Rossijskoj Federacii Vedomosti SND i VS SSSR. 1991. № 19. St. 533.

20. Okonov B.A. Stanovlenie i razvitie komsomol'skoj organizacii Kalmykii v 1921-1943 gg.: dis. ... kand. ist. nauk: 10006157. Stavropol', 2022. 220 s.
21. Osipov R.P. Molodezhnoe dvizhenie Orlovskogo regiona v 1890-e gg. – 1945 g.: ot politicheskikh organizacij nachala XX veka do VLKSM: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moskva, 2013.
22. Osnovy gosudarstvennoj molodezhnoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda. Tekst: Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 nojabrja 2014 g. № 2403-r. Rossijskaja gazeta: ofic. sajт. URL: <https://rg.ru/2014/12/08/molodej-site-dok.html> (data obrashhenija: 1.03.2023)
23. Pavluhin D.V. Komsomol v sisteme politicheskogo kontrolja: 1934-1938 gg. Na materialah Voronezhskoj i Tambovskoj oblastej: dis. ... kand. ist. nauk. Tambov, 2005. 190 s.
24. Paleckih O.V. Molodezh' tjumenskogo regiona v 1920-e gody: dis. ... kand. ist. nauk. Tjumen', 2007. 238 s.
25. Pankov N.P. Voenno-patrioticheskoe vospitanie sovetskoj molodezhi v 1929 – ijun' 1941 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. Moskva, 2013. 232 s.
26. Reutova A.D. Likvidacija massovoj detskoj besprizornosti v 1921-1935 godah (Na materialah Verhnevolzh'ja): dis. ... kand. ist. nauk. Ivanovo, 2004 242 c.
27. Rodionova I.V. Mehanizmy formirovanija patrioticheskogo soznanija naselenija v 1930-e gg. (Na materialah RSFSR): dis. ... kand. ist. nauk. Moskva, 2004. 243 c.
28. Rozhkov A.Ju. Molodoj chelovek v sovetskoj Rossii 1920-h gg., povsednevnaia zhizn' v gruppah sverstnikov (Shkol'niki, studenty, krasnoarmejcy): dis. ... d-ra ist. nauk. Krasnodar, 2003. 493 c.
29. Sijanov V.G. Oboronno-massovaja rabota s molodezh'ju Dal'nego Vostoka v 1922-1941 gg.: istoricheskoe issledovanie: dis. ... kand. ist. nauk. Moskva, 2011. 242 s.
30. Slezin A.A. Rol' komsomola v formirovanii politicheskoi kul'tury sovetskogo obshhestva, 1921-1929 gg.: Na materialah Central'nogo Chernozem'ja: dis. ... d-ra ist. nauk. Tambov, 2005. 538 s.
31. Soboleva A.N. Molodezh' Burjat-Mongol'skoj ASSR v modernizacionnyh processah 1920-h – 1930-h gg.: dis. ... kand. ist. nauk. Ulan-Udje, 2014. 194 s.
32. Sokolova V.I. Molodezh' Chuvashii v 1917-1941 gg.: Istoricheskij opyt social'no-politicheskoi organizacii: dis. ... kand. ist. nauk. Cheboksary, 2001. 258 s.
33. Sokolova V.I. Molodezh' Chuvashii v 1917-1985 gody: istoricheskij opyt realizacii sovetskoj molodezhnoj politiki : dis. ... d-ra ist. nauk. Moskva, 2010. 533 s.
34. Sologub N.N.. Likvidacija negramotnosti v Srednem Povolzh'e v 1917-1930-h godah: dis. ... kand. ist. nauk. Penza, 2004 275 c. RGB OD, 61:04-7/916
35. Tatarinov O.V. Molodezh' i junosheskoe dvizhenie: Iz opyta sovetskoj politicheskoi sistemy, 1917-1945 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk. Moskva, 2002 571 s.
36. Tihomirova T.V. Osoaviahim v 1927-1948 gg.: na materialah Verhnego Povolzh'ja: dis. ... kand. ist. nauk. Ivanovo, 2011. 266 s.
37. Tuktarov R.S. Gosudarstvo i molodezh' v period ot revoljucii 1917 g. do Velikoi Otechestvennoj vojny : Istoricheskie opyt i uroki: dis. ... d-ra ist. nauk. Saratov, 2000. 417 s.
38. Fefelova O.S. Problemy razvitiia regional'noj molodezhnoj kommunisticheskoi organizacii v Rossii-SSSR 1919-1991 gg. (Na primere Orlovskoi komsomol'skoj organizacii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. 24 s.
39. Cvetljuk L.S. Politika kompartii i gosudarstva po privlecheniju molodezhi k stroitel'stvu socialisticheskogo obshhestva (1917-1941 gody): dis.... d-ra ist. nauk. Moskva, 2005 591 s.
40. Chenskaja T.V. Kul'turnaja politika Sovetskogo gosudarstva v rossijskoj derevne v 1926-1932 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. Orel, 2007. 211 s.
41. Shalamova L.F. Studencheskaja molodezh' i gosudarstvennaja molodezhnaja politika. Social'no-gumanitarnye znaniia. 2007. № 4. S. 113.
42. Jakimov K.A.. Obshhestvennye nastroyeniia molodezhi Tambovskoi oblasti v 1937-1941 GG.: dis. ... kand. ist. nauk. Tambov, 2017. 223 s.

*Astanina E.A., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Pacific National University*

Modern domestic historiography of the Soviet youth policy in the end of the 1920s – 1930s

Abstract: young people, being the most mobile, adaptive and at the same time progressive part of society, are rapidly responding to any changes in the socio-economic, political and cultural spheres. However, the disunity and disintegration of modern youth make this social group the most susceptible to negative influences, which determines special attention to it from government and public structures.

Interest on the part of modern researchers in the youth policy of the Soviet state draws attention to the turning point in the history of the country - the end of the 1920-1930s, when its leadership began to carry out socialist modernization. In this regard, the subject of the article was the analysis of dissertation research by domestic scientists of the early 21st century, who identified youth, youth movements and Soviet youth policy in the period under review as the object of their research.

Keywords: youth, government youth policy, youth policy historiography, Soviet state

For citation: Astanina E.A. Modern domestic historiography of the Soviet youth policy in the end of the 1920s – 1930s. Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 49 – 57.

Датировка методом астрономической хронологии написания трагедии Эсхила «Эвмениды»

Аннотация: в статье исследуется, с использованием метода астрономической хронологии, содержащаяся в тексте астрономическая символика, с целью получения независимой датировки создания трагедии Эсхила «Эвмениды». В исследовании применён один из инструментов исторической хронологии, а именно метод астрономической хронологии, устанавливающий независимую астрономическую датировку событий, находящихся во временной связи с повторяющимися космическими явлениями. Этот метод даёт возможность определить, с помощью астрономических вычислений, исторический момент времени, по словесному описанию в произведениях литературы или графическому изображению на архитектурных памятниках, конфигурации звёздного неба, а именно расположения Солнца, планет и Луны в созвездиях Зодиакального пояса. В ходе проведённого историко-хронологического исследования текста трагедии было выявлено словесное описание такой конфигурации звёздного неба. В ходе последующего, математико-астрономического расчёта и визуального сопоставления, с использованием компьютерной техники, была получена датировка написания трагедии «Эвмениды». Полученная абсолютная, независимая дата не соответствует принятой, в официальной хронологии датой постановки в 458 году до н. э. этой трагедии, но отлично согласуется с датами создания других сохранившихся драматических произведений Эсхила, полученными в предыдущих историко-хронологических исследованиях автора.

Ключевые слова: история, хронология, астрономическая хронология, древнегреческая трагедия, Эсхил, «Эвмениды», мифология

Для цитирования: Волков А.С. Датировка методом астрономической хронологии написания трагедии Эсхила «Эвмениды» // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 58 – 64.

Актуальность

Разработка в XXI веке более совершенных приборов для проведения естественно-научных методов датировки позволяет с высокой точностью, исследовать даже небольшие пробы исторических артефактов. Радиоуглеродный анализ, может быть применен при исследовании старинных манускриптов с текстами классиков Древнегреческой литературы, хранящимися в специальных хранилищах библиотек. Однако, несмотря на это, датировка произведений Эсхила всё ещё осуществляется опосредованным методом, в основе которого лежат хронологические данные о событиях, произошедших в Древней Греции, в период его жизни. Согласно современным данным исторической хронологии постановка трагедия «Эвмениды» относится к 458 году до н.э. Однако проведённые автором историко-хронологические исследования и датировки произведений классиков Древнегреческой литературы опровергают эти данные. Метод астрономической хронологии, использованный в этих исследованиях, в сочетании с современной вычислительной техникой позволяет датировать древнее событие, в том числе написание трагедии, по сохранившемуся описанию конфигурации звёздного неба над свидетелем или создателем.

Актуальность исследования обусловлена тем, что позволяет установить независимым, естественно-научным «Методом астрономической хронологии», дату написания трагедии «Эвмени-

ды». Получение датировок написания сохранившихся произведений Эсхила с учётом дат, выявленных историко-хронологическими исследованиями, проведёнными в [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11] дадут возможность определить, годы жизни самого драматурга и исторических личностей периода Греко-персидских войн.

Методология

Базируясь на «Метод астрономической хронологии», автор разработал в [3] «Методику исследования астрономической символики персонажей в литературе Древней Греции» (далее «Методика астрономической хронологии») для установления абсолютных дат написания произведений Древнегреческой литературы. Успешное использование методики в историко-хронологических исследованиях трагедий Эсхила «Жертва у гроба» [1], «Агамемнон» [2], «Персы» [3], «Просительницы» [4], «Семеро против Фив» [5], а также трагедий Софокла «Трахинянки» [6] «Царь Эдип» [7], «Эдип в Колоне» [9], «Антигона» [10], обосновали возможность получения независимых датировок драматических произведений Древней Греции.

Цель исследования

Целью данного историко-хронологического исследования является установление, с применением «Метода астрономической хронологии» абсолютной даты написания трагедии Эсхила «Эвмениды». Для эффективного достижения цели будут привлечены результаты датировок, в том числе произведений Древнегреческих драматургов, по-

лученные автором, в проведённых ранее историко-хронологических исследованиях [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11].

Задачи исследования

Данное историко-хронологическое исследование предполагает в соответствии с методикой, изложенной в [2, с. 155] решение следующих задач:

Выявить в тексте трагедии одушевлённые или небодушевлённые персонажи олицетворяющие, согласно мифологии Древней Греции, небесные тела или Солнце.

Отыскать в тексте литературного произведения одушевлённые или небодушевлённые персонажи, которые, согласно Зодиакальной мифологии Древней Греции, символизируют созвездия.

Логически связать в пары персонажи олицетворяющие планеты, Луну и Солнце с персонажами, символизирующими созвездия Зодиакального пояса.

Произвести расчёт независимой астрономической даты создания драматического произведения, используя полученную информацию о логически связанных парах небесное тело и созвездие как исходные данные.

Проверить достоверность полученного независимого решения используя компьютерную программу планетарий в качестве эталона действительной конфигурации звёздного неба для автора произведения литературы трагедии в столице Древней Греции.

Исследование астрономической символики, необходимой для описания конфигурации звёздного неба, определяющей дату, записанную в трагедии «Эвмениды».

Пролог. В Дельфийском храме вблизи священного камня «Пуп Земли» сидит Орест, окруженный спящими Эриниями, там же стоят боги Аполлон и Гермес. Астрономический символизм этой сцены заключается в том, что планеты Сатурн и Меркурий, а также Солнце и Луна находятся в одном созвездии.

Во-первых, упоминается бог Аполлон, его эпитеты и атрибуты: «Я первой из богов первопророчицу почту молитвой – Землю, а за нею вслед Фемиду.» [12, с. 323], «Вступила я в украшенный венками храм и вижу вдруг: у самого Пупа Земли богопротивный муж сидит просителем.» [12, с. 324], «Но обо всем властитель этих стен святых, сам Локсий многомогущий позаботится; Целитель и гадатель» [12, с. 325], «Царь Аполлон! Ты полон справедливости.» [12, с. 326]. В соответствии с Методикой астрономической хронологии, бог Аполлон, имеющий эпитет Локсий, которому принадлежит самый известный оракул с храмом в Греческих Дельфах, служительницы храма пророчицы-пифии, первой из которых была богиня Фе-

мида, передают через предсказания волю богов людям, все они персонифицируют Солнце.

Во-вторых, упоминается покровитель вестников и воров бог Гермес: «А ты, Гермес, мой брат, единокровный брат, храни его. Вожатым называешься – так будь вожатым для того, кто помощи просил моей. Зевс почитает вестников за то, что смертных лучшим из путей ведут.» [12, с. 326]. В соответствии с Методикой астрономической хронологии, бог Гермес его эпитеты и атрибуты могут персонифицировать планету Меркурий.

В-третьих, упоминаются Эринии, их эпитеты и атрибуты, а также смерть и убийство: «Гляди – в плену неистовые чудища. Сковал их сон. Пристихли твари мерзкие, седые дети Ночи.» [12, с. 325], «Рожденная для зла в подземном Тартаре, во мраке злом гнездится свора, мерзкая и смертным людям, и Олимпа жителям.» [12, с. 325], «Меж другими мертвыми забыта вами я. А тот, кто мной убит, не устает казнить меня укорами.» [12, с. 326], «Очнитесь, о богини темных недр земли!» [12, с. 327]. В соответствии с Методикой астрономической хронологии, дети богини Ночи богини-мести Эринии, обитательницы подземного царства мёртвых бога Аида, смерть и убийства персонифицируют планету Сатурн.

В-четвёртых, упоминается сон и его атрибуты: «А рядом с ним – чудовищный, ужасный сонм Каких-то женщин дремлет на скамьях.» [12, с. 324], «Гляди – в плену неистовые чудища. Сковал их сон.» [12, с. 325], «Уснули вы. На что нужны мне спящие?» [12, с. 326], «Очнитесь, о богини темных недр земли! Вам снится Клитемнестры неотступный зов.» [12, с. 327], «А вы все спите. Вас ничто не трогает.» [12, с. 327], «Сон и усталость – мощные союзники – свирепую змею лишили ярости.» [12, с. 327], «Проснись! Будь соседку, как тебя бужу! Ты спишь? Страхни дремоту!» [12, с. 327]. В соответствии с Методикой астрономической хронологии, сон и его атрибуты персонифицируют Луну.

Парод. Эринии, разбуженные призраком Клитемнестры, обвиняют бога Аполлона в воровстве: «О Зевсов сын! Увы, ты воровать горазд.» [12, с. 328]. Эта фраза показывает, что бог Аполлон взял на себя функции бога Гермеса, покровителя воров. В других фразах Парода:

Во-первых, упоминаются Эринии, их эпитеты и атрибуты, а также смерть и убийство: «Ты, бог, укрыл от нас убийцу матери.» [11, с. 328], «Он Мойр старинных погубил державу!» [11, с. 328]. В соответствии с Методикой астрономической хронологии, упоминание в тексте Эриний их эпитетов и атрибутов, смерти и убийства персонифицирует планету Сатурн.

Во-вторых, упоминается сон и его атрибуты: «Сном сражена, я упустила дичь.» [12, с. 328], «Меня во сне пронзила боль ужасная.» [12, с. 329]. В соответствии с Методикой астрономической хронологии, сон и его атрибуты олицетворяют Луну.

Сцена Парода и фразы персонажей подтверждают астрономическую символику Пролога: Солнце, персонифицируемое сыном Зевса, богом Аполлоном, планета Меркурий, олицетворяемая воровством, планета Сатурн, персонифицируемая Эриниями, богинями, реализующими месть за убийство и Луна, олицетворяемая сном, находятся в одном созвездии.

Эпизодий первый. В этом разделе присутствуют фразы, в которых:

Во-первых, упоминается бог Аполлон, его эпитеты и атрибуты: «Велю покинуть стены прорицалища.» [12, с. 330], «Владыка Аполлон, дай возразить тебе.» [12, с. 330], «Убийца шел в мой храм за очищением.» [12, с. 331]. В соответствии с Методикой астрономической хронологии, властитель Дельфийского храма, покровитель провидцев и прорицателей бог Аполлон персонифицирует Солнце.

Во-вторых, упоминаются живущие в царстве Аида богини-мести Эринии, а также смерть и убийство: «Кто, как не ты, велел аргосцу мать убить?» [12, с. 331], «Мы спутники убийцы. Что ж ты нас хулишь?» [12, с. 331], «Гнать от людских домов убийцу матери.» [12, с. 331], «А если мужа убивает женщина?» [12, с. 331], «И все же от убийцы не отстану я» [12, с. 332], «Но мы – нас гонит матери убитой кровь, – как свора псов, помчимся за преступником.» [12, с. 332]. В соответствии с Методикой астрономической хронологии, Эринии их эпитеты и атрибуты, смерть и убийства персонифицируют планету Сатурн.

В-третьих, упоминаются богиня Киприда, брак и его атрибуты: «Так, стало быть, не стоит ничего, пуста супруги Зевса, Геры, клятва брачная?» [12, с. 331], «И, значит, вы смеетесь над Кипридою, дарящей людям лучшие из радостей? Супружеское ложе, где сама судьба жену связала с мужем, – всех священной клятв.» [12, с. 332]. В соответствии с Методикой астрономической хронологии, богиня Киприда, брак и его атрибуты персонифицируют планету Венера.

В-четвёртых, в этом эпизоде Эсхил помещает фразу, логически связанную, с раскрытыми темами бога-предсказателя Аполлона и его прорицалища в Дельфах, богинь царства мёртвых Эриний и богини любви Киприды (Афродиты), в которой упоминаются тетива лука и эпитет стрелы: «Не то змея, сребристая, крылатая, с витой золотострунной тетивы слетев, заставит вас извергнуть пеной

черною всю выпитую вами человеческую кровь.» [12, с. 330]. В соответствии с Методикой астрономической хронологии, упоминание в тексте стрелы и тетивы олицетворяет созвездие Стрелец.

Эпизодий четвёртый. В этом разделе присутствуют фразы, в которых:

Во-первых, упоминается верховный Олимпийский бог-громовержец Зевс, сын Крона: «Ни разу не вещал я в прорицалище – будь то о муже, женщине иль городе – без приказанья Зевса: он богам отец.» [12, с. 348], «Вы связаны присягой. Но сильнее Зевс.» [12, с. 348], «Ты говоришь, что Зевсом было велено внушить Оресту, чтобы, мстя за кровь отца, жестоко пренебрег родною матерью?» [12, с. 348], «По-твоему, отец важнее матери для Зевса? Но ведь Крона, своего отца, Зевс заковал.» [12, с. 349]. В соответствии с Методикой астрономической хронологии, бог Зевс персонифицирует планету Юпитер. Именно Верховный Олимпийский бог установил на земле законы, традиции, общественный порядок, власть царей. Бог громовержец, при содействии богини Дике следит за соблюдением законов и обычаев, от его имени в судах выносятся решения.

Во-вторых, во фразы героев этого эпизода Эсхил построил на логической связи темы бога Зевса и тематики судебного производства: «Свидетелем пришел я. Обвиняемый К проситель мой, искавший у меня в доме защиты. Это я очистил грешника, и сам на суд я вышел. Соучастник я убийства матери его.» [12, с. 345], «Объявлен суд открытым. Слово первое за вами. Пусть сначала говорит истец,» [12, с. 346], «Так слушайте устав мой, люди Аттики. Сегодня в первый раз о крови пролитой идет здесь тяжба. У сынов Эгеевых да будет неподкупен этот суд вовек на этом холме.» [12, с. 350], «Пусть неподкупный, верный справедливости, достопочтенный, бдительною стражею над городом уснувшим этот суд стоит. Такой закон навеки положила я своей державе. А теперь подняться вам пора, о судьи, чтоб решение вынести, присяги не нарушив.» [12, с. 351], «Вы, судьи, голоса сочтите тщательно, радея лишь о правде, лишь об истине: Оправдан подсудимый, хоть и пролил кровь. Равны в обеих чашах числа жребиев.» [12, с. 353]. В соответствии с Методикой астрономической хронологии, олицетворять созвездие Весы может упоминание в тексте судей, истца, ответчика, закона, присяги, тяжбы, подсудимого, оправдания, атрибутов судебного производства, а также правды, справедливости и весов. Дочь Зевса, верховного бога Олимпийцев и титаниды Фемиды, богиня Дике, враг любого обмана и лжи, носила подаренные отцом божественные весы и наблюдала за соблюдением среди людей правды и справедливости, жестоко карая за их нарушение.

Эсхил в своих произведениях называл её «Правда святая», «Справедливость» или просто «Правда», подчёркивая роль богини как высшего контролёра единого божественного закона мироустройства.

В-третьих, в эпизодии четвёртом драматург помещает фразы, в которых упоминается война и её атрибуты, а также богиня и бог её покровители Афина Паллада и Арес: «Амазонки некогда здесь лагерем стояли, на войну придя с Тезеем. Город здесь высокобашенный они воздвигли возле старой крепости, Аресу посвятив его. Отсюда-то и прозвище Ареопаг, Аресов холм.» [12, с. 350], «Обещаю здесь, что никогда, что ни один аргосский вождь на эту землю не придет с оружием. А к тем, кто клятву помнит, кто Паллады град возлюбит и союзным защитит мечом – я к тем потомкам вечно буду милостив.» [12, с. 353]. В соответствии с Методикой астрономической хронологии, война, а также её покровители богиня Афина Паллада и бог Арес, персонифицируют планету Марс.

В-четвёртых, во фразах этого эпизода упоминаются Дева и Амазонки, в логической связи с темой войны, а также богиней Афиной Палладой и богом Аресом: «Пред вами здесь Паллада-дева, Зевса-олимпийца дочь.» [12, с. 349], «Амазонки некогда здесь лагерем стояли, на войну придя с Тезеем.» [12, с. 350], «Мужское все мне ближе и дороже. Только брак мне чужд.» [12, с. 352]. В соответствии с Методикой астрономической хронологии, упоминание в тексте Девы – невинной девушки, в том числе богини, такой как Афина Паллада, а также Амазонок, женщин мужененавистниц, чуждых брачным узам, образовавших воин-

ственное государство, может олицетворять созвездие Девы.

Проведённое историко-хронологическое исследование астрономической символики текста трагедии «Эвмениды» позволило выявить и подтвердить следующие элементы карты звёздного неба, согласующиеся с датой написания этого драматического произведения Эсхила. Планета Юпитер, персонифицируемая богом Зевсом, находится в созвездии Весы, олицетворяемом судебным производством и его атрибутами, а также весами. Планета Марс, олицетворяемая войной и персонифицируемая богиней Афиной Палладой и богом Аресом, находится в созвездии Девы, олицетворяемом упоминанием в тексте Девы и Амазонок. Планета Меркурий персонифицируемая богом Гермесом, Солнце, персонифицируемое покровителем Дельфийского храма богом Аполлоном, планета Венера, персонифицируемая богиней Кипридой, браком и его атрибутами, планета Сатурн, персонифицируемая Эриниями их эпитетами и атрибутами, смертью и убийством, Луна, персонифицируемая сном и его атрибутами, могут находиться в созвездии Стрелец, олицетворяемом упоминанием стрелы и тетивы.

Расчёты и результаты исследования

Выявленные и подтверждённые в проведённом историко-хронологическом исследовании астрономические составляющие описывающие взаиморасположение небесных тел Солнечной системы и созвездий, были внесены в компьютерную программу «Horos». Исходные данные для расчёта приведены в табл. 1.

Таблица 1

Исходные данные для расчёта астрономической даты по заданной конфигурации звёздного неба

ДАННЫЕ ДЛЯ ПРОГРАММЫ HOROS
КОД ДАННЫХ Эсхил трагедия «Эвмениды»

МАРС - в Деве
ЮПИТЕР - в Весы
ВЕНЕРА - в Стрельце
СОЛНЦЕ - в Стрельце
ЛУНА - в Стрельце
САТУРН - в Стрельце
МЕРКУРИЙ - в Стрельце

СОЛНЦЕ ЛУНА САТУРН ЮПИТЕР МАРС ВЕНЕРА МЕРКУРИЙ
ОТ: -----
8.0 8.0 8.0 6.0 5.0 8.0 8.0
ДО: -----
9.0 9.0 9.0 7.0 6.0 9.0 9.0
ЛУЧШИЕ ТОЧКИ: -----
400 400 400 400 400 400 400

В результате историко-хронологического исследования, проведённого с использованием «Метода астрономической хронологии», содержащейся в тексте трагедии «Эвмениды», астрономической символики, и последующего математического расчёта, на интервале времени от 500 года до

н.э. до 2000 года н.э., по выявленным астрономическим данным, соответствующим карте звёздного неба, было вычислено единственное полное решение 16-17 декабря 1400 года н.э. Результаты расчёта абсолютной, астрономической даты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты расчёта астрономической даты по заданной конфигурации звёздного неба

RESULTS OF CALCULATIONS

From year -500 to year +2000

PLANETS FIT THE HOROSCOPE AT JD: YEAR/MONTH/DAY= 1400/ 12/ 16

Positions: J2000/ planet-Sun J2000/ CS:

SUN MOON SATURN JUPITER MARS VENUS MERCURY

282.0 287.4 287.5 221.9 212.9 288.3 266.9

.0 5.3 5.4 -60.2 -69.2 6.3 -15.1

8.5 8.7 8.7 6.3 5.9 8.7 8.0

ORDER OF PLANETS NOT DETERMINED BY BEST POINTS

AVERAGE DISTANCE FROM BEST POINTS: ***** deg

YEAR/MONTH/DAY= 1400/12/16

PLANETS FIT THE HOROSCOPE AT JD: YEAR/MONTH/DAY= 1400/ 12/ 17

Positions: J2000/ planet-Sun J2000/ CS:

SUN MOON SATURN JUPITER MARS VENUS MERCURY

283.1 300.8 287.6 222.0 213.4 289.6 268.4

.0 17.7 4.5 -61.0 -69.6 6.5 -14.7

8.6 9.1 8.7 6.3 6.0 8.8 8.1

ORDER OF PLANETS NOT DETERMINED BY BEST POINTS

AVERAGE DISTANCE FROM BEST POINTS: ***** deg

YEAR/MONTH/DAY= 1400/12/17

END OF CALCULATIONS.

Для проверки достоверности полученной абсолютной астрономической датировки было реализовано визуальное, при помощи компьютерной астрономической программы, сопоставление полученного решения с реально существовавшей картой звёздного неба для Эсхила, находящегося в Афинах.

Заключение

Историко-хронологическое исследование трагедии Эсхила «Эвмениды» и содержащейся в тексте астрономической символики, проведённое «Методом астрономической хронологии», позволило установить абсолютную дату её написания. Эсхил, используя астрономическую символику

созвездий, Солнца и небесных тел Солнечной системы, записал дату 16-17 декабря 1400 года н.э. Полученная независимая датировка отличается от принятой, в современной исторической науке, но согласуется с датами создания других произведений Эсхила полученными в предыдущих исследованиях автора [1, 2, 3, 4, 5]. Установление абсолютных дат создания всех сохранившихся трагедий Эсхила, с учётом датировок, установленных предыдущими историко-хронологическими исследованиями, проведёнными в [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11] дадут возможность определить, годы жизни самого драматурга, исторических личностей и событий периода Греко-персидских войн.

Литература

1. Волков А.С. Датировка методом Астрономической хронологии написания трагедии Эсхила «Жертва у гроба» («Хоэфоры») // Международный научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень». 2023. Т. 6. № 1. С. 86 – 93. URL: <https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/03/istor.-bjul.-tom-6-1-2023.pdf> (дата обращения: 08.03.2023)
2. Волков А.С. Датировка методом Астрономической хронологии написания трагедии Эсхила «Агамемнон» // Международный научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень». 2022. Т. 5. № 5. С. 154 – 162. URL: <https://hb-journal.ru/archives/9611> (дата обращения: 03.01.2023)
3. Волков А.С. Исследование астрономической символики персонажей трагедии Эсхила «Персы» и вопросы датировки // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2018. Т. 8. Вып. 6. С. 21 – 46. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2018-oris-6-2018/a229700> (дата обращения: 19.10.2022)
4. Волков А.С. Исследование астрономической символики персонажей трагедии Эсхила «Просительницы» и вопросы датировки // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2018. Т. 8. Вып. 7. С. 26 – 45. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2018-oris-7-2018/a229707> (дата обращения: 19.10.2022)
5. Волков А.С. Исследование астрономической символики персонажей трагедии Эсхила «Семеро против Фив» и вопросы датировки // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2018. Т. 8. Вып. 7. С. 55 – 72. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2018-oris-7-2018/a229709> (дата обращения: 19.10.2022)
6. Волков А.С. Исследование астрономической символики персонажей трагедии Софокла «Трахинянки» и вопросы датировки // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2018. Т. 8. Вып. 7. С. 83 – 99. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2018-oris-7-2018/a229711> (дата обращения: 20.10.2022)
7. Волков А.С. Исследование астрономической символики персонажей трагедии Софокла «Царь Эдип» и вопросы датировки // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2019. Т. 9. Вып. 1. С. 32 – 56. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-1-2019/a229721> (дата обращения: 21.10.2022)
8. Волков А.С. Астрономическая хронология в литературе Древней Греции и вопросы датировки «Паросской хроники» // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2019. Т. 9. Вып. 2. С. 8 – 19. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725> (дата обращения: 21.10.2022)
9. Волков А.С. Исследование астрономической символики персонажей трагедии Софокла «Эдип в Колоне» и вопросы датировки // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2019. Т. 9. Вып. 2. С. 66 – 83. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229732> (дата обращения: 21.10.2019)
10. Волков А.С. Исследование астрономической символики персонажей трагедии Софокла «Антигона» и вопросы датировки // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2019. Т. 9. Вып. 3. С. 13 – 35. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-3-2019/a229740> (дата обращения: 22.10.2022)
11. Волков А.С. Астрономическая хронология в литературе Древней Греции и вопросы датировки «Затмений Фукидида» // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2019. Т. 9. Вып. 3. С. 78 – 86. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725> (дата обращения: 22.10.2022)
12. Эсхил. Трагедии: пер. С. Апта, вступ. ст. Н. Сахарного. М.: Худож. лит., 1971. 383 с. (Серия: «Библиотека античной литературы»).

References

1. Volkov A.S. Datirovka metodom Astronomicheskoy hronologii napisaniya tragedii Jeshila «Zhertva u groba» («Hojefony»). Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal «Istoricheskij bjulleten'». 2023. T. 6. № 1. S. 86 – 93. URL: <https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/03/istor.-bjul.-tom-6-1-2023.pdf> (data obrashheniya: 08.03.2023)
2. Volkov A.S. Datirovka metodom Astronomicheskoy hronologii napisaniya tragedii Jeshila «Agamemnon». Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal «Istoricheskij bjulleten'». 2022. T. 5. № 5. S. 154 – 162. URL: <https://hb-journal.ru/archives/9611> (data obrashheniya: 03.01.2023)

3. Volkov A.S. Issledovanie astronomicheskoy simboliki personazhej tragedii Jeshila «Persy» i voprosy datirovki. Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal "Original'nye issledovaniya (ORIS)". 2018. T. 8. Vyp. 6. S. 21 – 46. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2018-oris-6-2018/a229700> (data obrashheniya: 19.10.2022)
4. Volkov A.S. Issledovanie astronomicheskoy simboliki personazhej tragedii Jeshila «Prositel'nicy» i voprosy datirovki. Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal "Original'nye issledovaniya (ORIS)". 2018. T. 8. Vyp. 7. S. 26 – 45. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2018-oris-7-2018/a229707> (data obrashheniya: 19.10.2022)
5. Volkov A.S. Issledovanie astronomicheskoy simboliki personazhej tragedii Jeshila «Semero protiv Fiv» i voprosy datirovki. Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal "Original'nye issledovaniya (ORIS)". 2018. T. 8. Vyp. 7. S. 55 – 72. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2018-oris-7-2018/a229709> (data obrashheniya: 19.10.2022)
6. Volkov A.S. Issledovanie astronomicheskoy simboliki personazhej tragedii Sofokla «Trahi-njanki» i voprosy datirovki. Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal "Original'nye issledovaniya (ORIS)". 2018. T. 8. Vyp. 7. S. 83 – 99. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2018-oris-7-2018/a229711> (data obrashheniya: 20.10.2022)
7. Volkov A.S. Issledovanie astronomicheskoy simboliki personazhej tragedii Sofokla «Car' Jedip» i voprosy datirovki. Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal "Original'nye issledovaniya (ORIS)". 2019. T. 9. Vyp. 1. S. 32 – 56. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-1-2019/a229721> (data obrashheniya: 21.10.2022)
8. Volkov A.S. Astronomicheskaja hronologija v literature Drevnej Grecii i voprosy datirovki «Parosskoj hroniki». Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal "Original'nye issledovaniya (ORIS)". 2019. T. 9. Vyp. 2. S. 8 – 19. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725> (data obrashheniya: 21.10.2022)
9. Volkov A.S. Issledovanie astronomicheskoy simboliki personazhej tragedii Sofokla «Jedip v Kolone» i voprosy datirovki. Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal "Original'nye issledovaniya (ORIS)". 2019. T. 9. Vyp. 2. S. 66 – 83. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229732> (data obrashheniya: 21.10.2019)
10. Volkov A.S. Issledovanie astronomicheskoy simboliki personazhej tragedii Sofokla «Antigona» i voprosy datirovki. Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal "Original'nye issledovaniya (ORIS)". 2019. T. 9. Vyp. 3. S. 13 – 35. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-3-2019/a229740> (data obrashheniya: 22.10.2022)
11. Volkov A.S. Astronomicheskaja hronologija v literature Drevnej Grecii i voprosy datirovki «Zatmenij Fukidida». Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal "Original'nye issledovaniya (ORIS)". 2019. T. 9. Vyp. 3. S. 78 – 86. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725> (data obrashheniya: 22.10.2022)
12. Jeshil. Tragedii: per. S. Apta, vstup. st. N. Saharnogo. M.: Hudozh. lit., 1971. 383 s. (Serija: «Biblioteka antichnoj literatury»).

Volkov A.S., Lawyer, Individual Entrepreneur

Dating, using the method of astronomical chronology, writing the tragedy of a Eschylus «Eumenides»

Abstract: the article investigates, using the method of astronomical chronology, the astronomical symbolism contained in the text in order to obtain an independent dating of the creation of Aeschylus's tragedy «The Eumenides». The study used one of the tools of historical chronology, namely the method of astronomical chronology, which establishes an independent astronomical dating of events that are in temporal connection with recurring cosmic phenomena. This method makes it possible to determine, with the help of astronomical calculations, the historical moment of time, according to a verbal description in works of literature or a graphic image on architectural monuments, the configuration of the starry sky, namely the location of the Sun, planets and Moon in the constellations of the Zodiac belt. In the course of the historical and chronological study of the text of the tragedy, a verbal description of such a configuration of the starry sky was revealed. In the course of the subsequent, mathematical-astronomical calculation and visual comparison, using computer technology, the dating of the writing of the «Eumenides» tragedy was obtained. The received absolute, independent date does not correspond to the date of staging in 458 BC accepted in the official chronology this tragedy, but is in excellent agreement with the dates of creation of other surviving dramatic works of Aeschylus, obtained in previous historical and chronological studies of the author.

Keywords: history, chronology, astronomical chronology, ancient Greek tragedy, Aeschylus, «Eumenides», mythology

For citation: Volkov A.S. Dating, using the method of astronomical chronology, writing the tragedy of a Eschylus «Eumenides». Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 58 – 64.

*Чуркин М.К., доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник,
Омский государственный педагогический университет,
Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук*

Репрезентации г. Омска и прилегающих территорий в дневнике-травелоге А.К. Гейнса

*Работа поддержана средствами программы развития ФГБОУ ВО
«Алтайский государственный университет» «Приоритет-2030»*

Аннотация: представления имперской власти об азиатских окраинах во второй половине XIX в. конструировались в логике внутреннего империализма, вербализуясь в формуле: азиатская часть имперского пространства – это собственный Восток России. Омск и прилегающие территории Степного края, в дневнике-травелоге имперского эксперта А.К. Гейнса, позиционируются как составляющий элемент «своего Востока», требующий от «человека власти и культуры» адекватных решений по организации территориального и ментального пространства, а также внедрения эффективных управленческих практик. Свойственная травелогам как жанру эмоционально-экспрессивная интонация, создаёт необходимые предпосылки и возможности для переформатирования исследовательской «оптики» от простой констатации и описания сюжетной канвы путешествия к критическому переосмыслению трафаретных оценок функций и назначения сибирских городов, транслируемых в историографии. Обращение к текстам травелогов также позволяет выделить культурную составляющую в характеристике колониационного процесса и его отдельных эпизодов, что не является прерогативой материалов официального делопроизводства, фиксирующих внимание преимущественно на событиях, а не состояниях, чувствах и рефлексии авторов и персонажей. Раскрытие и деконструкция дискурса путевых впечатлений А.К. Гейнса, расширяют исследовательскую перспективу, направленную на конструирование сложной и многогранной картины представлений российского чиновничества и общественных сил о вероятных моделях организации административного управления на восточных окраинах империи, каналах коммуникации власти и социальных групп колонизируемого региона, роли городов в организации имперского пространства.

Ключевые слова: г. Омск, Степной край, травелог, «собственный Восток России», дискурс, репрезентации

Для цитирования: Чуркин М.К. Репрезентации г. Омска и прилегающих территорий в дневнике-травелоге А.К. Гейнса // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 65 – 70.

Тема продвижения русской оседлости на восток империи и, в частности, в районы степной периферии, активно включаемые в государственный оборот средствами колонизации во второй половине XIX в. имеет обширную историографию и широко представлена в научных публикациях отечественных исследователей [11, 3, 1, 8]. В современной ситуации антропологизации исторического знания, чётко обозначилась тенденция, для которой характерно смещение исследовательского фокуса от изучения событийной канвы колониационного процесса к осмыслению состояний, что востребовало обращение историков к дискурсам [9, 13, 14, 2], репрезентируемым в текстах непосредственных «игроков» исторической реальности. Очевидно, что включение Российской империи в политическую деятельность, направленную на доминирование в обширном регионе – Центральной Азии, способствовало эволюции имперской политики от выполнения защитных функций в границах степного фронта к реализации территориальной и культурной экспансии степных пространств, ставших объектом международной

конкуренции. Сложившаяся ситуация вполне соответствовала представлениям «охранительных» сил российского общества, поддерживаемых теоретическими построениями отечественного востоковедения, представители которого (В.В. Розен, В.В. Бартольд, С.Ф. Ольденбург), в своих публикациях активно отстаивали идею позиционирования Сибири и Степного края как «собственного Востока России», овладение которым будет возможно только в результате массированных патерналистских мероприятий со стороны имперской власти [10, с. 125].

Важно подчеркнуть, что основным лозунгом научной мысли XIX в. становится выражение «Знание – сила», и имперские чиновники, вслед за имперскими учёными-теоретиками, в своей практической работе стремились демонстрировать превосходство европейской культуры и право господствовать на Востоке и над Востоком.

Одной из распространённых форм репрезентации подобного превосходства становились отчёты имперских экспертов в формате документальных травелогов – литературы путешествий, рождённой

на излёте эпохи Великих географических открытий в Европе, и получившей широкое распространение в России периода Великих академических экспедиций XVIII и последующее время, когда значимой составляющей ментальных карт Российской империи становится её периферия, в т.ч. и «собственный восток».

Следует принимать во внимание, что если в отношении целей и задач экспедиций первой половины XIX столетия, травелоги путешественников в Центральную Азию рельефно отражали познавательно-разведывательную составляющую походов (Зибберштейн, Назаров, Потанин) [5, 6, 7], то с 1850-х гг., с ликвидацией казахских ханств и устранением от управления казахских султанов, когда складываются благоприятные, с имперской точки зрения, условия для инкорпорации степных окраин, содержание отчётов начинает меняться. В них выстраиваются вполне обозримые перспективы государственной колонизации территорий и подданных.

Показательным в данном плане является дневник полковника А.К. Гейнса, в 1865 г. назначенного состоять при главном управлении генерального штаба для особых поручений и ученых занятий и в том же году, в составе законодательной комиссии по устройству степей, совершившего служебное путешествие в Среднюю Азию. Примечательно, что в состав комиссии были включены представители Министерства Внутренних Дел, Военного министерства и западносибирского высшего чиновничества, что подчёркивало важность исследовательских задач, к разряду которых относилось не только изучение степных владений в естественно-географическом отношении, но и разработка законов по управлению степными областями, которые составили основу нормативно-правовых актов, регулировавших административное и территориальное устройство колонизируемого региона.

В этой связи, г. Омск и прилегающие к нему местности, в травелоге Гейнса, запечатлевшем двухлетний экспедиционный опыт, предстают в несколько ином виде, далеко от классического имперского нарратива, наделявшего Омск и его окрестности бесспорными функциями резидирующего центра колонизации Степного края. Подобный специфический взгляд на вещи во многом можно объяснить спецификой жанра травелога, значительно раздвигающем возможности интерпретации представлений его автора. Так, если травелоги эпохи дорефлекторного традиционализма (допетровская, петровская, постпетровская эпоха), были ориентированы на простое воспроизводство впервые увиденного – т.н. наивный документализм, то в литературе путешествий XIX в. непосредственность и точность описаний уже извест-

ного становится периферийной задачей, а в основу интерпретации положен принцип геополитической целесообразности, что делает допустимыми приемы искажения пространства и времени. Уже в самом начале повествования А.К. Гейнс, настойчиво проводил мысль о малом историческом и торговом значении Омска, полагая, что членам комиссии удастся лишить город столичных полномочий [4, с. 210], передав их Нижнему Новгороду, который Гейнс определял как «будущий великий центр России» [4, с. 182].

Конструированию негативного образа г. Омска как форпоста колонизации киргизских степей, сопутствует и атмосферный фон путешествия, априори травматический по своему содержанию, представлявший собой постоянные переходы из зон относительного бытового комфорта к совершенно невыносимым, экстремальным ситуациям экспедиции. Читая текст, складывается устойчивое впечатление чёткой демаркации этих ареалов. Поездка по европейской части ознаменована купаниями и осмотром достопримечательностей, а также восторженными эпитетами, по поводу увиденного: «Хорошая она река» (Кама) [4, с. 193]; «Мне очень хорошо. Я пишу и люблюсь в окно каюты, обращённое к правому берегу Волги» [4, с. 186]. Однако уже в Пермской губернии путешественник вспоминает с горечью, что в Сарапуле не вызревают до конца яблоки, а в Перми огурцы, если они посажены на чистом воздухе [4, с. 196]. Встреча же с мраморной колонной, разделявшей Европу и Азию, ввергает путешественника в состояние полного смятения и уныния: «Сумрачная обстановка..., кругом мрачный хвойный лес..., пустынная местность, мысль, что ещё шаг и я в Азии, – всё это подействовало на меня неприятно» [4, с. 197-198].

Движение экспедиционеров от Урала вглубь сибирской территории, совпадает с постепенным удалением от зоны комфорта, оказывая влияние на восприятие автором окружающего мира, и выливается в фиксацию регулярных негативных ощущений по абсолютно разным сюжетам сибирского антуража на страницах травелога: «заборы из дурного леса»; «надворные строения малы и непрочны», «чаще и чаще попадаются ссыльные поляки, влияние которых очевидно», достигая апофеоза уже на подъезде к Омску, когда путешественники, рискуя жизнью, переправлялись через Иртыш на пароме в условиях штормового ветра. Даже позитивные эмоции от «порядочной каменной гостиницы на берегу Оми», где Гейнс и компания поселились, оказались нейтрализованы «грязной баней, в которой автору пришлось пачкаться вечером» [4, с. 206].

Используя современную исследовательскую терминологию, произошедшее с А.К. Гейнсом, можно трактовать как «травму» – единовременное событие или цепь негативных событий одного ряда, существенно скорректировавших представления персонажа о явлениях окружающей действительности [12, с. 7]. Соединившись с установкой политической, имевшейся изначально, травмирующие события определили особый вариант конструирования реальности и её репрезентации в травелоге, на страницах которого автор в высшей степени детализировано обосновывает бюрократическую несостоятельность г. Омска как форпоста колонизации Степного края, создавая крайне непривлекательный образ города: «Омск сносный город настолько, насколько может быть сносна столица управления и обитель главных чиновников Западной Сибири. Ни торгового, ни исторического значения он не имеет...» [4, с. 209].

Характерно, что первой «жертвой» автора дневника становится западно-сибирский генерал-губернатор А.О. Дюгамель: «Я не без любопытства смотрел на тушу мяса, называемую Дюгамелем, которая, т.е. туша, пользовалась когда-то репутацией учёной... Из разговора Дюгамеля я увидел, что он знает край не лучше меня, что он апатичен, равнодушен ко всему и враждебен нашему наступлению в Средней Азии... Он был любезен с нами, но сквозь эту любезность проглядывала враждебность и недоверие к нашим силам» [4, с. 206].

Далее А.К. Гейнс косвенно высказывает претензии местному чиновничеству по различным поводам. Так, о деле сибирских сепаратистов он упоминает походя, называя его «детским», видимо, недостойным приданного ему внимания, предпочитая больше говорить о заседаниях, посвящённых разработке маршрута экспедиции и порядке работы экспертов. Выбор пункта продолжительной оседлости путешественников – Алатавский округ, был определён также с комментарием: «там киргизы менее испорчены администрацией» [4, с. 208]. Во время обеда у Дюгамеля, в компании местного истеблишмента, Гейнс с чувством внутреннего негодования отмечает неприязненное отношение сообщества чиновников к покойному Ч. Валиханову, которому государь дал аудиенцию и поцеловал, заметив, что на его высказывание о высоком авторитете Валиханова среди учёных-ориенталистов, публика ответила неудовлетворённым молчанием. За эту реакцию он расплачивается сполна критикой проекта Степного положения: «Господи, что за чепуха...», резюмируя, что «...если из Омска перенести резиденцию генерал-губернатора, он непременно упадёт и превратится в полу деревню... Впрочем, перенос резиденции,

несмотря на очевидную необходимость, затруднится тем, что у большинства влиятельных чиновников собственные дома в Омске» [4, с. 210], а позднее – описанием увеселительного вечера совместно с высшим омским кругом в «так называемой Загородной роще», представлявшей «поляну на берегу Иртыша, окружённую лесом, ...с дурными деревянными постройками...и юртами с лотереей, на которую автор, по собственному свидетельству, издержал 25 рублей...» [4, с. 212].

Значительная часть травелога А.К. Гейнса имеет сугубо производственный характер, отражая процесс теоретической подготовки к экспедиции, ход и результаты путешествия по степным кочевьям. Интонационно данный фрагмент лишён гипертрофированной эмоциональной окраски, представляя собой взвешенную систему доводов имперского чиновника по всей гамме вопросов организации судебного, административно-территориального устройства и управления в степном регионе. Тем не менее, в описании путешествия постоянно присутствует индикатор – культурная дистанция, априори отделяющая «Человека власти и культуры» от «колониального субалтерна», диапазон которой достаточно широк: от исходного предубеждения цивилизованного человека в отношении дикаря-субалтерна: «Вид моего ямщика-киргиза меня очень занял. ...Глаза пещерного человека блестели каким-то лисичьим блеском из узких, косо разрезанных щелей... Бормоча что-то..., он показывает зубы, блестящие как перламутр. Узкий лоб отброшен назад; голова широкая, переносье придавленное, скулы особенно развиты... недалеко он ушёл от шимпанзе» [4, с. 225], до покровительственных рассуждений о киргизском народе, который может иметь собственный суд, но должен содержать всю администрацию, поставляемую для управления им за свой собственный счёт [4, с. 211].

Для данной части произведения характерна постоянная смена стиля письма от описания к аналитике. Воспроизводя маршрут от Омска к Ишиму и далее в направлении г. Петропавловска, автор подчёркивает особую важность организации пограничных укреплений и распространения там русского влияния. При этом показательно, что статус Ишима в системе управления не привлекает особого внимания путешественника. Гейнс ограничивается лишь общей фразой о необходимости правильной колонизации края: «Богатая это будет страна и будет она житницей Сибири, если будет колонизована как следует» [4, с. 216]. При этом, А.К. Гейнс подробно останавливается на описании Петропавловска, являвшегося в этот период важным таможенным пунктом, пограничной линией, призванной охранять отечественные мануфактуры

от соперничества среднеазиатских товаров [4, с. 217]. Из общения со служащими таможни, А.К. Гейнс пришёл к выводу о неудовлетворительном состоянии пограничной службы, следствием чего становились значительные финансовые потери российской торговли со степной периферией востока. Неблагоприятным фоном подобной ситуации, путешественник назвал на страницах дневника, постоянный приток в Петропавловск касимовских и казанских татар, определявших регулярное преобладание здесь мусульманского элемента над православным, что считал крайне опасным, учитывая тот факт, что Петропавловск по определению Гейнса «таможенная линия, отделяющая подвластных киргизов от остальной России» [4, с. 216].

Показательно, что имперские настроения в описании маршрута движения экспедиции, в травелоге А.К. Гейнса усиливались и проявлялись наиболее отчётливо по мере движения от Петропавловска вглубь степной периферии, которая воспринималась и маркировалась путешественником в качестве «чужой» земли. Мир за таможенной чертой как иное цивилизационное измерение описывается Гейнсом на противопоставлении с привычным российским ландшафтом и социальной обстановкой: «...Теперь пропали даже редкие кусты берёзы. Полынь, росшая в изобилии до Петропавловска, здесь также пропадает; вместо неё из почвы выглядывает пучкообразный кипец... На горизонте степи показывались по временам группы всадников... Кажется, что едешь ко двору какого-нибудь монгольского императора... » [4, с. 224-225]. Орыв от привычной коммуникативно-информационной среды и погружение в мир чужой культуры, активировали в сознании чиновника-путешественника стандартные для его времени представления, в которых мотив имперской безопасности выдвигался на первый план. Получив от

касимовского татарина Гассана противоречивые сведения о восстании киргиз в Туркестанском крае, Гейнс записывает: «Я всегда был противником наших приобретений от Коканда до Бухары, но чувствую, что теперь, в виду грозящей нам опасности, отступить нельзя... Во всяком случае Бухару нужно так наказать, чтобы испугать всю Среднюю Азию... Нам нужно собрать силы и пушками открыть средне-азиатские рынки нашим произведениям...» [4, с. 217-218].

В финальной части травелога, вновь фигурирует г. Омск, восприятие которого автором после долгого и изнурительного путешествия по киргизским степям, представлено хотя и в более тёплых тонах, но по-прежнему амбивалентно: «Глаз, привыкший за 7 месяцев к беспредельному горизонту, отсутствию гражданской жизни... был поражён теперь городом, вообще говоря, бедным и дрянным. Церкви, минареты, каменные дома, лавки, опрятность на улицах..., всё это поражало как образцы высокой цивилизации. Недаром среднеазиатцы считают грязную Бухару последним словом человеческого развития» [4, с. 589].

Подводя итог, отметим, что прочтение дневника имперского чиновника А.К. Гейнса как травелога, литературно-документального произведения фиксирующего путевые впечатления автора, формирует сложную и многогранную картину представлений власти и общества о перспективах организации власти и практиках управления «собственным востоком». Имманентно присущее травелогу как жанру эмоционально-антропологическое наполнение, позволяет исследователю критически воспринимать сложившийся в историографии схематизм в понимании функций и назначения сибирских городов в колонизационном процессе, выделяя в практиках «присвоения» периферийных территорий культурную составляющую.

Литература

1. Безвиконная Е.В. Административно-правовая политика Российской империи в степных областях Западной Сибири в 20-60-х гг. XIX в. Омск: Б.м., 2005. 239 с.
2. Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII-XIX вв. Историко-географическое исследование. М.; СПб.: Институт Российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 240с.
3. Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М.: «Наука», 1986. 246 с.
4. Гейнс А.К. Дневник 1865 г. Путешествия по киргизским степям // Собрание литературных трудов А.К. Гейнса. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. С. 179 – 592.
5. Назаров Ф.М. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, отдельного Сибирского корпуса переводчика. СПб.: 1891. 98 с.
6. Потанин Н.И. Записки о Кокандском ханстве хорунжего Н.И. Потанина // Киргизские степи и Кокандское ханство в начале XIX столетия по описанию хорунжего Н.И. Потанина. СПб.: 1909. С. 203 – 258.
7. Путевые записки лекаря Зибберштейна. URL: https://drevlit.ru/docs/central_asia/XIX/1820-1840/Zibberstein/text.php (дата обращения: 22.08.2022)

8. Ремнёв А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков (под общей редакцией Н.Г. Суворовой). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 580 с.
9. Суворова Н. Г. Православные эксперты о степном колонизаторе // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сборник научных трудов. Омск: ООО "Полиграфический центр КАН", 2016. С. 427 – 433.
10. Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.
11. Уманец Ф. М. Колонизация свободных земель России. СПб.: Б.м., 1884. 243 с.
12. Ушакин С. «Нам этой болью дышать?» О травме, памяти и сообществах // Травмопункты: сб. статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5 – 45.
13. Чуркин М. К. Репрезентации власти и общества Кокандского ханства в travelogah русских путешественников первой половины XIX в // Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований: Материалы второй Всероссийской научной конференции. Барнаул, 05-06 мая 2022 года. Барнаул: "Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2022. С. 68 – 73.
14. Чуркин М.К., Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края: общественно-политический дискурс и имперские практики второй половины XIX – начала XX вв. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2019. 261 с.

References

1. Bezvikkonnaja E.V. Administrativno-pravovaja politika Rossijskoj imperii v stepnyh oblastjah Zapadnoj Sibiri v 20-60-h gg. XIX v. Омск: Б.м., 2005. 239 с.
2. Bekmahanova N.E. Prisoedinenie Central'noj Azii k Rossijskoj imperii v HVIII-HIH vv. Istoriko-geograficheskoe issledovanie. М.; СПб.: Institut Rossijskoj istorii RAN; Centr gumani-tarnyh iniciativ, 2015. 240s.
3. Bekmahanova N.E. Mnogonacional'noe naselenie Kazahstana i Kirgizii v jepohu kapitaliz-ma(60-e gody XIX v. – 1917 g.). М.: «Nauka», 1986. 246 с.
4. Gejns A.K. Dnevnik 1865 g. Puteshestvija po kirgizskim stepjam. Sobranie literaturnyh trudov A.K. Gejnsa. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. С. 179 – 592.
5. Nazarov F.M. Zapiski o nekotoryh narodah i zemljah srednej chasti Azii Filippa Nazarova, ot del'nogo Sibirskogo korpusa perevodchika. СПб.: 1891. 98 с.
6. Potanin N.I. Zapiski o Kokandskom hanstve horunzhogo N.I. Potanina. Kirgizskie stepi i Kokandskoe hanstvo v nachale HIH stoletija po opisaniju horunzhogo N.I. Potanina. СПб.: 1909. С. 203 – 258.
7. Putevye zapiski lekarja Zibbershtejna. URL: https://drevlit.ru/docs/central_asia/XIX/1820-1840/Zibberstein/text.php (data obrashhenija: 22.08.2022)
8. Remnjov A.V. Sibir' v imperskoj geografii vlasti XIX – nachala XX vekov (pod obshhej redakciej N.G. Suvorovoj). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 580 с.
9. Suvorova N. G. Pravoslavnye jeksperty o stepnom kolonizatore. Aziatskaja Rossiya: ljudi i struktury imperii: sbornik nauchnyh trudov. Омск: ООО "Полиграфический центр КАН", 2016. С. 427 – 433.
10. Tol'c V. «Sobstvennyj Vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozднеimperskij i rannesovetskij period. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 336 с.
11. Umanec F. M. Kolonizacija svobodnyh zemel' Rossii. СПб.: Б.м., 1884. 243 с.
12. Ushakin S. «Nam jetoj bol'ju dyshat'?» O travme, pamjati i soobshhestvah. Travmopunkty: sb. Statej. Sost. S. Ushakin i E. Trubina. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. С. 5 – 45.
13. Churkin M. K. Reprezentacii vlasti i obshhestva Kokandskogo hanstva v travelogah russkih puteshestvennikov pervoj poloviny HIH v. Sibir' v fokuse istoricheskikh, vostokovednyh i pravovyh issledovanij: Materialy vtoroj Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Barnaul, 05-06 maja 2022 goda. Barnaul: "Barnaul'skij juridicheskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Fe-deracii", 2022. С. 68 – 73.
14. Churkin M.K., Tokmurzaev B.S. Agrarnaja kolonizacija Stepnogo kraja: obshhestvenno-politicheskij diskurs i imperskie praktiki vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2019. 261 с.

*Churkin M.K., Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor), Professor, Chief Research Officer,
Omsk State Pedagogical University,
Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*

Representations of the city of Omsk and surrounding territories in A.R. Gaines' travelogue diary

Abstract: representations of the imperial authorities about the Asian outskirts in the second half of the 19th century. were constructed in the logic of internal imperialism, verbalized in the formula: the Asian part of the imperial space is Russia's own East. Omsk and the adjacent territories of the Steppe Territory, in the travelogue diary of the imperial expert A.K. Gaines are positioned as a constituent element of "their own East", requiring from the "man of power and culture" adequate decisions on the organization of territorial and mental space, as well as the introduction of effective management practices. The emotionally expressive intonation characteristic of travelogue as a genre creates the necessary prerequisites and opportunities for reformatting the research "optics" from a simple statement and description of the plot outline of the journey to a critical rethinking of stereotyped assessments of the functions and purpose of Siberian cities broadcast in historiography. The reference to the texts of travelogues also makes it possible to single out the cultural component in the characterization of the colonization process and its individual episodes, which is not the prerogative of official records management materials, which fix attention mainly on events, and not on the states, feelings and reflections of the authors and characters. Disclosure and deconstruction of the discourse of A.K.Gaines, expand the research perspective aimed at constructing a complex and multifaceted picture of the ideas of the Russian bureaucracy and social forces about the likely models for organizing administrative management on the eastern outskirts of the empire, the channels of communication between the authorities and social groups of the colonized region, the role of cities in the organization of the imperial space.

Keywords: Omsk, Steppe region, travelogue, "Russia's own East", discourse, representations

For citation: Churkin M.K. Representations of the city of Omsk and surrounding territories in A.R. Gaines' travelogue diary. Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 65 – 70.

*Гончаренко О.Н., кандидат исторических наук, доцент,
Государственный аграрный университет Северного Зауралья*

Роль академика Василия Захаровича Ямова в деле сохранения ветеринарной региональной науки и образования в конце XX – начале XXI вв.

Аннотация: в статье рассматривается роль академика Василия Захаровича Ямова в деле сохранения ветеринарной региональной науки и образования в конце XX – начале XXI вв. Рассмотрев и проанализировав архивные источники, воспоминания ученого и руководителя Всесоюзного научно-исследовательского института ветеринарной энтомологии и арахнологии (г. Тюмень) и его соратников, а также опубликованные документы, находящиеся в открытых источниках информации, авторы выявили основную причину интеграции учреждений ветеринарной науки и образования в Тюменской области, состоящую в необходимости сохранения и дальнейшего функционирования сельскохозяйственных научных направлений, в том числе ветеринарной медицины и аквакультуры. В статье отмечается особая заслуга В.З. Ямова в открытии факультета ветеринарной медицины и кафедры водных биоресурсов и аквакультуры в Тюменском сельскохозяйственном институте; сохранении государственных производственных предприятий рыбной промышленности в Тюменской области. Задачу совместной деятельности Ямов усматривал не только в решении организационных, научных и социальных задач, реализованных в создании и функционировании Тюменского аграрного академического союза, но и в деятельности научно-образовательных учреждений направленных на прогресс всего российского общества. В заключении содержится вывод о том, что деятельность Василия Захаровича Ямова демонстрирует приверженность ученого и руководителя к сохранению научных и образовательных традиций и ценностей.

Ключевые слова: Василий Захарович Ямов, ВНИИВЭА, СибрыбНИИпроект, Тюменский сельскохозяйственный институт, ветеринария, наука, образование, сельское хозяйство

Для цитирования: Гончаренко О.Н. Роль академика Василия Захаровича Ямова в деле сохранения ветеринарной региональной науки и образования в конце XX – начале XXI вв. // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 71 – 76.

Сегодня интеграция науки, образования и производственного процесса является одним из самых важных условий успешного функционирования современного государства в условиях модернизации и формирования инновационной экономики России. Быстротекущие процессы модернизационно-инновационного характера, современные интеграционные тенденции требуют интенсификации научных исследований, механизмов взаимодействия региональных институтов в сложных социально-политических и экономических условиях. В связи с этим, особого внимания заслуживает исторический опыт конца XX – начала XXI вв., когда в связи с распадом СССР, прекратили существование многие научно-исследовательские институты. В 1990-е гг. российские научно-производственные объединения остались без государственных заказов и финансирования. Появились в эти годы дисфункциональные процессы в системе высшего образования, негативно сказавшиеся на вузовской науке. В результате чего многие учреждения потеряли квалифицированные кадры, которые были вынуждены менять профессию, для того чтобы выжить в сложившейся ситуации. Вместе с тем, крупные ученые и директора научно-исследовательских институтов прекрасно понимали, что наука как фундаментальная, так и

прикладная – это основа не только развития государства, но и определенная «подушка безопасности» страны, гарантия ее прогресса. Как никто понимал это академик Россельхозакадемии, заслуженный деятель науки РФ, доктор биологических наук, профессор Ямов Василий Захарович, занимавший с 1973 г. должность директора Всесоюзного научно-исследовательского института ветеринарной энтомологии и арахнологии [2, С.140-142.].

Цель работы – определить роль профессора Василия Захаровича Ямова в деле сохранения отраслевой региональной науки и образования в конце XX – начале XXI вв.

Методами исследования выступил конкретно-исторический метод. В качестве исторических источников использовалась статья Василия Захаровича Ямова о деятельности ВНИИВЭА, опубликованная на сайте института; воспоминания о совместной деятельности заслуженного деятеля рыбного хозяйства РФ, директора Государственного научно-производственного центра рыбного хозяйства г. Тюмени, д.б.н., профессора А.И. Литвиненко, а также архивные документы, хранящиеся в государственных архивах Тюменской области и материалы находящиеся в открытых источниках информации.

В рамках существовавшего в период СССР симбиоза государства и научного сообщества власти стремились использовать ученых для получения знаний, для развития экономической и военной мощи государства, для идеологического оправдания своей политики, для повышения международного престижа. В Советском Союзе наука в совокупности с высшим образованием составляла единую систему, от которой зависело воспроизводство интеллектуальных ресурсов, всей инфраструктуры страны, включая аппарат управления, систему здравоохранения, экономику и т.д. Советские ученые считали свою работу исключительно важной для государства, которое было единственным заказчиком научных проектов, предоставляя материально-финансовые и людские средства для их осуществления [6, с. 141.].

Тюменской области с начала 1960-х гг. функционировало четыре научно-исследовательских института занимающихся смежными исследованиями, направленными на улучшение эпидемиологической обстановки в регионе: ВНИИВЭА, Тюменский научно-исследовательский институт краевой инфекционной патологии (ТНИИКИП), Сибирский научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт рыбного хозяйства (СибрыбНИИпроект), НИИСХ Северного Зауралья. Опыт совместной работы ВНИИВЭА с другими институтами, в том числе и с Тюменским сельскохозяйственным институтом (ТСХИ) существовал с середины 1960-х годов, когда успешно осуществлялась разработка ряда мероприятий связанных:

1. с эпидемиологическими исследованиями наиболее распространенных заболеваний: описторхоз и клещевой энцефалит (с ТНИИКИП)
2. с благополучием животных в отрасли животноводства (с НИИСХ Северного Зауралья);
3. с болезнями рыб, в том числе рыб семейства карповых и моллюсков возбудителем описторхоза (СибрыбНИИпроект и ТНИИКИ);
4. с вопросами, связанными с гистологией, анатомией и физиологией животных (ТСХИ) [6, Л.17, 18.].

Деятельность ВНИИВЭА под руководством В.З. Ямова в этот период была весьма успешной. Учеными института в советский период проведены были исследования по ряду актуальных вопросов зоопаразитологии, иммунологии паразитарных болезней, технологии пестицидов (инсектициды, акарициды и репелленты) и химико-фармацевтических препаратов, в том числе полученных микробиологическим способом, а также по разработке новых методов изучения метаболизма пестицидов в живых организмах и рекомендаций контроля загрязнения окружающей среды

ядохимикатами. Исследования носили комплексный характер – от синтеза препаратов, до разработки их применения и внедрения в ветеринарную практику. В 1981 г. Премией Совета министров была отмечена законченная работа ученых института, именуемая «Разработка и внедрение биологических основ, средств и нового метода борьбы с гиподерматозом крупного рогатого скота» (автор В.З. Ямов). В 1986 г. за успешное выполнение принятых обязательств и плана научных исследований коллективу института присуждено на вечное хранение Красное Знамя ЦК КПСС, Совета Министров и ЦК ВЛКСМ, а директор института В.З. Ямов награжден орденом Трудового Красного Знамени [14].

Нельзя не отметить качественную подготовку ветеринарных врачей в высших учебных заведениях в СССР. Высокий академический уровень, строгие требования к теоретическому и практическому обучению давали свои положительные результаты [1, с. 141]. Ветеринарные врачи, продолжавшие свой путь в науке, обладали весьма обширными знаниями, что помогало им в практической и научной деятельности. Вместе с тем, все сотрудники ВНИИВЭА были направлены из вузов других регионов, так как в Тюмени не было своего ветеринарного факультета в сельскохозяйственном институте. Неоднократно данный вопрос поднимался на областном уровне. 29 апреля 1969 г. бюро Тюменского обкома КПСС заслушав ректора А.В. Малова о работе института обязало ректорат разработать мероприятия по дальнейшему развитию вуза. 3 марта 1971 года партийное собрание ТСХИ обосновало необходимость открытия факультетов механизации, ветеринарии и отделения рыбного хозяйства [5, Л. 16]. Но вопрос так и не был решен ни в 1970-е, ни в 1980-е гг.

Изменение геополитической и экономической ситуации в СССР, распад большой страны в 1991 г., экономические преобразования и реформирование сельскохозяйственного производства негативно отразились на организации научно-исследовательской работы ВНИИВЭА. Специализированные работы по тематике института значительно сократились, а сотрудники лабораторий вынуждены были работать по договорам с хозяйствами, выполняя порой далеко не научную работу. На первоначальном этапе наблюдался сильный отток сотрудников, особенно молодых. Специализированные работы по тематике института значительно сократились, а сотрудники лабораторий вынуждены были работать по договорам с хозяйствами, выполняя порой далеко не научную работу [7, с. 40, 41]. Все это привело к поиску новых форм сотрудничества, как в научной, так и в образовательной сфере. Ямов Василий Захарович про-

явил себя в этот период как успешный стратег, понимающий возможности не только совместной научной деятельности с другими научными учреждениями, но и долгосрочные результаты интеграции науки, образования и власти. Ученый понимал, что главным в этой триаде является интеграция науки с высшим образованием, так как «в условиях научно-технической революции квалификация работника зависит уже не столько от навыков и опыта, приобретаемых в ходе работы, сколько от объема знаний, полученных в процессе систематического обучения» [10]. Соответственно, по мнению Ямова, высшее образование должно тесно взаимодействовать с наукой и, таким образом, стать важнейшей предпосылкой и неотъемлемой частью продолжающегося научно-технического прогресса, где главным действующим лицом выступает ученый. Но в первые годы 1990-х стало очевидно, что при сохранении (и даже увеличении) тенденции выпускников школ отдавать предпочтение профессиям умственного труда, их ориентация на науку резко снизилась. Для молодежи 90-х годов характерно было стремление получить высшее образование, но использовать его не в научной сфере [3, с. 141, 142.]. Только совместные действия высшего учебного и научного учреждений могли спасти ситуацию при которой ветеринарная региональная наука могла остаться без молодых кадров.

Первым шагом стало открытие в 1992 году ветеринарного факультета в Тюменском сельскохозяйственном институте (ТСХИ). Этому способствовали объективные региональные обстоятельства:

1. Широкое распространение опасных болезней скота в Сибирском регионе и Тобольской губернии, Тюменском крае и Тюменской области в XIX-XX вв. требовало расширения объема работы по предупреждению, профилактике и лечению заболеваний домашних животных;

2. С начала организации ветеринарной службы в 1810 г. до конца 1980-х гг. регион испытывал недостаток ветеринарных специалистов не только высшей, но и средней квалификации. Особенно остро в 1980-х годах, также как и в предыдущие периоды в Тюменской области стоял вопрос о ветеринарных врачах. К концу 1980-х гг. на 1153 ветработника в области только 23% (260 человек) имели высшее образование, 14% (155 человек) были практиками, 730 или 63% имели только среднее образование. Потребность в ветработниках была в 1349 человек [8, с. 80].

3. Созданные в Тобольской губернии, а затем в Тюменском крае учебные заведения по подготовке ветеринарных фельдшеров и изучения эпизоотий: Тобольской зооветеринарный техникум, Сале-

хардский зооветеринарный техникум, ветеринарно-бактериологические лаборатории не справлялись с поставленными задачами по улучшению санитарно-эпидемиологической обстановке.

Производство, как частное, так и общественное, требовало новых материалов, технологий, изобретений, то есть региональной ветеринарной науки. Дальнейшее социально-экономическое развитие страны в большой степени зависело от того, кто это все может поставить – от системы высшего и среднего образования, развития ветеринарной науки.

На протяжении ста лет активно в регионе развивалась ветеринарная наука, накопившая научные и методологические знания в области ветеринарии (ветеринарная наука региона ведет свою историю от ветеринарно-бактериологической лаборатории, научных ветеринарных экспедиций российского и общесоюзного значения до открытия кафедры анатомии и гистологии во главе с кандидатом ветеринарных наук Юрием Федоровичем Юдичевым и созданием в 1973 г. ВНИИВЭА) [4, с. 10.]

Данные причины привели к консенсусу в вопросе открытия новой специальности «Ветеринария» в ТСХИ между ректором Игорем Дисановичем Комиссаровым и директором ВНИИВЭА Василием Захаровичем Ямовым. Оба руководителя и ученых прекрасно понимали, что наступило время, когда проблему ветеринарных кадров и укрепления ветеринарии как науки необходимо кардинально решать. Путь был один: объединить кадровый, интеллектуальный и материально-технический потенциал двух организаций. Факультет ветеринарной медицины в Тюменском сельскохозяйственном институте возглавил академика Ямов Василий Захарович, заместителем декана стала Лидия Ивановна Карпова. Факультет располагался до 2006 г. в здании ВНИИВЭА, использовал всю материально-техническую базу для учебной и научной деятельности [13, с. 242]. В 2023 г. можно с уверенностью констатировать, что решение об интеграции дало положительный результат. Сегодня ветеринарные специальности и направления, реализуемые преемником ТСХИ – Тюменской государственной сельскохозяйственной академией (ТГСХА) – Государственным аграрным университетом Северного Зауралья (ГАУ Северного Зауралья), являются востребованными, а объединенное научное сотрудничество приносит новые достижения в деле профилактики и ликвидации инфекционных, инвазионных и незаразных болезней, создания здоровых стад сельскохозяйственных животных.

В 1994 году, по примеру появления ветеринарного факультета в ТСХИ, там же была открыта

кафедра водных биоресурсов и аквакультуры на базе СибрыбНИИпроекта. Инициаторами открытия кафедры выступили директор научно-исследовательского института А.И. Литвиненко и проректор по науке ТСХИ Н.В. Абрамов при тесном участии с В.З. Ямовым. Успешность этого сотрудничества также очевидна. Располагается кафедра в здании научно-исследовательского института, использует материально-техническое оснащение и научный потенциал для образовательных целей. Профессорско-преподавательский состав кафедры, ядром которого стали научные сотрудники СибрыбНИИпроект, ведет подготовку ихтиологов-рыбоводов, а также проводит совместно с Тюменским филиалом ФГБНУ «ВНИРО» (ранее СибрыбНИИпроект, с 2002-2019 гг. ФГУП «Госрыбцентр») научные исследования, направленные на развитие товарного рыбоводства. В начале XXI в. был заключен долгосрочный договор ТГСХА с ФГУП «Госрыбцентр» на прохождение учебной и производственной практик студентами, обучающимися по специальности «Водные биоресурсы и аквакультура».

При непосредственном участии В.З. Ямова и И.Д. Комиссарова 11 апреля 1996 года был учрежден Тюменский Аграрный Академический союз (ТААС), стержнем которого стала ТГСХА. Союз представлял собой общественную организацию, имеющую статус юридического лица и объединяющую все образовательные и научные учреждения аграрного профиля Тюменской области. Председателем Совета был избран ректор ТСХИ И.Д. Комиссаров. Польза от ТААС в социально-экономических условиях конца XX в. – начала XXI в. была огромной, так как, чтобы выжить в тех условиях и сохранить науку, ученые, не ожидая помощи от государства, стремились к диалогу с региональными властями и предприятиями, объясняя им важность фундаментальных и прикладных исследований. Результатом совместных усилий явились программы для участия в конкурсе Губернаторских грантов, получение заказов на выполнение НИОКР от ведущих сельскохозяйственных предприятий [12].

Сотрудничество продолжалось и между научно-исследовательскими институтами. В 1998 г. Василий Захарович Ямов обратился к директору «СибрыбНИИпроекта» А.И. Литвиненко с пред-

ложением принять его на работу институт. Как вспоминает Александр Иванович: «Грех было отказать от такого предложения, и Василий Захарович был назначен сначала на должность руководителя центра региональной политики и внедрения передового опыта, а затем на должность заместителя директора по региональной политике» [12]. В «СибрыбНИИпроекте» профессор Ямов занимался координацией научно-исследовательской работы по болезням рыб, внедрением разработок в производство, решением организационных вопросов, в том числе и вопросов взаимодействия с региональными властями – как советник Губернатора Тюменской области по аграрным вопросам. Василий Захарович редактировал научные статьи и сборники научных трудов по паразитологии и болезням рыб. Большую помощь ученый оказал в деле сохранения государственных воспроизводственных предприятий осетровых и сиговых рыб, которые планировалось приватизировать. Но с подачи профессора В.З. Ямова все предприятия были переведены в 2002 году в ФГУП «Госрыбцентр» решением Коллегии Министерства сельского хозяйства РФ [12].

Личное участие Ямова В.З. прослеживалось и в его гражданской позиции по социальным вопросам. Помогал людям, как мог: устраивал детей сотрудников в детские сады, престижные школы, решал жилищные вопросы [12].

Таким образом, анализ деятельности Василия Захаровича Ямова, демонстрирует, что только интеграция региональных научных и высших профессиональных образовательных учреждений помогает выйти из любой сложной ситуации, не прервав связь научных и образовательных традиций и сохраняя ценности научного и педагогического творчества. Василий Захарович был уверен, что ветеринарная наука, обслуживая сферу объективного взаимоотношения общества и природы, создает знания и технологии, которые имеют объективную ценность. Вся деятельность ученого была направлена на поиск таких форм взаимодействия, которые могут обеспечить непрерывность общественного прогресса, напрямую зависящего от науки. Только «наука (прежде всего естествознание) и техника вырабатывают такой конечный продукт, важнейшая цель которого – практическое применение» [11].

Литература

1. Алексеева Л.В. Государственная ветеринарная служба в СССР: 1940-1980-е годы (на материалах Курганской области): монография. Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2018. 193 с.
2. Василий Захарович Ямов: Памяти ученого: некролог // Российский паразитологический журнал. 2014. № 4. С. 140 – 142.
3. Гиндилис Н.Л. От советской к российской академии наук: конец 80-х – 90-е годы // Научно-исследовательские исследования. 2014. С. 125 – 146.

4. Гончаренко О.Н. К вопросу о становлении факультета ветеринарной медицины в ГАУ Северного Зауралья // Актуальные вопросы ветеринарной медицины: образование, наука, практика: Сборник материалов Всероссийской (национальной) конференции, посвященной 30-летию образования ветеринарного факультета. Тюмень: Изд-во ГАУ Северного Зауралья, 2022. С. 8 – 15.
5. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 2686. Оп. 1. Д. 3.
6. Государственный архив Тюменской области (ГАТО) Ф. 1937. Оп. 1. Д. 42.
7. Домацкий В.Н., Сивкова Е.И. Формирование и развитие ветеринарной арахно-энтомологии в Тюменской области // Аграрная наука и образование Тюменской области: связь времен: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 140-летию Тюменского реального училища, 60-летию Тюменского государственного сельскохозяйственного института – Государственного аграрного университета Северного Зауралья (6-7 июня 2019 года). Тюмень, 2019. Т. 2. С. 33 – 43.
8. Звонарева Л.В., Мазурак Н.С. От реального училища до академии. 1879-1959-2009: Очерк истории. Тюмень: Тюменская гос. с.-х. акад., 2009. 248 с.
9. Колчинский, Э.И. Наука и кризисы в XX веке: некоторые результаты сравнительного анализа // Terra Economicus. 2008. Т. 6. № 3. С. 141 – 149. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-i-krizisy-v-xx-veke-nekotorye-rezultaty-sravnitel'nogo-analiza/viewer> (дата обращения: 6 марта 2023 г.)
10. Кононенко В.М. Развитие высшего образования на Юге России: 20-90-е годы XX века: 07.00.02 «Отечественная история»: дис. ... соиск. учен. степе. докт. историч. наук / Ставропольский государственный университет. Ставрополь, 2006. URL: <https://www.dissercat.com/content/razvitie-vysshego-obrazovaniya-na-yuge-rossii-20-90-e-gody-xx-veka> (дата обращения: 5 марта 2023 г.)
11. Лазарев Ф.В. Выживание как социологическая и культурно-историческая категория // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2011. Т. 24 (65). № 2. С. 254 – 263. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyzhivanie-kak-sotsiologicheskaya-i-kulturno-istoricheskaya-kategoriya/viewer> (дата обращения: 6 марта 2023 г.)
12. Литвиненко А.И. Вспоминая В.З. Ямова: рукопись. Тюмень, 2023. 3 с.
13. Сидорова К.А., Гончаренко О.Н., Череменина Н.А. Переход к новой модели аграрного образования: (региональный опыт) // Международный вестник ветеринарии. 2022. № 1. С. 239 – 244.
14. Ямов В.З. Основные этапы пути // ВНИИВЭА: официальный сайт. Тюмень. URL: http://www.vniivea.ru/history/?n_id=1 (дата обращения 4 марта 2023 г.).

References

1. Alekseeva L.V. Gosudarstvennaja veterinarnaja sluzhba v SSSR: 1940-1980-e gody (na materialah Kurganskoj oblasti): monografija. Nizhnevartovsk: Izd-vo NVGU, 2018. 193 s.
2. Vasilij Zaharovich Jamov: Pamjati uchenogo: nekrolog. Rossijskij parazitologicheskij zhurnal. 2014. № 4. S. 140 – 142.
3. Gindilis N.L. Ot sovetskoj k rossijskoj akademii nauk: konec 80-h – 90-e gody. Naukovedcheskie issledovanija. 2014. S. 125 – 146.
4. Goncharenko O.N. K voprosu o stanovlenii fakul'teta veterinarnoj mediciny v GAU Severnogo Zaural'ja. Aktual'nye voprosy veterinarnoj mediciny: obrazovanie, nauka, praktika: Sbornik materialov Vserossijskoj (nacional'noj) konferencii, posvjashhennoj 30-letiju obrazovaniya vete-rinarnogo fakul'teta. Tjumen': Izd-vo GAU Severnogo Zaural'ja, 2022. S. 8 – 15.
5. Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoi istorii Tjumenskoj oblasti (GASPIITO). F. 2686. Op. 1. D. 3.
6. Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO) F. 1937. Op. 1. D. 42.
7. Domackij V.N., Sivkova E.I. Formirovanie i razvitie veterinarnoj arahno-jentomologii v Tjumenskoj oblasti. Agrarnaja nauka i obrazovanie Tjumenskoj oblasti: svjaz' vremen: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii, posvjashhennoj 140-letiju Tjumenskogo real'nogo uchilishha, 60-letiju Tjumenskogo gosudarstvennogo sel'skohozjajstvennogo instituta – Gosudarstvennogo agrarnogo universiteta Severnogo Zaural'ja (6-7 ijunia 2019 goda). Tjumen', 2019. T. 2. S. 33 – 43.
8. Zvonareva L.V., Mazurak N.S. Ot real'nogo uchilishha do akademii. 1879-1959-2009: Ocherk istorii. Tjumen': Tjumenskaja gos. s.-h. akad., 2009. 248 s.
9. Kolchinskij, Je.I. Nauka i krizisy v XX beke: nekotorye rezul'taty sravnitel'nogo analiza. Terra Economicus. 2008. Т. 6. № 3. S. 141 – 149. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-i-krizisy-v-xx-veke-nekotorye-rezultaty-sravnitel'nogo-analiza/viewer> (data obrashhenija: 6 marta 2023 g.)

10. Kononenko V.M. Razvitie vysshego obrazovaniya na Juge Rossii: 20-90-e gody XX veka: 07.00.02 «Otechestvennaya istoriya»: dis. ... soisk. uchen. stepe. dokt. istorich. Nauk. Stavropol'skij gosudarstvennyj universitet. Stavropol', 2006. URL: <https://www.dissercat.com/content/razvitie-vysshego-obrazovaniya-na-yuge-rossii-20-90-e-gody-xx-veka> (data obrashheniya: 5 marta 2023 g.)
11. Lazarev F.V. Vyzhivanie kak sociologicheskaja i kul'turno-istoricheskaja kategorija. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sociologija. Pedagogika. Psihologija. 2011. T. 24 (65). № 2. S. 254 – 263. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyzhivanie-kak-sotsiologicheskaja-i-kulturno-istoricheskaja-kategoriya/viewer> (data obrashheniya: 6 marta 2023 g.)
12. Litvinenko A.I. Vspominaja V.Z. Jamova: rukopis'. Tjumen', 2023. 3 s.
13. Sidorova K.A., Goncharenko O.N., Cheremenina N.A. Perehod k novoj modeli agrarnogo obrazovaniya: (regional'nyj opyt). Mezhdunarodnyj vestnik veterinarii. 2022. № 1. S. 239 – 244.
14. Jamov V.Z. Osnovnye jetapy puti. VNIIVJeA: oficial'nyj sajt. Tjumen'. URL: http://www.vniivea.ru/history/?n_id=1 (data obrashheniya 4 marta 2023 g.).

*Goncharenko O.N., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
State Agrarian University of the Northern Trans-Urals*

**The role of academician Vasily Zakharovich Yamov in the preservation of regional
veterinary science and education in the end of the XX – beginning of the XXI centuries**

Abstract: the article examines the role of Academician Vasily Zakharovich Yamov in the preservation of veterinary regional science and education in the late XX- early XXI centuries. Having reviewed and analyzed archival sources, memoirs of the scientist and head of the All-Union Scientific Research Institute of Veterinary Entomology and Arachnology (Tyumen) and his associates, as well as published documents in open sources of information, the authors identified the main reason for the integration of veterinary science and education institutions in the Tyumen region, which consists in the need to preserve and continue the functioning of agricultural scientific areas, including veterinary medicine and aquaculture. The article notes the special merit of V.Z. Yamov in the opening of the Faculty of Veterinary Medicine and the Department of Aquatic Bioresources and Aquaculture at the Tyumen Agricultural Institute; preservation of state production enterprises of the fishing industry in the Tyumen region. Yamov saw the task of joint activity not only in solving organizational, scientific and social tasks implemented in the creation and functioning of the Tyumen Agrarian Academic Union, but also in the activities of scientific and educational institutions aimed at the progress of the entire Russian society. The conclusion concludes that the activities of Vasily Zakharovich Yamov demonstrate the commitment of the scientist and the leader to the preservation of scientific and educational traditions and values.

Keywords: Vasily Zakharovich Yamov, USRIVEA, SibSRDIF, Tyumen Agricultural Institute, veterinary medicine, science, education, agriculture

For citation: Goncharenko O.N. The role of academician Vasily Zakharovich Yamov in the preservation of regional veterinary science and education in the end of the XX – beginning of the XXI centuries. Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 71 – 76.

*Михалёв Д.О.,
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации*

Антикубинская деятельность кубинской диаспоры в США

Аннотация: на политику США в отношении Кубы всегда большое влияние оказывало мощное антикастровское кубино-американское лобби, состоящее из кубинских изгнанников и иммигрантов, осевших в основном в Майами с первых лет революции. На протяжении многих лет лобби выступало против любых попыток нормализации отношений. Сила диаспоры стала особенно очевидной, когда в 1980-х гг. был создан Кубино-американский национальный фонд (КАНФ). Однако потеря влияния этой организацией к началу XXI в., выход на сцену лобби агробизнеса со своими союзниками в Конгрессе и начало президентства Б. Обамы, симпатизирующего делу нормализации отношений между двумя странами, привели к изменению политики США по отношению к Острову Свободы. Тем не менее тенденция к проведению недружественной политики по отношению к Кубе со стороны США остаётся, но последнее время это всё чаще связано с внутривластными интересами, что во многом является следствием деятельности антикубинского консервативного лобби.

Ключевые слова: КАНФ, Куба, США, лоббизм, международные отношения, Р. Рейган, Ф. Кастро

Для цитирования: Михалёв Д.О. Антикубинская деятельность кубинской диаспоры в США // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 77 – 82.

Кубинские эмигранты всегда имели особое положение в США, как отмечается в работе «Латиноамериканские диаспоры в США»: они представляют собой устойчивый феномен «гражданства на расстоянии», когда всего 4,3% от общей численности испаноговорящего населения США обладает огромной экономической силой и политическим влиянием [1]. К примеру, в 1980-х гг. городская комиссия Майами выпустила 28 постановлений и законов, имеющих отношение к американской внешней политике, превратив данную территорию «в единственный город в США, где антикоммунизм – муниципальная проблема» [2]. Таким образом, кубинское лобби смогло завоевать огромную власть в одном из американских штатов и за счёт этого определять внешнюю политику США.

Идея проведения жёсткого внешнеполитического курса США в Центральной Америке исходила от Комитета Санта-Фе, в частности, доклад 1980 г. «Новая межамериканская политика на 1980-е гг.» критиковал президента Д. Картера за игнорирование советской угрозы в Западном полушарии и требовал максимально решительных действий. Комитет выдвинул ряд политических рекомендаций для США по проведению политики в Центральной Америке и Карибском бассейне. На кубинском направлении предполагались такие меры, как возобновление воздушной разведки, высылки из США лиц, проводящих линию Гаваны, пересмотр соглашения о рыболовстве 1977 г. В докладе предлагалось создать радио «Свободная Куба» в рамках кампании по предоставлению «объективной информации» кубинскому народу, а в случае провала пропаганды, начать национально-освободительную войну против Ф. Кастро [5, с.

346]. Схожей политики планировал придерживаться и новоизбранный президент США Р. Рейган. Свои идеи по этому вопросу ему удалось воплотить и популяризировать за счёт создания Кубино-американского национального фонда (КАНФ). С самого начала роль Кубы была неотъемлемой частью объяснения Р. Рейганом угроз безопасности в Центральной Америке и Карибском бассейне. Союз с изгнанниками с острова, которые сами были полны решимости продолжать оказывать давление на Ф. Кастро, безусловно, имел смысл.

В течение первых двух потоков миграции Вашингтон всегда старался использовать потоки миграции с Острова Свободы в качестве инструмента давления и дестабилизации по отношению к молодой кубинской революции. Конечно, США не преминули воспользоваться этим инструментом влияния, когда в 1980 г. 125 тыс. кубинцев разных профессий и социальных слоёв покинули остров преимущественно по экономическим соображениям, стремясь добраться до побережья штата Флорида. Миграция 1980 г. привела к интеграции в американское общество нового поколения, которое большую часть своей жизни проводило под влиянием революционного дискурса кубино-американского сообщества, и означала начало трансформации сообщества в его отношениях с островом. Это стало второй причиной формирования КАНФ с подачи администрации Р. Рейгана. Политическая деятельность КАНФ со временем распространилась и на вопросы внешней политики, выходящие за рамки американо-кубинских отношений. Например, в спорном вопросе о помощи контра в Никарагуа и УНИТА в Анголе кубино-

американские правые силы были естественным союзником администрации Р. Рейгана.

КАНФ ставил перед собой задачу преобразования Кубы в «свободное и демократическое государство». Организация планировала «продвигать идеал соблюдения прав человека и бросить вызов мифам, распространяемым кубинским правительством, посредством объективного анализа и освещения условий жизни на Кубе, репрессивной диктатуры Ф. Кастро и разрушительной международной политики» [5, с. 348].

Существовало три основных параметра, в соответствии с которыми КАНФ изначально собирался влиять на Кубу. Во-первых, любые перемены не насильственны и отражают волю кубинского народа. Во-вторых, преобразования должны рождаться внутри страны, и, наконец, поддержка и защита грядущих перемен должны быть обязанностью всех кубинцев, международных организаций, поддерживающих демократизацию Кубы [2].

Представляется интересным рассмотреть, каким образом КАНФ получал финансирование. Во-первых, состоятельные члены организации ежегодно жертвуют по пять – десять тысяч долларов США. Во-вторых, КАНФ также получает деньги через институты США. В 1983 г., через два года после основания КАНФ по инициативе администрации Р. Рейгана, Конгресс США создал Национальный фонд демократии (*National Endowment for Democracy, NED*) для продвижения демократии во всём мире, который пожертвовал сотни тысяч долларов передовым группам КАНФ – например, Европейской коалиции за права человека на Кубе. Согласно подсчётам, пожертвования в период с 1984 г. по 1990 г. составили порядка 780 тыс. долларов США в виде грантов кубинским правозащитным группам, связанным с КАНФ [5, с. 353].

КАНФ регулярно получает крупные суммы от правительства США через некоммерческие организации на программы развития демократии на Кубе, а с 1988 г. имеет уникальное соглашение «Проект исход» со Службой иммиграции и натурализации США, которое позволяет кубинским эмигрантам из третьих стран въезжать в США, если КАНФ спонсирует их. Проект увеличивает число сторонников КАНФ в США, одновременно позволяя организации получать ещё больше государственных грантов [4]. По данной программе в США въехали более 10 тыс. «изгнанников». В 1991 г. организация получила право на получение 588 долларов США федеральных средств на каждого иммигранта. В течение того же года Министерство здравоохранения и социальных служб США выделило 1,7 млн. долларов США для ещё 2 000 кубинцев в рамках другой программы помощи мигрантам с Кубы [5, с. 353]. Иными словами,

бюджет США щедро финансирует КАНФ и его деятельность, что, наряду с наличием в своих рядах влиятельных лиц, позволило КАНФ достаточно быстро превратиться в серьёзную политическую силу.

Законодательная ветвь власти играет важную роль в процессе принятия внешнеполитических решений США, что в сочетании с силой гражданского общества в Соединённых Штатах привело к активному участию различных заинтересованных групп в обсуждении законодательства. Первым нормативно-правовым актом, в принятии которого КАНФ сыграл основополагающую роль, стал Закон Торричелли. Р. Торричелли придерживался либеральных взглядов по многим политическим вопросам, однако, зная о растущем числе кубинских избирателей в Нью-Джерси, он обратился к КАНФ и её лидеру Х.М. Каноса, который позже начал финансировать его избирательные кампании. Таким образом, Р. Торричелли стал автором Закона о кубинской демократии 1992 г., существенно усилившего эмбарго США в отношении Кубы. Вероятно, это наиболее яркий пример лоббирования КАНФ своих интересов в законодательной ветви власти.

В 1992 г. организация «Америкас уотч» (*Americas Watch*), являющаяся отделением «Хьюман райтс уотч» (*Human Rights Watch*) по странам Южной и Центральной Америки, выложила отчёт, в котором проанализировала роль кубинских эмигрантов в США, в особенности КАНФ. Их основной вывод заключался в том, что кубино-американская диаспора оказала прямое влияние на увеличение числа политических преследований и повышение уровня нетерпимости к оппозиции.

В конце 1990-х гг. власть лобби в Майами начала уменьшаться, на первый план выходили американские сельскохозяйственные и коммерческие группы, благодаря усилиям Американской федерации фермерских бюро и организаций, связанных с Торговой палатой США, которые поддерживали отмену санкций против острова в целях развития торговли между двумя странами. Тогда Куба умело воспользовалась изменением политического ландшафта, добившись послабления экономических санкций, в частности, смягчения Закона Хелмса-Бертон 1996 г., принятия Закона о реформе торговых санкций и расширении экспорта 2000 г.

Ко всему прочему, влияние радикального кубинского лобби было значительно ослаблено двумя другими факторами. Во-первых, смерть основателя КАНФа Х. М. Каноса в 1997 г. спровоцировала разногласия внутри организации. Во-вторых, дело Э. Гонсалеса выявило различия во мнениях и

интересах между кубино-американской общиной и остальным американским обществом. В ноябре 1999 г. рыбаки нашли пятилетнего кубинского мальчика у побережья Флориды, его мать погибла во время кораблекрушения при попытке незаконно иммигрировать в США. По действовавшему тогда законодательству (политика «мокрые ноги, сухие ноги») ребёнок подлежал депортации, поскольку был обнаружен в водном пространстве и не достиг суши (в ином случае ему было бы разрешено остаться). Это вызвало возмущение кубинской общины Флориды, а после появления кадров того, как федеральные агенты задерживают мальчика в доме его двоюродных братьев в Майами, направив автомат на плачущего ребенка, недовольство резко усилилось и среди американского общества. Однако, в конечном счёте, Э. Гонсалес всё-таки был депортирован на Кубу, тем более, как выяснилось позже, мать ребёнка забрала его с собой без уведомления и согласия отца. По возвращении кубинского мальчика приветствовал Ф. Кастро, и вскоре он стал национальной знаменитостью. Возвращение Э. Гонсалеса в свою страну в конце июня 2000 г. стало серьезным поражением для КАНФ, который боролся за то, чтобы оставить мальчика в США [6, с. 315].

Основная политическая деятельность групп интересов в американской политике может быть обобщена как мобилизация граждан, финансирование избирательных кампаний, лоббирование в законодательной и исполнительной ветвях власти посредством направления писем, осуществления визитов и телефонных звонков, обращений в суд и, наконец, попытки убедить международных субъектов оказать давление на государства. В дополнение к оказанию давления на лиц, принимающих решения, группы интересов играют ещё одну роль, которая заключается в предоставлении политическим игрокам важной информации. Лобби оказывает влияние на средства массовой информации, академические круги и аналитические центры, а благодаря вкладам в предвыборную кампанию через Комитет политических действий группы лоббистов влияют на решения членов законодательных собраний, особенно если предлагаемый закон носит технический характер и имеет ограниченный общественный резонанс. Так, только за последнее десятилетие XX в. лидеры КАНФ распределили сотни тысяч долларов США между кампаниями нескольких кандидатов от обеих политических партий. Несмотря на небольшую численность кубинцев в США по сравнению с общей численностью населения страны, КАНФ стал представителем второй по силе этнической группы (после израильского лобби) при подсчёте по-

траченных средств на предвыборные компании политических деятелей [3].

После завершения холодной войны поколение кубино-американцев, родившихся в США, и новые иммигранты разделили сообщество идеологически. В средствах массовой информации, академических кругах и аналитических центрах их голоса стали всё чаще звучать в пользу изменения отношений между двумя странами. Наконец, лобби, выступающее за эмбарго, потеряло свою базу в академических кругах и средствах массовой информации. Критические голоса по поводу новой политики, объявленной президентом Б. Обамой в декабре 2014 г., были слабыми и среди учёных американских университетов. Появились новые НПО, такие как Исследовательская группа Кубы, которые приняли участие в волне борьбы против эмбарго и взяли на себя обязательство искать более практичные, активные и согласованные подходы к политике по отношению к Кубе. Умеренные организации с помощью законодателей и президента, сочувствующего делу отмены эмбарго, стали способны уравновесить и преодолеть консервативное кубино-американское лобби.

Гуманитарные и религиозные организации также присоединились к лобби агробизнеса, которое было представлено в основном Торговой палатой и группами, связанными с фермерскими бюро, чтобы ослабить эмбарго или вообще положить ему конец. К 2014 г. 52% респондентов выступали против эмбарго, а 71% больше не верили, что оно эффективно. Если в 1993 г. 75% респондентов выступали против продажи продовольствия на Кубу, 50% против продажи лекарств, то к 2014 г. солидное большинство – 77% и 82% соответственно – поддержали и то, и другое. После холодной войны денежные переводы начали расти: со 150-200 млн. долларов США в год в 1990 г. до примерно 500 млн. долларов США в 2012 г.

Однако администрация Д. Трампа перечеркнула все успехи, достигнутые Б. Обамой, в деле нормализации двусторонних американо-кубинских отношений. «Д. Трамп с самого начала понял, что для победы на выборах ему нужно сфокусироваться на Флориде», – заявил Р. Эрреро, исполнительный директор Исследовательской группы Кубы. По словам Р. Эрреро, с самого начала было достигнуто соглашение: в обмен на то, что Д. Трамп изменит политику Б. Обамы и выполнит то, чего хотят сенатор М. Рубио и член Палаты представителей от Флориды М. Диас-Баларт, он получит их непоколебимую поддержку в остальной части своей программы. Д. Трамп знал, что путь к победе во Флориде заключался в завоевании поддержки кубино-американских избирателей, а лучший способ

получить голоса – разжечь проверенную антикубинскую риторику.

Взамен, Д. Трампу пришлось пойти навстречу КАНФ, и М. Рубио смог поставить американцев кубинского происхождения на ключевые посты в администрации Д. Трампа. Главный из них – М. Клавер-Кароне, профессиональный лоббист, получивший должность в Совете национальной безопасности в 2018 г. и ставший ответственным за разработку политики Белого дома в отношении Кубы. Точно так же Дж. Барса, американец кубинского происхождения, не имевший опыта работы на гуманитарном направлении, стал возглавлять Агентство США по международному развитию, распределяя бюджет в 20 млрд. долларов США. К. Трухильо, также американец кубинского происхождения, стал представителем США в Организации американских государств (ОАГ).

Резюмируя, можно выделить две тактики кубинской диаспоры. Первая, используемая сторонниками жёсткого политического курса США, подразумевает меры от введения экономических санкций в отношении Кубы и максимально возможного ограничения дипломатических отношений вплоть до завоевания политической власти на острове оппозицией, которая собирается вернуть конфискованную собственность их бывшим владельцам и установить либерально-демократическую систему лояльную США. Вторая тактика, принятая умеренными представителями кубино-американского сообщества, заключается в отмене санкций, установлении нормальных дипломатических отношений и расширении контактов между двумя обществами без требования немедленного отстранения от власти коммунистов. Это, по их мнению, позволит создать такую внутривнутриполитическую обстановку на Острове Свободы, которая спровоцирует серьёзные политические изменения.

Многие авторы, однако, убеждены, что на сегодняшний день конечная цель сотрудничества США с американско-кубинским лобби – возможность повлиять на результаты выборов в США и создать наилучшие условия для экономической экспансии сверхдержавы, а не желание реально изменить жизнь на Кубе к лучшему. Даже мнение самих американских кубинцев в какой-то степени отражает эту идею. Один из опросов 2001 г. показал, что только около 20-25% кубинцев готовы были вернуться на родину, если падёт режим Ф. Кастро.

К концу эпохи холодной войны на формирование внешнеполитического курса США по отношению к Кубе существенное влияние стал оказывать КАНФ, лоббируя свои интересы как в исполнительной, так и в законодательной ветвях власти. С другой стороны, роль консервативного сообщества и его отношения с органами власти значительно усложнились в конце XX в. В период хо-

лодной войны его успех в 1980-х гг. был ожидаем, если учесть сходство стратегии администрации Р. Рейгана в отношении социалистических стран и политических целей КАНФ. Следует добавить, что в этот период и Гавана не сигнализировала о намерениях улучшить отношения с США, а американские компании не проявляли существенного интереса к инвестированию в проекты на Кубе. После распада СССР вместо улучшения отношений последовала стратегия «кнути и пряника», основанная на интересах американской стороны, которой эмбарго и постоянная смена правил игры были выгоднее. Однако одновременно происходила трансформация кубино-американского сообщества, в котором впервые за долгие годы проявились голоса несогласия с экономической блокадой.

Когда же пришло время для нормализации отношений между Кубой и США ввиду целого ряда международных факторов и, прежде всего, прихода к власти администрации Б. Обамы, КАНФ изменил свою программу. Теперь организация призвала правительство США содействовать развитию на Кубе малых предприятий путём разрешения отправки на остров необходимых строительных материалов, сельскохозяйственного инвентаря, перечисления финансовых средств и других мер.

При работе администрации Б. Обамы влияние кубинского лобби сократилось, а его способность угрожать чьей-либо карьере и оказывать давление на президентов резко уменьшилась. Хотя раньше политикам было непросто противостоять лобби – они выступали против назначений или требовали увольнений лиц, занимавшихся налаживанием отношений с режимом Ф. Кастро, или хотя бы только бывавших на Кубе. Снижение влияния КАНФ объясняется смертью основателя организации, сменой поколения, пережившего революцию Ф. Кастро, молодыми кубинцами, родившимися в США, ростом влияния других лоббистских групп. Часть кубинской диаспоры более склонна поддерживать нормализацию кубино-американских отношений, а другая, напротив, не готова ни при каких обстоятельствах соглашаться на дружественные связи с режимом Ф. Кастро и его последователей. Второй подход возобладал, когда для победы на президентских выборах в США Д. Трампу было выгодно разыграть такую карту. Таким образом, в настоящее время политика США в отношении Кубы связана не столько с международной обстановкой или искренним стремлением изменить жизнь кубинского народа, сколько с внутривнутриполитической повесткой США и получением голосов на выборах, причём немалую роль в этом сыграла именно кубинская диаспора.

Литература

1. Дьякова Л.В., Коваль Б.И., Семенов С.И. и др. Латиноамериканские диаспоры в США: монография / Отв. ред.: Б.И. Коваль; Рос. акад. наук. Ин-т Латин. Америки. Москва: Наука, 2003. 280 с.
2. Елбаева М.В. Кубино-американский национальный фонд и его деятельность в отношении Кубы (1981-2009) // Вестник Московского университета. 2010. № 5. С. 72 – 88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kubino-amerikanskiy-natsionalnyy-fond-i-ego-deyatelnost-v-otnoshenii-kuby-1981-2009> (дата обращения: 01.03.2023)
3. Canberk Kocak Interest Groups and US Foreign Policy towards Cuba: the Restoration of Capitalism in Cuba and the Changing Interest Group Politics // Institute of Social Sciences of the University of Lisbon. 2016. Vol. 4. № 2. P. 001664. URL: <https://digitalcommons.fiu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1074&context=classracecorporatpower> (дата обращения: 01.03.2023)
4. Jane Franklin The Cuba Obsession // The Progressive. 1993. URL: <https://www.janefranklin.info/CANF.htm> (дата обращения: 01.03.2023)
5. Patrick J. Haney The Role of Ethnic Interest Groups in US Foreign Policy: The Case of the Cuban American National Foundation // International Studies Quarterly. Vol.43. 1999. № 2. P. 346. URL: https://www.jstor.org/stable/2600759?seq=6#metadata_info_tab_contents (дата обращения: 01.03.2023)
6. Richard Johnson US Foreign Policy: Domestic Roots and International Impact // University of Bristol. 2021. P. 315. URL: <https://books.google.ru/books?id=wFw1EAAAQBAJ&pg=PT186&lpg=PT186&dq=canf+cuban+lobby+in+the+usa&source=bl&ots=gRCjvCtz3T&sig=ACfU3U2-cy8fUnNbFAhl3lxcHvTJg0JD4A&hl=en&sa=X&ved=2ahUKEwiA0622vNX7AhVHgosKHYpGC7k4HhDoAXoECB0QA#v=onepage&q=canfcuban0lobby0intheusa&f=false> (дата обращения: 01.03.2023)

References

1. D'jakova L.V., Koval' B.I., Semenov S.I. i dr. Latinoamerikanske diaspory v SShA: monografija. Otв. red.: B.I. Koval'; Ros. akad. nauk. In-t Latin. Ameriki. Moskva: Nauka, 2003. 280 s.
2. Elbaeva M.V. Kubino-amerikanskiy nacional'nyj fond i ego dejatel'nost' v otnoshenii Kuby (1981-2009). Vestnik Moskovskogo universiteta. 2010. № 5. S. 72 – 88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kubino-amerikanskiy-natsionalnyy-fond-i-ego-deyatelnost-v-otnoshenii-kuby-1981-2009> (data obrashhenija: 01.03.2023)
3. Canberk Kocak Interest Groups and US Foreign Policy towards Cuba: the Restoration of Capitalism in Cuba and the Changing Interest Group Politics. Institute of Social Sciences of the University of Lisbon. 2016. Vol. 4. № 2. P. 001664. URL: <https://digitalcommons.fiu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1074&context=classracecorporatpower> (data obrashhenija: 01.03.2023)
4. Jane Franklin The Cuba Obsession. The Progressive. 1993. URL: <https://www.janefranklin.info/CANF.htm> (data obrashhenija: 01.03.2023)
5. Patrick J. Haney The Role of Ethnic Interest Groups in US Foreign Policy: The Case of the Cuban American National Foundation. International Studies Quarterly. Vol.43. 1999. № 2. P. 346. URL: https://www.jstor.org/stable/2600759?seq=6#metadata_info_tab_contents (data obrashhenija: 01.03.2023)
6. Richard Johnson US Foreign Policy: Domestic Roots and International Impact. University of Bristol. 2021. P. 315. URL: <https://books.google.ru/books?id=wFw1EAAAQBAJ&pg=PT186&lpg=PT186&dq=canf+cuban+lobby+in+the+usa&source=bl&ots=gRCjvCtz3T&sig=ACfU3U2-cy8fUnNbFAhl3lxcHvTJg0JD4A&hl=en&sa=X&ved=2ahUKEwiA0622vNX7AhVHgosKHYpGC7k4HhDoAXoECB0QA#v=onepage&q=canfcuban0lobby0intheusa&f=false> (data obrashhenija: 01.03.2023)

*Mikhalev D.O.,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*

Anti-Cuban activities of the Cuban diaspora in the United States

Abstract: the US policy towards Cuba has always been greatly influenced by the powerful anti-Castro Cuban-American lobby, consisting of Cuban exiles and immigrants who settled mainly in Miami from the first years of the revolution. For many years the lobby has opposed any attempts to normalize relations. The strength of the diaspora became especially evident when the Cuban-American National Foundation (CANF) was established in the 1980s. However, the loss of this organization's influence by the beginning of the 21st century, the empowerment of the agribusiness lobby with its allies in Congress and the beginning of Barack Obama's presidency, sympathetic to the normalization of relations between the two countries, led to a change in US policy towards the Island of Freedom. Nevertheless, remains the tendency of the USA to pursue an unfriendly policy towards Cuba. However, recently it has been associated more and more often with the US domestic political interests, which is in many ways a result of the anti-Cuban conservative lobby activities.

Keywords: CANF, Cuba, USA, lobbyism, international relations, R. Reagan, F. Castro

For citation: Mikhalev D.O. Anti-Cuban activities of the Cuban diaspora in the United States. Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 77 – 82.

*Семиколенов М.В., кандидат исторических наук, доцент,
Кузбасский государственный технический университет
имени Т.Ф. Горбачева, филиал в г. Новокузнецке*

Наказ Екатерины II как воплощение политики просвещенного абсолютизма: правовые проблемы

Аннотация: автор в статье анализирует Наказ Екатерины II, обращает внимание на то, что с 1649 г. вопрос о пересмотре законодательства не ставился правителями. Созвав Уложенную комиссию для обсуждения Наказа, императрица ставила цель узнать мнение всех сословий о существующих проблемах, и создать законодательство, которое будет направлено во благо всего государства и каждого подданного. Руководствуясь идеями просвещения, именно она сформулировала принципы правового государства, задумалась о социальной политике, ограничении крепостного права, предупреждении преступлений, форме правления. Законы должны были стать определяющими для каждого члена общества, но понятными для всех, и направленными во благо. Не задумываясь об ограничении абсолютной монархии, как формы правления она хотела сделать из России европейскую страну, распространив на нее либеральные взгляды французского просвещения. Будучи немкой по происхождению она смогла своими делами доказать, что стала своей именно своими делами. Безусловно, многое не удалось воплотить в жизнь, что объясняется тем политическим и социальным строем, который существовал в России XVIII в. Консервативно настроенное дворянство не способствовало решению самого главного и острого вопроса для нашей страны – сохранение крепостного права. Однако некоторые проекты говорят о том, что некоторые представители господствующего и привилегированного сословия осознавали необходимость отмены крепостного права и более того впервые поставили вопрос о частной собственности крестьян на землю.

Ключевые слова: наказ, крестьяне, земля, законы, государство, монарх

Для цитирования: Семиколенов М.В. Наказ Екатерины II как воплощение политики просвещенного абсолютизма: правовые проблемы // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 83 – 87.

Политика Екатерины II вошла в историю, как просвещенный абсолютизм согласно которой монарх должен обеспечить процветание государства. Л.Ф. Сегюр писал: «Кажется, будто все добродетели пребывали в сердце этой женщины, а все пороки и недостатки обошли ее стороной» [5].

Императрица поставила целью своей политики пересмотреть законодательство, так как не видела нужды систематизировать старые законы. С 1649 г. никто из правителей не ставил перед собой таких глобальных задач. Для того чтобы приступить к составлению Наказа Екатерина II должна была выяснить народные нужды чтобы знать как их применять.

В 1767 г. была созвана Уложенная комиссия. Наказ был создан в руководство ей для сочинения проекта нового законодательства. В наказе императрицей были освещены общие взгляды по всем главным вопросам законодательства. Необходимо отметить огромное значение комиссии, так как она призывала общество обсуждать вместе будущее государства. Стоит отметить, что последний Земский Собор был созван в 1684 г. С этого времени, попыток привлечь общество к решению государственных проблем не было. При сохранении абсолютной монархии это был совершенно новый подход к ведению государственных дел. Императрица не полагала ограничивать свою власть конститу-

цией. Это не позволял сделать существующий политический и социальный строй государства. Руководствуясь взглядами философов эпохи просвещения, государыня пыталась адаптировать идеи, изложенные ими для России. Она желала содействовать счастью и благосостоянию своего народа, будучи немкой по происхождению. Она любила то государство, которое не было родным для нее, и смогла стать для России такой нужной и незаменимой. В Манифесте о вступлении на престол она объясняла стремление к государственной власти стремлением защитить православную веру, и спасти славу России, так как Петр III по результатам Семилетней войны отказался от всех приобретений в этой войне.

Она была убеждена в необходимости заменить деспотизм законностью. Модернизация русского права была целью трудов комиссии, что способствовало улучшению политических и социальных нравов.

Основные мысли Наказа были заимствованы из трудов французских просветителей. Из труда Ш. Монтескье «О духе законов» были заимствованы мысли, которые легли в основу 294 статей первой части Наказа. Главное, что императрица взяла у философа – это идея разделения властей, но при сохранении самодержавия, которое только и могло быть в России с ее огромными пространствами и

разнообразным населением [1, с. 67]. Вспомним, что идея разделения властей была предложена М.М.Сперанским, которая не была реализована в силу консервативно настроенного дворянства.

Впервые именно в Наказе Екатерина II обозначила основные принципы правового государства и важность сформированности правовой культуры личности. Законы должны быть такими, чтобы все соблюдали их ради своей собственной пользы, и гарантировать безопасность каждого гражданина.

Законы должны быть равными для всех не в зависимости от социального положения человека. Главным считала Екатерина II не наказывать за преступления, а предотвращать их. Все пытки должны были быть отменены. Смертная казнь была отменена в царствование Елизаветы Петровны. Предотвращение преступлений должно было быть превыше наказаний. Люди должны бояться законов – в этом Екатерина II и видела главное средство, которое может обезопасить общество от преступлений.

Императрица решила распространить взгляды эпохи Просвещения в «свою» страну. Она действительно себя считала русской и желала трудиться во благо России. «Я желаю только добра стране, куда Бог меня привел, слава страны составляет мою собственную – вот мой принцип, была бы я очень счастлива, если бы мои идеи могли этому способствовать» – писала Екатерина II [2, с. 253].

Огромным трудолюбием и желанием изменить существующий порядок вещей в стране можно объяснить преобразования, которые удалось осуществить императрице. Мы не считаем внутреннюю политику императрицы менее успешной, чем внешнюю.

Необходимо подчеркнуть, что следует справедливо применять закон ко всем жителям империи. Свободен, по мнению императрицы, был лишь только монарх, так как за свои деяния он отвечает только перед Богом, дворяне, несмотря на свое привилегированное положение, согласно Жалованной грамоте дворянства от 1785 года были ограничены волею монарха и законом. Екатерина II полагала, что обсуждение русских законов позволит направить страну на прогрессивное развитие. Именно знакомясь с идеями французских просветителей, императрица делает вывод о том, что задача властей не сохранить существующий политическую и социальную систему, а постепенно преобразовать ее. Она не рассчитывала на быстрый успех. Сначала ей необходимо было выяснить насколько то или иное изменение соответствует чаяниям подданных. Главные линии Наказа заключались в том, что необходимо было изменить условия, в которых живут люди, ослабить

налоги, определить права и обязанности каждого сословия. Эти требования она выставила сама себе. Российская реальность, с которой она столкнулась, заставляет ее отказаться от законодательной деятельности. Однако она не оставляет идей реформировать Россию.

Екатерина вторая пишет о том, что при вступлении на престол в 1762 г., она нашла империю в ужасающем состоянии, а именно с наполненными тюрьмами колодниками, отклоняющихся от послушания крестьян приписанных к заводам, которых было найдено 49 тысяч. Монастырских и помещичьих насчитывалось до полутора тысяч, и всех их надлежало усмирить [6, с. 200]. Рассмотрение отношения Екатерины II к крепостному праву.

Екатерина II придерживаясь либеральных взглядов французских просветителей, выступала против крепостного права, и самые непростые дискуссии имело решение крестьянского вопроса, а именно существование крепостного права. Собственно практически все монархи, находясь на престоле, задумывались и пытались решить самый тяжелый вопрос – крестьянский на протяжении всего XIX века. Соборное уложение 1649 г. юридически оформило крепостное право, и оно просуществовало до 1861 г., но и после проведенной реформы это будет самый острый вопрос для нашей страны, так и не решившейся к XX веку. Думается, что Екатерина II одна из первых осознает губительные последствия сохранения крепостного права для той страны, которой она желает процветания и прогрессивного развития. Один из делегатов от мелкопоместного дворянства предложил в ходе работы Уложенной комиссии, чтобы все проблемы крестьян обсуждались специальной крестьянской коллегией, которую нужно будет для этого создать. Такое министерство должно иметь представительство на местах, чтобы изучать проблемы и выполнять свои решения. В жалобах, поданных от имени крестьян, говорилось о злоупотреблениях, несправедливостях, жестокости, о постоянных беззакониях по отношению к крестьянам.

По комплексу этих проблем автор проекта предложил создать специальные суды, подчиненные крестьянской коллегии. Они займутся конфликтами между крестьянами, займутся злоупотреблениями властей, на которые поступят жалобы. Были высказаны предложения о создании учреждения по делам крестьянства, впоследствии должно было быть уравнивание положения крепостных с другими крестьянами.

Другой проект был предложен депутатом от Екатеринославской провинции Козельским. Он считал, что крестьянин должен был 2 дня работать на себя, 2 дня на помещика и 2 дня на государ-

ство, подати, а 7-й день должен быть посвящен Богу. Годовой оброк он устанавливал с крестьянского двора в 10 рублей, этот оброк примерно соответствовал подушной подати в 2 – 3 рубля, которую платили крестьяне. Чтобы оградить крестьян от злоупотреблений помещика, необходимо было выделить им землю из имения помещика. Крестьянин должен обладать неотъемлемой землей, хотя речь об освобождении крестьян не шла.

Интересен был проект Коробьина, депутата от козловских дворян, предложенный им 5 мая 1768 года. Надо чтобы помещик считал своей только часть своего имения, а остальную предоставил крестьянам, дав им свободу распоряжаться ею, закладывать, продавать, делить и дарить по своему усмотрению. Коробьин размышлял о **понятии частной собственности на землю**. Понятие частной собственности было введено Екатериной II в Жалованной грамоте дворянству. Не удивительно, что данный проект вызвал бурные прения, поскольку это были на наш взгляд действительно смелые идеи, если учесть, что данный вопрос будет оставаться самым острым и нерешенным после реформы 1861 г. Остался он также и не до конца решенным после реформы П.А.Столыпина. Историческая необходимость в виде поражения в Крымской войне заставила Александра II принять решение об отмене крепостного права, **но не дать землю в частную собственность крестьянам, что послужит** причиной всплеска общественного движения и убийства императора.

Крестьянский вопрос в глазах Екатерины представлял громадные трудности, и она не видела возможности примирения интересов крестьян ожидавших свободы со стремлениями помещиков, которые не умели и не желали вести свое хозяйство без крестьянского труда. Поднимая вопрос об уничтожении крепостного права, она искала содействия в этом деле со стороны самих дворян. Политика правительства в отношении крепостного права была неопределенной и двойственной. Она уступала дворянам, не разделяя их взглядов, но не могла поступить иначе, так как это сословие было главенствующим [4, с. 287]. Вопреки либеральным настроениям императрицы, крепостное право достигло наибольшего расцвета.

Несмотря на все желание императрицы изменить существующий порядок вещей в данном вопросе она столкнулась с консервативно настроенным дворянством, рассматривающим крепостное право, как благо для самих крестьян. Помещики говорили они, не только не разоряют крестьян, но и кормят их в голодные годы, платят за них подушную подать и вообще заботятся о них, как о детях.

Однако все же некоторые законодательные ак-

ты были приняты, которые ограничивали крепостное право. В 1766 г. был издан закон, запрещающий заключать купчие на крепостных за 3 месяца до рекрутского набора, но этот закон можно было легко обойти. Указ 5 августа 1771 г. запрещал продавать крестьян на аукционах. В 1773 г. была приостановлена ссылка помещиками крестьян на каторгу, но через полтора года императрица разрешила ее. В 1782 г. было опубликовано два указа. Один из них был о недопущении крепостных крестьян к прошению милостыни, а второй о разрешении отпускать старых крестьян на свободу. Екатерина II сама признавала трудность разрешения крестьянского вопроса, и говорила о том, что где не начнешь его трогать, он нигде не поддается разрешению.

Императрица серьезно мечтала об отмене злоупотреблений крепостного права, об освобождении крестьян, но встретила серьезное препятствие в критике своего предприятия со стороны Сумарокова, Державины, Дашковой и других влиятельных лиц, отстаивавших крепостное право. Впоследствии мы можем говорить об изменении позиции императрицы к крепостному праву. Произведение А.Н.Радищева «Из Петербурга в Москву» очень задело ее самолюбие, и на полях книги она сделала замечание, что как бы автор не уговаривал помещиков освободить крестьян, его никто не слушает. Критика самодержавия, у крепостного права, пронизывали труд автора. За такую критику существующего порядка Екатерина II назвала А.Н.Радищева бунтовщиком хуже Емельяна Пугачева. Не было теперь сомнений в том, что императрица изменила свои первоначальные либеральные взгляды на данный вопрос. Попытки Екатерины II не привели к полному разрешению крестьянского вопроса, но заложили фундамент дальнейших преобразований на протяжении XIX века.

Обратимся к судебной реформе проведенной императрицей. Стоит отметить, что в городе было 3 судебных учреждения: **уездный суд, городской магистрат и нижняя расправа**.

Уездный суд был по уголовным делам местного дворянства, сословным дворянским судом. Он состоял из судьи и двух заседателей, которые выбирались местным дворянством на три года. При уездном суде была дворянская опека для вдов и малолетних детей умерших дворян. В ней председательствовал уездный предводитель дворянства, и в нее входил весь уездный суд.

Городовой магистрат занимался гражданскими и уголовными делами мещан и купцов. Был и сиротский суд, который заботился о вдовах и сиротах мещан и купцов.

Нижняя расправа занималась делами крестьян. Особое значение имел на наш взгляд **совест-**

ный суд, который разрешал дела требовавших не столько юридические нормы, сколько больше чуткости и совести. Совестьному суду жаловались на незаконное заключение в тюрьму. Совестьный суд допрашивал заключенного, рассматривал бумаги и в случае неосновательности обвинения мог освободить [3, с. 41].

С 1762 по 1769 год первые шаги во внутренней политике характеризовались, в конечном счете, многочисленными инициативами, как правило, успешными и свидетельствующими о желании решать проблемы, которые она предчувствовала, но еще не знала их определенно. Конечно, она была не опытна, но, главным образом благодаря прочитанным трудам французских просветителей, могла составить общее впечатление о том, как будет править страной и какой будет в идеале Рос-

сия. Задача властей – не сохранение существующей политической и социальной позиции, а постепенное преобразование ее, в данном случае – развитие страны, которая стала для нее родной.

Идеи Наказа были поистине революционными для XVIII века, но именно они позволяют говорить о том, что *Екатерина II впервые размышляла о правовом государстве, о соблюдении законов, о правовой культуре личности, разделении властей, ограничении крепостного права и освобождении крепостных, поставив этот вопрос на обсуждение.*

Политика просвещенного абсолютизма на наш взгляд представляла впервые попытку распространить идеи просвещения, на Россию адаптировав их к условиям реальности политического и социального строя государства.

Литература

1. Каррер д'Анкокс Э. Екатерина II. Золотой век в истории России. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2006. 448 с.
2. Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993. С. 233 – 294.
3. Любавский М.К. История царствования Екатерины II // Екатерина II. Мой золотой век. Москва: Эксмо, 2014. С. 9 – 86.
4. Платонов С.Ф. Учебник Русской истории. Санкт-Петербург: Наука, 1997. С. 274 – 303.
5. Правление Екатерины II по воспоминаниям графа Сегюра. <http://www.historichka.ru/works/segur/> (дата обращения: 06.03.2023)
6. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. Хрестоматия по истории России: учебное пособие. М.: Проспект, 2004. 592 с.

References

1. Karrer d' Ankoss Je. Ekaterina II. Zolotoj vek v istorii Rossii. M.: «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija», 2006. 448 s.
2. Kljuhevskij V.O. Aforizmy. Istoricheskie portrety i jetjudy. Dnevniki. M.: Mysl', 1993. S. 233 – 294.
3. Ljubavskij M.K. Istorija carstvovaniya Ekateriny II. Ekaterina II. Moj zolotoj vek. Moskva: Jeksmo, 2014. S. 9 – 86.
4. Platonov S.F. Uchebnik Russkoj istorii. Sankt-Peterburg: Nauka, 1997. S. 274 – 303.
5. Pravlenie Ekateriny II po vospominanijam grafa Segjura. <http://www.historichka.ru/works/segur/> (data obrashhenija: 06.03.2023)
6. Orlov A.S., Georgiev V.A., Georgieva N.G., Sivohina T.A. Hrestomatija po istorii Rossii: uchebnoe posobie. M.: Prospekt, 2004. 592 s.

*Semikolenov M.V., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev in Novokuznetsk*

The Order of Catherine II as the embodiment of the policy of enlightened absolutism: legal problems

Abstract: the author analyzes the Order of Catherine II in the article, draws attention to the fact that since 1649 the question of the revision of legislation has not been raised by the rulers. Having convened the Laid commission to discuss the Order, the Empress set out to find out the opinion of all estates about existing problems, and to create legislation that would be directed to the benefit of the entire state and every subject. Guided by the ideas of the enlightenment, it was she who formulated the principles of the rule of law, thought about social policy, the restriction of serfdom, the prevention of crimes, and the form of government. The laws were supposed to be decisive for every member of society, but understandable for everyone, and aimed at the good. Without thinking about limiting the absolute monarchy, as a form of government, she wanted to make a European country out of Russia, spreading the liberal views of the French Enlightenment to it. Being of German origin, she was able to prove by her deeds that she had become her own by her deeds. Of course, many things could not be realized, which is explained by the political and social system that existed in Russia in the XVIII century. The conservative-minded nobility did not contribute to the solution of the most important and acute issue for our country – the preservation of serfdom. However, some projects suggest that some representatives of the ruling and privileged class realized the need to abolish serfdom and, moreover, for the first time raised the question of private ownership of peasants on land.

Keywords: order, peasants, land, laws, state, monarch

For citation: Semikolenov M.V. The Order of Catherine II as the embodiment of the policy of enlightened absolutism: legal problems. Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 83 – 87.

*Галиакберова А.А., кандидат экономических наук, доцент,
Мухаметшин А.Г., доктор педагогических наук, профессор,
Асратян Н.М., кандидат философских наук, доцент,
Корнилова И.В., доктор исторических наук, доцент,
Галиев Р.М., кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник,
Набережночелнинский государственный педагогический университет*

**Категории и методология цивилизационного подхода
в современном философско-историческом дискурсе**

Исследование выполнено по проекту «Формирование профессиональных умений будущих педагогов для работы с обучающимися с ОВЗ с применением Цифрового симулятора педагогической деятельности» в рамках Соглашения о предоставлении субсидии из федерального бюджета на финансовое обеспечение выполнения государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) между Министерством просвещения Российской Федерации и ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет» (дополнительное соглашение № 073-03-2023-015/1 от «14» февраля 2023 года к соглашению № 073-03-2023-015 от «26» января 2023 года)

Аннотация: многообразные противоречия современного мира, нарастание опасных международных конфликтов, углубляющаяся социальная поляризация, столкновение тенденций как глобализации, так и национальной изоляции являются свидетельством очередного серьезного кризиса всего миропорядка. Рост энтропии в глобальном масштабе ставит вопрос об отсутствии целостного и системного понимания процессов социально-исторического развития, актуализирует необходимость анализа теорий, изучающих развитие крупных социокультурных общностей. В этом отношении важным является исследование социально-философских и философско-исторических теорий и взглядов, объединенных в цивилизационный подход. Доминирование в советской исторической науке формационного подхода завершилось в конце 1980-х годов. А в 1995 г. Российская Академия Наук признала, что цивилизационная теория может служить одним из концептуальных принципов для анализа и описания исторического процесса в учебниках для школ и университетов. Объект нашей статьи – сущность цивилизационной философско-исторической концепции. Предметом и целью является исследование дискурса, в пространстве которого разрабатывается методология, анализируются категории цивилизационного подхода к истории. Используются общетеоретические методы исследования: анализ, синтез, сравнение, интерпретация. На этой основе формулируются следующие задачи: изучить сущность и методологию цивилизационного подхода; рассмотреть соотношение понятий «цивилизация» и «культура»; изучить и оценить дискуссии в современных философско-исторических исследованиях вокруг важнейших категорий, на которые опирается цивилизационная теория; раскрыть сильные и слабые стороны этой теории, возможности ее интеграции с другими концептуальными подходами. В статье показано, что и в рамках рассматриваемой теории методологические различия существенны, выделены несколько разновидностей, в которых по-разному трактуются ключевые категории цивилизационной концепции. Материалы статьи могут быть использованы как в дальнейших научных исследованиях, так и в преподавательской практике.

Ключевые слова: культура, цивилизация, цивилизационный подход к истории

Для цитирования: Галиакберова А.А., Мухаметшин А.Г., Асратян Н.М., Корнилова И.В., Галиев Р.М. Категории и методология цивилизационного подхода в современном философско-историческом дискурсе // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 88 – 95.

В современном российском философско-историческом дискурсе сложился антагонизм двух концептуальных подходов – формационного и цивилизационного. Основой формационного подхода является марксистская теория, согласно которой человеческая история представляет собой линейный процесс, движущей силой которого являются материальное производство и классовая борьба. На этом принципе построена периодизация истории, где вслед за первобытным обще-

ством идут рабовладельческое, феодальное, капиталистическое. А высшей стадией (формацией) признается идеальное коммунистическое общество, в котором разрешены все основные социальные противоречия и наступает социальная однородность и гармония.

В наше время сторонники формационной концепции стараются отделить в ней утопические элементы от рациональных. А критики указывают на ключевые недостатки формационной теории:

материализм упрощенно рассматривает духовную жизнь человека, игнорирует или приуменьшает зависимость материального производства от духовных факторов, гипертрофирует роль классовой борьбы, не видит культурного своеобразия и многообразия народов, не выявляет причин их неравномерного развития, умаляет роль личности в истории. Взгляд на историю, основанный на цивилизационной концепции, кладет в ее основу понятия цивилизации и культуры. Такой подход преследует основную цель – изучение локальных культур и цивилизаций во всем многообразии и богатстве их важнейших черт: религии, искусства, ритуалов, обычаев, ремесел, принципов воспитания, характера семьи, образа жизни в целом. Признается, что исторический процесс обладает многообразием форм и представляет собой сложную мозаичную картину.

Однако критики цивилизационной концепции в свою очередь утверждают, что она дает нам не целостную, а разрозненную картину истории, не раскрывает нам общих закономерностей общественно-исторического процесса, игнорирует связь между различными эпохами и культурами. Неоднократные попытки ряда философов и историков найти способы гармонизировать оба методологических подхода и представить их в качестве взаимодополняющих особым успехом не увенчались. Впрочем, каких бы концептуальных принципов не придерживался ученый, его исследование должно быть направлено на постижение объективной истины, представлять собой уважительный и доброжелательный взгляд на историю и культуру каждого народа.

Категории культуры и цивилизации носят фундаментальный характер, их соотношение имеет важнейшее значение для изучения общества, его структуры, смысла ключевых исторических событий и процессов. Рассматриваемые в философском, историческом и культурологическом ключе, эти категории позволяют сформировать целостные и системные представления об особенностях развития социальных общностей в определенных пространственных и временных границах, выделять закономерности в их развитии, рассматривать место определенных событий и процессов в рамках жизненного цикла общества, прогнозировать появление определенных тенденций.

Понятие цивилизации. Оно вошло в научный оборот в XVIII веке. Термин произошел от латинского «civilis», трактуемого как «гражданский, государственный». Исходя из этимологии термина, можно говорить о том, что речь идет о периоде, когда общество вышло из первобытного состо-

яния, возникла организация в форме государства, активное развитие получила культурная жизнь.

Английский мыслитель А. Фергюсон использовал понятие «цивилизация» для изучения ранних стадий развития народов, он в качестве критериев «цивилизованности» называл переход от пастушества к производству, а также появления права собственности [30].

Современное применение термина более многообразно. Б.С. Ерасов выделяет 9 вариантов его употребления. Наиболее часто «цивилизация» используется для обозначения стадии развития общества, для описания развития человечества с точки зрения его места во Вселенной, для обозначения конкретного общества, взятого в определенных временных и территориальных границах, для обозначения уровня развития общества, а также в аксиологическом смысле [6].

Е.Б. Черняк дает следующее определение этому понятию: «цивилизация – это целостная саморазвивающаяся система, включающая в себя все социальные и несоциальные компоненты исторического процесса, всю совокупность созданных человеком материальных и духовных объектов» [26, с. 78].

Сходное мнение представляет М.М. Мchedлова: это «устойчивые социокультурные общности, существующие в определенных пространственно-временных координатах» [16, с. 7]. При этом главной особенностью подобных социокультурных образований автор считает «стабильность материальных, духовных, социальных ценностей» [Там же].

Понятие культуры. Оно имеет латинские корни и произошло от «cultura», что означало «возделывать». Изначально имелось в виду, что это понятие относится не к естественной среде обитания (природе) и не к человеческому естеству (организму), а к способам и результатам «возделывания», изменения внешней материальной среды, а также преобразования самого человека. Поэтому область культуры – это созданная человеком искусственная среда, включающая многообразные духовные ценности, социальные отношения и артефакты, а также приобретенные человеком в процессе воспитания и социализации телесные и духовные способности, социальные черты.

Вследствие многогранности этого понятия сложилось множество его дефиниций, каждое из которых основывается на определенном концептуальном подходе. Выделяют следующие важнейшие подходы к определению культуры [11, с. 49-55].

1) предметный (культура – это совокупность материальных и духовных ценностей, созданных людьми); 2) процессуальный (культура – это про-

цесс производства, распределения и освоения культурных ценностей); 3) семиотический (культура как знаковая система, сохраняющая опыт поколений в различных символах – словах, понятиях, искусстве, орудиях труда, предметах потребления); 4) функциональный (культура как способ существования и система средств, позволяющая индивидам и сообществам решать встающие перед ними многообразные проблемы); 5) деятельностный (культура как практика по созданию, овладению и реализации индивидами накопленных человечеством богатств – знаний, навыков, умений).

В соответствии со своими подходами авторы определяют культуру как общепринятые представления, проявляющиеся в действиях и артефактах, которые характеризуют то или иное общество [32]; как совокупность небиологических проявлений человека [18]; как практическую реализацию общечеловеческих и духовных ценностей [4, с. 15–26]; как особый семиотический механизм и совокупность генетически ненаследуемой информации в области поведения человека [12, с. 323–327]; как исторически сложившуюся систему норм поведения и деятельности [7].

В.Ж. Келле отмечал, что применительно к историческому развитию понятие «культура» впервые было использовано немецкими исследователями в XVIII веке. Данное понятие в этот период «применялось, главным образом, к явлениям духовной сферы как высшего слоя жизни народов» [8, с. 356–374]. При этом исследователями был сделан вывод о многообразии культур, их существенных отличиях друг от друга, уникальности и межкультурных отношениях. В этот же период в контексте развития немецкого Романтизма сформировалось и далее развивалось понятие культуры как мировоззрения: каждая культура по-своему видит мир, она представляет собой самобытную картину мира, в которой органично связаны все ее аспекты – этнические, языковые, религиозные, художественные, научные и т.д.

Соотношение понятий «цивилизация» и «культура». Нами проведен анализ того, как разные концепции рассматривают соотношение категорий цивилизации и культуры. В результате были выделены три группы концепций:

1. Концепции, где понятия «цивилизация» и «культура» выступают как близкие или синонимические. В качестве примера можно сослаться на теорию А. Тойнби, где цивилизация рассматривается как одна из стадий развития культуры. При этом внимание сосредоточено на духовной составляющей, а религия считается главным компонентом [23, 24].

2. Концепции, где рассматриваются как сходство, так и различие культуры и цивилизации. К

данной группе концепций можно отнести теорию Ф. Броделя, который исходил из положения о том, что цивилизация составляет основу культуры. При этом автор также акцентирует внимание на духовном аспекте цивилизации, однако центральное место он отводит ментальности [3].

3. Концепции, где культура и цивилизация являются антагонистами. К данной группе отчетливо относится теория О. Шпенглера, изложенная в работе «Закат Европы». Цивилизация в рамках данной теории представлена как финальная стадия существования культуры, как ее распад [27, 28].

Российских исследователей отличает от западных ярко выраженное стремление обнаружить взаимосвязь между рассматриваемыми категориями. Так, В.М. Строгоцкий [21] считает, что большинство современных концепций исходят из того, что между цивилизацией и культурой есть точки пересечения, при этом полной совместимости нет. Делая вывод о диалектической связи цивилизации и общества, он утверждает, что культура связана с различными видами творческой деятельности индивида, а категория цивилизации менее всего относится к вкладу отдельно взятой личности в развитие общества, она отражает широкий контекст общественного развития от функционирования социальных групп до создания и использования материальных ценностей.

Л.М. Марцева, раскрывая смысловую общность понятий «цивилизация» и «культура», утверждает, что они соотносятся «как диалектическое единство содержания и формы... Диалектическое единство содержания (доминирующие духовно-нравственные ценности, моральные поведенческие нормы) и формы (законы и регламентации) фиксирует «культурный код развития нации» [14, с. 34–47].

В.Д. Комаров стремится интегрировать идеи диалектического материализма и цивилизационного подхода. Он указывает, что цивилизация объединяет в себе материальные основы жизнедеятельности общества, политические институты и социально-культурные процессы, образ жизни людей. Автор приходит к выводу, что «цивилизация – в самом общем определении – есть такое историческое состояние общества, при котором накопление материального общественного богатства и развитие социальной свободы обуславливают гуманистический прогресс культуры» [9, с. 55–112]. Поэтому он вводит понятие «цивилизованная культура», указывая тем самым на взаимосвязь культуры и стадии развития общества. В основе культуры лежит, таким образом, актуальный уровень развития общества (в том числе и его материальной составляющей). В свою очередь разви-

тие культуры создает основу для развития человека, всего общественного бытия.

Анализ различных взглядов относительно категорий «цивилизация» и «культура» показывает, что как их отождествление, так и полное обособление приводит к сужению исследовательского горизонта. На наш взгляд, оба понятия включают в себя и духовный и материальный компоненты. Но культура преимущественно выражает нравственные и эстетические начала общественного бытия, тогда как цивилизация прочно связана с материально-техническими, правовыми и политическими аспектами жизнедеятельности общества. К тому же очевидно, что понятие культуры характеризует не линейное движение, а процесс преемственности и аккумуляции предыдущего опыта.

Таким образом, проблема соотношения категорий «культура» и «цивилизация», получив достаточно разностороннее освещение, во все большей степени смещается, особенно в трудах российских исследователей, к попыткам раскрыть их диалектическую взаимосвязь.

Сущность и методология цивилизационного подхода. Использование категории «цивилизация» само по себе не свидетельствует о приверженности цивилизационному подходу в понимании истории. Так, уже упоминавшийся А. Фергюсон, который ввел в научный оборот это понятие, а также не менее выдающиеся фигуры Л.Г. Морган [15]. и Г.Т. Бокль [2]. автор фундаментальной «Истории цивилизаций» придерживались линейно-прогрессивного взгляда на историю как единый процесс. Цивилизацию они считали этапом, следующим за «дикостью» и «варварством», цивилизация для них означала более высокую историческую ступень, превосходство одних обществ над другими, не достигшими этой ступени.

Появление цивилизационной концепции придало этому термину принципиально иной смысл. Классические принципы цивилизационного подхода предполагают отказ от понимания истории как единого линейного процесса движения. Акцент делается на неравномерном развитии различных сообществ, их самодостаточности и автономности. В рамках одного и того же временного промежутка разные сообщества могут находиться на разных стадиях своего развития.

Процесс становления цивилизационного подхода прошел ряд этапов. Первый из них приходится на 2 половину XIX века, когда впервые возникает взгляд на историю не как на последовательно сменяющиеся друг друга стадии развития, а как на сосуществование разных культур. Достаточно ярко эта позиция была выражена в работе Генриха Рюккерта [33]. В России к этому можно отнести идеи Н. Данилевского [5], рассматривавшего 10

типов культур. На этом этапе понятия цивилизации и культуры еще не противопоставлены друг другу.

Второй этап приходится на начало XX века, здесь ключевая роль принадлежит работе О.Шпенглера «Закат Европы» [27, 28], в которой цивилизация понимается как период упадка, следующего после культуры, как разложение культуры. Соотносима с данной работой позиция Н.А. Бердяева [1], который говорит о бездушности цивилизации в противовес религиозности и духовности, свойственным культуре.

Третий этап можно датировать началом второй половины 20 века, связав его с концепцией А. Тойнби, где исследуется жизненный цикл цивилизаций. А. Тойнби вводит термин «локальная цивилизация», объединяя в нем различные аспекты существования цивилизации (территориальные, этнические, религиозные). Близкие позиции занимал русско-американский ученый П.А. Сорокин [20].

В результате такой эволюции цивилизационная теория в работах разных авторов приобрела множество черт, которые требуют научного анализа. Л.Г. Королева [10] выделяет следующие особенности, характерные для современных теорий в рамках цивилизационного подхода:

- указание на многообразие исторических форм развития;
- изучение всей многообразной картины взаимопереплетения интересов, ценностей и идеалов представителей различных социокультурных сообществ;
- признание возможности сосуществования двух и более систем в мировой цивилизации.

В.Т. Новиков и Н.А. Кандрин [17] выделяют три подхода, различающихся пониманием ими самодостаточности цивилизаций или же, напротив, их взаимообусловленности. Концепции первой группы формируют представления о мозаичном характере картины мира, подчеркивают региональные особенности различных структур, составляющих цивилизацию. Здесь меньшее значение придается вопросам взаимодействия культур, чем вопросам развития социума отдельно взятой цивилизации. К концепциям данной группы авторы относят теории О.Шпенглера, Ж. Деррида [29] и др.

Вторая группа концепций делает акцент на духовной составляющей. При рассмотрении этапов развития цивилизации здесь нет строгой причинно-следственной обусловленности, отсутствуют жесткие рамки и критерии принадлежности к определенной цивилизации. К данной группе автор относит взгляды П. Сорокина, К. Ясперса [31] и др.

Концепции третьей группы связывают цивилизационную проблематику с современными процессами глобализации и глокализации. Акцент делается на общих чертах в развитии цивилизаций и на факторах, влияющих на этот процесс. В этих теориях делаются попытки выявить общие закономерности, раскрыть возможные направления и перспективы развития цивилизаций. Данная группа теорий, по мнению авторов, является наиболее перспективной.

Стремясь обобщить многочисленные исследования, разные авторы стремятся по-своему в концентрированном виде представить сущность цивилизационного подхода.

По мнению Е.В. Чепикова, эта сущность включает:

- отказ от сквозной периодизации истории в масштабах всего человечества, дискретность исторического процесса;
- субъектами истории выступают культурно-исторические типы (по Н.Я. Данилевскому), великие культуры (по О. Шпенглеру), цивилизации (по А. Тойнби) или большие культурные суперсистемы (по П.А. Сорокину). Они принципиально отличны от исторических этапов, анализируемых в рамках представлений о линейно-прогрессивном историческом развитии;
- каждая цивилизация уникальна, духовная культура неповторима;
- процессы внутри цивилизации имеют циклический характер: как правило, выделяют этапы ее зарождения, расцвета и гибели [25].

Несколько иные критерии предлагает А.Н. Поляков, который исходит из особенностей социально-экономического развития и приоритетных ценностей. Поэтому он видит необходимость исследования следующих типологических особенностей цивилизаций:

- социального ядра цивилизации (слоев населения, которые освобождены от производительного труда);
- специфики хозяйствования и образа жизни;
- ключевых ценностей, присущих исторической общности;
- соответствия ценностных и экономических компонентов внутри цивилизации [19, с. 63-70.].

А.В. Лубский предлагал сделать основой теории единство следующих компонентов цивилизации:

- ведущая роль социальной интеграции;
- психологический склад суперэтноса (менталитет, ценности и мировоззрение);
- соотношение между потребностями и наиболее типичными условиями жизнедеятельности

[13].

Очевидно, что цивилизационный подход сам является полем дискуссий и включает в себя широкий спектр концепций. Однако в большинстве исследований ключевыми особенностями данного подхода признаются дискретность, единичность, уникальность цивилизаций, цикличность и многовариантность их развития. Такой взгляд существенно отличает цивилизации от всевозможных исторических этапов, изучаемых в контексте линейного подхода к истории.

Актуализация цивилизационной методологии объясняется заметными недостатками линейного и, в частности, формационного подходов, в которых нивелируются уникальность и единичность отдельных социальных объектов. В противоположность им цивилизационная методология подчеркивает все разнообразие социальной реальности, культурно-исторический контекст человеческой деятельности, помогает описывать исторический процесс как культурную мозаику конкретных человеческих сообществ и индивидов.

Однако очевидно, что и цивилизационный подход не свободен от недостатков. Особенно это проявляется, когда возникает необходимость комплексного исследования социальных процессов, их прогнозирования в условиях нарастающей энтропии. Он лишен инструментария, который должен помочь понять и определить общечеловеческие и общемировые проблемы, универсальные принципы, определяющие геополитические процессы современного мира.

Их сказанного вытекает, что методологический кризис, сложившийся в современных исследованиях социально-исторических процессов, обусловлен дихотомией двух подходов – линейного и циклического. Между тем в условиях стохастической картины социума и трудно прогнозируемых геополитических реалий такое положение становится все более неприемлемым.

Во весь рост встает необходимость, чтобы в современных теориях их авторы все больше стремились цивилизационный подход не изолировать и противопоставлять другим подходам, а сложно сочетать их. Следовательно, дальнейшее углубление и усложнение исторической эпистемологии должно вести ко все большему переплетению цивилизационного подхода с другими концепциями и тем самым обогащать историческую панораму. Необходимо учитывать и исследовать обе тенденции мировой истории: тенденцию к универсализации, формированию единой мировой цивилизации и тенденцию к дифференциации, к осознанию народами уникальности своей культуры, желанию сохранить ее как свое важнейшее достояние. А это возможно на основе новой методологии, основанной на синтезировании различных концептуальных подходов.

Литература

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. Париж: YMCA-Press, 1969.
2. Бокль Г.Т. История цивилизаций. История цивилизации в Англии. М.: Мысль, 2002. Т. 1, 2.
3. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций М.: Весь мир, 2008.
4. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры на рубеже веков // Международный журнал исследований культуры, 2016, 2 (23).
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб.: Изд-во Глагол, 1995.
6. Ерасов Б.С. Цивилизации: универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002.
7. Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.
8. Келле В.Ж. Цивилизационный подход и проблемы формирования теории исторического процесса // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II. Вып. 1 (2).
9. Комаров В.Д. Философия цивилизации // Философия и общество, 1998. № 3. С. 55 – 112.
10. Королева Л.Г. Цивилизационный подход в современной философии истории // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. Т. 1. № 3 (51).
11. Кузнецова Е.В. Определение культуры: разнообразие подходов // Перспективы науки и образования. 2013. № 5. С. 49 – 55.
12. Лотман Ю.М. О семиотическом механизме культуры / Антология культурологической мысли. М., 1996.
13. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005.
14. Марцева Л.М. Соотношение понятий «культура» и «цивилизация» // Национальные приоритеты России. 2017. № 1. С. 37 – 47.
15. Морган Л.Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Ленинград: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1935.
16. Мчедлова М.М. Российская цивилизация: вызовы XXI века: Учеб. пособие. М.: РУДН, 2008.
17. Новиков В.Т., Кандричин Н.А. Феномен глобализации и ценностные приоритеты человека восточно-славянской цивилизации // Философия и социальные науки. 2007. № 1. С. 27 – 37. core.ac.uk/download/pdf/290217310.pdf
18. Пелипенко А.А., Яковенко, И.Г. Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998.
19. Поляков А.Н. Цивилизация как социальная система: теория, типология и метод // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 52 – 64.
20. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
21. Строгеецкий В.М. Основы культурологии. М.: Юрайт, 2020.
22. Тиллих П. Избранное. Потрясение оснований. Москва-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
23. Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Айрис-пресс, 2010.
24. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Айрис-пресс, 2003.
25. Чепиков Е.В. Трансформация цивилизационного учения А. Тойнби: автореферат дис. ... канд. философских наук. Хабаровск, 2010.
26. Черняк Е.Б. Цивилиография. Наука о цивилизации. М.: Международные отношения, 1996.
27. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 2016.
28. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 2018.
29. Derrida J. Marges de la philosophy. Moscow: Academic project, 2012.
30. Ferguson A. Principles of Moral and Political Science. Edinburg, 1792.
31. Jaspers K.T. The meaning and purpose of history. Moscow: Respublika, 1994.
30. Redfield R. The Folk Culture of Youcatan. Chicago: University of Chicago Press, 1941. P. 132.
31. Rückert H. Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung. Th. 1-2, Leipzig: Weigel, 1857.

References

1. Berdjaev N.A. Smysl istorii. Parizh: YMCA-Press, 1969.
2. Bokl' G.T. Istorija civilizacij. Istorija civilizacii v Anglii. M.: Mysl', 2002. T. 1, 2.
3. Brodel' F. Grammatika civilizacij M.: Ves' mir, 2008.
4. Vyzhlecov G.P. Aksiologija kul'tury na rubezhe vekov. Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury, 2016, 2 (23).
5. Danilevskij N.Ja. Rossija i Evropa. SPb.: Izd-vo Glagol, 1995.

6. Erasov B.S. *Civilizacii: universalii i samobytnost'*. M.: Nauka, 2002.
7. Il'enkov Je.V. *Filosofija i kul'tura*. M.: Politizdat, 1991.
8. Kelle V.Zh. *Civilizacionnyj podhod i problemy formirovanija teorii istoricheskogo processa*. Voprosy social'noj teorii. 2008. T. II. Vyp. 1 (2).
9. Komarov V.D. *Filosofija civilizacii*. *Filosofija i obshhestvo*, 1998. № 3. S. 55 – 112.
10. Koroleva L.G. *Civilizacionnyj podhod v sovremennoj filosofii istorii*. *Uchenye zapiski. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. T. 1. № 3 (51).
11. Kuznecova E.V. *Opreделение kul'tury: raznoobrazie podhodov*. *Perspektivy nauki i obrazovanija*. 2013. № 5. S. 49 – 55.
12. Lotman Ju.M. *O semioticheskom mehanizme kul'tury*. *Antologija kul'turologicheskoy mysli*. M., 1996.
13. Lubskij A.V. *Alternativnye modeli istoricheskogo issledovanija*. M.: Social'no-gumanitarnye znanija, 2005.
14. Marceva L.M. *Sootnoshenie ponjatij «kul'tura» i «civilizacija»*. *Nacional'nye priority Rossii*. 2017. № 1. S. 37 – 47.
15. Morgan L.G. *Drevnee obshhestvo, ili Issledovanie linij chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k civilizacii*. Leningrad: Izd-vo Instituta narodov Severa CIK SSSR, 1935.
16. Mchedlova M.M. *Rossijskaja civilizacija: vyzovy XXI veka: Ucheb. posobie*. M.: RUDN, 2008.
17. Novikov V.T., Kandrichin N.A. *Fenomen globalizacii i cennostnye priority cheloveka vostochnoslavjanskoj civilizacii*. *Filosofija i social'nye nauki*. 2007. № 1. S. 27 – 37. core.ac.uk/download/pdf/290217310.pdf
18. Pelipenko A.A., Jakovenko, I.G. *Kul'tura kak sistema*. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1998.
19. Poljakov A.N. *Civilizacija kak social'naja sistema: teorija, tipologija i metod*. *Voprosy istorii*. 2007. № 11. S. 52 – 64.
20. Sorokin P.A. *Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo*. M.: Politizdat, 1992.
21. Storgeckij V.M. *Osnovy kul'turologii*. M.: Jurajt, 2020.
22. Tillih P. *Izbrannoe. Potrjasenie osnovanij*. Moskva-SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2015.
23. Tojnbi A.Dzh. *Postizhenie istorii*. M.: Ajris-press, 2010.
24. Tojnbi A.Dzh. *Civilizacija pered sudom istorii*. M.: Ajris-press, 2003.
25. Chepikov E.V. *Transformacija civilizacionnogo uchenija A. Tojnbi: avtoreferat dis. ... kand. filosofskih nauk*. Habarovsk, 2010.
26. Chernjak E.B. *Civiliografija. Nauka o civilizacii*. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1996.
27. Shpengler O. *Zakat Evropy. Oчерki morfologii mirovoj istorii. Geshtal't i dejstvitel'nost'*. M.: Mysl', 2016.
28. Shpengler O. *Zakat Evropy. Oчерki morfologii mirovoj istorii. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy*. M.: Mysl', 2018.
29. Derrida J. *Marges de la philosophy*. Moscow: Academic project, 2012.
30. Ferguson A. *Principles of Moral and Political Science*. Edinburg, 1792.
31. Jaspers K.T. *The meaning and purpose of history*. Moscow: Respublika, 1994.
30. Redfield R. *The Folk Culture of Youcatan*. Chicago: University of Chicago Press, 1941. P. 132.
31. Rückert H. *Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung*. Th. 1-2, Leipzig: Weigel, 1857.

*Galiakberova A.A., Candidate of Economic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Mukhametshin A.G., Doctor of Pedagogic Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Asratyan N.M., Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kornilova I.V., Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
Galiev R.M., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Senior Research Officer,
Naberezhnye Chelny State Pedagogical University*

**Categories and methodology of the civilizational approach
in modern discourse in the philosophy of history**

Abstract: the diverse contradictions of the modern world, growth of dangerous international conflicts, social polarization, clash of trends of both globalization and national isolation are an evidence of another serious crisis in the entire world order. The growth of entropy on a global scale raises the problem of the lack of a holistic and systematic understanding of the processes of socio-historical development, actualizes the need to analyze theories that study the development of large socio-cultural communities. In this regard, it is important to study socio-philosophical and philosophical-historical theories and views, united in a civilizational approach. The dominance of the formational approach in Soviet historical science ended in the late 1980s. And in 1995, the Russian Academy of Sciences recognized that civilizational theory can serve as one of the conceptual principles in textbooks for schools and universities for analyzing and describing the historical process. The subject matter of our article is the essence of the civilizational philosophical and historical concept. The subject and goal are investigation of discourse, in the space of which there is developed a methodology and the categories of the civilizational approach to history are analyzed. Here are used general theoretical research methods: analysis, synthesis, comparison, interpretation. On this basis, there are formulated the following tasks: to study the essence and methodology of the civilizational approach; to consider the relationship between the concepts of "civilization" and "culture"; to study and evaluate the discussions connected with modern philosophical and historical research around the most important categories on which civilizational theory is based; to reveal the strengths and weaknesses of this theory, the possibility of its integration with other conceptual approaches. The article shows that within the framework of the theory under consideration methodological differences are significant. There are identified several varieties in which the key categories of the civilizational concept are interpreted differently. The materials of the article can be used both in further scientific research and in teaching practice.

Keywords: culture, civilization, civilizational approach to history

For citation: Galiakberova A.A., Mukhametshin A.G., Asratyan N.M., Kornilova I.V., Galiev R.M. Categories and methodology of the civilizational approach in modern discourse in the philosophy of history. Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 88 – 95.

*Волкова Е.А., доктор исторических наук, доцент,
Лебедева М.А., преподаватель,
Шевченко В.Н., кандидат исторических наук, доцент,
Воронежский государственный технический университет*

К вопросу о развитии промышленной отрасли в Воронежской губернии в середине XIX века

Аннотация: в работе анализируется экономическое развитие Воронежской губернии в середине XIX века, в период развития промышленности и строительства железнодорожной магистрали. В данной статье сделана попытка охарактеризовать основные действующие фабрики и заводы, действующие в 1860-1890 годах, а также проанализировать объемы производимой продукции и поставки в другие регионы. На территории Воронежской губернии существовало достаточно разнообразное промышленное производство: маслوبيонные заводы, салотопенные, кожевенные, шерстяные, а также табачные фабрики и суконные. Однако, до момента строительства железной дороги, связывающей губернию с другими, крупными регионами, производство осуществлялось на местном уровне, в связи с чем некоторые фабрики и заводы закрывались и терпели убытки. Новая веха развития экономики в регионе определяется именно увеличением оборотов производства для поставок в другие регионы, тем самым губерния активно развивается, появляется тепло-возоремонтный завод, металлургический и иные. Также, в 90-е гг. XIX в. в связи с промышленным подъёмом происходит ускорение темпов промышленного развития в Воронежской губернии. Если с 1870-х гг. по 1890 г. появилось лишь 11 предприятий, в число которых входили три небольших пивоваренных и медоваренных завода, две табачные фабрики, две одеколонные фабрики, епархиальный свечной завод и укусный завод, то с 1890-х гг. наблюдается более активное промышленное развитие.

Ключевые слова: сельское хозяйство, ярмарка, железная дорога, промышленность, экономика

Для цитирования: Волкова Е.А., Лебедева М.А., Шевченко В.Н. К вопросу о развитии промышленной отрасли в Воронежской губернии в середине XIX века // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 96 – 101.

Исследователи экономики Воронежского края уделяют значительное внимание вопросу изучения аграрного сектора и отрасли промышленности, перерабатывающие продукцию сельского хозяйства. Это обусловлено тем, что на протяжении многих веков более 90% населения были заняты в сельском хозяйстве. В данной статье особое внимание уделим вопросу развития промышленности непосредственно в период деятельности губернатора В.А. Трубецкого.

В 1849 году по статистическим данным Памятной книжки Воронежской области были созданы, так называемые конные ярмарки, на которых преимущественно продавалась сельская продукция: хлеб, сало, шерсть, скот и лошади. Позже начали развиваться городские ярмарки, на которых преимущественно можно было приобрести колеса для конных повозок, телеги.

В начале 60-х годов XIX века ситуация в экономическом секторе значительно не отличалась, жизнь в губернии также отличалась дешевизной и изобилием сельскохозяйственных товаров, так как по – прежнему не было связующих дорог с крупными промышленными и торговыми центрами [2].

При изучении вопроса развития промышленности анализируемого периода нельзя не рассмотреть деятельность заводов и фабрик, имевших значительное влияние на развитие экономики гу-

бернии. Заводская и фабричная промышленность не имела значительного развития, небольшие фабрики сменяли друг друга, определить ведущую отрасль не представлялось возможным, так как промышленных поставок за пределы губернии не представлялось возможным осуществлять, что послужило главным мультипликатором хозяйственного роста. В данной статье мы проанализируем деятельность салотопенного, кожевенного, шерстостойного заводов.

Одной из основных видов промышленности была хлебная, но также ей не уступала сальная, которую мы более подробно рассмотрим.

В 1865 году самым старым по времени из существующих салотопенных заводов принадлежал купцу А. Лифенцеву, в собственности 12 чугунных котлов, 12 печей и 18 чанов. Рабочие, в количестве 25 человек вытапливали из убиваемого при заводе скота. В 1864 году насчитывалось 1269 убитых голов крупного скота и 2040 голов мелкого, в результате чего было вытоплено 4400 пудов сала на сумму 12574 рубля.

Второй по значимости крупный салотопенный завод принадлежал Воронежскому мещанину, С.В. Матасову. В его собственности насчитывалось 9 котлов, 9 печей и 9 печей. Рабочие, в количестве 13 человек вытапливали 8500 пудов сала на сумму

32300 рублей и 1500 крупного рогатого скота и 6500 мелкого рогатого скота.

Таким образом, необходимо отметить, что до 1862 года насчитывалось до 9 салотопенных заво-

дов с численностью рабочих от 10 до 30 человек, тогда как к 1865 год салотопенная промышленность стала одной и востребованных [4].

Таблица 1

Численность салотопенных заводов

Салотопенные заводы	Численность рабочих	Сумма вытопленного сала, рубли
Купца А. Лифенцева	25	12 574
Мещанина С. Матасова	31	32 300
Купца Е. Афанасьева	31	19 190
Купца А. Клочкова	16	22 876
Купца П. Терентьева	15	14 400

Однако, отдельно необходимо выделить завод граждан Капканщиковых, по значительности оборотов он интересен для рассмотрения и существует с 1838 года. Завод располагался на берегу реки Вороне, имел 5 котлов, 8 печей и 10 чанов, основную работу по вытапливанию сала осуществляли 15-20 рабочих. В год завод мог изготовить сала на сумму от 140 до 160 тысяч серебряных рублей в объеме 30 000 пудов, именно данный завод осуществлял сбыт сала в Москву и Санкт-Петербург по воде.

По обширности производства и по важности промышленности для г. Воронежа, рядом с салотопенными заводами, необходимо поставить шерстомойные заводы. В губернии из-за изобилия скота шерсть получали двух сортов: шпанская, от тонкорунных овец, и простая овечья, разводимая крестьянами. Шпанскую шерсть преимущественно отправляли в Харьков и на мойки в Воронеж.

Отметим, что по объему производства завод купцов Капканщиковых занимал лидирующее место, на данном заводе приготавливали шерсть обоих сортов, которая выкупалась в непромытом виде в Воронежской губернии и на ярмарках Харьковской и Полтавской губерний. Рабочих на заводе было задействовано от 100 до 250 человек. В 1864 году было подготовлено 10 200 пудов шерсти на 182 000, шпанская шерсть имела наиболее высокую цену, 28 рублей за пуд. Как отмечалось в аналитических данных, по сравнению с 1861 годом производство шерсти значительно сократилось.

Другой завод принадлежал купцу Я.И. Нечаеву, на котором работало порядка 250 человек. Данный завод производил 15 200 пудов шерсти, что на 5

тысяч больше, чем у купцов Капканщиковых. Кроме данных двух крупных заводов в течении года образовывалось порядка 7-12 моек, занимающихся промыванием шерсти. Также шерсть, произведенная на территории Воронежской губернии, принимала участие на выставках и отмечалась отменным качеством [4].

В середине XIX века на территории Воронежской губернии развивалось кожевенное дело. Начало кожевенного производства в г. Воронеж относится к весьма ранней поре, так еще при Петре Великом здесь были кожевенные заведения. В 1865 году насчитывалось два кожевенных завода – один принадлежал купцу Н.И. Давыдову, другой подпоручику Н.О. Крашенникову. Завод Давыдова располагался в его собственном доме и имел 3 зольных и 7 дубильных чанов. Производилось порядка 2000 кож на сумму 11000 рублей, тогда как на заводе Крашенникова производилось в 2 раза больше, 5500 кож на сумму 25 700 рублей.

На территории губернии также существовали маслосеяные, сально – свечные, колбасные, водочные и т.д. заводы, но также были созданы и находились в рабочем состоянии фабрики.

В 60-х годах XIX века фабричная деятельность была направлена только на одну отрасль – табачную, суконные фабрики, существовавшие длительное время, утратили свое значение, в большей степени это было связано с отсутствием путей передвижения в соседние районы.

Ниже представлены данные постепенного уменьшения поставок сукна с Воронежских фабрик. В 1860 годы закончила свою деятельность последняя фабрика Г. Вигеля.

Таблица 2

Поставки сукна в Воронежское комиссариатское учреждение

Годы	Количество аршин
1819-1825	2639777
1825-1830	2197972
1835-1840	1946962

Продолжение таблицы 2

1845-1850	1686212
1850-1855	3319955
1855-1860	1538120

В 1850-1855 годах наблюдается резкий рост поставок, это обусловлено необходимостью сукна на

Восточной войне, график динамики представлен на рис. 1.

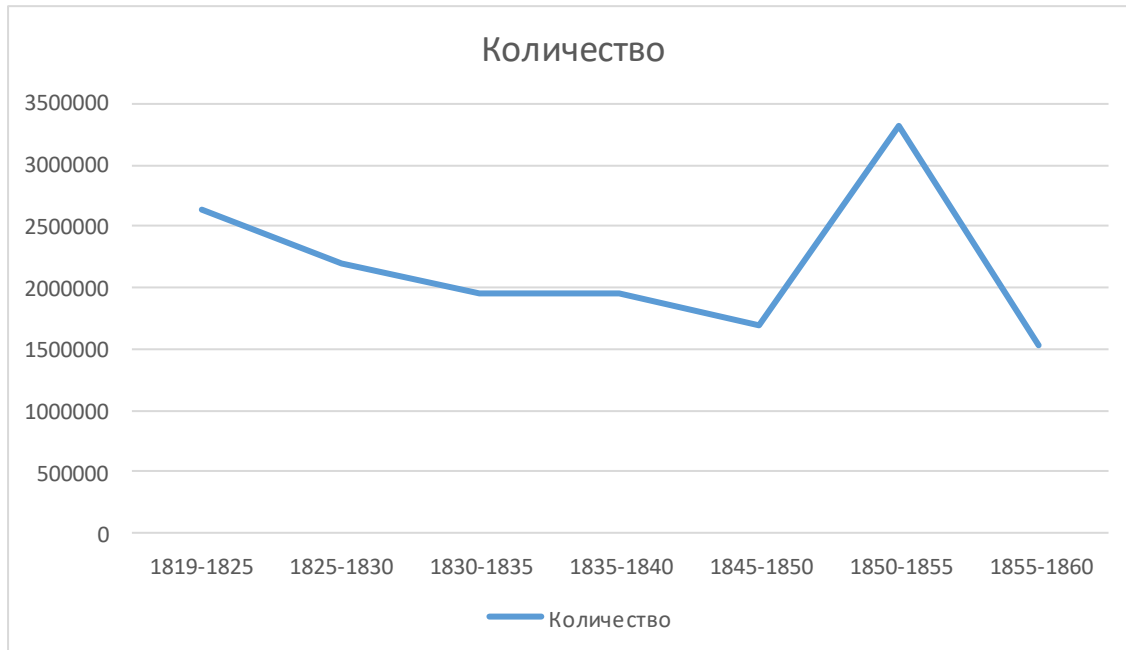

Рис. 1. Динамика изменения производства сукна в Воронежской губернии

Таким образом, проанализировав промышленность середины XIX века на территории Воронежской губернии, необходимо отметить, что в аграрном секторе продукция производилась преимущественно на местном уровне. Строительство железнодорожных путей, связывающих Воронежскую

губернию с Москвой оказало огромное влияние на развитие экономики в губернии. В 1870-1880 годы увеличивается количество заводов. Так, в Валуйском уезде насчитывалось порядка 148 заводов и фабрик по переработке животных продуктов, а именно салотопенный и маслобойный заводы.

Таблица 3

Заводы и фабрики, обделывающие животные продукты, 1874 год

Уезд	Количество заводов и фабрик	Число рабочих	Сумма производительности
Воронежский	55	261	33985
Бирюченский	147	670	142833
Бобровский	132	275	149229
Богучарский	92	153	26415
Валуйский	148	275	69892
Задонский	2	6	5700

По Воронежской губернии активно увеличилось число кирпичных заводов, к середине 70-х годов XIX века их насчитывалось порядка 376, в Воронежском уезде до 40. В летний период на крупном кирпичном предприятии «Глинозем» бы-

ло порядка 700 рабочих мест. В данный период происходит активное строительство зданий, культурных центров из красного кирпича, таких как Воронежское духовное училище, гостиница «Центральная» [1].

Таблица 4

Заводы обделывающие ископаемые предметы в Воронежской губернии, 1874 год

Вид производства	Численность рабочих	Сумма производительности
Чугунно-литейное	72	45690
Колокольное	88	164304
Кирпичное	1439	140244
Кафельное	62	6200

Город превращается в значительный железнодорожный узел, связывающий запад, север и юг страны. Благодаря строительству железнодорожных путей строятся фабрики и заводы нового типа, увеличивается производительность и количество рабочих на предприятиях. Так, по состоянию на 1899 год статистические данные подробно отра-

жают деятельность заводов и фабрик. Насчитывалось порядка 14 заводов, обделывающих животные продукты: салотопенный, кожевенный, шерстомойный, свечно – сальный, костовальный, сыроваренный и другие заводы, представленные в таблице ниже.

Таблица 5

Заводы и фабрики, обделывающие животные продукты, 1899 год

Уезд	Количество заводов и фабрик	Число рабочих	Сумма производительности
Воронежский	13	103	111200
Бирюченский	27	84	31080
Бобровский	72	179	59504
Богучарский	82	103	10024
Валуйский	71	67	36655
Задонский	5	10	300

В Задонском уезде работал только один кожевенный завод, производивший 300 пудов кожи, тогда как в Богучарском уезде было сосредоточено наибольшее количество заводов и фабрик: салотопенные, кожевенный, шерстомойный, овчинные и тулупенные, клейные. Насчитывалось порядка 35 овчинных и 32 кожевенных завода. Также на территории Воронежской губернии пре-

обладали заводы и фабрики обделывающие растительные продукты, такие как табачные, паточные, ватные, уксусные, медопускальные. В Воронеже работал крупнейший колокольный завод, производивший 20000 пудов, производство занималось 11 рабочих, а также два чугуно-литейных завода с производительностью 797500 пудов.

Таблица 6

Заводы смешанного производства в Воронежской губернии

Вид производства	Численность рабочих	Сумма производительности
Ободо-колесное	16	2500
Красительная	8	5875
Типография	381	386100
Огнеупорная глина	300	200000

Типографии являлись лидером по количеству заводов смешанного производства и насчитывали порядка восьми заводов. Наиболее крупными изданиями были «Воронежский телеграф», «Воронежские губернские ведомости», «Памятная книжка Воронежской губернии», также значительное развитие приобрели литографии.

Таким образом губерния становится промышленно развитым регионом, обеспечивающим не только местные ярмарки продукцией, но и соседние регионы продукцией животного происхожде-

ния, а также различных изделий каретно-экипажного назначения, красильного, чулочного и так далее.

Итак, изучив исторические материалы, необходимо отметить, что в данном исследовании проведен анализ промышленности Воронежской губернии в период с 1860 по 1890 годы. Наблюдается значительный рост производительности и развития крупных промышленных предприятий на фоне построившегося узла железнодорожной магистрали.

Литература

1. Акиншин А.Н. Материалы к биографическому словарю воронежских архитекторов (конец XVII – начало XX вв.) // Из истории Воронежского края. 2005. Вып. 13. С. 150 – 178.
2. Волкова Е.А., Лебедева М.А., Тютин Ж.В. Экономическое состояние Воронежской губернии в 1860-1870 х годах // Мегатренды мировой политики. Выпуск 8: сборник научных статей по материалам 8-ой межвузовской научно-практической конференции молодых ученых. Воронеж: Редакционно-издательский отдел Воронежского филиала РАНХиГС, 2021. С. 36 – 41.
3. Афанасьев Л.М., Бавыкина О.А., Воронцов Ю.В. и др. Очерки истории Воронежского края / под ред. Е.Г. Шуляковского; Воронеж. гос. ун-т. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1961. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 1961. 247 с.
4. Памятная книжка Воронежской губернии на 1865-1866 годы. Издание Воронежского статистического комитета. 1867. С. 60 – 67.
5. Памятная книга Воронежской губернии. 1899. Издание Воронежского статистического комитета. 1900. С. 10.
6. Развитие промышленности Воронежской области за 70 лет Советской власти. Воронеж, 1987. С.4.
7. Статистико-экономический словарь Воронежской губернии. С. 362.

References

1. Akin'shin A.N. Materialy k biograficheskomu slovarju voronezhskih arhitektorov (konec HVII – nachalo HH vv.). Iz istorii Voronezhskogo kraja. 2005. Vyp. 13. S. 150 – 178.
2. Volkova E.A., Lebedeva M.A., Tjutina Zh.V. Jekonomicheskoe sostojanie Voronezhskoj gubernii v 1860-1870 h godah. Megatrendy mirovoj politiki. Vypusk 8: sbornik nauchnyh statej po materialam 8-oj mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh uchenyh. Voronezh: Redakcionno-izdatel'skij otdel Voronezhskogo filiala RANHiGS, 2021. S. 36 – 41.
3. Afanas'ev L.M., Bavykina O.A., Voroncov Ju.V. i dr. Oчерки istorii Voronezhskogo kraja, pod red. E.G. Shuljakovskogo; Voronezh. gos. un-t. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1961. T. 1: S drevnejshih vremen do Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii. 1961. 247 s.
4. Pamjatnaja knizhka Voronezhskoj gubernii na 1865-1866 gody. Izdanie Voronezhskogo statisticheskogo komiteta. 1867. S. 60 – 67.
5. Pamjatnaja kniga Voronezhskoj gubernii. 1899. Izdanie Voronezhskogo statisticheskogo komiteta. 1900. S. 10.
6. Razvitie promyshlennosti Voronezhskoj oblasti za 70 let Sovetskoj vlasti. Voronezh, 1987. S.4.
7. Statistiko-jekonomicheskij slovar' Voronezhskoj gubernii. S. 362.

*Volkova E.A., Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
Lebedeva M.A., Lecturer,
Shevchenko V.N., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Voronezh State Technical University*

**To the question of the development of the industrial industry
in the Voronezh province in the middle of the XIX century**

Abstract: the paper analyzes the economic development of the Voronezh province in the middle of the XIX century, during the development of industry and the construction of the railway. This article attempts to characterize the main operating factories and plants operating in the years 1860 - 1890, as well as to analyze the volume of production and supplies to other regions. On the territory of the Voronezh province, there was a fairly diverse industrial production: oil mills, fat-baking, leather, woolen, as well as tobacco and cloth factories. However, before the construction of the railway linking the province with other large regions, production was carried out at the local level, in connection with which some factories and plants were closed and suffered losses. A new milestone in the development of the economy in the region is determined precisely by the increase in production turnover for deliveries to other regions, thereby the province is actively developing, a diesel locomotive repair plant, a metallurgical plant and others appear. Also, in the 90s. 19th century in connection with the industrial upsurge, the pace of industrial development in the Voronezh province is accelerating. If since the 1870s. by 1890, only 11 enterprises appeared, which included three small breweries and mead factories, two tobacco factories, two cologne factories, a diocesan candle factory and a vinegar factory, then from the 1890s. there is more active industrial development.

Keywords: agriculture, fair, railway, industry, economy

For citation: Volkova E.A., Lebedeva M.A., Shevchenko V.N. To the question of the development of the industrial industry in the Voronezh province in the middle of the XIX century. Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 96 – 101.

*Пасечников А.А., аспирант,
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина*

Особенности функционирования колхозов Северо-Запада РСФСР в 1943 году

Аннотация: одной из самых спорных тем в изучении истории по сей день остаётся Великая Отечественная война, в ходе которой был затронут каждый регион и каждая семья в нашей стране. За многие десятилетия было издано множество исследований по истории Северо-Запада, но большинство из них касается вопросов блокады Ленинграда и оккупации западных областей нацистскими захватчиками.

В то же время рассмотрение жизнедеятельности жителей неоккупированных областей до сегодняшнего времени остается малоизученной. Получается парадоксальная ситуация: мы знаем об оккупированных районах больше, чем о районах, свободных от немецкого гнёта.

При всём этом нельзя забывать и о роли крестьянства. Во многом именно от успехов деятельности этой части населения зависели и успехи на фронте. В особенности для исследования важен 1943 год как год коренного перелома в годы войны. На долю крестьянства выпали многие тяготы и невзгоды. Большинство мужского населения было отправлено на фронт. Женщины и дети должны были без какой-либо технической и конно-тягловой помощи организовывать работу колхозов для сдачи плана в срок.

Именно в этом году должны были быть решены вопросы не только по обеспечению красной армии, но и развитию собственных хозяйств, наполнению зерновых фондов и воспитанию детей в условиях военного времени. Главным залогом успеха в таком случае при всех трудностях должна была стать взаимопомощь городов на исследуемой территории.

Ключевые слова: аграрная история, колхозы, война, аграрный сектор, Северо-Запад, оккупация, Ленинградская область

Для цитирования: Пасечников А.А. Особенности функционирования колхозов Северо-Запада РСФСР в 1943 году // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 102 – 106.

Одной из особенностей функционирования колхозов в 1943 году стоит признать то, что крестьяне Северо-Запада РСФСР работают в тяжелейших прифронтовых условиях при всём том, что численность рабочей силы, как и численность значительно сократилась. Действующие зерновые заготовки сократились в среднем на 20%. Меньше всех пострадала торфяная отрасль, а больше – машинная отрасль. Тракторный парк сократился на 70%, комбайнов стало на 92% меньше.

Но если мы говорим исключительно про крестьянский труд, то можно отметить, что объём работ оказался значительно выше в сравнении с довоенным временем. При этом война забрала более трети населения, в сравнении с всесоюзной переписью 1939 года. Мужчин, задействованных на трудах в колхозах стало меньше вдвое.

Для Северо-Западных колхозов в 1943 году стояли не менее сложные задачи. Во-первых, необходимо было в полной мере осуществить заготовки леса и торфа. Во-вторых, расширить посевные площади, и как следствие этому значительно поднять урожайность. В-третьих, осуществлять помощь красной армии и освоение неоккупированных деревень.

Для достижения вышеуказанных целей и задач необходимо значительно расширить количество рабочей силы. Очевидно, что к 1943 году все возможные трудовые резервы, в том числе и труд

подростков уже были задействованы. Но в 1943 году мы видим создание мобильных групп для помощи соседним районам.

Как было указано выше, планы по молочным и мясным поставкам на восточных рубежах, действительно, не выполнялись. Но зато за счёт всё большей слаженности удаётся реализовывать посевные рубежи. Планы посева яровых и озимых были выполнены в полной мере [1]. Но проблема возникает не в посеве зерновых культур, а в развитии овощеводства, которое требует постоянного ухода за произрастающими культурами. Например, красноармейцы даже выступили с заявлением, что брать капусту в таком качестве не будут [2].

Таким образом можно сделать вывод о том, что наследием 1942 года можно считать успешные посевные компании по зерновым культурам. Туда же относится лён и зерновые заготовки в принципе. Но отсутствие уверенности в завтрашнем дне, бессилие, отсутствие техники, да и просто голод не позволяют Северо-Западной деревне в полной мере выращивать овощные культуры. Главной задачей для всего 1943 года является, безусловно, окончательный переход на выращивание качественных овощей.

В качестве новой линии развития аграрного хозяйства в виду успехов на фронте Ленинградская парторганизация работает в двух направлениях: 1)

улучшение взаимопомощи между городом и деревней; 2) Развитие подсобного хозяйства крестьян. Второй метод был особо актуален, потому что позволял не только стимулировать крестьян трудиться, но и спасти их от голода.

От голода, в частности, уже который год страдает Тихвинская деревня. «Совсем нет никакого интереса работать в колхозе, потому что все равно с голоду сдохнешь. Пайка хлебного не дают, а из колхоза на трудодни получила 3 кг ячменя, 2,5 кг ржи и отходов зерновых 6,5 кг, а жить должны 5 человек. Я сама понимаю, что помогать фронту нужно, подписалась на все займы, а ко мне нет никакого внимания» [3] – говорит жена красноармейца Рыжова Анна Михайловна.

Для помощи таким районам и в полном соответствии с фронтовой обстановкой из Вологодской области идет эвакуация скота [4]. Помимо этого, данные меры должны помочь Волховскому фронту в реализации поставленных ими задач. От Тихвинского района требуется как минимум – предоставить пастбища для выгула, а как максимум – заботиться о скоте и следить за развитием мясного и молочного производства.

Что же касается рыболовецких колхозов, то их показатели остаются на том же уровне, можно даже сказать, что результаты снизились лишь на 15% в сравнении с тем же 1940 годом. Особенность расположения и специфика деятельности таких колхозов позволяет преодолевать кризисные моменты, но в то же время и особого роста от них ожидать было бы по меньшей мере неправильно. Но ни в коем случае нельзя говорить о том, что у этих колхозов не было каких-то проблем. Напротив, например, солдаты часто самовольно глушили рыбу в водоёмах, тем самым резко сокращая количество мальков. Начальнику рыболовецкого колхоза даже пришлось написать заявление на имя И.С. Конева [5].

При этом необходимо отметить новый подход к эвакуации скота в центральные области региона. Например, в отличие от экстренной эвакуации 1941 года, описанной выше, здесь мы можем наблюдать наличие точных инструкций, следование санитарным нормам, а проверка скота на заболеваемость проверялась как минимум трижды [6].

Еще одним фронтом работы стала борьба с хищением. В результате того, что многие колхозники оказались в новых для себя хозяйствах, но при этом не имели потерянное из-за немецкой оккупации имущество и инвентарь, расслоение в деревне всё же было, поскольку средства производства и подсобное хозяйство были у каждого свои. Именно поэтому не малозначимой темой стала проблема краж, в особенности карточек на хлеб.

В феврале 1943 года выходит постановление о борьбе с кражами в колхозах и совхозах [7]. Но в ходе проверки опасения партийных работников не оправдались. По данным расследования, доля неправильно выданных карточек равнялась всего лишь 0,56% от общего числа, но и то, отдельно в документе прописывается, что и эти случаи касались детей [8].

Труженики села даже в самых неблагоприятных районах не занимались кражами, а даже напротив – выбивались в лидеры по сдаче продуктов на нужды фронта. Это в очередной раз показывает нам мужество и храбрость граждан того времени. От мала до велика каждый делал что-то на благо победы не взирая на собственные нужды. Конечно же, были и люди, в лице руководителей колхозов или бывших кулаков, которые так и норовили воспользоваться сложившейся обстановкой в своих целях, но это скорее частные случаи, нежели повседневная практика.

Но при этом, примечательно отметить, что это отнюдь не означает, что колхозники не могли всячески хитрить. На территории Северо-Запада РСФСР возникла уникальная ситуация, можно даже сказать целая интереснейшая схема по уклонению от уплаты налогов и податей.

Как было указано выше, многие колхозники западных частей региона были вынуждены эвакуироваться на территории восточных соседей, в частности, немалое число колхозников проследовало по маршруту Волхов-Вологда. Но в 1943 году мы видим кардинальное изменение положения дел на фронте, а значит, брошенные колхозы можно обживать вновь. В первую очередь на местах с наиболее развитым подсобным хозяйством селились красноармейцы, однако, что удивительнее всего, вместе с собой красноармейцы привозили колхозников из самых разных глубин без какого-либо разрешения властей [9].

Получалась парадоксальная ситуация, колхозники буквально трудились на благо красной армии, но уклонялись от налогов и податей, буквально выпадая из юридического поля аграрной деревни. Красноармейцы получали свежее пропитание, а колхозники безопасность от врагов как внешних, так и внутренних.

И это не исключение из правил. Это полноценная практика. Мы видим жалобы из множества районов: Пульницк, Старая Ладога, Воскресенск, Лунгачёвск. Десятки документов свидетельствуют об этом феномене 1943 года и тем удивительнее выглядит тот факт, что местные власти ничего не могут с этим поделать, потому что граждане, проработавшие 7 дней на фронте признавались мобилизованными, а значит подлежали не народному, а военному суду, который, конечно же, не был заин-

тересован в ухудшении положения своих же солдат.

Но сложно даже предположить, как решить эту проблему, особенно в условиях того времени. Скорее решение нашлось само собой. Со временем крестьяне, конечно же, будут возвращены в свои бывшие колхозы, да и обеспечивать красную армию в такой обстановке будет не нужно. Но пока что это создаёт повышенную нагрузку на тех крестьян, кто остался на территории своих колхозов и честно платит все налоги и отчисления.

Чтобы отбить у крестьян желание переходить в прифронтовые красноармейские колхозы, Ленинградская областная партийная организация могла пойти по двум путям: административного запугивания или лояльных законопроектов. В силу того, что кадровый состав силовых структур на деревне крайне мал, создание каких-то либо репрессивных мер вряд ли возможно. Поэтому с июля 1943 года было объявлено о том, что всё колхозное имущество с освобождённых районов перейдёт обратно переселённым домой колхозникам при любых обстоятельствах [10].

Данное постановление должно было вселить в крестьян полную уверенность в завтрашнем дне. Необходимо было донести до колхозников, что на освобождённой территории уже в скором времени будет безопасно настолько, что можно будет вернуться к своим подсобным хозяйствам и конечно же зажить как раньше. К слову, эти обещания не основывались на пустом месте. Уже в ноябре 1943 года начинается разминирование территорий, бывших в оккупации [11].

Таким образом мы можем сделать вывод о том, что к особенностям функционирования колхозов Северо-Запада РСФСР можно отнести абсолютно разные темпы развития земель. Во-первых, колхозники обжились на новых местах, о чём свидетельствует рост посевных площадей и малый, но всё же, прирост крупного рогатого скота, впервые за годы войны выполнен план по сдаче зерновых культур.

Во-вторых, нельзя экстраполировать результаты отдельных успешных колхозов на всю Северо-Западную деревню. В данной ситуации мы видим правило, согласно которому богатые колхозы становятся богаче, а бедные колхозы – беднее. Из-за того, что сельское хозяйство, особенно животноводческое, представляет собой целую систему, где крупный рогатый скот, птица, зерновые культуры, удобрения тесно связаны между собой, то мы видим, что крестьяне, у которых было мало первоначальных условий для развития даже своего подсобного хозяйства не смогли справиться с ещё большими трудностями и страдали от голода, как, например, Тихвинский район. Многие восточные колхозы, в особенности Вологодской области чувствовали себя по сравнению с западными соседями в более выгодном положении.

В-третьих, как следствие вышесказанному в деревне складывается как минимум две модели поведения крестьян. По одну сторону могут стоять колхозы, которые брали на себя не только хозяйственные функции, но и выполняли роль яслей, а то и детских домов. С другой стороны, образуется прослойка крестьян, которые укрывались от налогового гнёта и произвола глав колхозов.

В-четвёртых, несмотря на все склоки и раздоры, ошибки в управлении и ведении сельского хозяйства, отходничество и голод. Всех крестьян, безусловно, объединяло стремление во что бы то ни стало помочь в достижении победы. При подробнейшем анализе источников мы видим сотни упоминаний различной помощи фронту и единения общественной мысли о скорой победе Советского Союза.

Наиболее успешными районами в выполнении планов стали: Чудовский, Полавский, Лодейнопольский, Молвотицкий, Мгинский районы, которые вопреки своим небольшим размерам смогли собрать всю норму картофеля и овощей [12]. Данные показатели лишний раз показывают нам важность морального фактора в хозяйственных результатах.

Литература

1. Докладная записка Всеволожского районного отдела НКВД начальнику УНКВД ЛО П. Н. Кубаткину о подготовке к весенней посевной кампании в районе АУ ФСБ РФ по СПб и ЛО, ф. 40, оп. 2, д. 1, л. 208.
2. Докладная записка ленинградских областных отдела торговли и управления заборных карточек об итогах массовой проверки правильности выдачи продовольственных карточек и талонов на хлеб населению северо-восточных районов в сельской местности. 1 июня 1943 г. // ЦГА СПб, ф. 7179, оп. 11, д. 1240, л. 157.
3. Объяснительная записка Ленинградской областной плановой комиссии к проекту народнохозяйственного плана на 1943 г. 7 февраля 1943 г. // ЦГА СПб, ф. 7179, оп. 10, д. 1988, л. 1-17.
4. Отчет Управления уполномоченного Наркомата заготовок СССР по Ленинградской области о работе в период войны. 15 декабря 1943 г. // ЦГА СПб, ф. 7179, оп. 11, д. 1241, л. 2.
5. Письмо Н.В. Соловьева командующим Волховским фронтом К.А. Мерецкову, Северо-Западным фронтом И.С. Коневу, 7-й армией В.А. Фролову о запрещении военнослужащим глушить рыбу в водоемах области. 10 июня 1943 г. // ЦГА СПб, ф. 7179, оп. 11, д. 1266, л. 1.

6. Письмо руководителей Волховского района А.А. Жданову и Н.В. Соловьеву о возвращении колхозников в зоны отселения. [Ранее 6 июля] 1943 г. // ЦГА СПб, ф. 7179, оп. 11, д. 1223, л. 13.
7. Постановление Комиссии обкома ВКП(б) по руководству северо-восточными районами области о перегоне и содержании скота, поступающего из Вологодской области для снабжения Волховского фронта. 14 мая 1943 г. // ЦГА СПб, ф. 7179, оп. 53, д. 72, л. 45.
8. Постановления решения исполкома Леноблсовета депутатов трудящихся и бюро обкома ВКП(б) от 6 февраля 1943 г. «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров».
9. Решение Леноблисполкома и бюро обкома ВКП(б) об организации работ по разминированию территории, освобождаемой от немецкой оккупации. 13 ноября 1943 г. // ЦГА СПб, ф. 7179, оп. 53, д. 70, л. 298.
10. Решение Леноблисполкома о порядке возвращения владельцам скота и иного имущества в местностях, освобожденных от оккупации. 31 июля 1943 г. // ЦГА СПб, ф. 7179, оп. 53, д. 70, л. 226.
11. Специальное сообщение заместителя начальника Управления НКВД ЛО заместителю председателя Леноблисполкома П.П. Еремееву о бездушном отношении к семьям красноармейцев в колхозе «Завет Ильича» Тихвинского района. 22 февраля 1943 г. // ЦГА СПб, ф. 7179, оп. 22, д. 95, л. 46.
12. Телеграмма членов Комиссии по северо-восточным районам председателю СНК СССР И. В. Сталину о невыполнении планов поставки продовольствия в Ленинградскую область // ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 2-д, д. 132, л. 12.

References

1. Dokladnaja zapiska Vsevolozhskogo rajonnogo otdela NKVD nachal'niku UNKVD LO P. N. Kubatkinu o podgotovke k vesennej posevnoj kampanii v rajone AU FSB RF po SPb i LO, f. 40, op. 2, d. 1, l. 208.
2. Dokladnaja zapiska leningradskih oblastnyh otdela trgovli i upravlenija zabornyh kartocek ob itogah massovoj proverki pravil'nosti vydachi prodovol'stvennyh kartocek i talonov na hleb naseleniju severo-vostochnyh rajonov v sel'skoj mestnosti. 1 ijunya 1943 g. CGA SPb, f. 7179, op. 11, d. 1240, l. 157.
3. Ob#jasnitel'naja zapiska Leningradskoj oblastnoj planovoj komissii k proektu narodnohozjajstvennogo plana na 1943 g. 7 fevralja 1943 g. CGA SPb, f. 7179, op. 10, d. 1988, l. 1-17.
4. Otchet Upravlenija upolnomochennogo Narkomata zagotovok SSSR po Leningradskoj oblasti o rabote v period vojny. 15 dekabnja 1943 g. CGA SPb, f. 7179, op. 11, d. 1241, l. 2.
5. Pis'mo N.V. Solov'eva komandujushhim Volhovskim frontom K.A. Mereckovu, Severo-Zapadnym frontom I.S. Konevu, 7-j armiej V.A. Frolovu o zapreshhenii voennoslužhashhim glushit' rybu v vodoemah oblasti. 10 ijunya 1943 g. CGA SPb, f. 7179, op. 11, d. 1266, l. 1.
6. Pis'mo rukovoditelej Volhovskogo rajona A.A. Zhdanovu i N.V. Solov'evu o vozvrashhenii kolhoznikov v zony otselenija. [Ranee 6 ijulja] 1943 g. CGA SPb, f. 7179, op. 11, d. 1223, l. 13.
7. Postanovlenie Komissii obkoma VKP(b) po rukovodstvu severo-vostochnymi rajonami oblasti o peregone i soderzhanii skota, postupajushhego iz Vologodskoj oblasti dlja snabzhenija Volhovskogo fronta. 14 maja 1943 g. CGA SPb, f. 7179, op. 53, d. 72, l. 45.
8. Postanovlenija reshenija ispolkoma Lenoblsoveta deputatov trudjashhihsja i bjuro obkoma VKP(b) ot 6 fevralja 1943 g. «Ob usilenii bor'by s rashishheniem i razbazarivaniem prodovol'stvennyh i promyshlennyh tovarov».
9. Reshenie Lenoblispolkoma i bjuro obkoma VKP(b) ob organizacii rabot po razminirovaniju territorii, osvobozhdaemoj ot nemeckoj okkupacii. 13 nojabnja 1943 g. CGA SPb, f. 7179, op. 53, d. 70, l. 298.
10. Reshenie Lenoblispolkoma o porjadke vozvrashhenija vladel'cam skota i inogo imushhestva v mestnostjah, osvobozhdennyh ot okkupacii. 31 ijulja 1943 g. CGA SPb, f. 7179, op. 53, d. 70, l. 226.
11. Special'noe soobshhenie zamestitelja nachal'nika Upravlenija NKVD LO zamestitelju predsedatelja Lenoblispolkoma P.P. Eremeevu o bezdushnom otnoshenii k sem'jam krasnoarmejcev v kolhoze «Zavet Il'icha» Tihvinskogo rajona. 22 fevralja 1943 g. CGA SPb, f. 7179, op. 22, d. 95, l. 46.
12. Telegramma chlenov Komissii po severo-vostochnym rajonom predsedatelju SNK SSSR I. V. Stalinu o nevypolnenii planov postavki prodovol'stvija v Leningradskuju oblast'. CGAIPD SPb, f. 24, op. 2-d, d. 132, l. 12.

*Pasechnikov A.A., Postgraduate,
A.S. Pushkin Leningrad State University*

Peculiarities of functioning of collective farms of the North-West of the RSFSR in 1943

Abstract: one of the most controversial topics in the study of history to this day remains the Great Patriotic War, during which every region and every family in our country was affected. For many decades, many studies on the history of the Northwest have been published, but most of them concern the issues of the siege of Leningrad and the occupation of the western regions by Nazi invaders.

At the same time, the consideration of the vital activity of residents of unoccupied areas remains poorly studied until today. It turns out a paradoxical situation: we know more about the occupied areas than about the areas free from German oppression.

With all this, we must not forget about the role of the peasantry. In many ways, the successes at the front depended on the success of the activities of this part of the population. In particular, the year 1943 is important for the study as the year of a radical turning point during the war. Many hardships and hardships fell to the lot of the peasantry. The majority of the male population was sent to the front. Women and children had to organize the work of collective farms without any technical and horse-drawn assistance in order to deliver the plan on time.

It was this year that issues were to be resolved not only to provide for the Red army, but also to develop their own farms, fill grain funds and raise children in wartime conditions. The main guarantee of success in this case, with all the difficulties, was to be the mutual assistance of the cities in the study area.

Keywords: agrarian history, collective farms, war, agricultural sector, Northwest, occupation, Leningrad region

For citation: Pasechnikov A.A. Peculiarities of the functioning of collective farms of the North-West of the RSFSR in 1943. Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 102 – 106.

*Галанюк П.П., соискатель,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*

Русский просветитель в окружении Regina Scientiarum: Антиох Кантемир и математика

Аннотация: в статье впервые в исторической науке ставится вопрос о значении математики в жизни и деятельности русского просветителя, поэта-сатирика и дипломата А.Д. Кантемира. На основе анализа исторических источников и специальной литературы автор приходит к выводу, что математика находилась не только в центре личных предпочтений просветителя, но лежала в основе его научно-философских воззрений, а ближайший круг его друзей и корреспондентов, среди которых ярчайшие математики XVIII столетия (Майер, Мопертюи, Эйлер) – красноречивое тому подтверждение.

Через всю жизнь А.Д. Кантемир пронес серьезное отношение к математике, регулярно отдавая ей свободное время даже за бесчисленными дипломатическими трудами и болезнью. Несмотря на то, что учебник по алгебре, над которым он трудился много лет, не дошел до наших дней, тем не менее, представляется важным отметить его вклад в распространение математических знаний в послепетровской России. Желание приобщить особенно молодое поколение к «Царице наук», гармонично коррелирующее с общими тенденциями европейского и российского просвещения, доподлинно отражают его прогрессивные взгляды и просветительские идеалы.

Ключевые слова: Антиох Кантемир, Академия наук, русское просвещение, математика, наука

Для цитирования: Галанюк П.П. Русский просветитель в окружении Regina Scientiarum: Антиох Кантемир и математика // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 107 – 111.

*«Самыми сильными и неоспоримыми доводами обладает математика,
ибо наука сия основывается на вещах совершенно известных»
А.Д. Кантемир*

Раскрывать богатство наследия А.Д. Кантемира через высвечивание новых граней его творчества – задача непростая, хотя и актуальная. Особенно если учесть, что часть его трудов была утрачена, а сохранившаяся оказалась на «периферии» по причине интереса преимущественно к его литературным сочинениям. Тем не менее, наследие русского просветителя, первого поэта-сатирика, переводчика, философа, политика-дипломата, продолжает притягивать к себе взоры исследователей, которые намечают непроторенные пути, новые и перспективные направления.

Его жизнь и духовное становление протекали в период, когда в России закладывались новые культурно-образовательные традиции, вершился переход от традиционного общества к обществу «критической культуры». Выросший в интеллектуальной семье и пройдя через обучение в Московской славяно-греко-латинской академии, ориентированной на традиционность, а затем в Петербургской академической гимназии, ориентированной на инновационность, молодой Кантемир оказался в эпицентре становления науки и просветительского движения. Он очень рано осознал связь между использованием результатов научной деятельности и развитием образованности общества, посвятив себя популяризации научных знаний.

Среди наук, к которым он с детства* [1, 2] питал особый интерес, была и математика: «имею паки и к математическим наукам не малую охоту...» – так писал юный Антиох в своем прошении на имя государя Петра I, обращаясь с просьбой отправить его на учебу в Европу за казенный счет [3].

Отправить столь любознательного и даровитого Князя на обучение в Европу Российский император, увы, не успел, но, зато успел заложить в новой столице новую школу – Академию наук, которая сыграла огромную роль в будущем развитии отечественной науки и культуры.

Известно, что первые математические познания в рамках академической программы А.Д. Кантемир получил у Ф. Майера, который до приезда в Петербург прошел курс Тюбингенского университета [4]. Подробности их взаимоотношений, за исключением факта непродолжительной переписки нам не известны, но нет сомнений, что ученик навсегда сохранил благодарность к учителю [5].

Вызывает интерес надгробная речь, произнесенная Г. Бильфингером на могиле профессора Ф. Майера: «К его непреходящей славе служит то, что он имел счастье и талант так обучить математике его светлость младшего сына волошского господаря Дмитрия Кантемира, Антиоха Кантемира, что он за время около двух лет овладел геометрией и алгеброй и сможет в предстоящей поездке

во Францию поддержать славу знатнейшего русского дворянства перед высшей школой наук в Париже. Письма из Москвы, которыми этот князь удостоивал покойного в течение двух лет, являются доказательством как его любили, так и учености, и в будущем послужат в такой же мере к чести князя, в какой мере они были ранее утешением и радостью для нашего усопшего» [6].

Заслуги немецкого ученого очевидны в формировании естественнонаучных взглядов Кантемира, хотя известно, что в Академии лекции по математике ему также читал Д. Бернулли, сын знаменитого швейцарского математика И. Бернулли [7].

Обучение под началом именитых математиков не прошло бесследно. Уже в первых своих сатирах, а затем и комментариях к переводу Б. Фонтеделя («Разговор о множестве миров»), Кантемир определил идеальными именно математические знания и доводы [8]. Ценность труда, который стал поистине «незаурядным явлением в истории популяризации науки в России» состояла не столько в пропаганде гелиоцентрической модели, сколько в обширных авторских комментариях, объяснении новых понятий [9]. Среди них: «математик» (тот, кто знает математику), «математика» (наука, которая учит всему тому, что исчислить и мерить можно), «циркуль» (круг, обод), а также заметки о великих математиках: Пифагоре, Архимеде, Аристотеле, Птолемее, Декарте и др [10].

Изучение математики Кантемир продолжил уже за границей (сначала в Лондоне, затем в Париже) в качестве российского резидента. Его эпистолярное наследие красноречиво свидетельствует о том, что он не оставлял своих занятий по математике, даже тогда, когда был чрезмерно обременен дипломатическими поручениями [11]. Близкий друг просветителя – аббат Оттавиано Гуаско, написавший его первую биографию, упоминает об этом: «Занятием, которому он отдавал больше всего времени, со времени прибытия во Францию, была алгебра, которую он изучил когда-то давно. Он полностью занимался ею почти два года... Можно с уверенностью сказать, что не было ума более способного в этой науке, чем у него. Отличительными качествами его ума были точность и основательность... Он всегда исходил из основных начал, делал выводы и шел прямо к истине» [12].

О серьезном отношении Кантемира к математике имплицитно свидетельствует его ироническая реакция на намерение Вольтера (который не был математиком), написать книгу о философии Ньютона: «Философия Ньютона, изложенная и обработанная для всеобщего понимания господином Вольтером!.. Если бедный человек заставил армии мчаться, не указывая путь и пружины, которые

заставили их действовать, судите отсюда, что он сделает, когда захочет объяснить движение небесных тел! Я боюсь, что мы не будем в безопасности на земле» [13].

Будучи во Франции, Кантемир обрел большого друга в лице выдающегося французского философа и математика П. Мопертюи, который к тому времени уже прославился организацией Лапландской экспедиции по градусному измерению, а в будущем стал президентом физико-математического отделения Берлинской Академии наук. Ученые прониклись взаимным уважением и пребывали в постоянном общении [14]. Это был по-настоящему творческий союз двух великих деятелей эпохи Просвещения. В знак признательности Кантемир сделал все, чтобы Мопертюи оказался в числе иностранных членов Петербургской Академии наук, и даже выхлопотал для него ежегодную пенсию, которую получали далеко не все. В письме к президенту Академии И. Корфу, Кантемир писал: «Двести рублей пенсии, назначенной так кстати, вызовут большой отклик во Франции; императорская Академия получит от этого пользу, так как присоединит к своим Комментариям несколько статей первоклассного ученого...» [15].

Можно предположить, что Мопертюи оказывал помощь Кантемиру и в составлении учебника по алгебре, который был задуман им как пособие для российских учеников, и над которым он активно работал последние годы жизни. Увы, «математический опус», оставшись только в рукописи, так и не был опубликован, а сама рукопись после смерти окончательно затерялась.

Из переписки князя Кантемира с С.К. Нарышкиным и иеромонахом В. Кассано, которые находились в Лондоне, известно, что в 1741-1742 гг. они приобретали для него некоторые книги. Среди книг две были по математике, и о них речь шла отдельно. В письме от 25 февраля 1742 г. священник Кассано сообщал Кантемиру в Париж, что по его указанию он уже приобрел «Алгебру» Сандерса (Algebre de M. Sunderson) и намеревается приобрести «Алгебру» Мак Лаурина (Algebre de m. Mac Laurin) [16]. Очевидно, что эти книги были необходимы Кантемиру для работы над своей «Алгеброй» на русском языке. Увы, никаких подробностей о составлении учебника по математике (содержание, задачи, целевая аудитория) на русском языке мы более не обнаружили. Авторитетное дореволюционное энциклопедическое издание, констатируя факт составления Кантемиром труда по алгебре, также обошлось без подробностей [17].

Особый интерес представляет общение А.Д. Кантемира с еще одним именитым ученым своего времени («идеальным математиком») – Л. Эйле-

ром. Истоки этих отношений восходят ко времени начального развития Петербургской Академии, куда в качестве преподавателя был также приглашен молодой математик из Европы.

Уже за границей Кантемир в письме к управлявшему делами Академии А. Нартову писал: «Эйлерову Механику из Академии никогда не получал» [18]. Речь шла о двухтомном труде Л. Эйлера «Механика, или наука о движении, в аналитическом изложении» (*Mechanica sive motus scientia analutice exposita*), который был издан в 1736 году и со временем принес автору мировую славу. Кантемир, безусловно, был осведомлен об этой работе и сетовал на несвоевременное получение двухтомника.

Сохранилось несколько писем Эйлера к русскому просветителю. В первом математик выражал Кантемиру личную благодарность за «хлопоты и заботы», связанные с присуждением премии. Предыстория этого письма весьма любопытна. В 1740 г. Парижская академия объявила конкурс на исследование причин возникновения морских приливов и отливов. Среди номинантов был и Эйлер, но его работа затерялась по дороге и по формальной причине не была учтена комиссией. В Петербурге с этим не смирились. Президент Академии И. Корф решил прибегнуть к помощи русского резидента в Париже. В письме к А. Кантемиру он писал: «Если бы автор упомянутой работы не потратил на нее чрезвычайного старания, развивая в столь же трудных, сколь и остроумных вычислениях рассматриваемую им тему, и если бы я не был осведомлен из достоверного источника, что из всех работ, уже находящихся в руках членов комиссии, не будет ни одной, которая могла бы претендовать на премию, – я не придал бы большого значения подобному делу, и, конечно, не решился бы писать о нем Вашему превосходительству» [19].

Кантемир использовал все свои силы и связи, чтобы работа Л. Эйлера все же была принята комиссией к рассмотрению. Дело увенчалось успехом. Как и ожидалось, она вызвала неописуемый восторг и всеобщее одобрение: Эйлер был признан победителем, и потому счел нужным лично благодарить князя Кантемира.

Во втором письме Эйлер делится с Кантемиром результатами своих вычислений, связанными с наблюдением кометы в 1742 г. [20]. С одной стороны, в этом нет ничего удивительного, поскольку практика диалога между великими учеными, переписка с единомышленниками была чертой времени, типичной для барочной культуры. С другой

стороны, есть все основания полагать, что это произошло не в последнюю очередь и потому, что *dulce laudari a laudato viro*.

Еще одно письмо датируется январем 1743 г. К этому времени Эйлер уже покинул Россию и проживал в Берлине. Приведем отрывок: «В настоящее время, стало совершенно очевидным, что Петербургская Академия наук скоро будет возвращена к своему прежнему состоянию, так как Комиссия, назначенная Е.И.В. для расследования жалобы г-на Делиля на г-на Шумахера, закончила свою работу, и г-н Шумахер совершенно освобожден от ареста. Нужно будет позаботиться о приглашении новых членов» [21].

Оставляя в стороне сложившуюся ситуацию, заметим, что Эйлер осмелился писать А.Д. Кантемиру заведомо зная о его переживаниях за судьбу Академии. По всей вероятности, ему было известно о миссии русского резидента за границей по поиску и привлечению талантливых европейских ученых в Российскую Академию наук.

Говоря о личном отношении Эйлера к Кантемиру, невозможно обойти стороной его письмо академику Х. Гольдбаху: «Здесь ходит слух, что пост президента Академии сохраняется для князя Кантемира, что, несомненно, было бы величайшим счастьем для Академии» [22].

Дело в том, что в начале 1740-х гг., когда Академия в Петербурге оказалась без президента, многие современники называли именно Кантемира наиболее достойным кандидатом. Сам дипломат, как известно, был бы очень рад вернуться в Россию. Хотя это не произошло, признание великого математика остается бесценным свидетельством.

Во свете вышеизложенного, возможно целесообразнее было бы писать об универсальности Кантемира в контексте интеллектуальной культуры Нового времени, а не о его компетентности в области математики. Тем более, что нам ничего не известно про его достижения (во всяком случае – пока). Да, математиком в общеизвестном смысле русский просветитель никогда не был, но совершенно очевидно, что *Regina scientiarum* неизменно входила в круг его научных интересов. До конца жизни он сохранял живой интерес к математическим знаниям, пребывая в дружественных отношениях с учеными-математиками. Несмотря на то, что учебник, над которым он трудился много лет, был утрачен, его намерение усилить фундаментально-научный элемент в традиционной программе начального обучения в полной мере отражают его взгляды и просветительские идеалы.

Литература

1. Белоусова Е.Ф. Влияние Дмитрия Кантемира на Антиоха Кантемира // Наследие Дмитрия Кантемира и современность / сост. Х. Корбу, Л. Чобану. Кишинев: «Картя Молдовеняскэ», 1976. С. 182 – 202.
2. Harya Vasile. Influenta lui Dimitrie Kantemir asupra kretsiei lui Antioch Kantemir // Un VYAK de AUR yn Moldova. 1643-1743. Kontributsiy la studiul kulturny shi romane vek. Kishineu: Shtiintsa. Bukuresht: Editura Fundatsiei Kulturele Romane, 1996. P. 152 – 171.
3. Кантемир А.Д., Стоюнин В.Я., Ефремов П.А. Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира / под ред. П.А. Ефремова. СПб., 1868. Т. II. С. 343.
4. Миллер Г.Ф. Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 6: История Академии наук Г.Ф. Миллера с продолжениями И.Г. Штриттера (1725-1743). СПб., 1985. С. 62.
5. Бобынэ Г.Е. Философские воззрения Антиоха Кантемира. Кишинев, 1981. С. 32.
6. Архив РАН. Ф. 21. Оп. 1. № 105. Л. 2. Речь Г. Бильфингера в память Ф. Х. Майера.
7. Радовский М.И. Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук. М.-Л., 1959. С. 18.
8. Bobana G. Antioh Cantemir – poet, ganditor si om politic. Chisinau, 2006. P. 44
9. Краснобаев Б. Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1972. С. 121.
10. Большая энциклопедия: в 62 т. М.: ТЕРРА, 2006. Т. 20. С. 276.
11. Майков Л.Н. Материалы для биографии кн. А.Д. Кантемира / Сост.: Л.Н. Майков; с введ. и примеч. проф. В.Н. Александренко. СПб., 1903. С. 27.
12. Satyres de Monsieur le Prince Cantemir. Avec l'histoire de sa vie. Traduites en Francois. A Londres, chez Jean Nourse. 1749. P. 107.
13. Бобынэ Г.Е. Философские воззрения Антиоха Кантемира. Кишинев, 1981. С. 32.
14. Майков Л.Н. Материалы для биографии кн. А.Д. Кантемира / Сост.: Л.Н. Майков; с введ. и примеч. проф. В.Н. Александренко. СПб., 1903. С. 329.
15. Архив РАН. Ф. 1. Оп. 3. № 29. Л. 14.
16. Майков Л.Н. Материалы для биографии кн. А.Д. Кантемира / Сост.: Л.Н. Майков; с введ. и примеч. проф. В.Н. Александренко. СПб., 1903. С. 169.
17. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А., Арсеньев К.К. Энциклопедический словарь / ред. К.К. Арсеньев. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1895. Т. 27. (Калака – Кардамъ), 1895. С. 316.
18. Майков Л.Н. Материалы для биографии кн. А.Д. Кантемира / Сост.: Л.Н. Майков; с введ. и примеч. проф. В.Н. Александренко. СПб., 1903. С. 191.
19. Майков Л.Н. Материалы для биографии кн. А.Д. Кантемира / Сост.: Л.Н. Майков; с введ. и примеч. проф. В.Н. Александренко. СПб., 1903. С. 153 – 154.
20. Красоткина Т.А. Рукописное наследие Л.Эйлера // Вестник Академии наук СССР. М., 1959. № 7. С. 99.
21. Радовский М.И. Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук. М.-Л., 1959. С. 54 – 55.
22. ЦГАДА, Рукописный отдел, Ф. 181. Д. 1413. Ч. IV. Л. 33 об.

References

1. Belousova E.F. Vlijanie Dmitrija Kantemira na Antioha Kantemira. Nasledie Dmitrija Kantemira i sovremennost' / sost. H. Korbu, L. Chobanu. Kishinev: «Kartja Moldovenjaskje», 1976. S. 182 – 202.
2. Harya Vasile. Influenta lui Dimitrie Kantemir asupra kretsiei lui Antioch Kantemir. Un VYAK de AUR yn Moldova. 1643-1743. Kontributsiy la studiul kulturny shi romane vek. Kishineu: Shtiintsa. Bukuresht: Editura Fundatsiei Kulturele Romane, 1996. P. 152 – 171.
3. Kantemir A.D., Stojunin V.Ja., Efremov P.A. Sochinenija, pis'ma i izbrannye perevody knjazja Antioha Dmitrievicha Kantemira. pod red. P.A. Efremova. SPb., 1868. T. II. S. 343.
4. Miller G.F. Materialy dlja istorii Imperatorskoj Akademii nauk. T. 6: Istoriya Akademii nauk G.F. Millera s prodolzhenijami I.G. Shtrittera (1725-1743). SPb., 1985. S. 62.
5. Bobynje G.E. Filosofskie vozzrenija Antioha Kantemira. Kishinev, 1981. S. 32.
6. Arhiv RAN. F. 21. Op. 1. № 105. L. 2. Rech' G. Bil'finger'a v pamjat' F. H. Majera.
7. Radovskij M.I. Antioh Kantemir i Peterburgskaja Akademiya nauk. M.-L., 1959. S. 18.
8. Bobana G. Antioh Cantemir – poet, ganditor si om politic. Chisinau, 2006. P. 44
9. Krasnobaev B. Oчерки istorii russkoj kul'tury XVIII veka. M., 1972. S. 121.
10. Bol'shaja jenciklopedija: v 62 t. M.: TERRA, 2006. T. 20. S. 276.
11. Majkov L.N. Materialy dlja biografii kn. A.D. Kantemira. Sost.: L.N. Majkov; s vved. i primech. prof. V.N. Aleksandrenko. SPb., 1903. S. 27.

12. Satyres de Monsieur le Prince Cantemir. Avec l'histoire de sa vie. Traduites en Francois. A Londres, chez Jean Nourse. 1749. P. 107.
13. Bobynje G.E. Filosofskie vozzrenija Antioha Kantemira. Kishinev, 1981. S. 32.
14. Majkov L.N. Materialy dlja biografii kn. A.D. Kantemira. Sost.: L.N. Majkov; s vved. i primech. prof. V.N. Aleksandrenko. SPb., 1903. S. 329.
15. Arhiv RAN. F. 1. Op. 3. № 29. L. 14.
16. Majkov L.N. Materialy dlja biografii kn. A.D. Kantemira. Sost.: L.N. Majkov; s vved. i primech. prof. V.N. Aleksandrenko. SPb., 1903. S. 169.
17. Brokgauz F.A., Efron I.A., Arsen'ev K.K. Jenciklopedicheskij slovar'. red. K.K. Arsen'ev. SPb.: Tipografija I. A. Efrona, 1895. T. 27. (Kalaka – Kardam#), 1895. S. 316.
18. Majkov L.N. Materialy dlja biografii kn. A.D. Kantemira. Sost.: L.N. Majkov; s vved. i primech. prof. V.N. Aleksandrenko. SPb., 1903. S. 191.
19. Majkov L.N. Materialy dlja biografii kn. A.D. Kantemira. Sost.: L.N. Majkov; s vved. i primech. prof. V.N. Aleksandrenko. SPb., 1903. S. 153 – 154.
20. Krasotkina T.A. Rukopisnoe nasledie L.Jejlera. Vestnik Akademii nauk SSSR. M., 1959. № 7. S. 99.
21. Radovskij M.I. Antioh Kantemir i Peterburgskaja Akademiya nauk. M.-L., 1959. S. 54 – 55.
22. CGADA, Rukopisnyj otdel, F. 181. D. 1413. Ch. IV. L. 33 ob.

*Galanyuk P.P., Applicant,
Lomonosov Moscow State University*

Russian educator surrounded by Regina Scientiarum: Antiochus Cantemir and Mathematics

Abstract: in life and searchings of Russian educator, poet and diplomat – A.D. Cantemir you can see the big role and importance of mathematics. Based on an in-depth historical analysis, the author concludes that mathematics was not only a personal preference in the center of enlightenment, but also lay the basis for his scientific and philosophical views, but his closest circle of friends, among them the brightest mathematicians of XVIII century – eloquent proof.

Through the whole life of A.D. Cantemir carried a serious attitude to mathematics, regularly giving her free time even for countless diplomatic labors and illness. Despite the fact that the textbook on algebra, on which he worked for many years, has not survived to this day, nevertheless, it seems important to note his contribution to the spread of mathematical knowledge in post-Petrine Russia. The desire to involve especially the younger generation in the «Queen of Sciences», which harmoniously correlates with the general trends of European and Russian education, truly reflects his progressive views and educational ideals.

Keywords: Cantemir Antiochus, Academy of Sciences, Russian Enlightenment, mathematics, science

For citation: Galanyuk P.P. Russian educator surrounded by Regina Scientiarum: Antiochus Cantemir and Mathematics. Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 107 – 111.

*Иликаев А.С., кандидат политических наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологий*

Сведения о марийской и удмуртской этнической религии в трудах исследователей XVIII в. – начала 60-х гг. XVIII в.: к вопросу об интерпретациях

Аннотация: целью данной статьи является продолжение фиксации самых первых сведений о верованиях финно-угорских народов Урало-Поволжья в исторических источниках. На этот раз речь идет о трудах исследователей, работавших в период с XVII века по первую половину 60-х годов XVIII столетия. Это позволяет решить ряд задач: выявить на основе проведенного анализа некоторые особенности верований марийцев и удмуртов в период фиксации собственно этнических религий этих финно-угорских народов Урало-Поволжья. Полученные результаты необходимы для более всестороннего изучения дохристианских и домусульманских верований народов России. Первые сведения о черемисской религии принадлежат А. Олеарию (1633-1639 гг.), который отметил поклонение черемисов Богу и «черту», живущему на реке Немда, а кроме того существование у них культов солнца и луны. По мнению автора, Н. Витсен (1664-1665 гг.) впервые зафиксировал у черемисов божество Илиму, которое можно отождествить с более поздним марийским Илмой, удмуртским Илмаром и прибалтийско-финским Ильмариненом. Интересно упоминание Я. Стрейсом (1668-1669 гг.) существования у черемисов культа Вельзевула. Как полагает автор, последний, вероятно, мог иметь отношение к марийскому культу Кармакая – мушиного керемета (духа). Сведения о религии черемисов и удмуртов у русских авторов появляются в первой половине XVIII века. Г. Миллер (1733 г.) впервые указывает, что черемисский бог Юма есть то же, что и финский Юмала. В труде Г. Миллера описываются и собственно вотяцкие (удмуртские) верования, в частности, наличие особых молелен – куал. В работе П. Рычкова в начале 60-х годов XVIII века имя верховного вотяцкого бога по-прежнему не приводится, зато присутствует ценное замечание о том, что призывая Бога вотяки употребляют слова «оста козмо». Последняя формула имеет прямое отношение к образу удмуртского бога Инмара.

Ключевые слова: черемисы (марийцы), вотяки (удмурты), Бог, черт, Илма, Юма, Инмар

Для цитирования: Иликаев А.С. Сведения о марийской и удмуртской этнической религии в трудах исследователей XVIII в. – начала 60-х гг. XVIII в.: к вопросу об интерпретациях // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 112 – 119.

Новизна данного продолжающего исследования заключается в попытке новой интерпретации имеющихся данных о первой фиксации имен верховного марийского и удмуртского богов. В работе был задействован преимущественно сравнительно-исторический метод.

Сведения о религиозных представлениях финно-угорских народов Урало-Поволжья до XVII века отличаются краткостью, неточностью и обилием общих мест. Зачастую авторы переписывают друг друга или черпают сведения из легендарной географии. Кроме того не все этнические верования удавались более или менее подробного описания. Наибольшее количество информации имеется, вероятно, о пантеоне и культах южноуральских угров – маджгардов (башкирдов). Ко всему прочему они наиболее ранние (X век) [14, с. 31-32]. Достаточно немало свидетельств европейские путешественники XIII-XVI столетий оставили о верованиях мордвы-мокши (мокшан). Некоторое представление о языческой религии древних коми дают русские источники XV-XVI вв. При этом у нас практически нет никаких свидетельств о верованиях черемисов (марийцев) и вотяков (удмуртов) до XVII-XVIII вв. О религии первых лишь известно,

что она была «языческой», а не магометанской [18, с. 3].

Собственно первое описание религиозных воззрений черемисов дает А. Олеарий. В своем «Подробном описании...» (1633-1639) он, однако, опровергает мнение предшественников о том, что дать часть мари исповедует ислам. А. Олеарий пишет, что черемисы, живущие вокруг Казани, язычники. Большинство из них верит в бессмертного Бога, который делает добро людям на земле. Поэтому его не нужно призывать. Представления о том, что собой представляет этот Бог черемисы, по мнению путешественника, не имеют. При этом они не верят в загробную жизнь. Все кончается у человека со смертью, как у любого животного [13, с. 364].

Любопытны подробности беседы с черемисом (человеком лет 45-ти), приведенные автором. Услышав про воскресение мертвых, черемис только посмеялся, заявив: «Кто раз помер, тот мертв и для черта. Или разве покойники восстанут, а с ними и мои лошади и коровы, околевшие несколько лет тому назад?» Когда А. Олеарий спросил его, «знает ли он, кто создал небо и землю?», собесед-

ник насмешливо (по-русски?) ответил: «Черт знает» [13, с. 364].

Путешественник отмечает, что, несмотря на то, что черемисы не верят в ад, они признают существование духов, мучающих людей. Поэтому их следует задабривать жертвами. Далее А. Олеарий описывает культ «черта» на реке Немда, точнее, у реки Шокшем в 40, 50-ти верстах от Казани к югу (на самом деле – к северо-востоку; название реки также искажено, причем Г.Ф. Миллер, решив поправить А. Олеария, еще больше запутал дело, перемешав названия самых разных рек; в любом случае, по всей видимости, может речь идти сразу о двух реках: Немде, притоке Пижмы, и Немде, в Уржумском районе, притоке собственно Вятки – И.А.) [10, с. 46]. Этот «черт», имея свою резиденцию в указанном месте, требует жертв. Те, кто явятся к нему с пустыми руками, подвергаются суровому наказанию. При этом, как можно понять из текста, говорится о том, что, по всей видимости, слишком сильное приближение к резиденции черта у незамерзающей реки между двумя горами может привести к мгновенной смерти святотатца. Правда, это произойдет только с черемисом. Русские и представители других наций могут приближаться к Шокшем безбоязненно [13, с. 364].

В жертву своему бессмертному Богу черемисы приносят закланием лошадей, козлов и овец. При этом шкуры натягивают на колья, варят тут же рядом мясо. Обращаясь с молитвой к Богу, черемисы берут полное мяса блюдо в одну руку, а чашу с медом в другую. После этого они бросают все это против развешанной шкуры в огонь, говоря: «Иди, передай мое желание Богу». Также они прибавляют: «О Боже, я охотно жертвую тебе это, прими это от меня, и дай мне скота». Вместо скота при этом может проситься все, что желает молящийся [13, с. 364-365].

А. Олеарий подчеркивает исключительно практический характер черемисской религии. Он отмечает, что поскольку черемисы не верят в загробную жизнь, то все их молитвы и просьбы обращены исключительно к мирской стороне дела. Помимо Бога мари поклоняются солнцу, месяцу, поскольку видят, что светила оказывают благоприятное воздействие на землю и скот. Особенно путешественник подчеркивает почитание солнца во время урожая. При этом А. Олеарий приводит любопытное свидетельство о том, что в течение дня черемисы почитают все, что они видели во сне. При этом не важно, что это: корова, лошадь, огонь или вода [13, с. 365].

Далее путешественник опять пытается наставить черемиса на путь истинный, говоря, что неправильно почитать скот «и другие твари, как Бога, молится им». На что собеседник приводит без-

ошибочный, как ему кажется, контраргумент: «что же такое представляют собой боги русских, вешаемые на стену? Ведь в них нет ничего, кроме дерева и краски?..» По мнению черемиса, гораздо разумнее поклоняться солнцу и всему тому, что «имеет жизнь» [13, с. 364-365].

Какие выводы можно сделать из записей А. Олеария? Только на первый взгляд они фиксируют уже в то время марийскую религию ничем не отличающуюся от народного христианства соседнего восточнославянского населения. Уже само отсутствие определенных представлений о Боге, а также о том, что все со смертью у человека, как у скотины, кончается, не имеет ничего общего с представлениями русских крестьян. Так, по мнению Н.И. Толстого, Бог в славянских народных представлениях имеет вполне конкретный облик нищего, странника [19, с. 202-203]. Убеждение же черемисов о том, что загробной жизни не существует, возможно, просто отражает тот факт, что мари считали, что после смерти душа человека никак не зависит от Бога.

Очень интересно сообщение немецкого дипломата о культе «черта» на реке Немда. По всей видимости, судя по более поздним свидетельствам, прав современный исследователь К.И. Ситников, указывая, что здесь впервые фиксируется культ Немды (Лемде, Менде) Курык Кугыза, или Поро Лемде Курык Кугыза «доброго старика Немдинской горы» [18, с. 85]. Хотя впоследствии Немда Курык Кугыза относился к разряду кереметов, то есть низших божеств, судя по огромному штату служебных духов, размеру жертв (самому Немде Курык Кугыза жертвовали жеребенка) [18, с. 85-86], он действительно был значительным племенным богом. На берегу Шошмы, правого притока Вятки, считалось, покоится легендарный вождь малмыжских марийцев Полтыш. Там, по сведениям исследователя первой половины XX века М.Г. Худякова, когда-то приносились жертвы Юмо и Кереметю [9, с. 84].

Этнограф С.К. Кузнецов в самом начале XX века посетил вовсе не это место, а утес на Немде в Яранском уезде. Там, указав об ошибочном направлении от Казани у А. Олеария, он не нашел речки Шокшем (только деревни с таким названием), но согласился с тем, что путешественник XVII века имел в виду именно место на берегу Немды в Яранском, а не Уржумском уезде. Именно там в 1830 году был взорван Чумбулатов камень по распоряжению митрополита Филарета во искоренение поклонения бесам Керемету Чумбулату, Немдекуруку, Ямшенеру. Само святилище представляло собой вырубленную в известковой скале лестницу с алтарем для жертвоприношений [8, с. 451-480].

На мой взгляд, здесь очень важный момент фиксации культа не просто «горного старика», но, как будет видно из дальнейшего, образа черта, дьявола в воде или у водного источника. Оппозиция небу, а также небесной воде, в виде «земной» воды, особенно ярко прослеживается в удмуртской мифологии, где Вукузё или Вумурт, хозяин воды, имеет чрезвычайно антропоморфные черты [5, с. 99-100]. То, что речь идет именно о марийском божестве, подчеркивается тем обстоятельством, что этот черт никак не может навредить иноплеменикам.

Следующими по хронологии следует считать известия голландского мореплавателя Н. Витсена, который в 1664-1665 годах впервые посетил Русское государство, будучи в составе свиты голландского посольства Якоба Бореяля. Веру черемисов путешественник полагает ничем не отличимой от веры чиркассов (черкасов). Отмечается отсутствие у черемисов упорядоченной религии [4, с. 621]. Далее добавляется, в отличие от замечания А. Олеария, что своего Бога черемисы иногда призывают [4, с. 621-622]. Солнцу мари поклоняются весной. Сообщением о том что черт знает про происхождение земли («Tsjort snai») Н. Витсен не ограничивается, добавляя, что «...причем его спросили далее, знает ли он черта, и он ответил, что черемисы его очень хорошо знали: это был дух, который мог причинить человеку много зла, и он причинял черемисам зло, если они его не усмиряли надлежащими жертвами» [4, с. 775].

Данное высказывание голландского путешественника конца XVII в., на мой взгляд, нельзя понимать в том смысле, что марийцы не имели никаких представлений о происхождении земли, буквально посылая вопрошающих об этом к дьяволу, а то, что, по их мнению, Tsjort (Керемет?) играл явно главенствующую роль в ее сотворении.

При всей внешнем почти дословном совпадении сведений о дьяволах на реках и ручьях (Н. Витсен явно делал выписки из труда А. Олеария), и здесь имеются различия. А. Олеарий, в сущности, говорит только об одном черте с резиденцией у реки Шокшем. Н. Витсен указывает, что дьявол хозяйничает в самой реке Немда. Наказывает он явившихся без жертв черемисов не мгновенной смертью, а всего лишь сухостью да вялостью, которые, впрочем, настолько быстро завладевают человеком, что тот с трудом добирается до дома. Дьявол, живущий в Шошме (название реки исправлено на верное, это приток Ярани, наподобие тоже небольшой речки Лаж соседней Немды) куда «мощнее и суровее» первого. (Г.Ф. Миллер наверняка имел виду под речкой Лаш именно Лаж) [10, с. 46]. Дьявол этот живет также в самой Шошме и поэтому «его черемисы очень боятся и считают

его более святым... но около Шошмы нельзя приносить жертву, и кто из черемисов слишком близко подойдет к этой воде или вступит в нее, тот внезапно упадет и умрет, но чужим и христианам она не вредит» [4, с. 775]. Жертву божествам черемисы приносят волами, коровами и овцами. При этом, перед тем как бросить мясо в огонь, они говорят: «Это я жертвую Богу, он изволит принять это от меня и дать мне за это волов, овец (это или что-нибудь, чего они желают). Уйди, жертва, и принеси Богу мою просьбу» [4, с. 775].

Таким образом, противник Бога у Н. Витсена уже прямо перемещается в воду, становится настоящим подобием удмуртских Вукузё и Вумурта. Судя по материалам начала XX века речь может идти о божестве Йомшоэнер. Также голландский путешественник разделяет такого рода божеств. Получается, что, условно говоря, Керемет Чумбулат превосходит в могуществе Немдекурука. Имеются отличия в жертвенной молитве. Здесь молящийся не просит Бога принять жертву, а жертва сама должна принести богу просьбу молящегося. Возможно, учитывая интересное свидетельство Н. Витсена о том, что черемисы поклоняются деревьям и идолам в виде животных на деревянных сосновых жердях [4, с. 773] (речь о чучелах, шкурах, изображениях?), культ верховного бога у мари в то время еще тесно был связан с тотемистическими культами. Не менее уникально сообщение Н. Витсена о традициях трупосожжения и речного погребения у черемисов. Все это уже впоследствии не отмечается [4, с. 773].

Совершенно уникальным моментом представляется приводимый голландским путешественником перевод христианской молитвы «Отче наш» на марийский язык (в издании 1705 года). Первая же фраза *Memnan uziu* похожа на искаженную марийскую фразу *Мемнан изана* (букв. «наш старший брат, дядя»). Но братом или даже дядей как-то странно называть Бога. Поэтому, скорее, в XVII в. – начале XVIII в. в марийском языке еще существовало слово *иза* в значении отец (ср. фин. *isä*, марийское имя *Изай*, то есть старейшина, вождь) [12, с. 189-190]. Последнее можно соотнести с именем венгерского бога-творца (*Иштен*), наименованием души у обских угров (*ис*). Эта мысль представляется тем возможнее, что уже Г.Ф. Миллер в 1730-х годах переводит «правильно»: *Атьё мининъ* (ср. мар. ача «отец») [10, с. 100]. Финская исследовательница Р. Бартенс считает, что слово *uziu* является вариантами марийского *uzo* «самец», *uzo-bel* «отчим» (ср. юкаг. *öncie* «зверь-самец») [17, с. 253-254; 2, с. 569]. Впрочем, по мнению лингвиста О.А. Сергеева, здесь имеется путаница

букв и вместо *uziü* следует читать *atia<na>* [17, с. 254].

Вторая фраза *ilimazet kiusuiluste*, как полагает О.А. Сергеев, соответствует марийскому *ilimaset küšäläštö*, то есть «жизнь твоя вверх». При этом ученый отмечает, что по смыслу точнее было бы употребить *üläläštö* «наверху» или каваште «на небе» [17, с. 254]. У Г.Ф. Миллера употребляется форма кюшна юма [10, с. 100], то есть «вышний бог» (по мнению О.А. Сергеева слово «юма» является здесь лишним, поскольку итак ясно, что речь идет о нашем отце, который находится на верхнем небе) [17, с. 273-274]. Однако, на мой взгляд, возможно и такое прочтение: *Ilimaset küšäläštö*, то есть «Илима твой наверху». Возможно имеется в виду (Ильш) Илян юмо «бог жизни». Но еще интереснее предположить, что здесь мог упоминаться персонаж Илма «страшный бог возмездия» [3, с. 77]. Данное божество также было известно чувашам как Илмар или Имел [1, с. 109, 118]. Еще в конце XVIII было зафиксировано архаическое имя удмуртского верховного бога Илмер, которое впоследствии перешло в Илмар (ср. Ильмаринен < праф.-уг. *ilma «небо, погода, буря, воздух, мир, свет») [5, с. 13, 103].

Завершающими XVII век являются сведения Я.Я. Стрейса, который посетил Россию в 1668–1669 гг. Этот голландский мореплаватель, как и Н. Витсен, почти дословно повторяет текст А. Олелария о черемисах. Тем не менее, присутствуют интересные дополнения. Так, говоря о поклонении бессмертному Богу, путешественник отмечает, что тот правит черемисами «как земной король» [21, с. 183]. Черт, чей образ появляется в особой воде, именуется Вельзевулом. Мясо во время жертвоприношения бросают на шкуру так, что оно падает в огонь. И далее, Бог черемисов «не что иное, как добрый господин, а чорт – злодей и губитель, так что они могут сказать с полным основанием, что злой дух у них то же самое, что у нас, когда говорят про человека, что он чорт и губитель для другого» [21, с. 183]. Черемисы молятся солнцу, огню и воде [21, с. 183].

Небольшие дополнения Я.Я. Стрейса позволяют заключить, что мари представляли в то время своего верховного бога как простого земного вождя, но не как христианского «царя небесного» с сонмом грозных архангелов. Противник черемисского небесного владыки совсем не тотальный враг Бога типа Сатаны-Дьявола, как в монотеистических религиях, а, скорее, типичный «бытовой» антагонист дуалистических еще первобытных в своей основе мифов (вроде древнегреческого Эпиметея или, отчасти, зороастрийского Ангро-Манью).

Интересно упоминание Я.Я. Стрейса о Вельзе-

вуле. Если допустить, что это было не простое упоминание одного из библейских бесов, то, возможно, речь могла идти о культе Кармака – мушиного керемета из числа тыгыде кереметов, то есть мелких кереметов, которым поклоняются только в кругу семьи [18, с. 51]. Известно, что Вельзевул означало *dominus muscarum* «повелитель мух» (притом что, само имя беса восходило к образу реального божества в виде мухи, либо было дисфемизмом, призванным заменить семитское выражение «возвышенный владыка») [11, с. 229].

Из высказанного может сложиться впечатление, что о верованиях удмуртов до XVIII века вообще нет никаких известий. Однако, во-первых, есть пусть и краткие свидетельства по религии родственных удмуртам древних коми («Житие Стефана Пермского») – самый конец XIV века. Во-вторых, имеется сообщение о том, что в середине XVI века, сразу после присоединения Казани к Русскому государству, удмурты, в основной массе оставаясь язычниками, уже начали принимать православную христианскую веру [7, с. 122-123].

Собственно сведения русских авторов о религии и мари и удмуртов появляются только в первой половине XVIII столетия.

В 1733 году руководитель Сухопутного отряда Великой Северной экспедиции Г.Ф. Миллер посетил земли Казанской губернии, впервые описав, в том числе, религиозные верования удмуртов. Впрочем, чаще он пишет сразу о трех народах вместе – чувашах, марийцах и удмуртах, так что не всегда понятно, какой конкретно этнос исследователь имеет в виду.

По оценке В.Е. Владыкина хотя удмуртам в работе Г.Ф. Миллера отведено всего несколько страниц, это первое целостное отражение быта народа. Хотя о верованиях удмуртов имеются лишь отдельные замечания, это уже более или менее подробные сообщения собственно об удмуртах [5, с. 12].

Говоря о Боге, которому поклоняются черемисы, Г.Ф. Миллер пишет, что Юма есть тоже, что и финский Юмала, чувашский Тора и готский (точнее, скандинавский) Тор [10, с. 42]. Ученый отмечает крайнюю степень невежества вотяков и черемисов, приводя шутивное предание самих инородцев о том, что у них корова книгу поела. При этом у местных народов нет никаких своих повестей, баснословных известий о прежних временах. Впрочем, Г.Ф. Миллер оговаривается, что последнее ему просто возможно не удалось вывести [10, с. 29-31].

Что удмурты, что марийцы, что чуваша, по мнению Г.Ф. Миллера, имеют единые представления о верховном боге. Он, обладая высшей вла-

стью, целиком заведует всеми делами людей, ниспосылает им добро, помогает, несмотря на слабости людей, во всех их повседневных делах, требуя лишь поклонения. При этом противник верховного бога дьявол имеет жилище в воде. Характерно, что черемисы, например, не верят ни в какую вечную жизнь (в христианском смысле), в посмертный суд, воздаяния. Им неизвестно понятие смертного греха, вины человека перед богом. Юма подает только мирские блага и наказания его касаются исключительно материальной жизни: здоровья, удачи в охоте, рыбной ловле, чадородия и.п. Больше всего местные народы боятся, что бог убьет их молнией [10, с. 37-39].

Вообще, как указывает В.Е. Владыкин, по Г.Ф. Миллеру выходит, что удмурты имеют представление лишь о Боге и Дьяволе. Также, по мнению В.Е. Владыкина, автор первой половины XVIII века пишет об отдельных молениях в куале и Керемети. Причем отмечается, что у ряда удмуртских семей имелось по 2-3 куалы [6, с. 12].

Имя верховного удмуртского бога Инмара Г.Ф. Миллер не приводит, но поправляет Ф.-И. Страленберга в том, что вотяки называют землю не Ма, а Музьем [10, с. 22]. Однако здесь вряд ли имеется в виду теоним в смысле «богиня земли», хотя это и нельзя исключать полностью.

Г.Ф. Миллер отмечает интересную особенность в устройстве молитвенных рощ Кереметей. У чуваш и черемисов они имеют заборы, столбы, покрытые деревянной кровлей, скамьи под ними. При этом вотяки, живущие в более глухих лесах в междуречье Вятки и Камы и далее, свои Керемети держат не укрытыми [10, с. 43-44]. Г.Ф. Миллер отмечает отсутствие идолов и изображений богов у трех народов, объясняя это обстоятельство магометанским влиянием. Но при этом отмечает, что у черемис имеются «ободранные липовые корки» (куски коры, доски?) с вырезанными на них ничего не значащими фигурами (знаками?) которые черемисы вешают по лесам под названием Куда-Водаш [10, с. 62].

Женщины также у всех трех народов в богослужениях не участвуют. Если необходимо мужчины молятся за женщин сами. Такое положение Г.Ф. Миллер объясняет влиянием мусульман [10, с. 61-62]. Однако же особый жрец югтич, а не просто ворожей (мушан у мари; тона / туно у удмуртов) [10, с. 47, 58]. Мари диких зверей и птиц используют в домашних жертвоприношениях, скот в кереметях (лошади, быки, коровы, овцы, гуси, утки). Вотяки диких зверей и птиц в жертву не приносят [10, с. 54]. Последнее наблюдение Г.Ф. Миллера, как об этом будет сказано ниже, является неточным.

По мнению Г.Ф. Миллера, совершенно нехристианским является отношение к верховному богу у трех народов. Чуваш, черемисы, вотяки обращаются к нему не вследствие каких-то убеждений, внутреннего побуждения, а исключительно случайно, после приключившегося несчастья. Во все остальное время о боге местное население как таковым вообще не думает, он не существует для него. Причем если несчастье обрушивается на одну семью, то другие считают, что оно не имеет к ним никакого отношения и, соответственно, нужды в молитве, богослужении. Если несчастье затрагивает несколько семей или целое поселение, то только в таком случае происходят обряды с соответствующим составом участников [10, с. 47-48].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Г.Ф. Миллер рисует верховных богов черемис и вотяков очень далекими от христианских и мусульманских монотеистических владык, тотально контролирующих жизнь своих почитателей и, самое главное, являющихся владыками всего народа, а не отдельных семей и родов. Представления о них вполне укладываются в логику первобытного присваивающего хозяйства. Юма находится в исключительно договорных отношениях с людьми и только время от времени как бы напоминает о себе, о том, что ему нужны жертвы. «Дьявол», живущий в воде, скорее выступает как вторая, конкурирующая злая, а не добрая сила, нежели как искушающий человека падший ангел. Впрочем, заметна некоторая эволюция представлений. Если в заметках путешественников более раннего времени подчеркивалась безраздельная власть «дьяволов», то теперь местные народы молятся «Богу» чтобы, в том числе, отвратить от себя всяческие нападки со стороны «дьявола» [10, с. 38].

Хороший обзор ранней литературы о религиозных воззрениях удмуртов впоследствии дал И.Н. Смирнов. Он в частности исправил некоторые ошибки предшественников. Например, опроверг замечание Г.Ф. Миллера о том, что вотяки не приносят в жертву диких животных и птиц [20, с. 264].

По мнению современных исследователей, в том числе В.Е. Владыкина, материалы Г.Ф. Миллера об удмуртах являются достаточно скудными, неточными и предвзятыми, тем не менее, это первые материалы по удмуртской религии вообще. Их значение нельзя недооценивать [5, с. 12; 6, с. 11].

В самом начале 60-х годов XVIII века выходит «Топография Оренбургская» П.И. Рычкова. Как отмечает Р.Р. Садиков, вошедшие в книгу заметки об удмуртской религии примечательны тем, что это наиболее ранние свидетельства о верованиях закамских удмуртов. Причем П.И. Рычков отмеча-

ет, что удмурты (вотяки) Вятской провинции и Казанского уезда в той или иной степени крестились. Что же касается удмуртов Оренбургской губернии, то у них нет христианского закона, при том, что народ исповедует веру в Бога, призывает его, а также, как чуваша, режет в жертву лошадей, коров и овец [16, с. 116]. П.И. Рычков имя верховного бога вотяков также как и его предшественник не называет, но указывает, что вотяки, призывая Бога, употребляют фразу «оста козма» [15, с. 99]. Последняя формула надежно соотносится с удмуртским богом Инмаром [5, с. 104].

Далее, как указывает Р.Р. Садиков, П.И. Рычков кратко останавливается на некоторых поминальных обрядах. По мнению современного исследователя, исходя из приводимых П.И. Рычковым деталей, можно говорить об определенном влиянии православного культа на закамских удмуртов уже в этот период [16, с. 116]. Вместе с тем любопытно, на мой взгляд, наблюдение П.И. Рыčkова о том, что после того как сгорят свечи, то оставшуюся кашу и блины на стол бросают собакам. Р.Р. Садиков отмечает, что подобный обряд у удмуртов дожил и до настоящего времени [16, с. 116-117].

Литература

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары: Руссика, 1994. Т. 3. 368 с.
2. Вершинин В.И. Марий мут-влакын кушеч лиймышт: этимологий мутер. Происхождение слов марийского языка: этимологический словарь: в 2 т. Йошкар-Ола: ООО ИПФ «Стиринг», 2017-2018. Т. 1. А-М., 2017. + Т. II. Н-Я., 2018. 741 с.
3. Вершинин В.И. Этимологии удмуртских слов. Этимологии удмуртских слов: (научное издание): [словарь]. Йошкар-Ола: [б. и.], 2015 (Типография «Курсив»). 254 с.
4. Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Амстердам: Regasus, 2010. Т. 2. 1225 с.
5. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. 2-е изд., доп. Ижевск: Удмуртия, 2018. 400 с.
6. Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. История этнографии удмуртов. Краткий историографический очерк с библиографией. Ижевск: Удмуртия, 1984. 144 с.
7. Иликаев А.С. Сведения о верованиях финно-угорских народов Урало-Поволжья в источниках X-XVI вв.: к вопросу об интерпретациях // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 1. С. 120 – 125.
8. Кузнецов С.К. Поездка к древней черемисской святыне, известной со времен Олеария // В сб.: Святыни. Культ предков. Древняя история. Йошкар-Ола: Центрумзей им. Валентина Колумба, ГУП РМЭ «Марийское книжное издательство», 2009. 704 с.
9. Кузнецов С.К. Четыре дня у черемиса во время Сюрема / Полтыш-князь черемисский. Малмыжский край / Ред.-сост. Л. Шемйэр (В.Н. Козлов). Йошкар-Ола: Марийск. полиграфкомбинат, 2003. С. 342 – 347.
10. Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков... СПб., 1791. 99 с.
11. Мифы народов мира. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. Т. 1. 671 с.
12. Муравьева Т.В. Мифы славян и народов Севера. М.: Вече, 2005. 413 с.
13. Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., пер., примеч. и указ. А.М. Ловягина. Санкт-Петербург: А.С. Суворин, 1906. 528 с.
14. Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара = Ibn Fadlan's Journey: Volga route from Baghdad to Bulghar: каталог выставки / Государственный Эрмитаж, Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль»; Науч. ред. А.И. Торгоев, И.Р. Ахмедов. Москва: Изд. дом Марджани, 2016. 559 с.
15. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. 312 с.
16. Садиков Р.С. Традиционные верования закамских удмуртов: историография проблемы // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 116 – 126.
17. Сергеев О.А. Язык памятников письменности марийского языка (конец XVII-XVIII вв.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. 422 с.
18. Ситников К.И. Словарь марийской мифологии. Т. 1. Боги, духи, герои. Йошкар-Ола, 2006. 160 с.
19. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого; Институт славяноведения РАН. М.: Межд. отношения, 1995. Т. 1: А (Август) – Г (Гусь). 584 с.
20. Смирнов И.Н. Вотяки: Ист.-этногр. очерк И.Н. Смирнова. Казань: тип. Ун-та, 1890. 358 с.
21. Стрейс Я.Я. Три путешествия: пер. Э. Бородиной; Ред. А. Морозова. М.: Соцэкгиз, 1935. 415 с.

References

1. Ashmarin N.I. Slovar' chuvashskogo jazyka. Cheboksary: Russika, 1994. T. 3. 368 s.
2. Vershinin V.I. Marij mut-vlakyn kushech lijmysht: jetimologij muter. Proishozhdenie slov marijskogo jazyka: jetimologicheskij slovar': v 2 t. Joshkar-Ola: OOO IPF «Stiring», 2017-2018. T. 1. A-M., 2017. + T. II. N-Ja., 2018. 741 s.
3. Vershinin V.I. Jetimologii udmurtskih slov. Jetimologii udmurtskih slov: (nauchnoe izdanie): [slovar']. Joshkar-Ola: [b. i.], 2015 (Tipografija «Kursiv»). 254 s.
4. Vitsen N. Severnaja i Vostochnaja Tartarija, vkluchajushhaja oblasti, raspolozhennye v severnoj i vostochnoj chastjah Evropy i Azii. Amsterdam: Pegasus, 2010. T. 2. 1225 s.
5. Vladykin V.E. Religiozno-mifologicheskaja kartina mira udmurtov. 2-e izd., dop. Izhevsk: Udmurtija, 2018. 400 s.
6. Vladykin V.E., Hristoljubova L.S. Istorija jetnografii udmurtov. Kratkij istoriograficheskij ocherk s bibliografiej. Izhevsk: Udmurtija, 1984. 144 s.
7. Ilikaev A.S. Svedenija o verovanijah finno-ugorskih narodov Uralo-Povolzh'ja v istochnikah X-XVI vv.: k voprosu ob interpretacijah. Istoricheskij bjulleten'. 2023. Tom 6. № 1. S. 120 – 125.
8. Kuznecov S.K. Poezdka k drevnej cheremisskoj svjatyne, izvestnoj so vremen Olearija. V sb.: Svjatyni. Kul't predkov. Drevnjaja istorija. Joshkar-Ola: Centrmuzej im. Valentina Kolumba, GUP RMJe «Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo», 2009. 704 s.
9. Kuznecov S.K. Chetyre dnja u cheremisa vo vremja Sjurema. Poltyshknjaz' cheremisskij. Malmyzhskij kraj. Red.-sost. L. Shemjjer (V.N. Kozlov). Joshkar-Ola: Marijs. poligrafkombinat, 2003. S. 342 – 347.
10. Miller G.F. Opisanie zhivushhih v Kazanskoj gubernii jazycheskikh narodov, jako to cheremis, chuvash i votjakov... SPb., 1791. 99 s.
11. Mify narodov mira. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 2003. T. 1. 671 s.
12. Murav'eva T.V. Mify slavian i narodov Severa. M.: Veche, 2005. 413 s.
13. Olearij Adam. Opisanie puteshestvija v Moskoviju i cherez Moskoviju v Persiju i obratno. Vved., per., primech. i ukaz. A.M. Lovjagina. Sankt-Peterburg: A.S. Suvorin, 1906. 528 s.
14. Puteshestvie Ibn Fadlana: Volzhskij put' ot Bagdada do Bulgara = Ibn Fadlan's Journey: Volga route from Baghdad to Bulghar: katalog vystavki. Gosudarstvennyj Jermitazh, Gosudarstvennyj istoriko-arhitekturnyj i hudozhestvennyj muzej-zapovednik «Kazanskij Kreml'»; Nauch. red. A.I. Tor-goev, I.R. Ahmedov. Moskva: Izd. dom Mardzhani, 2016. 559 s.
15. Rychkov P.I. Topografija Orenburgskoj gubernii. Ufa: Kitap, 1999. 312 s.
16. Sadikov R.S. Tradicionnye verovanja zakamskih udmurtov: istoriografija problem. Jetnograficheskoe obozrenie. 2006. № 2. S. 116 – 126.
17. Sergeev O.A. Jazyk pamjatnikov pis'mennosti marijskogo jazyka (konec XVII-XVIII vv.). Joshkar-Ola: MarNIIJaLI, 2021. 422 s.
18. Sitnikov K.I. Slovar' marijskoj mifologii. T. 1. Bogi, duhi, gerioi. Joshkar-Ola, 2006. 160 s.
19. Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskij slovar': v 5 t. pod obshh. red. N.I. Tolstogo; Institut slavianovedenija RAN. M.: Mezhd. otnoshenija, 1995. T. 1: A (Avgust) – G (Gus'). 584 s.
20. Smirnov I.N. Votjaki: Ist.-jetnogr. ocherk I.N. Smirnova. Kazan': tip. Un-ta, 1890. 358 s.
21. Strejs Ja.Ja. Tri puteshestvija: per. Je. Borodinoj; Red. A. Morozova. M.: Socjkgiz, 1935. 415 s.

*Ilikaev A.S., Candidate of Political Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology*

Data about Mari and Udmurt ethnic religions in works of researchers of the XVII century – the early 60s of the XVIII century: on issue of interpretations

Abstract: the purpose of this article is to continue recording the first data about beliefs of the Finno-Ugric peoples of the Ural-Volga region in historical sources. This time we are focusing on the works of researchers in the period from the XVII century to the first half of 60s of the XVIII century. This allows us to solve a number of problems: to reveal on the analysis basis some features of beliefs of the Mari and Udmurts during the period when ethnic religions of these Finno-Ugric peoples of the Ural-Volga region were fixed. The results obtained are necessary for a more comprehensive study of pre-Christian and pre-Muslim beliefs of the peoples of Russia. The first data about the Cheremis religion belongs to A. Olearius (1633-1639) who noted the Cheremis worship to God and the “devil” living on the Nemda River, and in addition, the existence of sun and moon cults. According to the author, N. Witsen (1664-1665) first recorded the deity Ilimu among the Cheremis which could be identified with the later Mari Ilma, the Udmurt Ilmar and the Baltic-Finnish Ilmarinen. It is interesting that J. Streis (1668-1669) mentioned the existence of the Cheremis cult of Beelzebub. The author supposed that the latter could probably be related to the Mari cult of Karmakay – the fly keremet (spirit). Russian authors fixed data about the religion of the Cheremis and Udmurts in the first half of the XVIII century. G. Miller (1733) pointed out for the first time that the Cheremis god Yuma was the same as the Finnish Yumala. G. Miller also described the Votyak (Udmurt) beliefs, in particular, the presence of special prayer houses – kual. In the early 60s of the XVIII century in the work of P. Rychkov the name of the supreme Votyak god was still not given, but there was a valuable remark that invoking God the Votyaks had used the words “osta kozmo”. The last formula was directly related to the image of the Udmurt god Inmar.

Keywords: Cheremis (Mari), Votyaks (Udmurts), God, devil, Ilma, Yuma, Inmar

For citation: Ilikaev A.S. Data about Mari and Udmurt ethnic religions in works of researchers of the XVII century – the early 60s of the XVIII century: on issue of interpretations. Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 112 – 119.

*Молчанова Е.Г., кандидат исторических наук, доцент,
Тихоокеанский государственный университет*

Освоение Приамурья Россией и иностранный капитал (50-60-е гг. XIX в.)

Аннотация: целью данной статьи является изучение интересов иностранных держав в Приамурье в 50-60-х гг. XIX в. Россия в это время утверждалась на Амуре, началось освоение и заселение этих земель. В статье рассматривается вопрос каким образом складывались отношения российской администрации и иностранных предпринимателей в регионе. Автор акцентирует внимание на том, что из-за событий Крымской войны английским и французским предпринимателям в 50-60-х гг. XIX в. доступ на российский Дальний Восток был закрыт, при этом к представителям США и германских государств российские власти относились в целом благожелательно. Отмечается, что российские власти были заинтересованы в их привлечении для снабжения населения и войск необходимыми товарами, предоставляя при этом различные льготы. Но несмотря на это, деятельность работавших в Приамурье иностранных предпринимателей строго регламентировалась и находилась под контролем российской администрации. В статье делается вывод, что американские и немецкие предприниматели в 50-60-х гг. XIX в. сыграли заметную роль в социально-экономическом развитии Приамурья и снабжении жителей Николаевска и российских поселений на Амуре необходимыми товарами. В статье также анализируются причины снижения деловой активности иностранцев в Приамурье в конце 60-начале 70-х гг. XIX в.

Ключевые слова: Приамурье, Николаевск-на-Амуре, иностранный капитал, освоение Дальнего Востока России, американские предприниматели, немецкие предприниматели, порто-франко

Для цитирования: Молчанова Е.Г. Освоение Приамурья Россией и иностранный капитал (50-60-е гг. XIX в.) // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 120 – 124.

В XVII в. Приамурье в значительной степени было освоено русскими землепроходцами и переселенцами. Однако после заключения в 1689 г. Нерчинского договора с Китаем, Россия была вынуждена оставить эти земли.

В середине XIX в. «Амурский вопрос» становится снова актуальным. В бассейне Тихого океана в это время усилилась конкуренция ведущих держав. Возникла серьезная угроза захвата устья Амура одной из них. В 40-50-х гг. XIX в. побережье Охотского моря стало местом паломничества иностранных экспедиций, одной из задач которых был поиск возможностей приобретения новых сфер влияния. Иностранные державы привлекало выгодное географическое положение Приамурья, богатство его природных ресурсов. Наибольший интерес к этому региону проявляли США, Англия и Франция.

США в 40-х гг. XIX в. стали осваивать тихоокеанское побережье и рассматривали дальневосточный регион как сферу своих интересов. В середине XIX в. одним из самых главных направлений продвижения экономических интересов США, наряду с Японией и Китаем, стали русские владения на Тихом океане. Об этом свидетельствует записка советника Верховного суда США А. Пальмера президенту США Дж. Полку от 10 января 1848 г. В этом документе автор отмечал: «Судоходство по большой маньчжурской реке Амур и ее притокам мне кажется весьма важным и необходимо, чтобы правительство настояло на

дозволении гражданам Соединенных штатов свободного плавания по ним; ровно, как и на том, чтобы нам были даны те же привилегии в торговле с колониями Китая, какими пользуются русские...» [8, с. 2].

Усиление активности иностранных держав недалеко от устья Амура вызывало тревогу у определенной части правительственных кругов России. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев в письме министру внутренних дел Л.А. Перовскому от 14 сентября 1848 г., выражая свои опасения по поводу возможного захвата иностранцами устья Амура, писал: «С китайской стороны в Амур впадают большие судоходные реки; с южным Китаем англичане торгуют свободно, а Амур доставит им возможность овладеть и северо-восточным... Сибирью владеет тот, у кого в руках левый берег и устье Амура. Вот зачем ездят сюда англичане» [2, с. 35].

Н.Н. Муравьев убеждал правительство, что России нужно утвердиться в устье Амура, чтобы не допустить его захват иностранными державами. Для этого был предпринят ряд шагов. В 1949 г. экспедиция под руководством Г.И. Невельского доказала, что Амур судоходен. В 1850 г. в устье Амура был основан военный пост, названный Николаевским, там был поднят флаг России. Была сформирована Амурская экспедиция, которая провела большую работу по изучению и присоединению к России дальневосточных земель. В 1854 г. начались сплавы по Амуру, целью кото-

рых было заселение и освоение Приамурья, а также снабжение через Николаевский порт Камчатки и других российских населенных пунктов Тихоокеанского побережья. Таким образом, Приамурье стало фактически контролироваться Россией. В 1858 г. был заключен Айгунский договор с Китаем, который официально оформил вхождение Приамурья в состав Российской империи.

Своевременность принятых мероприятий подтвердили события Крымской войны (1853-1856 гг.). Англия и Франция не хотели мириться с усилением России на Тихом океане. В 1854 г. англо-французская эскадра из шести кораблей напала на Петропавловск. Небольшой военный гарнизон сумел взять верх над неприятелем, превосходившим его в военной силе в несколько раз. Англо-французская эскадра была вынуждена покинуть Авачинскую бухту, но еще некоторое время находилась в северной части Тихого океана, бомбардировала Де-Кастри, пыталась безуспешно найти вход в Амурский лиман [1, с. 60].

В годы Крымской войны произошло сближение России и США. В 1854 г. между ними было заключено соглашение, направленное против враждебных действий английского и французского флотов, которые причиняли ущерб российской торговле с нейтральными государствами, включая США, во время Крымской войны [5, с. 101]. Столкнувшись с коалицией сильных морских держав, Россия искала внешней поддержки и нашла ее в лице США. Правительство США, со своей стороны, видело в России необходимый ей противовес Англии и Франции.

Сближение России и США создавало благоприятные условия для складывающихся торговых контактов этих стран в бассейне Тихого океана, в частности в Приамурье. Основание Россией населенных пунктов в Приамурье и на побережье Татарского пролива с особым интересом отслеживалось американскими коммерсантами. Оценивая экономический потенциал Приамурья, газета «Daily Alta California» 25 июля 1855 г. писала: «В одной сотне миль выше устья Амура есть роскошная страна, большая часть которой покрыта неисчерпаемыми хвойными и лиственными лесами. Посредством ее можно сообщаться с внутренними областями России и Китая» [15, с. 409]. Коммерсанты из Сан-Франциско обращались к сенатору С. Гвину с просьбами о содействии и установлении надежного доступа в этот регион американской торговли. С. Гвин имел по этому поводу беседу с русским посланником в Вашингтоне Э. Стеклем который отправил соответствующее донесение в МИД. После этого прошел ряд консультаций дипломатического ве-

домства с министерством финансов, генерал-губернатором Восточной Сибири. В результате был подготовлен документ, который 12 сентября 1856 г. подписал Александр II. В нем говорилось: «Разрешить беспопышную иностранную торговлю в наших портах Приамурского края и острова Сахалин... Предоставить нашей миссии в Вашингтоне известить об этом решении торгующее сословие Северо-Американских Соединенных штатов, но негласно, так как обнародование подобной меры при настоящем положении дела об определении нашей границы с Китаем было бы преждевременно» [10, л. 4]. В докладе министра иностранных дел содержалось разъяснение этого решения: «Наш поверенный в делах в Вашингтоне может объяснить негласность такого объявления... нежеланием нашего правительства предоставить другим державам те же права торговли, которое оно обеспечивает Соединенным штатам по дружественным с ним отношениям» [10, л. 8 об]. Этими нежелательными державами были Англия и Франция. После окончания Крымской войны доступ английским и французским коммерсантам в Приамурье был закрыт. Помимо американских бизнесменов в 50-60-х гг. XIX в., российские власти допускали на российский Дальний Восток также предпринимателей из Германии, т.к. отношения с германскими государствами в целом были дружественными. Таким образом, иностранные предприниматели прибывали в регион и действовали в Приамурье по разрешению и под контролем российских властей.

Российские власти были заинтересованы в привлечении иностранных предпринимателей в Приамурье. Это было связано с тем, что несмотря на серьезные усилия не удалось привлечь в необходимой мере отечественных купцов к снабжению находящихся в регионе войск, чиновников, переселенцев необходимыми товарами. В 1858 г. была учреждена Амурская компания с целью «развития в крае деятельности торговой и промышленной» [9, л. 2]. Отсутствие конкуренции, поддержка администрации края обещали успех. Но сложность местных условий, отдаленность, недостаток коммерческого опыта привели компанию к банкротству. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев проводил большую работу с купцами из Забайкалья и Сибири, пытаясь заинтересовать их в открытии дела в Приамурье. За период с 1856 по 1867 гг. в Приамурье торговали около 20 российских купцов, имевших в основном небольшие капиталы. Состоятельные сибирские предприниматели предпочитали вкладывать свои средства в более прибыльные отрасли, нежели амурская

торговля [3]. Подобное положение дел можно объяснить также неразвитостью российского торгового флота, отсутствием регулярного транспортного сообщения Дальнего Востока с центральной частью России. Из Забайкалья по Амуру можно было доставлять лишь небольшой ассортимент товаров. Большую часть провианта, фабричных изделий российским купцам приходилось перевозить на лошадях через всю Сибирь. Из центральной части России до ее тихоокеанского побережья товар находился в пути почти год, стоимость такой перевозки была более чем в 4 раза дороже, чем доставка товаров морским путем. Эти условия делали торговую деятельность российских купцов в Приамурье чаще всего убыточной [12, л. 221]. Эти обстоятельства также явились причиной зависимости экономики Приамурья в 50-60-х гг. XIX в. от иностранных предпринимателей и преобладания здесь иностранного торгового капитала над российским.

Американские и немецкие коммерсанты появились в Приамурье в середине 50-х гг. XIX в., практически одновременно с русскими переселенцами. Первоначально они обосновывались в Николаевске, который тогда имел быстро возрастающее значение. В 1855 г. сюда из Петропавловска-Камчатского была переведена военноморская база России на Тихом океане, в 1856 г. Николаевск-на-Амуре стал центром Приморской области. Этот порт в 50-60-х гг. имел и большое экономическое значение, т.к. через него осуществлялось снабжение российских населенных пунктов, расположенных вверх по Амуру. В отличие от российских купцов, иностранные предприниматели имели возможность привозить товары на Амур более дешевым морским путем, которые доставляли сюда в основном из тихоокеанских портов США и Восточной Азии. Способствовал поставкам иностранных товаров в Николаевск и режим порто-франко, установленный здесь в 1856 г.

Одним из первых начал свою деятельность в Николаевске бостонский торговый дом «Бордмен и К°», который до этого активно занимался торговлей в бассейне Тихого океана и имел свое отделение на Камчатке. Его представители прибыли в устье Амура вскоре после прибытия русских, эвакуировавшихся из Петропавловска из-за нападения англо-французской эскадры. Чуть позже начали свою деятельность в Николаевске американские фирмы «Карлтон энд Берлинг», «Пирс энд К°», «Коен энд Ньюмен», «Халлоб и К°», «Селигман и К°» и др. [14, с. 293]. Граф Е.В. Путятин в своей записке от 13 июля 1857 г. отмечал: «В настоящее время на рейде Николаевска стоят 5 судов США, и некоторым из поселив-

шихся здесь американцев удалось в несколько месяцев сделать торговых оборотов более, чем на 50 тыс. серебром [11, л. 90б-11]. В 1856 г. предприниматель из Сан-Франциско П.М. Коллинз, был назначен американскими властями коммерческим агентом на Амуре. Он путешествовал по Сибири и Дальнему Востоку, изучал природные ресурсы, судоходность рек и условия для коммерческой деятельности. Летом 1857 г. он прибыл в Николаевск, но пробыл здесь всего несколько недель. За это время он нашел подходящую кандидатуру на должность своего заместителя, который должен был постоянно находиться в Николаевске. Им стал представитель американского торгового дома «Бордмен и К» Д.С. Кушинг. В 1859 г. Кушинга на посту коммерческого вице-агента США сменил Г. Чейз. Коммерческий агент и вице-агент США на Амуре не имели дипломатического статуса. Посол США в Петербурге обращался в 1860 г. в МИД России с просьбой об учреждении Американского генерального консульства на Амуре, но эта просьба была отклонена [7, с. 66].

Немецкие предприниматели, которые стали прибывать в Николаевск в середине 50-х гг. XIX в., как правило уже имели опыт деятельности в Китае и других азиатских странах, где они столкнулись с конкуренцией со стороны англичан и французов. Первоначально немецкие коммерсанты, как правило, прибывали в Приамурье в качестве агентов иностранных торговых домов, которые были заинтересованы в расширении сфер своей деятельности. Так Г. Дикман первоначально исполнял обязанности представителя крупной гамбургской компании «Годефроя и Сын». Прусский подданный Ф.А. Людорф прибыл в Николаевск в 1856 г. и открыл дело от имени гамбургского торгового дома «Пусто и К». Позже он основал собственный бизнес на Амуре, приобрел два парохода и начал постоянную торговлю в амурских селениях. Его обороты в Приамурье достигли к концу 60-х гг. XIX в. 800 тыс. руб., что составило около 30% от всего объема товарооборота региона. В 1862 г. Ф.А. Людорф был назначен неофициальным торговым агентом города Гамбурга и Пруссии на российском Дальнем Востоке. Этот немецкий предприниматель вел в Приамурье не только коммерческую, но и видную общественную деятельность. В 1865 г. он занял должность городского старосты Николаевска и стал членом попечительного совета Николаевского женского училища [6, с. 143-144]. Ф.А. Людорф неоднократно предлагал собственные проекты развития Приамурья, в частности, он доказывал необходимость открытия реки Сунгари для торговли с населением Маньчжурии и

призывал российские власти начать переговоры с китайским правительством по этому вопросу [4].

Иностранные предприниматели вносили свой вклад и в развитие инфраструктуры Приамурья. В 1860 г. Г. Чейз, О. Эше, Ф.А. Людорф совместно с российским предпринимателем Д. Есиповым подали прошение губернатору Приморской области Казакевичу об учреждении акционерного общества в Николаевске-на-Амуре для постройки пристани и дороги от нее к главной улице города. Предприниматели получили разрешение на реализацию данного проекта [13, л. 3-4].

Несмотря на то, что экономическому развитию Приамурья многие предрекали хорошее будущее, торговля в крае, в т.ч. и иностранная не получила значительного развития. Амур не стал, вопреки желанию иностранцев, торговым путем в Сибирь и Маньчжурию в силу нескольких причин. Во-первых, российский торговый флот в изучаемый период не был развит, иностранным же судам было запрещено плавание по Амуру выше Мариинска (с 1858 г. выше Софийска). Поэтому иностранные коммерсанты были вынуждены ограничиваться в основном торговлей в Николаевске, а также небольшой по объему оптовой торговлей с русскими, ведущими торговлю вверх по течению Амура.

Во-вторых, сдерживающим фактором для развития торговли в Приамурье был запрет китайского правительства торговли по р. Сунгари, что делало невозможным выход на рынок Маньчжурии. К причинам медленного развития экономики региона можно отнести малонаселенность края, неразвитость в нем путей сообщения. Существовал и ряд объективных причин, сдерживающих торговлю в Приамурье. Это суровый климат, продолжительная зима (навигация в

среднем, продолжалась 4 месяца в году), мелко-водный, опасный для судоходства амурский лиман.

Перенос в 1872 г. главного российского военного порта на Тихом океане из Николаевска-на-Амуре во Владивосток коренным образом изменил ситуацию с иностранной торговлей на российском Дальнем Востоке. Николаевск, в связи с этим потерял свое значение основного пункта ввоза иностранных товаров. Основным проникновения иностранного капитала на российский Дальний Восток, начиная с 70-х гг. XIX в. стал порт Владивосток, где обосновались крупнейшие иностранные и российский торговые фирмы.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что Приамурье в середине XIX в. стало местом притяжения иностранных предпринимателей, которые искали здесь новые рынки сбыта и возможность транзитной торговли по Амуру с Сибирью и Северо-Восточным Китаем. Российское правительство поощряло деятельность американских и немецких предпринимателей. Английским и французским предпринимателям доступ сюда был закрыт т.к. отношения России с этими странами в результате Крымской войны были испорчены. Иностранные предприниматели действовали в Приамурье по разрешению и под контролем российских властей. Деятельность иностранцев строго регламентировалась в интересах развития и безопасности недавно присоединенного к России Приамурья. В целом, иностранные предприниматели в 50-60-х гг. XIX в. играли заметную роль в социально-экономическом развитии Приамурья и снабжении жителей Николаевска и российских поселений на Амуре необходимыми товарами.

Литература

1. Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX в. М.: Изд-во «Наука», 1982. 288 с.
2. Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам: (материалы к биографии). Кн.2. М.: Синодальная типография, 1891. 322 с.
3. Восточное Поморье. 1865. 23 октября
4. Восточное Поморье. 1866. 15 апреля
5. Мартышкин С.А. Российско-американские отношения: из истории становления и развития // Вестник СамГУ. 2012. № 8.1. С. 100 – 103.
6. Молчанова Е.Г. Деятельность немецкого предпринимателя Фридриха Августа Людорфа на российском Дальнем Востоке в 50-70-х гг. XIX в. // «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». 2017. Т. XIV. Вып. 2. С. 142 – 146.
7. Нестерова Е.И. Иностранные коммерческие агенты в Николаевске-на-Амуре (1856-1874 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1 (167). С. 65 – 72.
8. Пальмер А. Записка о Сибири, Маньчжурии и об островах северной части Тихого океана. СПб, 1906. 81 с.
9. РГА ВМФ Ф. 909. Оп.1. Д. 35.

10. РГИА Ф. 1265. Оп.6. Д. 96.
11. РГИА Ф. 1265. Оп.7. Д. 238.
12. РГИА ДВ Ф. 77. Оп.1. Д. 377.
13. РГИА ДВ Ф. 87. Оп.1. Д. 645.
14. Collins P. McD. Siberian journey down the Amur to the Pacific, 1856–1857. Madison: Univ. Wisconsin Press, 1962. 370 p.
15. Saul N.E. An Americans Siberian Dream // The Russian Review. 1978. Oct. Vol. 37. № 4. P. 405 – 420.

References

1. Alekseev A.I. Osvoenie russkimi ljud'mi Dal'nego Vostoka i Russkoj Ameriki do konca XIX v. M.: Izd-vo «Nauka», 1982. 288 s.
2. Barsukov I.P. Graf Nikolaj Nikolaevich Murav'ev-Amurskij po ego pis'mam, oficial'nym dokumentam, rasskazam sovremennikov i pechatnym istochnikam: (materialy k biografii). Kn.2. M.: Sinodal'naja tipografija, 1891. 322 s.
3. Vostochnoe Pomor'e. 1865. 23 oktjabrja
4. Vostochnoe Pomor'e. 1866. 15 aprelja
5. Martyshkin S.A. Rossijsko-amerikanskije otnoshenija: iz istorii stanovlenija i razvitija. Vestnik SamGU. 2012. № 8.1. S. 100 – 103.
6. Molchanova E.G. Dejatel'nost' nemeckogo predprinimatelja Fridriha Avgusta Ljudorfa na rossijskom Dal'nem Vostoke v 50-70-h gg. XIX v. «Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke». 2017. T. XIV. Vyp. 2. S. 142 – 146.
7. Nesterova E.I. Inostrannye kommercheskie agenty v Nikolaevske-na-Amure (1856-1874 gg.). Vestnik DVO RAN. 2013. № 1 (167). S. 65 – 72.
8. Pal'mer A. Zapiska o Sibiri, Man'chzhurii i ob ostrovah severnoj chasti Tihogo okeana. SPb, 1906. 81 s.
9. RGA VMF F. 909. Op.1. D. 35.
10. RGA F. 1265. Op.6. D. 96.
11. RGA F. 1265. Op.7. D. 238.
12. RGA DV F. 77. Op.1. D. 377.
13. RGA DV F. 87. Op.1. D. 645.
14. Collins P. McD. Siberian journey down the Amur to the Pacific, 1856–1857. Madison: Univ. Wisconsin Press, 1962. 370 p.
15. Saul N.E. An Americans Siberian Dream. The Russian Review. 1978. Oct. Vol. 37. № 4. R. 405 – 420.

*Molchanova E.G., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Pacific National University*

Development of the Amur region by Russia and foreign capital (50-60s of the 19th century)

Abstract: the purpose of this article is to study the interests of foreign powers in the Amur region in the 50–60s of the 19th century Russia at that time established itself on the Amur, the development and settlement of these lands began. The article deals with the question of how the relations between the Russian administration and foreign entrepreneurs in the region developed. The author focuses on the fact that due to the events of the Crimean War, English and French entrepreneurs in the 50-60s of the 19th century access to the Russian Far East was closed, while the representatives of the United States and German states were generally treated favorably by the Russian authorities. It is noted that the Russian authorities were interested in attracting them to supply the population and troops with the necessary goods, while providing various benefits. But despite this, the activities of foreign entrepreneurs working in the Amur region were strictly regulated and were under the control of the Russian administration. The article concludes that American and German entrepreneurs in the 50-60s of the 19th century played a significant role in the socio-economic development of the Amur region and the supply of necessary goods to the inhabitants of Nikolaevsk and Russian settlements on the Amur. The article also analyzes the reasons for the decline in the business activity of foreigners in the Amur region in the late 60s and early 70s of the 19th century.

Keywords: Amur region, Nikolaevsk-on-Amur, foreign capital, development of the Russian Far East, American entrepreneurs, German entrepreneurs, free port

For citation: Molchanova E.G. Development of the Amur region by Russia and foreign capital (50-60s of the 19th century). Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 120 – 124.

*Шляхов А.В., аспирант,
Самарский университет*

Историческая память о первой мировой войне на страницах журнала «Вопросы истории» (на примере 1952 года)

Аннотация: в настоящей статье на примере 1952 года представлены отдельные результаты одного из параграфов диссертационного исследования, посвященного трансформации исторической памяти о Первой мировой войне в России на страницах отечественных исторических журналов «Историк-марксист», «Борьба классов», «Исторический журнал» и «Вопросы истории» в период с 1926 по 1953 годы. *Объект* исследования – Первая мировая война в России; *предмет* – публикации о Первой мировой войне на страницах 12 номеров журнала «Вопросы истории» за 1952 год; *цель* – рассмотрение взглядов на Первую мировую войну на страницах журнала в указанный период. *Делается вывод о том, что в 1952 году сюжеты, связанные с Первой мировой войной, были представлены на страницах журнала «Вопросы истории» на постоянной основе (в среднем в каждом номере имелось около 1 соответствующей публикации, а как минимум в 9 из 12 номеров содержались публикации, связанные с Первой мировой войной).* В статье рассматривается, как указанные сюжеты были отражены в терминологической, содержательной и политической плоскостях. В частности, отмечаются наиболее часто используемые варианты названия войны; акцентируется внимание на таких гранях исторической памяти о Первой мировой войне, как причины и виновники войны, исторические параллели с прошедшими и возможными будущими событиями, положительная и отрицательная характеристики людей, событий, явлений и документов, различные противопоставления, методология. Отмечается внимание к сюжетам, связанным с США и ролью Америки в Первой мировой войне.

Ключевые слова: историческая память, историография Первой мировой войны, трансформация исторической памяти

Для цитирования: Шляхов А.В. Историческая память о первой мировой войне на страницах журнала «Вопросы истории» (на примере 1952 года) // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 125 – 132.

В 2024 году исполнится 110 лет с начала Первой мировой войны, что предположительно обусловит дополнительное внимание к вопросам, связанным с историографией одного из самых широкомасштабных вооруженных конфликтов в мировой истории.

В настоящей статье рассматривается, каким образом на страницах журнала «Вопросы истории» была отражена историческая память о Первой мировой войне в 1952 году (год XIX-ого съезда партии, переименования ВКП (б) в КПСС, испытания США водородной бомбы, победы Д.Эйзенхауэра на президентских выборах в США, забастовки сталелитейщиков в США).

К числу источников, которые формировали и (или) формируют историческую память о Первой мировой войне в России, могут быть отнесены зафиксированные свидетельства очевидцев (письма, дневники), материалы делопроизводства, нормативные акты, мемуары, художественная проза, поэтические произведения, театральные постановки, научные работы (в том числе монографии, диссертационные исследования), материалы личных фондов историков, исторические и неисторические журналы, живопись, архитектура, кино, материалы периодической печати, видеоигры, телеграм-каналы и многие другие источники.

Журнал «Вопросы истории» является одним из важных источников формирования исторической памяти о Первой мировой войне в России.

При этом для целей статьи принимается определение исторического источника как объективированного результата творческой деятельности человека, как реализованного продукта человеческой психики, пригодного для изучения фактов с историческим значением [1, 2].

На основе «сплошного» анализа статей из номеров журнала «Вопросы истории» за 1952 год из многочисленных публикаций выбирались те, где затрагивалась проблематика, связанная с Первой мировой войной.

Анализ содержания журнала «Вопросы истории» за 1952 год свидетельствует, что на страницах 12 номеров журнала было размещено 218 публикаций (содержание номера и технические исправления при подсчете числа публикаций во внимание не принимались). При этом как минимум в 9 из 12 номеров журнала «Вопросы истории» содержались публикации, подпадающие под предмет нашего исследования (75%), а из 218 публикаций тематика 12 публикаций была связана с Первой мировой войной (7%). Соответственно, в среднем в каждом номере имелось около 1 публикации, которая подпадает под предмет нашего исследования (табл. 1).

Таблица 1

**Историческая память о Первой мировой войне на страницах
журнала «Вопросы истории» в 1952 году**

Год	Номер журнала	Общее количество публикаций (без учета содержания и технических исправлений)	Количество публикаций в журнале, подпадающих под предмет исследования	%
1952	1	10	1	10
	2	16	2	13
	3	14	–	–
	4	12	–	–
	5	14	1	7
	6	17	2	12
	7	14	2	14
	8	18	1	6
	9	18	1	6
	10	10	–	–
	11	12	1	8
	12	18	1	6
Среднее число публикаций в номере, подпадающих под предмет исследования				1

В первом номере журнала «Вопросы истории» привлекает внимание статья о Ленине и американском рабочем движении, в которой Первая мировая война характеризовалась как «империалистическая война», «империалистская война», «европейская война», «война 1914-1918 годов», «мировая война», «мировая империалистическая война», «мировая империалистическая война 1914-1917 годов», «первая мировая империалистическая война», а также «первая мировая война»; война трактовалась как «кровавая империалистическая бойня»; в качестве виновников Первой мировой войны назывались империалисты всех стран; память о Первой мировой войне связывалась с Циммервальдской конференцией 1915 года, Кинтальской конференцией 1916 года, февральской революцией, октябрьской революцией, лозунгом превращения империалистической войны в гражданскую, «14 пунктами» В.Вильсона, Парижской мирной конференцией, а также именами политических деятелей (например, В.Вильсон, В.И. Ленин, И.В. Сталин); проводилась параллель между Первой, Второй и возможной Третьей мировыми войнами с точки зрения человеческих жертв и расходов (в т.ч. делался прогноз о возникновении вопроса о замене капиталистического строя социалистическим), а также косвенная параллель между Первой и возможной Третьей мировыми войнами с точки зрения роста милитаризации и бюрократизации государственного аппарата в США; приводилась точка зрения о враждебной по отношению к России политике США в годы Первой мировой войны (в т.ч. говорилось о планах Америки по расчленению территории Российской им-

перии); высказывалось мнение, что финансовая олигархия США пытается развязать новую мировую войну; отмечалась тенденция превращения США к началу Первой мировой войны в страну-кредитора [8].

Во втором номере журнала «Вопросы истории» привлекают внимание статья о государственном регулировании промышленности в США в 1917-1918 годах [3] и библиографическая статья о книге, посвященной анализу взаимосвязи столыпинской аграрной реформы и состава рабочего класса Московской губернии [7].

В статье о государственном регулировании промышленности в США в 1917 – 1918 годах Первая мировая война характеризовалась как «империалистическая война», «империалистическая бойня 1914-1916 годов», «первая мировая империалистическая война», а также «первая мировая война»; война трактовалась как событие, ускорившее развитие капитализма и его превращение в государственно-монополистический капитализм; память о Первой мировой войне связывалась со вступлением США в войну, февральской революцией, октябрьской революцией, династией Романовых, Антантой, Четверным союзом, созданием в США Совета национальной обороны и консультативной комиссии при нем, а также именами американских политических, финансовых и общественных деятелей (например, президент США В.Вильсон, президент железнодорожной компании Балтимора – Огайо Д.Виллард, финансист Б.М. Барух, промышленник Г.Э. Коффин, бизнесмен Ю. Розенвальд, президент Американской федерации труда С. Гомперс, хирург Ф. Мартин, писа-

тель и инженер Х. Годфри; семейства Морганов, Дюпонов, Рокфеллеров, Ламонтов); проводилась параллель между агрессивной политикой США в годы Первой мировой войны и современным периодом (на примере участия Б.М.Баруха в комиссии при Совете национальной обороны и современной американской «атомной дипломатией»); негативным образом оценивалась политика США во время Первой мировой войны (в т.ч. с точки зрения использования американским большим бизнесом войны как предлога для поглощения средних и мелких фирм – на примерах деятельности компаний: United States Steel, American Telephone and Telegraph, Standard Oil, Anaconda Copper Mining Company, Calumet and Hecla Mining Company, DuPont); приводилась точка зрения о том, что вступление США в Первую мировую войну было обусловлено интересами американского бизнеса; утверждалось, что Первая мировая война превратила США в самую сильную и богатую державу капиталистического мира (в т.ч. упоминалось о тезисе В.И.Ленина о превращении США из должника в мирового кредитора и о тезисе И.В.Сталина о перемещении центра финансовой эксплуатации из Европы в Америку); высказывалось мнение о том, что по итогам Первой мировой войны финансовая олигархия США вознамерилась завоевать мировое господство; приводилась точка зрения об ухудшении положения американских рабочих во время Первой мировой войны [3]. В библиографической статье о книге, посвященной анализу взаимосвязи столыпинской аграрной реформы и состава рабочего класса Московской губернии, Первая мировая война характеризовалась как «первая мировая империалистическая война»; приводилась точка зрения о том, что накануне Первой мировой войны доля «потомственных» пролетариев в Москве (т.е. рабочих, родившихся в Москве и работавших на московских предприятиях) составляла около 10% [7].

В пятом номере журнала «Вопросы истории» привлекает внимание статья о газете «Правда», в которой Первая мировая война характеризовалась как «империалистическая война», «империалистическая война 1914-1918 годов», «мировая война», «мировая империалистическая война», «первая империалистическая война», «первая мировая империалистическая война»; в качестве виновников Первой мировой войны назывались империалистические страны, проводившие гонку вооружений; память о Первой мировой войне связывалась с деятельностью газеты «Правда», февральской революцией, октябрьской революцией, а также именами политических деятелей (например, В.И. Ленин, И.В. Сталин) [11].

В шестом номере журнала «Вопросы истории» привлекают внимание заметка об американских фальсификаторах истории [5] и первая часть тематического обзора диссертаций, защищенных в СССР в 1945-1950 годах [12].

В заметке об американских фальсификаторах истории Первая мировая война характеризовалась как «война 1914-1918 годов», «мировая война», а также «первая мировая война»; память о Первой мировой войне связывалась с Версальским договором, а также именами политических деятелей (например, В.Вильсон); приводилась точка зрения об ангажированности исторической науки в США и фальсификации истории международных отношений в целях подготовки Третьей мировой войны [5]. В первой части тематического обзора диссертаций, защищенных в СССР в 1945-1950 годах, Первая мировая война характеризовалась как «империалистическая война», «первая империалистическая война», «первая мировая империалистическая война», «первая мировая империалистическая война 1914-1918 годов», а также «первая мировая война»; память о Первой мировой войне связывалась с Бухарестским мирным договором 1913 года, Сараевским убийством, российско-германскими отношениями накануне войны, деятельностью Германии и Турции на Кавказе накануне войны, революционным движением рабочих в России накануне войны, деятельностью большевиков по превращению войны империалистической в войну гражданскую (в т.ч. деятельность московской, харьковской, киевской, саратовской и самарской большевистских организаций), русской армией и флотом накануне войны, деятельностью прогрессивного блока, деятельностью военно-промышленных комитетов, деятельностью Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, Среднеазиатским восстанием 1916 года, февральской революцией, борьбой за бакинскую нефть, вопросом о Константинополе и черноморских проливах, а также именами политических деятелей (например, В.И. Ленин); положительную коннотацию получает деятельность большевиков, негативную – деятельность военно-промышленных комитетов [12].

В седьмом номере журнала «Вопросы истории» привлекают внимание статья о государственной деятельности Ленина в области культурного строительства в 1917-1920 годах [10] и вторая часть тематического обзора диссертаций, защищенных в СССР в 1945-1950 годах [13].

В статье о государственной деятельности Ленина в области культурного строительства в 1917-1920 годах Первая мировая война характеризовалась как «империалистическая война» и «первая мировая война»; негативным образом оценивалась

политика США, Англии, Франции, Японии и Германии по отношению к России [10]. Во второй части тематического обзора диссертаций, защищенных в СССР в 1945-1950 годах, Первая мировая война характеризовалась как «война 1914-1918 годов», «первая империалистическая война», а также «первая мировая война»; память о Первой мировой войне связывалась с англо-германским морским соперничеством, антироссийской политикой Германии до и во время войны, деятельностью социалистической партии во Франции накануне войны, Агадирским кризисом 1911 года, Потсдамским соглашением 1911 года, Союзом Спартака, участием Болгарии в войне (вступление в войну, поражение, Владайское восстание), деятельностью Ватикана между двумя мировыми войнами, 21 требованием Японии к Китаю, революционным движением в Китае, политикой Ирана в годы войны, политикой США в годы войны, Парижской мирной конференцией, интервенцией в Россию в 1919 году, дипломатической борьбой внутри Антанты по вопросу о послевоенных германских репарациях, а также именами политических и финансовых деятелей (например, К.Либкнехт, Г.Крупп); получали негативную коннотацию национальная политика Германии в годы Первой мировой войны, Парижская мирная конференция, а также политика Австро-Венгрии [13].

В восьмом номере журнала «Вопросы истории» привлекает внимание обзор вопросов исторической науки на страницах выходящего в ГДР журнала «История в школе» (1948-1951 годы), в котором Первая мировая война характеризовалась как «первая мировая империалистическая война» и «первая мировая война»; с методологической точки зрения, приемы преподавания истории в средних школах ФРГ подвергались критике с точки зрения насаждения милитаризма и замалчивания периода Первой мировой войны; кроме того, говорилось о ряде работ, посвященных разработке проблематики Первой мировой войны (например, немецкая политика «Drang nach Osten», деятельность Р.Люксембург и Ф.Меринга до войны, поражение Германии и ноябрьская революция) [4].

В девятом номере журнала «Вопросы истории» привлекает внимание статья о соглашении Лансинга – Исии 1917 года, в которой Первая мировая война характеризовалась как «империалистическая война», «империалистическая бойня», «мировая война», а также «первая мировая война»; память о Первой мировой войне связывалась с соглашением Лансинга – Исии 1917 года, подводной войной, вступлением США в войну, Парижской мирной конференцией, «14 пунктами» В.Вильсона, а также именами политических деятелей (например, президент США В.Вильсон, гос-

ударственный секретарь США Р.Лансинг; министр иностранных дел Великобритании А.Бальфур; японский дипломат Кикудзиро Исии; китайские военные и политические деятели Юань Ши-кай, Дуань Цижуй, Ли Юаньхун); проводилась параллель между интересами и политикой США в Латинской Америке (доктрина Монро) и интересами и политикой Японии в Китае (21 требование и «азиатский вариант доктрины Монро» как особое позиция Японии в Китае); получали негативную оценку политика США и Японии в годы войны, соглашение Лансинга – Исии 1917 года, фигура В.Вильсона и его «14 пунктов»; приводилась точка зрения о лояльности Японии по отношению к политике Антанты; высказывалось мнение о том, что вступление США в Первую мировую войну было обусловлено их стремлением к завоеванию мирового господства; утверждалось, что отвлечение Германии, Англии, Франции и царской России военными действиями в Европе в годы Первой мировой войны способствовало разворачиванию острой борьбе за Китай между США и Японией; говорилось о наличии противоречий между империалистическими державами (в т.ч. между США и Японией) [9].

В одиннадцатом номере журнала «Вопросы истории» привлекает внимание статья о рабочем классе в Аргентине в 1918-1922 годах, в которой Первая мировая война характеризовалась как «европейская война», «империалистическая война», «первая мировая война», а также трактовалась как «бизнес буржуазии»; в качестве причины Первой мировой войны называлась капиталистическая система экономических отношений; приводилась точка зрения о том, что Первая мировая война содействовала значительному развитию аргентинской промышленности [6].

В двенадцатом номере журнала «Вопросы истории» привлекает внимание тематический обзор диссертаций, утвержденных ВАК в 1951 году, в котором Первая мировая война характеризовалась как «империалистическая война», «первая империалистическая война», «первая мировая империалистическая война», а также «первая мировая война»; память о Первой мировой войне связывалась с деятельностью большевиков (в т.ч. лозунгом В.И.Ленина о превращении войны империалистической в войну гражданскую), франко-российскими отношениями накануне войны, рабочим движением в Сербии накануне войны, а также именами политических деятелей (например, В.И.Ленин, И.В.Сталин) [14].

Таким образом, результаты анализа публикаций в 1952 году свидетельствуют о следующем.

В 1952 году в журнале «Вопросы истории» Первая мировая война характеризовалась как

«война 1914-1918 годов», «европейская война», «мировая война», «мировая империалистическая война», «империалистическая война», «империалистическая война», «империалистическая война 1914-1918 годов», «империалистическая бойня», «империалистическая бойня 1914-1916 годов», «первая империалистическая война», «первая мировая империалистическая война 1914-1918 годов», «мировая империалистическая война 1914-1917 годов», «мировая империалистическая война», «первая мировая империалистическая война» и «первая мировая война».

При этом Первая мировая война трактовалась как «кровавая империалистическая бойня», «бизнес буржуазии», а также как событие, ускорившее развитие капитализма и его превращение в государственно-монополистический капитализм.

В качестве причины Первой мировой войны называлась капиталистическая система экономических отношений, а в качестве виновников – империалистические государства, проводившие гонку вооружений.

Память о Первой мировой войне связывалась с различными группами явлений, имен и историко-политических процессов.

Во-первых, память о Первой мировой войне связывалась с именами политических, дипломатических, финансовых и общественных деятелей (например, В. Вильсон, Р. Лансинг; А. Бальфур; Кикудзиро Исии; Юань Ши-кай, Дуань Цижуй, Ли Юаньхун; Д. Виллард, Б.М. Барух, Г.Э. Коффин, Ю. Розенвальд, С.Гомперс, Ф.Мартин, Х. Годфри; семейства Морганов, Дюпонов, Рокфеллеров, Ламонтов; Р. Люксембург, К. Либкнехт, Ф. Меринг; Г. Крупп; В.И. Ленин, И.В. Сталин).

Во-вторых, память о Первой мировой войне связывалась с различными историческими событиями, а также политическими явлениями, процессами и институтами (например, февральская и октябрьская революция 1917 года в России; ноябрьская революция в Германии; Сараевское убийство; династия Романовых; Антанта и Четверной союз; антироссийская политика Германии до и во время войны; военно-дипломатическая ситуация в России и мире накануне войны, в т.ч. российско-германские и франко-российские отношения, русская армия и флот, деятельность Германии и Турции на Кавказе, революционное движение рабочих в России, деятельность социалистической партии во Франции, рабочее движение в Сербии; деятельность прогрессивного блока, военно-промышленных комитетов, Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам; деятельность газеты «Правда»; деятельность большевиков, в т.ч. деятельность московской, харьковской, киевской, саратовской и самарской

большевистских организаций; борьба за бакинскую нефть; англо-германское морское соперничество, в т.ч. подводная война; Союз Спартака; вопрос о Константинополе и черноморских проливах; вступление США в войну, создание в США Совета национальной обороны и консультативной комиссии при нем; деятельность Ватикана между двумя мировыми войнами; 21 требование Японии к Китаю; революционное движение в Китае; политика Ирана в годы войны; участие Болгарии в войне, в т.ч. вступление в войну, поражение, Владдайское восстание 1918 года; «14 пунктов» В.Вильсона; интервенция в Россию в 1919 году; дипломатическая борьба внутри Антанты по вопросу о послевоенных германских репарациях; лозунг превращения империалистической войны в гражданскую).

Приводилась точка зрения о влиянии Первой мировой войны на различные политические регионы (например, отвлечение Германии, Англии, Франции и царской России военными действиями в Европе в годы войны способствовало разворачиванию острой борьбе за Китай между США и Японией; значительное развитие аргентинской промышленности).

Утверждалось, что накануне Первой мировой войны доля «потомственных» пролетариев в Москве (т.е. рабочих, родившихся в Москве и работавших на московских предприятиях) составляла около 10%.

В-третьих, память о Первой мировой войне связывалась с дипломатическими кризисами и восстаниями (например, Среднеазиатское восстание 1916 года, Агадирский кризис 1911 года).

Наконец, память о Первой мировой войне связывалась с международными договорами (документами) и конференциями (например, Потсдамское соглашение 1911 года, Бухарестский мирный договор 1913 года, Международная социалистическая конференция в Циммервальде 1915 года, Кинтальская конференция 1916 года, соглашение Лансинга – Исии 1917 года, Парижская мирная конференция, Версальский мирный договор 1919 года).

Высказывалось мнение о наличии противоречий между империалистическими державами (в т.ч. между США и Японией), а также о лояльности Японии по отношению к политике Антанты.

Проводились различные группы параллелей, связанные с событиями Первой мировой войны.

Во-первых, проводилась параллель между Первой мировой войной и событиями, явлениями, процессами после Первой мировой войны и до текущего момента (например, параллель между Первой и Второй мировыми войнами с точки зрения человеческих жертв и расходов; параллель

между агрессивной политикой США в годы Первой мировой войны и современным периодом (на примере участия Б.М.Баруха в комиссии при Совете национальной обороны и современной американской «атомной дипломатией»); параллель между интересами и политикой США в Латинской Америке (доктрина Монро), и интересами и политикой Японии в Китае (21 требование и «азиатский вариант доктрины Монро» как особое позиция Японии в Китае).

Во-вторых, проводилась параллель между событиями Первой мировой войны и возможными будущими событиями, явлениями, процессами (например, параллель между Первой, Второй и возможной Третьей мировыми войнами с точки зрения человеческих жертв и расходов, в т.ч. прогноз о возникновении вопроса о замене капиталистического строя социалистическим; косвенная параллель между Первой и возможной Третьей мировыми войнами с точки зрения роста милитаризации и бюрократизации государственного аппарата в США).

Давалась положительная оценка деятельности большевиков, в т.ч. лозунга о превращении войны империалистической в войну гражданскую.

Негативным образом оценивались политика США, Англии, Франции, Японии и Германии по отношению к России; политика США и Японии в годы войны; использование американским большим бизнесом войны как предлога для поглощения средних и мелких фирм – на примерах деятельности компаний: United States Steel, American Telephone and Telegraph, Standard Oil, Anaconda Copper Mining Company, Calumet and Hecla Mining Company, DuPont; фигура В.Вильсона и его «14 пунктов»; деятельность военно-промышленных комитетов; национальная политика Германии в годы войны; соглашение Лансинга – Исии 1917 года; политика Австро-Венгрии; Парижская мирная конференция.

Приводилась точка зрения о враждебной по отношению к России политике США в годы Первой мировой войны (в т.ч. говорилось о планах Аме-

рики по расчленению территории Российской империи), о том, что вступление США в Первую мировую войну было обусловлено интересами американского бизнеса и стремлением к завоеванию мирового господства, а также о том, что финансовая олигархия США пытается развязать Третью мировую войну в целях завоевания мирового господства.

Говорилось о том, что Первая мировая война превратила США в самую сильную и богатую державу капиталистического мира (в т.ч. упоминалось о тезисе В.И.Ленина о превращении США из должника в мирового кредитора и о тезисе И.В.Сталина о перемещении центра финансовой эксплуатации из Европы в Америку).

Высказывалось мнение об ухудшении положения американских рабочих во время Первой мировой войны.

С методологической точки зрения, подвергались критике приемы преподавания истории в средних школах ФРГ (насаждение милитаризма, замалчивание периода Первой мировой войны); приводилась точка зрения об ангажированности исторической науки в США и фальсификации истории международных отношений в целях подготовки Третьей мировой войны; говорилось о ряде работ, посвященных разработке проблематики Первой мировой войны (например, немецкая политика «Drang nach Osten», деятельность Р. Люксембург и Ф. Меринга до войны, поражение Германии и ноябрьская революция).

В целом необходимо отметить, что в номерах журнала «Вопросы истории» за 1952 год имеет место акцентирование внимания на негативной роли США в Первой мировой войне, а также анализ проблематики в различных регионах мира (азиатское направление внешней политики, латиноамериканское, европейское).

Таким образом, сюжеты, связанные с Первой мировой войной, были представлены на страницах журнала «Вопросы истории» в 1952 году на постоянной основе.

Литература

1. Данилевский И.Н., Добровольская Д.А., Казаков Р.Б. и др. Источниковедение: учеб. пособие / отв. ред. М.Ф. Румянцев. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. С. 90.
2. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2. С. 38.
3. Белявская И.А. Государственное «регулирование» промышленности американскими империалистами (1917-1918 гг.) // Вопросы истории. 1952. № 2. С. 111 – 127.
4. Васильева О.В. Журнал для историков в Германской Демократической Республике // Вопросы истории. 1952. № 8. С. 66 – 88.
5. Григорьев В.Г. Американские фальсификаторы истории внешней политики США // Вопросы истории. 1952. № 6. С. 118 – 130.
6. Ермолаев В.И. Подъем борьбы рабочего класса в Аргентине в 1918-1922 годах // Вопросы истории. 1952. № 11. С. 67 – 88.

7. Погребинский А.П. С.И.Антонова. Влияние столыпинской аграрной реформы на изменения в составе рабочего класса (по материалам Московской губернии 1906-1913 гг.) // Вопросы истории. 1952. № 2. С. 128 – 131.
8. Полетаев А.А. Ленин и американское рабочее движение // Вопросы истории. 1952. № 1. С. 82 – 105.
9. Попова Е.И. Сговор американского империализма с японским в 1917 году (Соглашение Лансинга – Исии). // Вопросы истории. 1952. № 9. С. 63 – 86.
10. Смирнов И.С. Государственная деятельность В.И.Ленина в области культурного строительства в 1917-1920 годах // Вопросы истории. 1952. № 7. С. 21 – 50.
11. Стучебникова М.Д. Большевистская «Правда» в годы подъема рабочего движения перед первой империалистической войной (1912-1914 годы) // Вопросы истории. 1952. № 5. С. 3 – 30.
12. Тематика диссертаций по вопросам истории, защищенных в СССР в 1945-1950 годах // Вопросы истории. 1952. № 6. С. 143 – 165.
13. Тематика диссертаций по вопросам истории, защищенных в СССР в 1945-1950 годах // Вопросы истории. 1952. № 7. С. 138 – 147.
14. Тематика диссертаций по вопросам истории СССР и всеобщей истории, утвержденных ВАК в 1951 году // Вопросы истории. 1952. № 12. С. 158 – 172.

References

1. Danilevskij I.N., Dobrovol'skaja D.A., Kazakov R.B. i dr. Istochnikovedenie: ucheb. Posobie. otv. red. M.F. Rumjanceva. M.: Izd. dom VShJe, 2015. S. 90.
2. Lappo-Danilevskij A.S. Metodologija istorii: v 2 t. M.: ROSSPJeN, 2010. T. 2. S. 38.
3. Beljavskaja I.A. Gosudarstvennoe «regulirovanie» promyshlennosti amerikanskimi imperialistami (1917-1918 gg.). Voprosy istorii. 1952. № 2. S. 111 – 127.
4. Vasil'eva O.V. Zhurnal dlja istorikov v Germanskoj Demokraticheskoj Respublike. Voprosy istorii. 1952. № 8. S. 66 – 88.
5. Grigor'ev V.G. Amerikanskije fal'sifikatory istorii vneshnej politiki SShA. Voprosy istorii. 1952. № 6. S. 118 – 130.
6. Ermolaev V.I. Pod'em bor'by rabocheho klassa v Argentine v 1918-1922 godah. Voprosy istorii. 1952. № 11. S. 67 – 88.
7. Pogrebinskij A.P. S.I.Antonova. Vlijanie stolypinskoj agrarnoj reformy na izmenenija v sostave rabocheho klassa (po materialam Moskovskoj gubernii 1906-1913 gg.). Voprosy istorii. 1952. № 2. S. 128 – 131.
8. Poletaev A.A. Lenin i amerikanskoe rabochee dvizhenie. Voprosy istorii. 1952. № 1. S. 82 – 105.
9. Popova E.I. Sgovor amerikanskogo imperializma s japonskim v 1917 godu (Soglasenie Lansinga – Isii). Voprosy istorii. 1952. № 9. S. 63 – 86.
10. Smirnov I.S. Gosudarstvennaja dejatel'nost' V.I. Lenina v oblasti kul'turnogo stroitel'stva v 1917-1920 godah. Voprosy istorii. 1952. № 7. S. 21 – 50.
11. Stuchebnikova M.D. Bol'shevistskaja «Pravda» v gody pod'emna rabocheho dvizhenija pered pervoj imperialisticheskoj vojnoj (1912-1914 gody). Voprosy istorii. 1952. № 5. S. 3 – 30.
12. Tematika dissertacij po voprosam istorii, zashhishhennyh v SSSR v 1945-1950 godah. Voprosy istorii. 1952. № 6. S. 143 – 165.
13. Tematika dissertacij po voprosam istorii, zashhishhennyh v SSSR v 1945-1950 godah. Voprosy istorii. 1952. № 7. S. 138 – 147.
14. Tematika dissertacij po voprosam istorii SSSR i vseobshhej istorii, utverzhdenykh VAK v 1951 godu. Voprosy istorii. 1952. № 12. S. 158 – 172.

*Shlyakhov A.V., Postgraduate,
Samara University*

**Historical memory of the First World War on the pages of
“Questions of History” journal (based on the example of 1952)**

Abstract: this article, using the example of 1952, presents individual results of one of the paragraphs of a dissertation research devoted to the transformation of the historical memory of the First World War in Russia on the pages of domestic historical journals "Historian-Marxist", "Struggle of Classes", "Historical Journal" and Questions of History between 1926 and 1953. The object of research is the First World War in Russia; subject - publications about the First World War on the pages of 12 issues of the journal "Questions of History" for 1952; the purpose is to consider the views on the First World War on the pages of the magazine during the specified period. It is concluded that in 1952 the plots related to the First World War were presented on the pages of the journal "Voprosy istorii" on an ongoing basis (on average, each issue had about 1 relevant publication, and at least 9 out of 12 issues contained publications related to the First World War). The article examines how these subjects were reflected in the terminological, content and political planes. In particular, the most frequently used variants of the name of the war are noted; attention is focused on such facets of the historical memory of the First World War as the causes and perpetrators of the war, historical parallels with past and possible future events, positive and negative characteristics of people, events, phenomena and documents, various oppositions, methodology. There is attention to the plots related to the United States and the role of America in the First World War.

Keywords: historical memory, historiography of the First World War, transformation of the historical memory

For citation: Shlyakhov A.V. Historical memory of the First World War on the pages of “Questions of History” journal (based on the example of 1952). Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 125 – 132.

*Семелева Е.В., доктор медицинских наук,
Елисейкина Е.В., ассистент,
Курмышева Т.В., кандидат биологических наук, доцент,
Попов Н.Н.,
Медицинский институт,
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва*

Институционализация демографии 20 века

Аннотация: становление демографии и оформление в самостоятельную научную дисциплину происходило в течение многих десятилетий. Демография вызывала интерес не только у ученых, демографов, статистиков, но и у государственных деятелей, политиков. Они стремились регулировать вопросы, касающиеся демографической политики, динамики и факторов смертности и рождаемости населения. Истоки зарождения демографии как науки прослеживаются уже в процессе изучения народонаселения. В мире интересовались социальными проблемами с давних времен. Демографическое поведение населения интерпретировалось в рамках такого подхода, как составная часть поведения, направленного на адаптацию к быстрым и часто неблагоприятным изменениям институциональной среды.

Ключевые слова: методы демографии, демографические взаимосвязи, методология прогнозирования

Для цитирования: Семелева Е.В., Елисейкина Е.В., Курмышева Т.В., Попов Н.Н. Институционализация демографии 20 века // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 133 – 136.

Актуальность

20 век стал свидетелем дальнейшего развития аналитических методов демографии, поскольку число специалистов, работающих в этой области, значительно возросло. Модели роста населения объединяют подходы к смертности и рождаемости. Стабильный популяционный анализ, который возник в работе Эйлера и был продолжен Лапласом, Лоткой, Ансли Коулом и Альваро Лопесом Торо; он был модифицирован для квазистабильных популяций Коулом, Полом Демени и Сэмюэлем Престоном. Математический анализ Натана Кейфица и других авторов исследовал дальнейшие демографические взаимосвязи [1, 4].

Реагируя на колебания темпов роста населения, методология прогнозирования численности населения разработала компонентные методы, основанные на работе 1895 года Эдвина Кэннана (1861-1935), подходы к логистической кривой из статьи 1920 года Раймонда Перла (1875-1940) и Лоуэлла Рида (1886-1966) и когортный анализ из статьи 1936 года Паскаля Уэлптона (1893-1964). Интерес к развивающимся странам после Второй мировой войны привел Уильяма Брасса (1921-1999) к разработке «косвенных» методов оценки показателей и тенденций смертности на основе ограниченных данных переписей и обследований. Этот прогресс позволил оценить рождаемость и смертность не только для современных стран, не имеющих регистрации актов гражданского состояния, но и для многих исторических популяций.

Основные результаты

До 20 века единственным смыслом, в котором демография была дисциплиной, был рост объема знаний, как теоретических, так и эмпирических, и некоторое преподавание этих знаний в университетских курсах, таких как статистика и экономика. Начиная с 1920-х годов, ситуация изменилась, поскольку Запад стал богаче, университетское образование расширилось в объеме и разнообразии, а интерес к демографическим явлениям стимулировался сначала евгеническим движением, а затем низким уровнем рождаемости на Западе во время экономической депрессии 1930-х годов.

В Соединенных Штатах фонды сыграли первоначальную роль в создании центра демографических исследований во главе с Уорреном Томпсоном (1887-1973) и Уэлптоном в Огайо в 1922 году и «Управления демографических исследований» под руководством Фрэнка Нотштейна (1902-1983) в Принстонском университете в 1936 году. «Мемориальный фонд Милбанка» в Нью-Йорке основал свое собственное бюро демографических исследований в 1928 году и в следующем году финансировал исследования по обследованию населения в Китае. В 1936 году в Великобритании был создан Комитет по расследованию народонаселения. Курсы по народонаселению проводились в Лондонской школе экономики с 1930-х годов на факультете социальной биологии, а с 1936 года – в Принстонском университете. В 1952 году в Австралийском национальном университете был создан выпускающий факультет демографии.

Демография боролась за то, чтобы ее признали полноценной и продолжающейся университетской дисциплиной, и ее существование в значительной степени зависело от профессиональных ассоциаций, специализированных журналов и конференций. Международный союз научных исследований проблем народонаселения был основан в 1928 году и был преобразован в «Международный союз научных исследований народонаселения» в 1947 году [2, 10]. Акцент на термин «научный», который не распространен в других дисциплинах, был призван показать, что исследования и преподавание членов не были предвзяты отношением к контролю над рождаемостью. В 1931 году была образована «Ассоциация народонаселения Америки». И у Международного союза, и ассоциации были периодические журналы, которые предоставляли ограниченные возможности для публикации, но в 1930-х и начале 1940-х годов в «The Milbank Memorial Fund» ежеквартально появлялось больше демографических статей [3, 8]. Позже появились специализированные журналы: «Population» во Франции в 1946 году, «Population Studies» в Великобритании в 1947 году, «Demography» в 1963 году и «Population and Development Review» в 1975 году в Соединенных Штатах. С момента своего создания Международный союз периодически проводил конференции с опубликованными материалами.

Значительный демографический рост во второй половине 20 века был в значительной степени результатом беспокойства по поводу «демографического взрыва» в развивающихся странах в период беспрецедентной международной технической помощи. Организация Объединенных Наций создала Отдел народонаселения в 1946 году, Совет по народонаселению был основан в 1952 году, а «Фонд Форда» выделил значительные средства на эту область, начиная с 1959 года. Позже правительства должны были стать еще большими источниками поддержки, благодаря «Агентству США по международному развитию» переход к масштабным финансовым вложениям в программы в области народонаселения, начиная с начала 1960-х годов [5, 9]. К концу 1960-х годов был создан «Фонд Организации Объединенных Наций в области народонаселения» (сегодня Фонд Организации Объединенных Наций в области народонаселения) [6, 7]. Центры демографических исследований с соответствующими учебными программами были созданы во многих университетах Соединенных Штатов и других западных стран. Они, как правило, фокусировались на рождаемости с сильным акцентом на развивающиеся страны. Организация

Объединенных Наций помогла создать центры демографических исследований и подготовки кадров в Азии, Латинской Америке и Африке. Стипендии, предоставляемые фондами, правительствами и международными агентствами, позволили многим студентам из развивающихся стран получить степень магистра в области народонаселения в западных университетах.

Демография оставалась неуверенной в своих дисциплинарных границах, особенно в том смысле, определяется ли она эмпирическими исследованиями и их анализом или может быть приравнена к более широкой области интеллектуальных исследований – демографическим исследованиям, которые включают причины и последствия демографических изменений. Если это так, то она претендует на звание социальной науки и нуждается в привлечении таких областей, как экономика, социология и антропология, для методологии и объяснений.

К 1970 году стало известно, что снижение рождаемости началось в большей части развивающегося мира, за исключением Африки к югу от Сахары. В начале 1980-х Фонд Форда прекратил финансирование области народонаселения, и населенные пункты, которые он поддерживал, предвидели трудности. С тех пор государственная и международная поддержка, как правило, переходит от преподавания и исследований в области демографии к программам планирования семьи в развивающихся странах. Населенным пунктам пришлось приспособиться к новым условиям. Некоторые из них проявили больший интерес к проблемам общественного здравоохранения в развитых странах. Кейфиц писал, что дальнейшая концентрация на методологии не принесет пользы и что существующую методологию следует применять к большим глобальным проблемам. Несколько демографических программ исчезли, но большинство из них перешли к большей интеграции в университетах. Исследования по развивающимся странам сократились. Демография более века была сосредоточена на изменении численности населения, и это изменение, по-видимому, остановилось, поскольку демографический переход приближался к концу с низкими и почти одинаковыми показателями рождаемости и смертности.

Выводы

Этой остановки не произошло, в результате чего демография в ее организованном институциональном состоянии, по-видимому, имеет гарантированное будущее. Причина этого заключается в том, что демографический переход

необязательно приводит к равным уровням рождаемости и смертности, но вместо этого может привести к очень низкой рождаемости и сокращению численности населения. К началу 21 века 44% населения мира проживало в странах с рождаемостью на уровне ниже долгосрочного уровня воспроизводства, и большая часть Европы

демонстрировала рождаемость значительно ниже этого уровня. В долгосрочной перспективе, и, вероятно, в первую очередь в Европе, интерес демографов будет сосредоточен на характере сокращения численности населения и эффективности мер по противодействию ему.

Литература

1. Елисеева И.И. Социальная статистика: учебник / под ред. чл.-кор. РАН И.И. Елисеевой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 2002. 480 с.
2. Мазис Ю.А. Российско-Американский семинар по исторической демографии России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 1996. С. 103 – 105.
3. Малинина Т.Б. Демография и социальная статистика: учебник и практикум. 1-е изд. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство ЮРАЙТ", 2020. 298 с.
4. Медков В.М. Демография: учебное пособие. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2002. 448 с.
5. Саак А.Э., Тагаев А.В. Демография: учебное пособие. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2003. 99 с.
6. Силина Д.О., Фомичева Ю.П. Из истории демографии / Марийский государственный университет: Студенческая наука и XXI век. 2017. С. 515 – 517.
7. Суслов И.П., Гражданников Е.Д. Основы социальной статистики: Курс лекций для студентов НГУ / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 1973. 317 с.
8. Суходолова К.А. Демографии трудовых ресурсов: история зарождения и становления / Байкальский государственный университет: Иркутский историко-экономический ежегодник. 2011. С. 365 – 373.
9. Чичиль Н.С. Демография: понимание подхода к демографии. 2017. № 3 (18). С. 98 – 99.
10. Щербаков А.И., Мдинарадзе М. Г., Назаров А.Д., Назарова Е.А. Демография: учебное пособие. ИНФА-М. Москва, 2019. 216 с.

References

1. Eliseeva I.I. Social'naja statistika: uchebnik. pod.red.chl.-kor.RAN I.I. Eliseevoj. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Finansy i statistika, 2002. 480 s.
2. Mazis Ju.A. Rossijsko-Amerikanskij seminar po istoricheskoj demografii Rossii. Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 1996. S. 103 – 105.
3. Malinina T.B. Demografija i social'naja statistika: uchebnik i praktikum. 1-e izd. Moskva: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju "Izdatel'stvo JuRAJT", 2020. 298 s.
4. Medkov V.M. Demografija: uchebnoe posobie. Rostov-na-Donu: «Feniks», 2002. 448 s.
5. Saak A.Je., Tagaev A.V. Demografija: uchebnoe posobie. Taganrog: Izd-vo TRTU, 2003. 99 s.
6. Silina D.O., Fomicheva Ju.P. Iz istorii demografii. Marijskij gosudarstvennyj universitet: Studencheskaja nauka i XXI vek. 2017. S. 515 – 517.
7. Suslov I.P., Grazhdannikov E.D. Osnovy social'noj statistiki: Kurs lekcij dlja studentov NGU. M-vo vyssh. i sred. spec. obrazovanija RSFSR. Novosib. gos. un-t. Novosibirsk, 1973. 317 s.
8. Suhodolova K.A. Demografii trudovyh resursov: istorija zarozhdenija i stanovlenija. Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet: Irkutskij istoriko-jekonomicheskij ezhegodnik. 2011. S. 365 – 373.
9. Chichil' N.S. Demografija: ponimanie podhoda k demografii. 2017. № 3 (18). S. 98 – 99.
10. Shherbakov A.I., Mdinaradze M. G., Nazarov A.D., Nazarova E.A. Demografija: uchebnoe posobie. INFA-M. Moskva, 2019. 216 s.

*Semeleva E.V., Doctor of Medical Sciences (Advanced Doctor),
Yeliseykina E.V., Assistant Professor,
Kurmysheva T.V., Candidate of Biological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Popov N.N.,
Medical Institute,
N.P. Ogarev National Research Mordovian State University*

Institutionalization of 20th century demography

Abstract: the formation of demography and its formation into an independent scientific discipline took place for many decades. Demography aroused interest not only among scientists, demographers, statisticians, but also among statesmen and politicians. They sought to regulate issues related to demographic policy, dynamics and factors of mortality and fertility of the population. The origins of demography as a science can be traced already in the process of studying population. The world has been interested in social problems since ancient times. Demographic behavior of the population was interpreted within the framework of such an approach as an integral part of behavior aimed at adapting to rapid and often unfavorable changes in the institutional environment.

Keywords: methods of demography, demographic relationships, forecasting methodology

For citation: Semeleva E.V., Yeliseykina E.V., Kurmysheva T.V., Popov N.N. Institutionalization of 20th century demography. Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 133 – 136.

*Стряпихина А.А., кандидат исторических наук,
Институт пищевых технологий и дизайна, филиал
Нижегородского государственного инженерно-экономического университета*

Роль неземледельческих заработков в жизни крестьян в 1920-е гг.

Аннотация: целью данной статьи является исследование роли неземледельческих заработков в жизни жителей сел и деревень в первое послереволюционное десятилетие. Хронологическими рамками исследования стали 1920-е гг. – время формирования новой политической и экономической конъюнктуры, классовой ломки, новых начал в культуре и быту. Отходничество 1920-х гг. было массовым, серьезно влияло на состояние городской безработицы и стало одной из причин начавшейся урбанизации. Многим крестьянам отходничество приносило хороший доход, хотя и сопровождалось определенными трудностями бытового и семейного характера. В статье проанализировано содержание крестьянских писем к властям, позволяющих наиболее ярко воспроизвести картину крестьянской повседневности после войн и революций, представлен анализ правовой базы по вопросам государственного регулирования отхода на заработки, рассмотрены особенности положения граждан, занимавшихся отхожими промыслами, на рынке труда 1920-х гг.

Кроме экономических факторов на отходничество влияли и факторы социального характера. Одним из них стало распространенное представление о том, что статус индустриального рабочего иметь выгоднее, что жить в городе лучше и легче, что проблемы крестьян для властей второстепенны по сравнению с интересами рабочими в городах.

Ключевые слова: отходничество, крестьяне, деревня, город, налоги, власть, труд

Для цитирования: Стряпихина А.А. Роль неземледельческих заработков в жизни крестьян в 1920-е гг. // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 137 – 141.

После распада СССР и разрушения колхозно-совхозной системы, роль сторонних заработков среди жителей сел, деревень и малых городов резко возросла. Сегодня, без работы, связанной с отъездом, часто не представляется возможным поддерживать нормальный уровень жизни сельской семьи. Современное отходничество все больше привлекает внимание исследователей различных наук и требует отдельного внимания от государства. Вследствие этого изучение исторического опыта отходничества представляется весьма актуальным.

Отхожие промыслы стали весьма распространенным явлением среди крестьянства со второй половины XIX в. Революционные события начала XX века, неудачи России в Первой мировой войне 1914-1918 гг., кровопролитная Гражданская война внутри страны замедлили темпы отходничества. Новый виток развития неземледельческих заработков крестьян пришелся на 1920-е гг., когда страна перешла к мирному времени.

Что влияло на развитие отхода? Во-первых, был отменен режим военного коммунизма, соответственно, уравнилительная система оплаты труда, трудовая повинность и продразверстка. Труд объявлялся добровольным, был разрешен свободный наем рабочей силы и мелкое предпринимательство, что в определенной степени мотивировало трудовую инициативность масс.

Во-вторых, искать заработок крестьян заставляла нужда. Многие крестьянские хозяйства были

разорены войной и политикой продразверстки. На уровне урожайности негативно сказывался недостаток сельскохозяйственного инвентаря и гужевой силы. Значительная часть жителей сел и деревень бедствовали в результате последствий поразившего страну голода в 1921-1923 гг. Особенно пострадавшим было признано Поволжье, где жертвами голода стали миллионы человек.

Кроме продовольственной проблемы, сельскому населению нужно было искать средства на оплату налогов. Крестьяне платили различные виды налогов, при этом после ломки прежней сословной структуры сложно было определить фактическое финансовое положение различных категорий налогоплательщиков, что приводило к перегибам и ошибкам в ходе сбора налогов. [4, с. 100].

В письменных обращениях крестьян к властям, поступавших в периодическую печать, часто содержались жалобы на несправедливость экономической политики. Вот строки из письма под заголовком «В Крестьянскую газету», без указания автора: «Напевали нам, что все будет наше, земля, леса, фабрики, заводы, все будет дешево, все за даром крестьяне будут пользоваться землей. Но семь лет прошло всего этого нет... а мы только знай отдай, не только за землю, но и за твою коровушку последнюю, какой же смысл крестьянину завести другую или третью ...» [2, с. 73].

Много вопросов у жителей сел и деревень вызывал введенный вместо продразверстки продовольственный налог. Ситуация осложнялась воз-

возможностью губернских властей устанавливать дополнительные местные поборы: «К продналогу добавили еще 36 процентов на местные нужды. Куда они пошли эти 36 процентов. Дети ходят в школу со своими карандашами, перьями, бумагой, чернилами. Заболевший крестьянин, если есть хлеб или деньги, покупает лекарство, нет – так и пропадай. Мосты разрушены. Если крестьяне сами не поправят, то 36 процентов и думать об этом не думают» [2, с. 125] – писал крестьянин Пинищенков Могилёвского округа Гомельской губернии.

Сбор налогов зачастую осуществлялся военно-коммунистическими методами. За уклонение от налога могли оштрафовать, посадить в тюрьму, конфисковать имущество.

Еще одним фактором, обусловившим увеличение неземледельческого отхода, стала специфика взаимоотношения между городом и деревней в 1920-е гг. Для данного периода характерен термин «ножницы цен», когда цены на промышленные товары были на порядок выше цен на сельскохозяйственную продукцию. Сельскохозяйственный инвентарь стоил дорого, преобладающая масса крестьян по-прежнему обрабатывала землю «постаринке», не имея возможности серьезно облегчить свой труд и улучшить хозяйство. При этом в промышленности наблюдался рост заработной платы. Л.Е. Минц, возглавлявший в 1920-е гг. отдел статистики труда Народного комиссариата труда СССР, приводил данные, что средний заработок в промышленности вырос с 13,56 рублей в 1 квартале 1922/23 г. до 20,82 рублей в январе 1924 г. [6, с. 30].

Многие крестьяне стремились в города икать лучшей доли, были убеждены, что жить в городе лучше и легче, чем в деревне, что новая власть помогает прежде всего рабочим, а не крестьянам: «Крестьянин по наступлении весны, с утра и до позднего вечера 18-19 часов в сутки глотая пыль работает...и в результате за понесенный труд получает гроши, рабочий же... работает только 8 часов в сутки. Дальше крестьянин собирает единственный заработок...урожай из которого 80% собранного хлеба для уплаты сельхозналога сбывает на рынке по цене 50–60 коп. за пуд, а сами весной покупают в 5–6 раз дороже...Рабочий же этого не делает от своего единого заработка, кроме вычета членских взносов которые вносятся на добровольных началах. Крестьяне желая передти на культурную обработку земли с него требуется землеустроительная плата...А в случае поломки завода ... ремонт производится в общем порядке, но ничуть не за счет работника...» [2, с. 75] – обращался к властям крестьянин Василий Росляков села Вырыпаевка Ульяновской губернии в июне 1925 г... Многие жители сел и деревень желали не только найти работу, но и переехать жить в город на постоянной основе.

Рассмотренные выше обстоятельства побуждали жителей сел и деревень искать дополнительный заработок в городах. На протяжении 1920-х гг. наблюдался стремительный рост численности граждан, занимавшихся отхожим промыслом. М. Панфилова приводила следующие данные о числе отходников:

Таблица 1

Число крестьян, уходящих на заработки (тыс.чел.) [7, с. 15]

1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
1.672.5	2.867.8	3.285.2	3.145.1	3.962.9	4.343.3

Наплыв крестьян-отходников на рынок труда стал одной из причин возникновения безработицы в городах.

Таблица 2

Распределение городских и сельских безработных в 1924 г. [5, с. 85]

Группа безработных	Из города, в %	Из сельской местности, в %
Индустриальные рабочие	7,7	20,7
Интеллигентного труда	11,9	8,0
Чернорабочие	6,0	25,1

Доминирование вначале 1920-х гг. на рынке труда граждан, не имеющих четкой профессии, образования, стажа, придавало безработице в городах затяжной характер. На биржах скапливались очереди, работу получали, в первую очередь, квалифицированные кадры. Спрос на труд крестьян-отходников носил, главным образом, сезонный характер. Быстрее всего отходники могли найти

работу во время открытия навигации и строительного сезона.

В вопросе правового регулирования движения отходников в 1920-х гг. можно выделить несколько ключевых моментов. Согласно Кодексу о труде РСФСР 1922 года трудоустройство должно было в обязательном порядке осуществляться через надлежащий орган Народного Комиссариата Труда, т.е. биржу труда [3]. Поэтому первоначально, к

регистрации на бирже допускались все желающие, в том числе выходцы из сел и деревень. Однако в условиях быстрого роста безработицы, в практику работы бирж были внесены изменения.

Так, для разгрузки работы бирж Наркомат труда постановлением от 7 августа 1924 г. регламентировало снять с учета бирж труда и больше не регистрировать лиц, совсем не имеющих трудового стажа, а также неквалифицированных рабочих, стаж работы которых был менее 3 лет и советских служащих, проработавших менее 5 лет. [10, с. 161]. После введения постановления в работу случаи, когда биржи отказывали в регистрации приезжим гражданам, искавшим работу. [9, с. 53] .

Такая практика вызвала критику в обществе. Л.Е. Минц писал: «Невозможно представить, чтобы целые категории лиц, ищущих труда, были исключены, и им не была бы предоставлена возможность каких бы то ни было организаций для поиска себе работы. Кроме того, государство не может пройти мимо наплыва рабочей силы из сельского хозяйства... Это противоречило бы политике государства в области смычки города с деревней. Нельзя создавать привилегии для некоторых категорий городских рабочих в пользовании бесплатными государственными органами по посредничеству и исключать другие категории, как городские, так и сельские, предоставив их самим себе» [8, с. 23].

В 1925 г. такой подход был пересмотрен, к регистрации на бирже труда вновь стали допускаться все граждане, желающие найти или сменить работу.

Вопрос кадрового обеспечения промышленности, строительства, транспорта, сезонных работ являлся повесткой дня для властей со второй половины 1920-х гг., после взятия курса на индустриализацию. Задачи государства по регулированию труда отходников состояли в том, чтобы упорядочить движение занимавшихся поиском работы крестьян и обеспечить сезонные работы постоянными кадрами.

Для решения этих задач с 1926 г. в сельских местностях для управления движением крестьян, ищущих заработка, стали работать корреспондентские пункты. Корреспондентские пункты, фактически, выполняли функционал бирж труда для отходников. Направления их работы состояли в сборе информации о местах работы и числе требовавшихся работников, своевременном информировании и направлении сезонников в места спроса, предотвращении стихийного отхода. Важно было в полной мере обеспечить кадрами такие сезонные работы, как лесозаготовки, строительство, перевозки, сельскохозяйственные работы.

В дополнение к этим мерам были внесены изменения в вербовочную систему. 11 апреля 1927 года было выпущено постановление «О мероприятиях по регулированию вербовочных мероприятий», которое предусматривало предварительное заключение договоров между биржами труда и нанимателями на вербовку рабочих. В договоре подробно прописывались условия труда и найма, обязательства сторон [11, ст. 219].

Данные меры упорядочили движение сезонников. Крестьяне-отходники могли выбрать место работы, исходя из близости к дому, сократились случаи, когда крестьянин прибывал в местность, где уже имелась рабочая сила в избытке.

Общими недостатками работы в этом направлении следует считать нехватку числа корреспондентских пунктов и вербовка рабочих, не соответствующих спросу нанимателя.

Среди отходников наибольшим спросом нанимателей пользовались плотники, строители, каменщики. Мастера своего дела стремились обучить данному ремеслу родных, дальновидно полагая, что это всегда позволит прокормить семью, навыки передавались из поколения в поколение [12, с. 111].

Неземледельческие заработки, безусловно, были большой помощью для крестьян, особенно в случае засухи и неурожая, на заработанные деньги крестьяне покупали предметы быта, одежду и обувь, домашнюю утварь, начинали строительство, улучшали хозяйство. Однако наладить отхожий промысел было нелегко. Отходникам приходилось сталкиваться как с тяжелыми условиями труда, так и сложностями быта. Частое отсутствие крестьян дома вызывало вопросы при наделении их земель, вносило разлад в семью, снижало производительность крестьянского двора.

Влияние отходничества на деревню является двояким. С одной стороны, отходничество подрывало патриархальный уклад, традиции, привычный образ жизни. Одновременно способствовало росту социокультурных связей между городом и деревней, преодолению замкнутости крестьянства, давало возможность изменить свою жизнь тем, кто этого желал. Отходничество усилило процесс урбанизации, вносило определенную динамику в крестьянскую повседневность.

Серьезные изменения в процесс отходничества внес переход к сплошной коллективизации крестьянства. С одной стороны, требовалось обеспечить кадрами сезонные отрасли, строительство, транспорт, промышленность. Промышленность испытывала потребность не только в квалифицированных рабочих, но и в обслуживающем персонале. С другой стороны, организация крупных коллективных хозяйств на селе требовало ра-

бочих рук для строительства новой инфраструктуры на селе, работы на сельскохозяйственных машинах, на полях, на фермах, в аппарате управления.

В статье И.В. Волошиновой «Изучение состояния рынка труда в СССР в 1920-1930-е гг.» приводятся данные, что по распоряжению властей в конце 1930 – начале 1931 г. нескольким организациям (Научно-исследовательскому колхозному институту, Аграрному институту Комкадемии, Колхозцентру) было поручено провести специальные подсчеты о состоянии трудовых ресурсов в деревнях. Проведенная работа показала, что деревня обладает достаточным резервом людских ресурсов, как для сельского хозяйства, так и для других отраслей экономики и промышленности [1,

с. 41]. Колхозам не разрешалось препятствовать отходу, при этом условия отходничества существенно менялись. Постановлением ЦИК СССР N 10, СНК СССР N 458 от 30.06.1931 "Об отходничестве" вводилось обязательное условие – наличие между колхозом и хозяйственным учреждением, принимающим работника, специального договора, что ознаменовало окончательное свертывание стихийного отходничества и введение организованного набора. Таким образом, отходничество в его классическом понимании как самостоятельный уход на заработки вначале 1930-х гг. уступает место организованной системе набора кадров на договорной основе с применением механизмов упорядоченного распределения, направления и учета.

Литература

1. Волошинова И.В. Изучение состояния рынка труда в СССР в 1920-1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 38 – 43.
2. Крестьянские истории: Российская деревня 1920-х гг. в письмах и документах / Сост. Крюкова С.С. М.:РОССПЭН, 2001. 232 с.
3. Кодекс о труде 1922. URL <https://docs.cntd.ru/document/901857831> (дата обращения: 01.12.2022)
4. Миллер Н.В. Особенности налоговой политики государства в период НЭПа // Вестник Омского университета. Серия: экономика. 2003. №1. С.100–104
5. Минц Л.Е. Движение безработицы в 1923/24 гг. // Экономическое обозрение. 1924. №11. С. 82 – 86.
6. Минц Л.Е. Рынок труда в России // Вопросы труда. 1924. № 5-6. С. 27 – 32.
7. Панфилова А.М. Формирование рабочего класса СССР в годы первой пятилетки (1928-1932 гг.) М., 1964. С. 15.
8. Минц Л. Рынок труда в связи с реорганизацией бирж труда // Вопросы труда. 1924. № 12. С. 23 – 27.
9. Моисеенко В.М. Отход сельского населения на заработки в СССР в 1920-е годы // Народнонаселение. 2017. № 3. С. 51 – 62.
10. Перечень важнейших законоположений, изданный отделом рынка труда за период времени с 15 июля по 15 августа 1924 г. // Вопросы труда. 1924. № 9. С. 161 – 162.
11. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. Отдел I. 1927. № 19.
12. Святкин М.И. О роли плотничества в хозяйственно-промысловой деятельности мордвы // Экономическая история. 2021. №1. С. 58 – 67.

References

1. Voloshinova I.V. Izuchenie sostojanija rynka truda v SSSR v 1920-1930-e gg. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 5 (31): v 2-h ch. Ch. I. С. 38 – 43.
2. Krest'janskije istorii: Rossijskaja derevnja 1920-h gg. v pis'mah i dokumentah. Sost. Krjukova S.S. M.:ROSSPJEN, 2001. 232 s.
3. Kodeks o trude 1922. URL <https://docs.cntd.ru/document/901857831> (data obrashhenija: 01.12.2022)
4. Miller N.V. Osobennosti nalogovoj politiki gosudarstva v period NJePa. Vestnik Omskogo universiteta. Serija: jekonomika. 2003. №1. S.100–104
5. Minc L.E. Dvizhenie bezraboticy v 1923/24 gg. Jekonomicheskoe obozrenie. 1924. №11. S. 82 – 86.
6. Minc L.E. Rynok truda v Rossii. Voprosy truda. 1924. № 5-6. S. 27 – 32.
7. Panfilova A.M. Formirovanie rabocheho klassa SSSR v gody pervoj pjatiletki (1928-1932 gg.) M., 1964. S. 15.
8. Minc L. Rynok truda v svjazi s reorganizaciej birzh truda. Voprosy truda. 1924. № 12. S. 23 – 27.
9. Moiseenko V.M. Othod sel'skogo naselenija na zarabotki v SSSR v 1920-e gody. Narodonaselenie. 2017. № 3. S. 51 – 62.

10. Perechen' vazhnejshih zakonopolozhenij, izdannij otделom rynka truda za period vremeni s 15 ijulja po 15 avgusta 1924 g. Voprosy truda. 1924. № 9. S. 161 – 162.
11. Sobranie uzakonenij i rasporjazhenij rabochee-krest'janskogo pravitel'stva SSSR. Otdel I. 1927. № 19.
12. Svjatkin M.I. O roli plotnichestva v hozjajstvenno-promyslovoj dejatel'nosti mordvy. Jekonomicheskaja istorija. 2021. №1. S. 58 – 67.

*Stryapikhina A.A., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.),
Institute of Food Technology and Design (branch of Nizhny
Novgorod State University of Engineering and Economics)*

The role of non-agricultural earnings in the life of peasants in the 1920s

Abstract: the purpose of this article is to study the role of non-agricultural earnings in the lives of villagers in the first post-revolutionary decade. The chronological framework of the study was the 1920s – the time of the formation of a new political and economic conjuncture, class breakdown, new beginnings in culture and everyday life. The departure of the 1920s was massive, seriously affected the state of urban unemployment and became one of the reasons for the beginning of urbanization. For many peasants, seasonal work brought a good income, although it was accompanied by certain difficulties of a domestic and family nature. The article analyzes the content of peasant letters to the authorities, which allow us to most vividly reproduce the picture of peasant everyday life after wars and revolutions, presents an analysis of the legal framework on issues of state regulation of waste to earnings, examines the peculiarities of the situation of citizens engaged in latrines in the labor market of the 1920s.

In addition to economic factors, social factors also influenced the departure. One of them was the widespread idea that it is more profitable to have the status of an industrial worker, that it is better and easier to live in the city, that the problems of peasants for the authorities are secondary compared to the interests of workers in cities.

Keywords: seasonal work, peasants, village, city, taxes, power, labor

For citation: Stryapikhina A.A. The role of non-agricultural earnings in the life of peasants in the 1920s. Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 137 – 141.

*Тимошенко В.Н., доктор исторических наук, доцент,
Куркова Н.В.,
Тихоокеанский государственный университет*

Изменение целей и задач японо-американского альянса в 1990-х годах

Аннотация: в данной статье рассматриваются ключевые изменения институционализации японо-американского военно-политического альянса в течение 1990-1999-х гг. В период после завершения конфронтации с СССР новые вызовы региональной безопасности стали факторами, способствующими структурным изменениям в юридической базе военно-политического сотрудничества США и Японии. Институциональная система японо-американского альянса расширила свои возможности посредством более активного вовлечения Японии в вопрос поддержания мира с учетом тесной координации с США. Пакет законопроектов, принятых официально в Токио, с одной стороны, демонстрировал готовность Японии нести большую ответственность в решении международных проблем, с другой же стороны, конституционные ограничения и пацифизм гражданского населения создавали ряд практических трудностей в случае возникновения реального военного конфликта. В результате активного японо-американского диалога были реализованы меры, способствующие в долгосрочной перспективе укреплению двусторонних связей и адаптации военно-политического альянса к вызовам нового десятилетия. Двусторонняя японо-американская декларация 1996 года установила обязательство Японии проводить политику вовлеченности в вопросах урегулирования ситуаций в Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: США, Япония, военно-политическое сотрудничество, японо-американский альянс, региональная безопасность

Для цитирования: Тимошенко В.Н., Куркова Н.В. Изменение целей и задач японо-американского альянса в 1990-х годах // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 142 – 147.

Актуальность темы обусловлена тем, что в начале XXI века одним из ключевых факторов, оказывающих существенное влияние на систему международных отношений, выступает процесс укрепления новых центров силы. На сегодняшний день по совокупным политическим, экономическим и военным показателям лидирующими державами являются США и КНР. В Национальной стратегии безопасности США, опубликованной в 2022 году, Китай, равно как и Россия, выступает в качестве главного вызова безопасности. По убеждению американской администрации, Китай и Россия «все больше сближаются друг с другом <...>» [11]. Сохранение «прочного конкурентного преимущества над КНР» остается приоритетной целью США. В свете этого обстоятельства Вашингтон проводит политику усиления существующих военно-политических союзов как многостороннего, так и двустороннего формата. Кроме того, по инициативе США создаются новые альянсы. В сентябре 2021 году США возглавили AUKUS, в состав которого вошли Австралия, США и Великобритания. По мнению российского политолога Д.В. Тренина, реализация нового пакта стала материальным подтверждением смещения стратегического фокуса США на Китай [1]. В конце 1990-х годов многосторонние военно-политические союзы, ставшие конструктом безопасности в Европе, в Азии, напротив, продемонстрировали свою нежизнеспособность (например, АНЗЮС и СЕАТО).

В этом контексте укрепление японо-американских двусторонних отношений в сфере безопасности для американского правительства стало приоритетным направлением. Конструктивная и комплексная реорганизация существующих японо-американских гарантий безопасности стала следствием необходимости обеспечить региональную стабильность. Именно задача сохранения статус-кво в Азиатско-Тихоокеанском регионе многократно повысила значимость альянса для Вашингтона.

Послевоенный внешнеполитический курс Японии был сравнительно индифферентен, поскольку разные правительства в Токио сохраняли общий континуитет и приоритетом видели развитие собственного экономического потенциала страны. Внешняя политика Японии «с низким уровнем риска», «изоляционистская», стремилась избегать существенных стратегических обязательств [2]. Результатом длительного неравномерного распределения усилий к началу 1990-х гг. стал дисбаланс политического, оборонного и экономического веса Японии. Американский политический аналитик Джон Шкофф охарактеризовал, очевидно, не без иронии, государственное устройство Японии как «политическую аномалию»: «экономическая сверхдержава без соответствующей военной политики и политического руководства» [12].

Позиция «невмешательства» японской стороны в вопросы обеспечения региональной безопасно-

сти подверглась трансформации «изнутри» в 1990-ом году. Постбиполярная мировая система ставила перед Токио новые задачи: с одной стороны, стать надежным политическим и экономическим партнером для Запада, с другой, «возглавить» Восточную Азию. Японии необходимо было определить свою позицию в отношении США, Большой Семерки, выстроить кооперацию в рамках Организации экономического развития и сотрудничества. Японское руководство осознало, что способность проводить независимую и четкую политику в сфере национальной безопасности – условие эффективного противодействия угрозам военного, политического, экономического и информационного характера. Реализация новых задач была соотнесена с несколькими ключевыми направлениями нового политического курса Японии: укрепление японо-американского военно-политического сотрудничества, усиление собственного оборонного потенциала и интеграция в глобальную сферу обеспечения безопасности.

По мнению П. Мидфорда, результатом переосмысления могли стать три долгосрочных преимущества: во-первых, повышение престижа Японии как военной державы, во-вторых, поощрение решения США продолжать военное участие в делах Восточной Азии, в-третьих, нейтрализация московского дипломатического наступления с акцентом на многосторонность безопасности, а также ослабление напряженности с СССР.

Консенсус в вопросе видения перспективной роли Японии как активной стороны в вопросах реализации как глобальных, так и региональных стратегических экономических задач, было артикулировано в работе Такаказу Кураямы в 1990 году. «Время, когда Япония могла считать само собой разумеющимся мировой порядок, поддерживаемый силами США, осталось позади», – заявил Т. Кураяма, убежденный в том, что Японии следует наравне с США и Западной Европой вносить вклад в сохранение международного порядка [10, 13].

Однако самостоятельной и эффективной интеграции Японии в систему региональной безопасности препятствовал страх азиатских соседей «возрождения японского милитаризма». Если бы Япония приняла решение следовать независимому от США военно-стратегическому курсу, ей пришлось бы увеличивать собственные военные расходы, что неизбежно вызвало бы «большую реакцию» среди соседних государств, в результате чего Япония рисковала бы потерять многих из своих региональных союзников [9]. Нисихара Масаси, выдающийся японский интеллектуал в области обороны, в своем исследовании «С точки зрения стратегических исследований» обосновал практи-

ческую значимость перспективной консолидации японо-американских интересов в регионе. Его инициативное предложение заключалось в создании отдельной многосторонней структуры для поддержания участия США в Восточной Азии. Этот многосторонний фонд, именуемый Тихоокеанским фондом общей безопасности, помог бы покрыть расходы сил США, размещенных в регионе. Членами Совета будут США, Япония и другие региональные союзники США.

В 1989 году на японском форуме группа ведущих ученых, журналистов, бизнесменов предложила проект регионального многостороннего диалога по вопросам безопасности. Инициативная программа предлагала принять меры по выстраиванию доверительных отношений с СССР, а также пересмотреть вклад Японии в модернизацию оборонных систем Азии. В докладе изложена мысль о том, что «азиатское недоверие азиатских стран к Японии как к военной державе заставило (Японию) продолжать полагаться на передовые силы США» [6].

Одновременно с началом нового десятилетия Япония и США осознали необходимость перестройки прежней концепции стратегической безопасности. Вывод, к которому пришли стороны в процессе активного диалога, заключался в том, что японо-американский союз должен стать одним из несущих столпов безопасности в новой геополитической системе. Этот тезис на высшем уровне был ратифицирован в совместной японо-американской декларации безопасности 1996 года: «Лидеры двух стран согласились, что будущая безопасность и процветание Японии и США неразрывно связаны с будущим Азиатско-Тихоокеанского региона». Премьер-министр Японии и Президент США, подтвердили «существенную значимость» японо-американского альянса ввиду региональной нестабильности и неопределенности. Источниками нестабильности были названы напряженность на Корейском полуострове, нерешенные территориальные споры, потенциальные региональные конфликты, распространение оружия массового поражения [7].

В 1995 году Премьер-министр Японии сформулировал в новом «Наброске программы национальной обороны», окончательно принятом в ноябре 1995 года, контуры перспективной оборонной политики Японии, согласно которой оборонные возможности Японии должны играть «соответствующую роль» в контексте безопасности после завершения холодной войны. Тесное военно-политическое сотрудничество, по соглашению лидеров Японии и США, являлся наиболее эффективной основой обороны Японии. Военное присутствие США на территории Японии было при-

знано значимым фактором сохранения региональной стабильности. Премьер-министр приветствовал решительное намерение США сохранить в регионе стабильное военно-политическое присутствие, подтвердив готовность японской стороны продолжать вносить соответствующие взносы для поддержания американских сил в Японии согласно положениям, зафиксированным в Договоре о взаимном сотрудничестве и безопасности.

Таким образом, проблема присутствия военного контингента США в азиатском регионе, в частности, на японских островах, ставшая критически актуальной в течение 1980-х гг., получила разрешение. Японо-американские отношения признавались важнейшей опорой для позитивного взаимодействия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а потому сохранение военных баз на островах Кюсю, Окинава, Хонсю имело стратегическое значение для Вашингтона.

В 1997 году правительства двух стран в двустороннем порядке согласовали конкретные рамки сотрудничества – «Руководящие принципы японо-американского оборонного сотрудничества». Военно-политический альянс между США и Японией по результатам обстоятельного переосмысления принципов сотрудничества был адаптирован к вызовам грядущего тысячелетия.

Прежде, в 1994 году, новое направление внешней политики Японии было определено в отчете Хигути. Приоритетной задачей выступала необходимость расширения потенциальных возможностей японских Сил самообороны с тем, чтобы они могли принимать «более активное участие в операциях по поддержанию мира и других формах многостороннего сотрудничества, проводимых под эгидой ООН...». В дальнейшем эти задачи будут указаны в «Руководящих принципах программы национальной обороны» 1995 года.

Трансформация базовых положений национальной политики Японии, равно как и военно-политического взаимодействия с США, представляется практикой реагирования на северокорейский ядерный кризис 1993 и 1994 годов, а также запуск северокорейской ракеты «Нодон» в Японское море в мае 1993 года. Означенные события оказались триггером безопасности для Токио, который опасался возникновения конфликта в регионе.

В Руководящих принципах обороны Японии от 1995 года, соответственно, было указано, что роль Сил самообороны Японии заключается в том, чтобы «принять соответствующие меры» в случае, «если в районах, окружающих Японию, возникнет ситуация, которая окажет важное влияние на национальный мир и безопасность».

Руководящие принципы программы национальной обороны, которые официальный Токио обнародовал в 1995 году, стали, по большому счету, манифестом нового курса в стратегическом планировании Японии. В документе было утверждено намерение японской стороны увеличить вклад в обеспечение региональной безопасности. Одной из ключевых перспективных задач стала задача комплексного развития собственно японской обороноспособности. Немаловажно, что впервые властную поддержку получила инициатива участия Японии в миротворческих операциях ООН, подразумевающая также диалог и обмен в сфере безопасности, сотрудничество в вопросах контроля над вооружениями. Ключевым тезисом обновленных Руководящих принципов стала готовность Токио посредством японских Сил самообороны играть активную роль в обеспечении региональной и глобальной безопасности.

Внешнеполитическая стратегия Японии, кроме того, утвердила приоритетный статус военно-политического партнерства США [10]. Таким образом, обновленные Руководящие принципы в области обороны увеличили потенциал Японии в сфере собственной обороны, выйдя за рамки узкого фокуса национальной обороны, признав, что страна должна играть более активную роль в обеспечении как региональной, так и глобальной безопасности.

Руководящие принципы обороны 1995 года со стороны Токио и доклад американского профессора Джозефа Ная 1995 года со стороны Вашингтона утвердили значимость японо-американского военно-политического альянса. На высшем уровне ратификация достигнутого консенсуса была осуществлена в рамках Совместной японо-американской декларации о сотрудничестве в области безопасности в области безопасности 1996 года и Руководящих принципах японо-американского оборонного сотрудничества 1997 года.

Возвращаясь к докладу Д. Ная, больше известного как «инициатива Ная», необходимо отметить, что, по большому счету, он стал «ответом» на доклад японской правительственной комиссии, в котором были представлены основные направления оборонной политики страны в 1994 году. Американские эксперты, включая Д. Ная, недавно назначенного на пост помощника госсекретаря, профессора Гарварда Эзру Фогеля, перспективного японоведа Майкла Грана из Университета Джона Хопкинса и Патрика Кронина из Института национальных стратегических исследований, выразили беспокойство по поводу того, что в упомянутом выше японском докладе раздел о многостороннем сотрудничестве в области безопасности предшествует разделу о японо-американском сотрудниче-

стве. В совместной аналитической работе «Переопределение японо-американского альянса» они отмечают, что решение разместить разделы именно в таком порядке сигнализирует о том, что «в настоящее время американо-японский альянс находится под угрозой». На их взгляд, «импульс и энергия в японском политическом планировании уходят от альянса», поэтому необходимо в ходе многостороннего диалога определить перспективы двустороннего военно-политического альянса на грядущие годы [3].

К середине 1990-х гг. контуры внешнеполитической стратегии США подверглись серьезной диверсификации. Доклад Министерства обороны США от 1992, составленный сразу после распада Советского Союза, объявил о намерении Вашингтона сократить военное присутствие Америки в Восточной Азии. Однако аналогичный отчет 1995 года отменил план вывода вооруженных сил США, напротив, предполагалось сохранить численность американских войск в регионе на уровне около 100 000 тыс. человек и оставить в Южной Корее одну армейскую дивизию и боевое крыло ВВС. Решение Пентагона было связано с озабоченностью «непредсказуемыми намерениями Северной Кореи и Китая в той части мира, которая становилась все более важной для торгово-экономических интересов США» [5].

Таким образом, имея определенные сугубо национальные интересы и взаимные претензии, каждая из сторон к середине 1990-х гг., тем не менее, пришла к заключению о необходимости реформирования японо-американского военно-политического альянса. Наконец, 17 апреля 1996 года на конференции высшего уровня премьер-министр Японии Хасимото Рютаро и президент США Б. Клинтон утвердили совместную японо-американскую декларацию по безопасности. Данное заявление имело три ключевых цели. Во-первых, оно уведомляло обе страны и мировое сообщество о том, что после окончания «холодной войны» японо-американский альянс имеет жизненно важное место в контексте многосторонней безопасности. Во-вторых, новое совместное заявление подразумевало более широкую перспективу японо-американского сотрудничества в области безопасности. Если прежде обсуждение совместных оборонных проектов редко выходило за рамки двусторонних отношений, то теперь японо-американское партнерство включало сотрудничество по стабилизации региональных (например, ситуация на Корейском полуострове) и глобальных проблем (совместные миротворческие операции). В-третьих, совместная декларация содержала призыв к пересмотру Руководящих принципов японо-американского сотрудничества 1978 года

[4]. В обозримой перспективе это имело ключевое значение в укреплении возможностей оперативно-го реагирования армии США и Сил самообороны Японии.

В первоначальном Руководстве по оборонному сотрудничеству были зафиксированы формы сотрудничества между Силами самообороны Японии и вооруженных сил США, а также определены «зоны ответственности» каждой из сторон с целью обеспечения бесперебойного и эффективного взаимодействия. В 1970-х и 1980-х гг. этот документ послужил укреплению форм сотрудничества на оперативном уровне. Однако с окончанием эпохи конфронтации с СССР прежние механизмы двустороннего реагирования, естественно, потребовали реформации, адекватной новой геополитической обстановке. Руководящие принципы 1997 года предусматривали три основные категории сотрудничества в области безопасности: (1) «сотрудничество при обычных обстоятельствах», (2) «действия в ответ на вооруженное нападение на Японию» и (3) «сотрудничество в ситуациях в окружающих Японию районах, которые окажут важное влияние на мир и безопасность Японии» [8]. Ключевым элементом обновленной стратегии совместного реагирования стало «сотрудничество в региональных ситуациях, окружающих Японию». По уровню проработанности этот аспект превосходит проблему «ответных действий на вооруженное нападение на Японию», занимая большую часть документа. В этой связи обязательства Японии заключались в поддержке американских сил, в частности, снабжение тыловых районов транспортом, техническим обслуживанием и т.д., использовании специальных объектов военного назначения американскими вооруженными силами.

Для успешной ратификации некоторых новых положений совместного Договора в области безопасности Токио было необходимо принять несколько законодательных проектов, которые позволили бы Силам самообороны Японии (ССЯ) легитимно принимать участие в операциях, касающихся ситуаций в Восточной Азии. Во второй главе «Синей книги по дипломатии» «Отраслевой анализ международной ситуации и внешней политики Японии» потенциальными причинами региональной нестабильности были названы «ядерные испытания, проведенные Пакистаном и Индией, запуск ракет Северной Кореей», в связи с чем правительство Японии определило три ключевых направления политики безопасности: твердое поддержание японо-американских договоренностей по безопасности, наращивание оборонного потенциала Японии в соответствующих масштабах и активные дипломатические усилия по обеспечению

нию международного мира и безопасности. Тенденция к увеличению взаимозависимости региональных зон безопасности обуславливала необходимость Японией расширить собственные возможности по разрешению отдельных конфликтов и конфронтаций.

Ключевыми концептуальными и юридическими документами, регламентирующими положение, цели и принципы деятельности ССЯ, являются «Основные направления программы национальной обороны». В документе 1997 г. прописываются основные принципы и механизмы сотрудничества Японии и США в мирное время (обмен информацией, политические консультации, различные типы сотрудничества между оборонными ведомствами, совместное планирование, учения и т.д.) и в случае военных действий, а также принимается ситуационное, а не географическое обоснование для выделения ситуаций в зонах, окружающих Японию и оказывающих значительное влияние на её безопасность. Появление новых вызовов региональной безопасности, прежде всего, развитие ракетно-ядерной программы КНДР и усиление Китая, породило дискуссию внутри Японии о том, как следует реагировать на эти изменения.

Таким образом, во второй половине 1990-х гг. Япония, еще до начала процесса переопределения ключевых задач японо-американского альянса, приняла решение использовать собственный оборонный потенциал для обеспечения глобальной и региональной безопасности посредством участия в миротворческих операциях ООН и других международных усилиях. Двусторонняя японо-американская декларация 1996 года установила обязательство Японии проводить политику вовлеченности в вопросах урегулирования ситуаций в Северо-Восточной Азии. В связи с этим японцы должны были увеличить оборонный потенциал страны, имея в виду потенциальную атаку баллистическими ракетами. Пересмотр базовых принципов японо-американского альянса подразумевал не только адаптацию к условиям после «холодной войны», но и предполагал формулирование новой стратегии национальной безопасности для нового времени. По сути, впервые за два десятилетия – с момента разработки руководящих принципов в области обороны 1976 года и руководящих принципов 1978 года – Япония провела полный пересмотр собственной оборонной политики и приступила к всесторонней координации политики с Соединенными Штатами.

Литература

1. Тренин Д.В. Влияние американо-китайского соперничества на отношения между Россией и Китаем // Carnegie Endowment for International Peace, 2021. Available at: <https://carnegiemoscow.org/2021/11/03/ru-pub-85688>
2. Arase D. Japanese Policy toward Democracy and Human Rights in Asia // University of California Press, 1993. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Japanese-Policy-toward-Democracy-and-Human-Rights-Arase/d3875a567e9fa038e9a1eeb27973ce17d0e89026>
3. Cronin M. P, Green J. M. Redefining the U.S.-Japan Alliance: Tokyo's National Defense Program. National Defense University, 1994.
4. Guidelines for Japan-U.S. Defense Cooperation // Ministry of Foreign Affairs, 1978, November 27. Available at: <https://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/guideline2.html>
5. Graham B, Williams D. U.S. reverses East Asia withdrawal plan // The Washington Post. 1995. Available at: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1995/02/28/us-reverses-east-asia-withdrawal-plan/4cad0580-e9cf-48b1-885a-ef0d6220b268>
6. Japan Forum on International Relations. 1989. P. 8 – 25.
7. Japan-U.S. joint declaration on security- alliance for the 21st century // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 1996. Available at: <https://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/security.html>
8. Joint Statement of the U.S.-Japan Security Consultative Committee on Completion of the Review of the Guidelines for U.S. Japan Defense Cooperation, 1997.
9. Nishihara M. Expanding Japan's Credible Defense Role // The MIT Press. 1983-1984. Vol. 8. № 3. P. 180 – 205.
10. Reflections on Japan's Post-Cold War Foreign Policy Redefining the Japan. US Alliance Politics, 2012.
11. Scobell A, Swanström N. The China-Russia 'Alliance': Double the Danger or Limited Partnership? // United States Institute of Peace. 2022. Available at: <https://www.usip.org/publications/2022/12/china-russia-alliance-double-danger-or-limited-partnership>
12. Schoff J. The Current State of U.S.-Japan Strategic Dialogue: A Strategic Pause, or an Opportunity Slipping Away? // Sekai Shuno Magazine. 2005.
13. World Development Report, 1992 (Washington, D. S.: The World Bank, 1992). P. 223.

References

1. Trenin D.V. Vliyanie amerikano-kitajskogo sopernichestva na otnoshenija mezhdru Rossiej i Kitaem. Carnegie Endowment for International Peace, 2021. Available at: <https://carnegiemoscow.org/2021/11/03/ru-pub-85688>
2. Arase D. Japanese Policy toward Democracy and Human Rights in Asia. University of California Press, 1993. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Japanese-Policy-toward-Democracy-and-Human-Rights-Arase/d3875a567e9fa038e9a1eeb27973ce17d0e89026>
3. Cronin M. P, Green J. M. Redefining the U.S.-Japan Alliance: Tokyo's National Defense Program. National Defense University, 1994.
4. Guidelines for Japan-U.S. Defense Cooperation. Ministry of Foreign Affairs, 1978, November 27. Available at: <https://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/guideline2.html>
5. Graham B, Williams D. U.S. reverses East Asia withdrawal plan. The Washington Post. 1995. Available at: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1995/02/28/us-reverses-east-asia-withdrawal-plan/4cad0580-e9cf-48b1-885a-ef0d6220b268>
6. Japan Forum on International Relations. 1989. P. 8 – 25.
7. Japan-U.S. joint declaration on security- alliance for the 21st century. Ministry of Foreign Affairs of Japan. 1996. Available at: <https://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/security.html>
8. Joint Statement of the U.S.-Japan Security Consultative Committee on Completion of the Review of the Guidelines for U.S. Japan Defense Cooperation, 1997.
9. Nishihara M. Expanding Japan's Credible Defense Role. The MIT Press. 1983-1984. Vol. 8. № 3. P. 180 – 205.
10. Reflections on Japan's Post-Cold War Foreign Policy Redefining the Japan. US Alliance Politics, 2012.
11. Scobell A, Swanström N. The China-Russia 'Alliance': Double the Danger or Limited Partnership? United States Institute of Peace. 2022. Available at: <https://www.usip.org/publications/2022/12/china-russia-alliance-double-danger-or-limited-partnership>
12. Schoff J. The Current State of U.S.-Japan Strategic Dialogue: A Strategic Pause, or an Opportunity Slipping Away? Sekai Shuno Magazine. 2005.
13. World Development Report, 1992 (Washington, D. S.: The World Bank, 1992). P. 223.

**Timoshenko V.N., Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
Kurkova N.V.,
Pacific State University**

Changing the goals and objectives of the Japan-US Alliance in the 1990s

Abstract: this article examines the key changes in the institutionalization of the Japanese-American military-political alliance during the 1990-1999s. In the period after the end of the confrontation with the USSR, new challenges to regional security have become factors contributing to structural changes in the legal framework of military-political cooperation between the United States and Japan. The institutional system of the Japan-US alliance has expanded its capabilities through more active involvement of Japan in the issue of peacekeeping, taking into account close coordination with the United States. The package of bills officially adopted in Tokyo, on the one hand, demonstrated Japan's readiness to bear greater responsibility in solving international problems, on the other hand, constitutional restrictions and pacifism of the civilian population created a number of practical difficulties in the event of a real military conflict. As a result of the active Japanese-American dialogue, measures have been implemented that contribute in the long term to strengthening bilateral ties and adapting the military-political alliance to the challenges of the new decade. The bilateral Japanese-American Declaration of 1996 established Japan's commitment to pursue a policy of engagement in the settlement of situations in Northeast Asia.

Keywords: the USA, Japan, military-political cooperation, Japanese-American alliance, regional security

For citation: Timoshenko V.N., Kurkova N.V. Changing the goals and objectives of the Japan-US Alliance in the 1990s. Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 142 – 147.

*Пенькова А.Н., кандидат исторических наук, доцент,
Кухарев Ю.С., старший преподаватель,
Выходцева А.В.,
Балашов К.Г.,
Юго-Западный государственный университет*

Рынок труда и промышленное производство в России на рубеже XIX-XX вв (на примере ЦЧЗ)

Аннотация: статья посвящена исследованию развития и организации рынка труда и промышленного производства на территории центрального черноземного района в России на рубеже XIX-XX веков. Обосновано влияние развития промышленности на рынок труда, а так же выявлены формы косвенного и прямого воздействия индустриализации на появление рабочего класса как сословия населения в ЦЧР. Доказывается рост рабочего класса исследуемого периода, задействованного в промышленности Курской губернии. Описываются промышленность уездных курских городов на рубеже веков (XIX-XX вв.) – Льгов, Суджа, Обоянь, Рыльск, Льгов. Авторами были подведены основные выводы: основой сословной структуры губернского города, так и уездных городов были крестьяне и мещане – податное городское население, состоящее из мелких ремесленников, торговцев, мелких служащих (принадлежность к мещанству было наследственной; мещане несли рекрутскую и другие натуральные повинности); в исследуемый период наблюдается значительный рост дворянства в Курске – в 5 раз, и в уездных городах – в 2,5 раза; наблюдалось значительное снижение количества купцов по уездным и второстепенным городам; анализируя данные цифры статистических данных, определено, что значительный рост крестьян в городах произошел из-за их притока из сельской местности, а естественный прирост произошел за счет рождаемости населения городского социума, но резкого скачка достичь не смог бы.

Кроме того, определялись и особенности формирования промышленности, в городе Курске развивалось производство кирпича, гончарных изделий, известковые работы, и, соответственно, развивалось строительное дело.

Для достижения цели исследования применялись следующие методы научного познания: метод анализа и синтеза, системный метод, формально-логический метод.

Ключевые слова: рынок труда, ЦЧР, кустарное производство, промышленность, рабочий класс

Для цитирования: Пенькова А.Н., Кухарев Ю.С., Выходцева А.В., Балашов К.Г. Рынок труда и промышленное производство в России на рубеже XIX-XX вв (на примере ЦЧЗ) // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 148 – 153.

Российская империя в период XIX-XX вв. представлялась огромной аграрной крестьянской страной, в ее центре находилось Центрально-Чернозёмная земля (далее ЦЧР), куда входили Воронеж, Курск, Орел и Тамбов. Крестьянство России составляло около 72%, а по ЦЧР крестьянский социум составлял 97% [1, с. 38]. Следовательно, сомнений никаких нет в том, что ЦЧР можно смело назвать аграрным регионом. Развитие сельского хозяйства проходило с относительным успехом и слабой промышленностью, по большей части, тяжелой.

Статистика 1897 года показала, что не был учтен в состав социальной структуры рабочий класс, лишь говорится о лицах, не принадлежащих к таким сословиям, как: дворяне потомственные и личные, духовенство, почетные граждане, купцы, мещане, крестьяне и казаки, иностранные подданные [2].

По данным Переписи населения 1897 г. в Курской губернии рабочий класс не выводился в отдельную графу социальных классов.

Чего здесь больше: политической подоплеки – не выводить рабочих в отдельную графу, а, значит, и в отдельное сословие российской социальной действительности, или же практический подход в связи с действительной малочисленностью рабочего класса: его численность так мала, что не претендует на отдельный социальный срез общества.

Однако это не говорит, что промышленности не было вообще. Пусть не такая, как в развитых промышленных центрах России, но она была. Была как в городах, так и в сельской местности.

Вместе с ростом числа промышленных предприятий в городах края, отмечается и рост кустарного производства в сельской местности. В основном по переработке сельскохозяйственной продукции. Появились даже целые поселки, население которых занималось кустарным промыслом. А на примере слободы Ольшанки Новооскольского уезда, где население, можно считать, поголовно занялось сапожным производством, видно не только как шло расслоение сельского населения,

но и как одни односельчане начинали эксплуатировать других. Причем данный факт подметил не какой-нибудь чиновник силу своей служебной деятельности, а местный священник Ливитский «Остальные сапожники, – отмечал Ливитский, говоря о мелких кустарях, – работали круглый год не для себя и не из своего материала, а исключительно для торговцев и по их заказам» [3, с. 80].

На рост таких производств в сельской местности Курской губернии, а, следовательно, на рост потенциала рабочего класса, как «двигателя революции», в свое время обратил внимание В.И. Ленин. «В Курской губернии замечательны, как промышленные селения и центры «кустарных» промыслов, слободы: Велико-Михайловка (Новооскольский уезд, в 1897 г. – 11853 жителя), Борисовка (Грайвороновский уезд – 18071 житель), Томаровка (Белгородский уезд – 8716 жителей), Мирополье (Суджанский уезд – более 10 тыс. жителей. См. «Отч. и иссл.», Т.1., свед. 1888-1889 гг.), – пишет В.И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России». В этих же селениях вы найдете и кожевенные заводы. Главный же кустарный промысел – кожевенно-сапожный. Возник он еще в 1-ой половине XVIII-го в. и к 60-м годам XIX в. получил высшее развитие... Теперь организация такова: крупных предпринимателей около 120 человек; они имеют мастерские с наемными рабочими и раздают работу на дома; мелких самостоятельных (которые однако закупают кожи у крупных) – до 3000 человек; работающих на дому (на крупных хозяев) – 400 человек и столько же наемных рабочих; затем есть еще ученики. Всего сапожников более 4000 человек. Кроме того, здесь еще есть кустари-гончары, киотчики (название специальности от слова киот – ящика для икон), иконописцы, ткачи скатертей и т.д.» [4, с 356].

Приведем пример о росте промышленного пролетариата, обслуживающего железнодорожные

пути и железнодорожный транспорт, а также трамвайные пути в городе Курске. Только на обслуживании железной дороги к началу 90-х гг. XIX в. трудилось по некоторым сведениям около 1300 человек [5, с. 89].

А затем увеличилось до полутора тысяч и более. Но положение работающих в этой отрасли было тяжелейшим, приходилось работать до 17-16 часов в сутки [6, с. 9].

В Курской губернии, как и во всем Центральном Черноземье, наряду с ростом маслосеяного производства увеличивалось сахароварение. В 1910 г. в Черноземье было выработано 230 тыс. т. сахара. Развивалось винокурение. Накануне империалистической войны в крае было 209 винокуренных заводов (с учетом всех мелких, кустарных винокурень), которые производили 13% всей спиртовинокуренной продукции России. А вот по другим статистическим данным, в 1913 – 1915 гг. в Курской губернии было 46 заводов, на которых работало 929 рабочих, перекурено 122627 пудов ржи, 6650 пудов пшеницы, 7462 пуда других зерновых, 3196855 пудов картофеля, 1593062 пуда патоки и получено спирта 3341648 ведер. Кроме того, в этот период времени в Курской губернии числилось 3 табачных фабрики, на которых работало 262 человека [7, с. 69].

Однако эти изменения не приводили к ликвидации промышленной и культурно-образовательной отсталости Центрального Черноземья по сравнению с другими районами страны. Увеличение промышленного производства шло по линии только развития промышленности, перерабатывающей сельскохозяйственное сырье. Основную массу составляли не постоянные, а сезонные рабочие. Сезонный характер работы приводил к тому, что общее число рабочих в крае хотя и увеличивалось, но медленно.

Таблица 1

Изменения плотности населения Центрально-Черноземных губерний с 1811 по 1914 гг. [8, с. 42]

Губернии	Число жителей на 1 кв. версту				Увеличение плотности
	1811 г.	1863 г.	1897 г.	1914 г.	
Воронежская	16,8	33,0	43,7	62,7	45,9
Курская	37,7	46,0	58,1	79,8	42,1
Орловская	33,2	36,0	49,5	67,3	34,1
Тамбовская	24,2	33,9	45,9	60,3	36,1
В среднем по ЦЧР	27,9	37,2	49,3	67,5	39,5

Таблица 2

Изменение численности населения ЦЧР с 1897 по 1914 гг. [8, с. 43]

Губернии	Численность населения в тысячах человек	
	1897 г.	1914 г.
Воронежская	2531,3	3690,9
Курская	2371,0	3256,6
Орловская	2033,8	2781,7
Тамбовская	2684,0	3555,4
Всего по ЦЧР	9819,1	13284,6

Характерным примером развития промышленности и роста городского населения в ЦЧР и Курской губернии является Курск. В «книге приходной пошлинным и судным деньгам» за 1619 г. упоминается только колокольное и свечное дело. А в 1639 г. уже говорится о 27 кузницах, литейном дворе, квасных и соляных промыслах, мельничном и судостроительном делах, производстве селитры, плотницком, гончарном и кирпичных ремеслах [9, с. 216]. Следовательно, на лицо факт довольно быстрого развития кустарной промышленности в городе, что в свою очередь вызывает рост не только городского населения, но и количество лиц, занятых в производстве как продукции, так и средств производства, пусть пока и примитивных. В 60 гг. того же XVII в. в городе насчитывалось 808 человек, занимающихся ремеслами. В это число не входят «торговые гости» – купцы [10]. В 80 гг. происходит значительный рост ремесленного производства и его специализация по видам деятельности и отраслям хозяйствования. Например, в обработке продуктов животноводства занимались кожевники, скорняки, пушнари (мастера по работе с пушниной), сапожники, маслобойщики и другие; в обработке продуктов земледелия участвовали мукомолы, пивовары, «харчевники»; в обработке металлов принимали участие кузнецы, серебряники, медники, «оловянники» (люди, работавшие с оловом), котельщики. В городе развивалось производство кирпича, гончарных изделий, известковые работы, и, соответственно, развивалось строительное дело.

Как уже отмечалось выше, городское население Центрального Черноземья и Курской губернии формировалось не только в крупных центрах – губернских городах Воронеже, Курске, Орле, Тамбове, но и в уездных, где также шло расслоение населения по социальным признакам. В этих же городах больше всего было кустарных производств, и, соответственно, в них намечался рост пролетариата. Особенно в тех, которые стояли вдоль железной дороги – не только важной транспортной артерии страны, но и поставщика рабочей силы, и фактора развития промышленности. А потому для объективности картины изменения социальной среды в городах рассмотрим течение этих

процессов на примере некоторых уездных городов Курской губернии.

— Город Льгов состоял из нескольких десятков деревянных домов и каменной церкви и был населен в основном крестьянами да мещанами. Но с появлением в 1890 г. в его окрестностях железной дороги Киев – Воронеж, появились промышленные предприятия, и социальный спектр населения стал меняться. В 1916 г. здесь уже работало четыре пенькотрепальни, маслобойня, три мельницы и другие более мелкие. Но рабочий класс города был невелик – всего около 280 человек [11, с. 242].

- Рыльск. По сведениям В.А. Просецкого, в 1865 г., вскоре после реформ, в Рыльске было уже 20 заводиков, в том числе 3 свечных, 2 мыловаренных, 5 маслобойных, 2 медоваренных, 1 пивоваренный, 1 чугунолитейный, 2 кирпичных, 1 кафельный. Развивалось судоходство, особенно после того, как курский инженер и предприниматель М.А. Пузанов углубил фарватер реки, построил 16 шлюзов, в том числе в пределах Рыльского уезда три – в селах Марково, Гапоново и Кольтичево, на строительство и эксплуатацию которых требовались рабочие руки. Со строительством в 1869 г. железной дороги Киев – Воронеж и соединением ее в 1894 г. с железнодорожной веткой Коренево-Рыльск, прежняя монополия торговля рыльских купцов утратила свое значение, зато в городе стала развиваться промышленность. Правда, промышленность эта, как и везде по Черноземью, была кустарной. Тем не менее, в Рыльске появились маслобойные и кожевенно-сапожные мастерские, пенькотрепальные заводики. В начале XX в. здесь появились первая паровая мукомольная мельница, требовавшая для своего обслуживания подготовленных рабочих, и небольшой чугунолитейный завод. Кроме этого, были еще малые кустарные производства: салотопильное, мыловаренное, свечно-восковое, кирпичное и кафельное. Но в 1916 г. на всех этих предприятиях работало только 236 рабочих, рабочий день которых длился по 12-14 часов, а рабочие условия были «убийственны для здоровья». Всего же население Рыльска выросло в период с 1860 по 1910 г. в пять раз, а в 1913 г., перед Первой мировой войной, оно составляло 14 тыс. человек [12, с. 46].

— Обоянь. Вплоть до революционных событий XX в. Обоянь развивалась как купеческий город. В 1862 г. в Обояни было 4735 жителей, из которых купцов с членами их семей было около 2 тыс. человек. На ярмарках, происходивших в городе не менее пяти в год, торговали хлебом, скотом, воском, щетиной, а также изделиями кустарного производства. В 1882 г. в Обоянь была проложена железнодорожная ветка от станции Ржава Московско-курской железной дороги. Начавшаяся зарождаться после реформ 1861 г. промышленность к концу XIX в. была представлена в городе кожевенными мастерскими, на которых работало не более 13 наемных рабочих. Еще имелись мыловаренный, свечновосковой, гончарный и кирпичный заводы с количеством рабочих не более 10 человек на каждом. В 1916 г. в Обояни были построены мельница, маслобойный, салотопенный и медотопенный заводи. Впрочем, на всех этих «предприятиях» работало не более 40 наемных рабочих [13, с. 257].

— Щигры. В 1892 г. в Щиграх появился небольшой механический заводик по ремонту сельскохозяйственных машин того времени. Работала ветряная мельница. На мыловаренных и салотопенных предприятиях использовался наемный труд. Но рабочих на всех этих предприятиях было не более 10 человек на каждом [13, с. 259].

— Дмитриев. К 1915 г. в нем имелось четыре пивоваренных и столько же маслобойных заводов, две мельницы, несколько пенькотрепальных

мастерских. На всех «предприятиях» города работало около 150 наемных рабочих, составлявших костяк дмитриевского пролетариата перед революционными событиями 1917 г. [13, с. 256].

— Суджа. Согласно данным первой всероссийской переписи 1897 г., в Судже проживало 1286 жителей, большинство из которых были крестьяне. Несколько кузниц, две крупорушки, мельница и ряд других мелких мастерских по изготовлению бытовой утвари составляли «промышленность» этого города, в которой было занято 25 рабочих [14, с. 18].

Все остальные уездные города Курской губернии, за исключением, пожалуй, Белгорода и Путивля, где объектов «промышленности» в силу их исторического развития оказалось побольше, были если не точной, то очень близкой копией вышеперечисленных городов. То же самое можно сказать и о других уездных городах Центрального Черноземья в рассматриваемый нами период времени.

О том, как менялась сословно-социальная структура населения губернский, уездных и заштатных городов Центрально-Черноземного региона, а также сама численность этого населения в период с 1861 по 1897 гг., то есть с момента начала политических, экономических и прочих реформ и до Первой всероссийской переписи населения, можно отследить по предлагаемым таблицам, составленным на основании исследований профессора Курского государственного университета А.А. Терещенко [15, с. 85].

Таблица 3

**Изменение социально-сословной структуры городского населения
(тыс. человек) Курской губернии с 1861 по 1897 гг.**

Сословия	1861 г.			1897 г.			Динамика	
	Курск	Уезд гор.	Иные гор.	Курск	Уезд гор.	Иные гор.	Курск	Уезд гор.
Дворяне потом.	0,3	1,31	0,07	3,97	3,54	0,05	0,97	2,23
Дворяне личн.	0,92	1,42	0,03	2,55	2,54	0,03	1,63	1,13
Духовенство	0,79	1,98	0,21	1,47	1,90	0,11	0,68	-0,08
Почетные гр-не	0,10	0,17	-	1,15	1,88	0,12	1,05	1,71
Купцы	1,21	11,35	0,16	1,10	2,46	0,03	-0,11	-8,89
Мещане	16,58	38,98	1,03	24,85	43,64	1,22	8,27	4,66
Цех. и рабочие	1,94	1,85	0,02	-	-	-	-	-
Крестьяне	2,58	7,70	9,67	40,14	87,59	11,82	37,56	78,89
Временнообязан.	0,14	0,33	-	-	-	-	-	-
Военные, казаки	3,34	7,63	0,53	0,03	0,02	-	-3,31	-7,61
Иностранцы	0,09	0,02	-	0,21	0,12	-	0,12	0,10
Другие*	0,36	0,72	-	0,25	0,53	0,04	-0,11	-0,19
Все население	28,21	73,13	11,72	75,72	132,4	13,42	45,71	59,27

Показателя «другие» за 1897 г. не было, но имелись показатели таких категорий как «инородцы», «не принадлежавших к сословиям», «не указавших сословия», которые были объединены и указаны как «другие». Это относится ко всем таблицам данного цикла

Проводя анализ данных в таблице сословий населения в городах Курской губернии, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, сокращается разрыв между количеством населения, проживавшего в губернском центре и в уездных городах; во-вторых, доминирующим сословиями как губернского города, так и уездных городов были крестьяне и мещане – податное городское население, состоящее из мелких ремесленников, торговцев, мелких служащих (принадлежность к мещанству было наследственной; мещане несли рекрутскую и другие натуральные повинности). Причем в 1861 г. «верх» держали мещане над крестьянами (в Курске примерно в 6,5 раз, в уездных городах – в 5 раз). Исключение составили «иные, заштатные города», где количество проживающих там мещан примерно в 9 раз было меньше количества крестьян. В 1897 г. соотношение меняется в пользу крестьян (в Курске – в 1,6 раза, в уездных городах – в 2 раза, в иных городах – почти в 10 раз). Здесь сказались «плоды» реформ и миграционные процессы, когда

крестьяне в поиске заработков направились в ближайшие города.

В-вторых, наблюдается значительный рост дворянства в Курске – в 5 раз, и в уездных городах – в 2,5 раза. А вот численный рост духовенства отмечался только в Курске – на 680 человек. В уездных и иных городах количество духовенства незначительно снизилось.

В-третьих, наблюдается значительное снижение количества купцов по уездным и второстепенным городам. Так, в уездных городах купеческое сословие сократилось на 8890 человек. Имеется тенденция сокращения такого сословия, как казаки и военные.

В-четвертых, анализируя данные цифры, можно смело утверждать, что значительный рост крестьян в городах произошел из-за их притока из сельской местности. Естественный прирост за счет рождаемости этого социального слоя городского социума таких данных, такого резкого скачка достичь не смог бы.

Литература

1. Свод статистических сведений, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России. СПб, 1894. 452 с.
2. Первая всесоюзная перепись населения 1897 года. XX. Курская губерния. 1904. С. VI.
3. Рянский Л.М. XIX век: развитие Курской губернии // Курский край: история и современность. Курск, 1995. 561 с.
4. Ленин В.И. Избранные сочинения: в 10-ти т.; в 11-и кн. М.: Издательство политической литературы, 1985. Т. 3. 642 с.
5. ГАКО. Ф. 4. Оп.1. Д.66. ЛЛ. 5, 6.
6. Длугач Л., Голубин Ю. Металлообрабатывающая промышленность. Сб. Промышленность Курской губернии. Вып. 1. Ч. 2. – 87 с.
7. Запорожская О.П. XIX век: пореформенный скачок // Курский край: история и современность. Курск, 1995. 280 с.
8. Центральное Черноземье за годы Советской власти (краткий историко-экономический очерк). Под редакцией проф. А.А. Глухова. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1967. 247 с.
9. ГАКО. Ф. 186. Д. 30. ЛЛ. 315-316.
10. Шуляковский Е.Г. Курск: очерки истории города. 3-е изд. перераб и доп. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1975. 279 с.
11. ГАКО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 2. Л. 236
12. Ковалев В.Ф. Города / Экономика // Курская область. Воронеж, ЦЧКИ, 1966. 408 с.
13. Просецкий В.А. Рыльск. Издание третье, переработанное. Воронеж, ЦЧКИ, 1977. 171 с.
14. Вся Россия: русская книга для промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Т. 2. Адрес-календарь Российской Империи. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1897. 343 с.
15. Терещенко А.А. Сословная структура городского населения Центрального Черноземья во второй половине XIX века // Труды 1-ой международной краеведческой конференции «Краеведение в Курском крае: прошлое и современность. Межрегиональные связи. Часть 3. Курск, КурОНКО, 2006. С. 81 – 89.

References

1. Svod statisticheskikh svedenij, kasajushhihsja jekonomicheskogo polozhenija sel'skogo naselenija Evropejskoj Rossii. SPb, 1894. 452 s.
2. Pervaja vsesojuznaja perepis' naselenija 1897 goda. HH. Kurskaja gubernija. 1904. S. VI.
3. Rjanskij L.M. HH vek: razvitie Kurskoj gubernii. Kurskij kraj: istorija i sovremennost'. Kursk, 1995. 561 s.

4. Lenin V.I. Izbrannye sochinenija: v 10-ti t.; v 11-i kn. M.: Izdatel'stvo političeskoj literatury, 1985. T. 3. 642 c.
5. GAKO. F. 4. Op.1. D.66. LL. 5, 6.
6. Dlugach L., Golubin Ju. Metalloobrabatyvajushhaja promyshlennost'. Sb. Promyshlennost' Kurskoj gubernii. Vyp. 1. Ch. 2. – 87 s.
7. Zaporozhskaja O.P. HIH vek: poreformennyj skachok. Kurskij kraj: istorija i sovremennost'. Kursk, 1995. 280 c.
8. Central'noe Chernozem'e za gody Sovetskoj vlasti (kratkij istoriko-jekonomičeskij očerok). Pod redakciej prof. A.A. Gluhova. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 1967. 247 s.
9. GAKO. F. 186. D. 30. LL. 315-316.
10. Shuljakovskij E.G. Kursk: očerki istorii goroda. 3-e izd. pererab i dop. Voronezh: Central'-no-Chernozemnoe knižnoe izdatel'stvo, 1975. 279 c.
11. GAKO. F. 43. Op. 1. D. 2. L. 236
12. Kovalev V.F. Goroda. Jekonomika. Kurskaja oblast'. Voronezh, CChKI, 1966. 408 s.
13. Proseckij V.A. Ryl'sk. Izdanie tret'e, pererabotannoe. Voronezh, CChKI, 1977. 171 s.
14. Vsja Rossiya: russkaja kniga dlja promyshlennosti, trgovli, sel'skogo hozjajstva i administracii. T. 2. Adres-kalendar' Rossijskoj Imperii. SPb.: Izd. A.S. Suvorina, 1897. 343 s.
15. Tereshhenko A.A. Soslovnaja struktura gorodskogo naselenija Central'nogo Chernozem'ja vo vtoroj polovine HIH veka. Trudy 1-oj mezhdunarodnoj kraevedčeskoj konferencii «Kraevedenie v Kurskom krae: prošloe i sovremennost'. Mezhregional'nye svjazi. Chast' 3. Kursk, KurONKO, 2006. S. 81 – 89.

*Penkova A.N., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kukharev Yu.S., Senior Lecturer,
Vykhodtseva A.V.,
Balashov K.G.,
Southwestern State University*

The labor market and industrial production in Russia at the turn of the XIX-XX centuries (using the example of the Central Chernozem Regions)

Abstract: the article is devoted to the study of development and organization of labor market and industrial production on the territory of the Central Black Earth region of Russia at the turn of XIX-XX centuries. The author substantiates the influence of industry development on the labor market and reveals the forms of indirect and direct impact of industrialization on the emergence of the working class as a class of population in the Central Black Earth Region. The growth of the working class of the period under study involved in industry in Kursk province is proved. The industry of Kursk district towns at the turn of the century (XIX-XX centuries) – Lgov, Sudzha, Oboyan, Ryl'sk, Lgov – is described. The authors summed up the main conclusions: The basis of the class structure of provincial cities and district towns were peasants and petty bourgeoisie – an urban population, consisting of small craftsmen, merchants, small employees (belonging to the petty bourgeoisie was hereditary; bourgeoisie had recruitment and other natural duties); in the study period there was a significant increase in the nobility in Kursk - 5 times, and in district towns – 2.5 times; there was a significant decrease in the number of merchants in district and secondary cities; analyzing the figures statistical data, determined that the significant growth of the peasants in the cities occurred due to their inflow from the countryside, and the natural increase occurred due to the birth rate of the urban society, but could not achieve a sharp jump.

In addition, the peculiarities of the formation of industry were also determined, in the city of Kursk developed the production of bricks, pottery, lime works, and, accordingly, the development of the construction industry.

To achieve the goal of the study the following methods of scientific knowledge were used: method of analysis and synthesis, systematic method, formal-logical method.

Keywords: labor market, CDR, handicraft production, industry, working class

For citation: Penkova A.N., Kukharev Yu.S., Vykhodtseva A.V., Balashov K.G. The labor market and industrial production in Russia at the turn of the XIX-XX centuries (using the example of the Central Chernozem Regions). Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 148 – 153.

*Балдин П.П., кандидат исторических наук, доцент,
Дворковая М.В., кандидат исторических наук, доцент,
Куренкова Е.А., кандидат исторических наук, доцент,
Государственный университет просвещения*

Проекты социальных преобразований Российской империи 1813-1825 г.г.

Аннотация: каждый период истории России всегда ознаменовывался всплеском реформ, исходящих от новой власти. Эпоха Александра I, пребывавшего у власти в первую четверть XIX столетия, – тому подтверждение. Период царствования Александра распадается на две части – до войны с Наполеоном и после. И в каждую из них император старался проводить различного рода преобразования, чтобы улучшить, как он считал жизнь подданных. Заслуживают внимание и предложенные им социальные проекты, попытка реализация которых, начавшись в начале правления императора, продолжилась уже после Отечественной войны 1812 года. В первую очередь к ним следует отнести проект отмены крепостного права и проект создания военных поселений. Если второй проект отчасти был реализован, то первый остался на бумаге. Авторы статьи рассматривают причины провала крестьянской реформы и анализируют неудачи, постигшие создание военных поселений.

Ключевые слова: Александр I, социальные преобразования, проект, отмена крепостного права, военное поселение, Аракчеев

Для цитирования: Балдин П.П., Дворковая М.В., Куренкова Е.А. Проекты социальных преобразований Российской империи 1813-1825 г.г. // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 154 – 156.

Эпоха Александра I – императора, получившего прозвище «благословенный» запомнится тем, что в этот период времени получили развитие идеи, долгое время будоражившие умы просвещенной части российского общества. Эпоха перемен назрела. Император Александра I, вступивший на престол 12 марта 1801 года, это понимал. Понимал, что, в первую очередь то, что крепостное право, дамокловым мечом висевшее над Россией, страну до добра не доведет.

Долгое время исследователи игнорировали этот факт, стараясь не замечать очевидные факты, а именно – желание императора Александра I избавить Россию, стремящуюся встать на путь цивилизованного развития, от крепостного ига [3, с. 12].

Еще в самом начале своего правления, 20 февраля 1803 г., Александр I издал указ «о вольных хлебопашцах», согласно которому крестьяне могли выкупить у помещиков вольную, не уведомляя об этом органы власти [2, с. 43], хотя император не надеялся, что помещики с восторгом воспримут этот указ. Следует также отметить, что уже в первый своей власти император перестал дарить казенных крестьян представителям дворянского сословия. В сентябре 1801 г., когда шла церемония коронации, некоторые представительные особы, стоящие у трона, очень ждали таких «подарков», но так и не дождались. Император по этому поводу молчал. Тогда один из императорских сановников решил сам поговорить с Александром I на эту тему, попросив пожаловать ему имение с несколькими тысячами крестьянских душ [4, с. 56]. Новый император резко ответил такому просителю. «Рус-

ские крестьяне, – сказал он, – большею частью принадлежат помещикам; считаю излишним доказывать унижение и бедствие такого состояния, и потому я дал обет не увеличивать число этих несчастных и принял за правило не давать никому в собственность крестьян» [4, с. 56]. Но, несмотря на такое громкое заявление, казенные крестьяне могли в любую минуту перейти на положение крепостных, чему обязывали сложившиеся в Российской империи циркуляры.

Но в первые десять лет своего пребывания у власти Александр I издавал лишь указы, ограничивающие помещичий произвол и смягчающие крепостное право. Указом 1801 г. запрещалась публикация объявлений о продаже дворовых (сама продажа не запрещалась). Согласно Указу 1808 г., нельзя было продавать «живой товар» на ярмарках. Еще через год вышел Указ, согласно которому помещик не имел права ссылать крестьян в Сибирь, если их вина не слишком велика. Кроме того, император обязал помещиков кормить своих крестьян в неурожайные годы, чтобы не допустить их гибели от голода [1, с. 47]. Но дальше подобных указов дело не пошло. С одной стороны, император старался действовать осторожно, ибо прекрасно понимал, сколько недовольства в российском обществе может вызвать подобная реформа. С другой стороны, для Александра I на том этапе более важными казались административная и образовательная реформы. Кроме того, в планы императора вмешалась и война с Наполеоном.

К задуманным социальным преобразованиям император Александр I вернулся только после

1812 года, когда была одержана победа над армией Наполеона Бонапарта, а многотысячная французская армия была выдворена за пределы России.

Второй период правления Александра I обычно принято считать периодом решительного поворота к реакции. Однако внутренняя политика монарха была достаточно противоречивой, поскольку вместе реакционными действиями Александр I стремился к социальным преобразованиям.

Вопрос освобождения крестьян от крепостного ига император Александр решил опробовать на одной, отдельно взятой территории. Указом Александра I от 23 мая 1816 г. личную свободу получали эстляндские крестьяне. Но их земля становилась собственностью помещиков и пользоваться этой землей они могли только на правах аренды. Подобное нововведение очень больно ударило по этим крестьянам. На протяжении 14 лет они были всего лишь бесправными арендаторами, не имеющими никаких прав. Но тем не менее отмену крепостного права в Эстляндии следует рассматривать как новый этап в истории крестьянского вопроса в России, ведь впервые за несколько столетий в стране, хотя и не на всей ее территории, исчезло такое постыдное явление, как крепостное право [4, с. 118].

Спустя два года, в 1818 году, несколько ведомств получили распоряжение Александра I разработать условия отмены крепостного права в России. Проектом заинтересовались такие важные государственные деятели, как М.С. Мордвинов, Д.А. Гурьев, П.А. Вяземский, П.Д. Киселев. В 1818-1819 гг. пытались разработать программу крестьянской реформы.

Однако совершенно неожиданно для всех император дал секретное указание подготовить проект крестьянской реформы известному реакционеру генералу А.А. Аракчееву, который был хорошим хозяйственником. «Прибыль от его имения была настолько велика, что он вкладывал большие деньги в постройку дорог, храмов, создание парков, конных заводов и даже в строительство каменных домов для крестьян. Однако методы его правления были жестокими – крестьяне строго наказывались за малейшую провинность» [4, с. 119].

Доверяя подготовку проекта А.А. Аракчееву, император только просил, чтобы не было в его решениях поспешности и чтобы данная реформа не ударила по помещикам [4, с. 119]. В 1818 г. проект был готов. Согласно этому проекту, предусматривался постепенный выкуп поместий, каждое из которых оценивалось в 5 млн. рублей. Аракчеев считал, что, получив денежную компенсацию, бывшие «крепостники» покроют свои расходы и избавятся от долгов [2, с. 69]. Но подобный

проект владельцы крепостных «душ» встретили неодобрительно. Император не получил никакой поддержки, прежде всего, со стороны дворян, которые ни за что не соглашались на освобождение своих крепостных. Многие из них и так уже заложили свои поместья и едва сводили концы с концами.

Земля же этим крестьянам, которые теперь объявлялись государственными, должна была отдаваться «на правах аренды». Однако, поскольку наделы были небольшими (по две десятины на душу), то крестьяне, по замыслу А.А. Аракчеева, могли «подрабатывать» у помещиков, что устроило бы, как он думал, и первых, и вторых. Проект этот был крайне несовершенен. Крестьянский вопрос он не только не решал, но добавлял массу проблем [4, с. 119].

Среди проектов, к которым вернулся Александр I во второй период своего царствования, был проект создания военных поселений. Причина, по которой он решил устраивать так называемые военные поселения, была связана с его решением уменьшить расходы на содержание армии. Выделив солдатам земельные наделы, император искренне думал, что они с радостью займутся крестьянским трудом. Жизнь крестьянина они должны были вести в мирное время. В военное время они по-прежнему должны были нести службу [1, с. 94].

Первые военные поселения появились еще в 1810 году, в Могилевской губернии. «Часть поселяемых солдат превратили в семейных «хозяев»; у них разместили остальных холостых солдат, которые должны были помогать семейным в полевых работах [1, с. 95]. Но этот опыт оказался неудачным. Когда же началась Отечественная война 1812 г. их направили в действующую армию, а поселения опустело.

В 1816 г., когда император вновь вернулся к теме военных поселений, он пересмотрел этот проект. Если раньше крестьяне в обязательном порядке покидали села, на базе которых должно было быть организовано военное поселение, то теперь они оставались в своих домах, но становились военными поселенцами. К ним на постоянное место жительства подсаживали по два солдата регулярных частей пехоты и кавалерии, чтобы крестьяне обучали их крестьянскому труду. В военных поселениях учреждались школы, госпитали, ремесленные мастерские. Дети военных поселенцев обучались чтению, письму и счету; а с 18 лет их уже переводили в воинские части» [1].

Сама идея создания военных поселений исходила от императора, но данный проект разрабатывался А.А. Аракчеевым. Сначала Аракчеев был противником данной идеи, но после того как дан-

ный проект утвердил государь, он стал самым ярким приверженцем данной идеи и активно занимался ее реализацией.

В 1817-1818 гг. подобные военные поселения были организованы возникли в Новгородской, Херсонской и Слободско-Украинской губерниях. Позднее данная практика получила распространение и в других регионах страны.

Крестьяне, которых превращали в военных поселян, крайне негативно относились к этому. Теперь им приходилось: просыпаться по команде, по команде выходить на работу и прочее. Но и солдатам было не легче, они с трудом справлялись с крестьянскими обязанностями. В том месте, где собиралось появиться военное поселение, крестьяне всеми силами старались не допустить до этого. Да и дворяне были не в восторге от нового проекта. Они рассматривали его как худший вид крепостной неволи.

К 1820 г. в политике Александра I заметно определился поворот к реакционному курсу. Все

решения императора, сдерживающие помещичий производ, принятые им в первые годы царствования, были отменены указами 1822-1823 гг. И снова помещики без суда и следствия отправляли своих крестьян в Сибирь, и снова крестьяне подвергались насилию, а жаловаться за своих господ они не имели права [1, с. 95].

Таким образом, начавшиеся прогрессивные социальные преобразования Александра I завершились неудачей, что было связано с разочарованием самого монарха в самой возможности провести в России задуманные им преобразования.

Причинами неудач этого является, по мнению историков, тот факт, что Россия была не готова к структурным реформам. Момент для проведения реформ был явно неподходящим. Он наступил только спустя тридцать лет, когда в России изменились политические и экономические условия проведения социальных реформ.

Литература

1. Грубов В.И. История России (1796-1881). Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2013. 362 с.
2. История России. XIX век: в 2 ч. / Под ред. В.Г. Тюкавкина. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. Ч. 1. 256 с.
3. Мироненко С.В. Александр I и декабристы: Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М.: Кучково поле, 2016. 400 с.
4. Яновский О.А., Сергеевкова В.В. История России и Украины (XIX – начало XX в. Минск: БГУ, 2008. 367 с.

References

1. Grubov V.I. Istorija Rossii (1796-1881). Arzamas: Arzamasskij filial NNGU, 2013. 362 s.
2. Istorija Rossii. XIX vek: v 2 ch. Pod red. V.G. Tjukavkina. M.: Gumanit. izd. centr VLADOS, 2001. Ch. 1. 256 s.
3. Mironenko S.V. Aleksandr I i dekabristy: Rossija v pervoj chetverti XIX veka. Vybor puti. M.: Kuchkovo pole, 2016. 400 s.
4. Janovskij O.A., Sergeenkova V.V. Istorija Rossii i Ukrainy (XIX – nachalo XX v. Minsk: BGU, 2008. 367 s.

*Baldin P.P., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Dvorkovaya M.V., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kurenkova E.A., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
State University of Education*

Projects of social transformations of the Russian Empire 1813-1825

Abstract: every period of Russia's history has always been marked by a surge of reforms coming from the new government. The era of Alexander I, who was in power in the first quarter of the XIX century, is proof of this. The period of Alexander's reign falls into two parts – before the war with Napoleon and after. And in each of them, the emperor tried to carry out various kinds of transformations in order to improve, as he considered the life of his subjects. Also noteworthy are the social projects proposed by him, the attempt to implement which, having begun at the beginning of the emperor's reign, continued after the Patriotic War of 1812. First of all, they should include the project of abolishing serfdom and the project of creating military settlements. If the second project was partially implemented, the first one remained on paper. The authors of the article consider the reasons for the failure of the peasant reform and analyze the failures that befell the creation of military settlements.

Keywords: Alexander I, social transformations, project, abolition of serfdom, military settlement, Arakcheev

For citation: Baldin P.P., Dvorkovaya M.V., Kurenkova E.A. Projects of social transformations of the Russian Empire 1813-1825. Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 154 – 156.

*Енгальчева Е.В., старший преподаватель,
Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского*

Семейное чтение как инструмент социокультурной идентичности детей первого российского поколения (по материалам глубинного интервью)

Аннотация: в статье, на материалах полуструктурированного глубинного интервью с представителями первого российского поколения, раскрывается функция семейного чтения как инструмента формирования социокультурной идентичности поколения миллениалов. Характеризуется культурный контекст семейной повседневности постсоветского периода и влияние чтения на ценностные ориентации и интересы детей, определивших их личностное становление. В рамках исследования выявлены практики семейного чтения, наполнение домашней библиотеки, совместное времяпрепровождение взрослого и ребёнка, коммуникативное пространство миллениалов как первого российского поколения, появившегося в период 1981-2000-х гг.

Ключевые слова: первое российское поколение, социокультурная идентичность, семейные ценности, семейное чтение, домашняя библиотека

Для цитирования: Енгальчева Е.В. Семейное чтение как инструмент социокультурной идентичности детей первого российского поколения (по материалам глубинного интервью) // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 157 – 164.

Введение

Согласно теории Штрауса-Хоува, социальное поколение – это совокупность людей, рождённых в один исторический период и обладающих общими характеристиками для этого промежутка времени. Временной диапазон определяется двадцатилетием, что подразумевает под собой рождение и переживание одних и тех же событий примерно в одинаковом возрасте. Кроме того, поколение объединяет общие традиции, ценности, убеждения и модели поведения [6]. Опираясь на работы авторов поколенческой теории (Мангейм [9], Штраус [20], Хоув [20], Шлезингер-младший [16]) и исследователей-практиков (А. Ватлин [3], Л. Клейн [7], У. Юрайт [18], А. Юрчак [19]), стоит отметить, что на формирование поколения влияют различные факторы социокультурной идентичности индивида. К таким обстоятельствам социализации относят семью, окружение (сверстники, родители друзей), школу, библиотеку, культурно-досуговые учреждения, СМИ и другие каналы цифровой эпохи. Отдельным звеном становления поколения выделяют социально-политические, экономические и культурные изменения, происходящие в стране в конкретный исторический период.

В данной связи, актуальность проблемы, связанная с представителями первого российского поколения или поколения миллениалов, поскольку они, по мнению А. Юрчака, выполняли в обществе 1990-2000-х гг. функцию смены поколений [19]. Становление нового общества сопровождалось процессами распада Советского Союза, системы образования, книгоиздательского сектора, прежней структуры ценностей, идеалов, упорядочению

и упрощению общественных и политических ритуалов, поисками новых форм развития. Дети, рождённые с 1981 по 2000 гг., появились в сложный период времени для страны. Во-первых, происходили политические, экономические, социально-культурные преобразования. Во-вторых, поколение миллениалов воспитывалось последним советским поколением X («потерянным») – активно вовлечённым в социально-экономические процессы переходного от СССР к новой России периода, и стремившимся к преобразованию всех сферы жизнедеятельности социума, формированию культурных кодов с учётом социокультурных реалий постсоветской эпохи.

В основе исследовательской «оптики» проблемы поколенческой идентичности находится междисциплинарный подход, поскольку изучение формирования социокультурного становления конкретного поколения возможно только при коммуникативной связи историков, социологов, литературоведов и других представителей различных областей знания. В основе интеллектуально-культурного дискурса помещена индивидуальная память человека, способная воспроизвести воспоминания, речевое общение, практики и процедуры работы с текстом, положенные в основу традиций и ценностей первого российского поколения [1]. Данный подход имеет важное значение в определении факторов, повлиявших на социокультурное становление идентичности социальной группы постсоветского периода.

На сегодняшний день практически отсутствуют исследования, в центре внимания которых находится первое российское поколение с уже сформировавшейся идентичностью. Исследования, ча-

ще всего, представляют разрозненные положения о значении семьи, книги, образования в жизни человека без привязки к конкретному поколенческому аспекту. Таким образом, цель статьи – раскрыть значение семьи и семейного чтения как инструмента социокультурной идентичности детей, рождённых в 1981-2000 гг.

Материалы и методы исследования

В ходе организации исследования был определён круг участников, представляющих поколение миллениалов. Была разработана программа устного собеседования, которая легла в основу метода глубинного полуструктурированного интервью. Опрос состоял из тематических вопросов, допускающих свободу действий при формулировке ответов. В исследовании приняли участие 20 человек различных профессий (педагогических, технических, медицинских, СМИ, транспорт, экономика, маркетинг, реклама и PR и другие), с разным уровнем образования (высшее, среднее профессиональное) и местом в социальной иерархии. Общая стратегия интервью – выявление коллективного жизненного опыта в условиях политических, экономических, социокультурных трансформаций в стране в постсоветский период, а также значение семейного чтения и книги как фактора социокультурной идентичности.

Результаты и обсуждения

Общеизвестно, что формирование системы ценностей, читательских предпочтений поколения происходит в тот период, пока ребёнок не достиг взрослой жизни. Условно, учёные различных областей знаний, определяют верхнюю границу детства 17-18 лет [8]. На привитие личности определённых идентичностей влияют семья, межпоколенческая коммуникация, а также социализирующая среда. Поскольку семья является первым элементом процесса социализации, на котором происходит усвоение социальных норм, культурных эталонов, дискурсов, принятых в обществе, остановимся на ней более подробно.

Семья – важнейший институт социализации и развития личности, являющийся первым и основным звеном воспитания и формирования подрастающего поколения, транслятором общечеловеческих и национальных ценностей, исторических канонов, передающихся от поколения к поколению. Взросление первого российского поколения реализовывалось в коммуникативном пространстве нескольких поколений, переживающих изменение общественного строя, уровня жизни, экономических, политических, социально-культурных преобразований в стране [12]. Во-первых, это поколение X («потерянное»), непосредственно сами родители, воспитывающие детей в постсоветский период. Каждая семья столкнулась с новыми со-

циально-экономическими условиями, под которые нужно было подстраиваться. Так, поколение родителей, чьи ценности сложились в эпоху социалистических общественных отношений, испытывали противоречия, смещения старых ориентиров и нравственных принципов в условиях новой рыночной экономики [5]. Во-вторых, это поколение беби-бумеров, бабушки и дедушки, родившиеся в послевоенное время, приоритетами для которых являлись труд, патриотизм, образование, семья. В-третьих, «молчаливое поколение», пережившее Великую Отечественную войну. Именно это поколение сделало Россию самой читающей страной.

Основополагающую роль в воспитание и образование первого российского поколения внесли бабушки и дедушки, поскольку родители миллениалов постоянно работали, дети зачастую проживали с ними или проводили у них каникулы: *«Я помню, что в доме бабушки и дедушки я познакомился со сказками и книгами Тимофея Белозёрова, и это вообще были мои любимые сказки»* [АМ, муж, 1986 г.р. дата интервью 10.08. 2022], *«Бабушка постоянно с книжкой, у дедушки часть своей домашней библиотеки»* [ВЕ, жен, 1991 г.р. дата интервью 07.07. 2022], *«Поскольку мы проживали все вместе: я, моя сестра, наши родители и бабушка, дедушка, в садик мы не ходили. Когда родилась моя сестра, дедушка уволился с работы, стал проводить с нами время. Я, когда вспоминаю этот период детства, он ассоциируется не с родителями, а именно с дедушкой, потому что он ходил с нами гулять»* [ВМ, жен, 1983 г.р. дата интервью 17.06. 2022], *«Я росла в такое сложное время, в перестройку, и очень много времени мама проводила на работе. Я много времени проводила с бабушкой и дедушкой»* [АМ, жен, 1990 г.р. дата интервью 10.09. 2022], *«бабушка мной занималась, родители были на работе»* [О. Ш., жен., 1995 г.р., дата интервью 10.07. 2022]. Тем самым, коммуникативная связь с другими поколениями позволила познакомиться с культурными дискурсами предшествующих эпох.

Издержки социально-экономических, политических, культурных преобразований в России оказали негативное влияние на значение семьи, выполнение ею социокультурных функций. В период с 1990-2000 гг. модифицировались не только практики межпоколенческой трансляции знаний, но и форма проведения досуга, культура чтения взрослых, влияющая и на поведение детей и подростков. Респонденты (17 из 20) в интервью отмечали *«родители много работали»* [К.М., жен., 1988 г.р. дата интервью 11.07.2022], *«мы были предоставлены сами себе»* [Л. П., жен., 1983 г.р., дата интервью 12.07.2022], *«папа водителем автобуса работал, потом таксовал на своей машине, дома*

его не было» [М.П., жен., 1985 г.р., дата интервью 15.07.2022], «папа работал экспедитором, мама была в больницах с младшей сестрой» [Б.Г., муж., 1987 г.р., дата интервью 05.08.2022]. Любовь (1983 г.р.), вспоминая 90-е гг., отмечает: «я не помню, чтобы в детстве родители читали мне какие-то произведения. В принципе, мы были предоставлены сами себе в детское время. Мы были обычной рабочей семьей. Родители... в основном их жизнедеятельность была нацелена на то, чтобы прокормить семью». Проанализировав ответы респондентов, отметим, что в 1990-2000 гг. в семьях, где проживало несколько детей, курс воспитания строился на умении трудиться и помогать родителям. Взрослые постоянно работали сами и приучали к этому детей и подростков: «у родителей прибавилось очень много работы помимо основной работы. В такое не легкое для страны время родители делали по вечерам ремонт, пытались зарабатывать» [Е.Г., жен., 1993 г.р., дата интервью 05.08.2022]; «мы держали хозяйство. При этом сажали 2 огорода картошки, соток 80, 100. И еще с другой стороны. Мы огород могли копать 5 дней, при этом папа не всегда был дома, и копали только мама и я с сестрой» [М.П., жен., 1983 г.р., дата интервью 15.07.2022]; «занимались огородом, выращивали картофель и разную зелень» [Б. Г., муж., 1987 г.р., дата интервью 05.08.2022]. Отметим, что большинство рабочих семей испытывали финансовые трудности в постсоветское время, поэтому искали дополнительные возможности заработка, занимались хозяйством.

Респонденты, участвующие в полуструктурированном глубинном интервью отмечали, что родители, бабушки и дедушки выступали для них советчиками в выборе литературы, во взаимоотношении с другими людьми. Они вспоминали праздники, игры, которые присутствовали в их семье: «Многодетная семья, и для нас это большая ценность. Новый год часто проводили в деревне, где жили бабушка с дедушкой. Для меня это тоже одно из ярких самых воспоминаний: катание с горки, снег, мороз, сельский дом, ёлка» [А.М., муж., 1986 г.р., дата интервью 10.08.2022]; «На праздники приходили все родственники, вытаскивали 2 стола в зале. Куча родственников» [О. Ш., жен., 1995 г.р., дата интервью 10.07. 2022]; «Юбилей, значимые даты. Собирали всех родственников, 3 стола составишь, народ придет, толпится» [В.Е., жен, 1991 г.р., дата интервью 07.07. 2022]; «Единственный досуг был это ходить в гости. И собирались у нас дома на каких-то праздниках. Ну, я с детства всегда помогала маме готовить что-то, накрывать на стол, всегда меня брали на все родительские гулянки» [М.К., жен, 1991 г.р., дата интервью 12.08. 2022].

Отметим, что семья – как основа общества, транслирующее базовые ценности через воспитание и обучение детей и подростков. Так, последнее советское поколение через семейные обычаи, праздники, чтение и книги передавало первому российскому поколению устои и ценности, чтобы подготовить их к выполнению социальных функций и ролей. Это, в свою очередь, позволяло взаимодействовать с окружающими, реализовывать профессионально-трудовые, общественно-политические, культурные, семейно-бытовые и другие функции [17].

Н.А. Бердяев полагал, что культурное развитие человека связано с предками, традициями и преданиями. Значимую роль приобретают условия места и времени рождения индивида, символы и знаки, заложенные в детском возрасте [2]. Поэтому культура чтения родителей, дедушек и бабушек, практики их межпоколенческой трансляции играли в постсоветское время огромную роль, поскольку выступали инструментом для социокультурной идентичности детей первого российского поколения. Так, Анатолий [1994 г.р., дата интервью 20.07. 2022] ассоциировал роль родителей с работой переводчиков, поскольку они передавали ему знания, заложенные в текстах мировой литературы: «книги были достаточно старые, и много было слов непонятных мне тогда, родители у меня тогда работали переводчиками, я бы их назвал, словарями ходячими. И они мне растолковывали, что значит одно, что значит какое-то слово. В частности, я узнал «перста», «ланиты», что в старых таких текстах встречалось». В воспоминаниях респондентов можно было услышать фразы «мне читали сказки, потому что родителям читали сказки» [Е.Г., жен., 1993 г.р., дата интервью 05.08.2022], «Сказка о Царе Салтане», Пушкин. Чаще всего Пушкин...а кто еще?» [А.М., жен., 1986 г.р., дата интервью 19.08.2022], «читали Кошкин дом, от бабушки достался» [О.Ш., жен., 1995 г.р., дата интервью 10.07.2022], «Еще я помню Федорино Горю из детства. Книжку эту. Дядя Степа великан» [Л.П., жен., 1983 г.р., дата интервью 12.07.2022], «Были книги про кота Василия и про цыплёнка, которые мне больше всего запомнились и полюбились» [Б.Г., муж., 1989 г.р., дата интервью 05.08.2022]. Подчеркнём, ребёнок рассматривает семью как определённую целостность с ценностями, установками, формами общения. Родительский приоритет перенимается детьми через игру, общение, совместное времяпрепровождение, семейные праздники, семейное чтение и многое другое [15].

Общение с книгой в разные годы взросления развивает знания о культуре, традициях и нравах народа, нормах и общечеловеческих ценностях.

Детский книжный мир, по мнению исследователей, это ингерентная часть общечеловеческой культуры, которая формируется и обогащается на определенной национальной традиции на протяжении многих веков. Это может быть чтение по ролям, чтение перед сном, вечера с книгой и другое. Все это и составляет семейные традиции, связанные с книгой. *«У нас в семье были так называемые поэтические вечера. Мы жили вместе с папиной мамой и еще с нами жила её внучка. И чтобы её как-то приохотить мы устраивали так называемые Тургеневские чтения. И стихи вслух читали, и учили стихи вместе. Вместе читали, вместе учили. Обсуждали всегда то, что прочитали, впечатлением делились»* [В.Е., жен., 1991 г.р., дата интервью 07.07.2022]; *«чтения вслух – это был обязательный ритуал. Причем довольно длительно, начиная с дошкольного возраста и, наверное, до класса 7. Отец читал нам вслух вечером каждый день перед сном.. Читали в основном авторские сказки Джанни Родари, Алана Милна про Винни-пуха, «Карлсон», сказки Пушкина. Отец вообще большой любитель Пушкина»* [В.М., жен., 1983 г.р., дата интервью 17.06.2022]; *«Когда я была маленькой, чтение вслух было, но все закончилось в год в 4, потому что я просила папу научить меня читать»* [К. С., жен., 1988 г.р., дата интервью 11.07.2022]. Вера [1983 г.р., дата интервью 17.06. 2022] вспоминает, что чтение в их семье было неким ритуалом. Они не только читали, обсуждали книги, но и рисовали: *«мы мало обсуждали, но поскольку отец художник, мы рисовали то, что он нам читал. Мы работали с пластилином. Иногда отец нам ставил один большой мольберт»*.

Как видно из воспоминаний, чтение, в большинстве семей, играло большую роль. Несмотря на перестроечные трудности, взрослые детям читали, собирали домашние библиотеки, влияли на привитие социокультурных идентичностей. Из 20 респондентов только у 6 были практики семейного чтения и обсуждение прочитанного [А.К., жен., 1991 г.р., А.М., муж., 1986 г.р., В. Е., жен., 1991 г.р., Д.З., жен., 1995 г.р., В.М., жен., 1983 г.р., К.С., жен., 1988 г.р.], в остальных семьях – *«читали самостоятельно»*, *«гуляли на улице»*, *«смотрели телевидение»*, *«помогали родителям на огороде»*. Культура чтения присутствовала, но как дополнительный элемент социокультурного становления детей и подростков.

Чтение детской литературы – преходящий момент, поскольку через поколение он вспоминается родителями ребёнка, затем повторно возникает на уровне бабушек и дедушек, прауродителей. Недополучение информации в одном из звеньев поколений, в определенном возрасте может отразиться

на эмоционально-эстетическом уровне. Тем самым, детская книга – это шаг к формированию идентичности ребёнка, его личностных индивидуальных особенностей: интересов, вкусов и предпочтений [4]. Андрей [1986 г.р., дата интервью 10.08. 2022] делится воспоминаниями о том, какую роль книга и чтение занимали в судьбе его семьи: *«что касается литературы и любви к ней, то я думаю, что влияние получил наиболее сильное от дедушки, который кузнецом работал. Вот он книги любил – сам всю жизнь читал, и нам старался это привить. И дедушка мой очень любил Александра Сергеевича Пушкина. Даже такой деликатный момент вам расскажу: когда он умирал, он очень просил, чтобы ему почитали Евгения Онегина. Несколько дней перед его смертью мы читали ему Евгения Онегина»*.

На основе вышеизложенного, уточним, что каждая семья создаёт свою модель чтения, которая, по мнению Ю. П. Мелентьевой, базируется на нескольких признаках. Во-первых, это устная коммуникация или «чтение вслух», формирующая атмосферу доверия, общность интересов. Во-вторых, это обязательное формирование семейной библиотеки, которая развивает читательские вкусы и предпочтения. В-третьих, семейное чтение реализует познавательные, воспитательные, развивающие, рекреационные, социализирующие, коммуникационные функции. Это единственный и главный атрибут духовного общения взрослого и младшего поколений [10].

Образ домашней библиотеки, по мнению О.В. Сергеевой, представлен тремя типами. Первый тип «книги в доме – часть жизни семьи» [13]. Это библиотека, которая наполнена разными типами и видами литературы, вызывает у человека разнообразные воспоминания. Библиотека собиралась предшествующими поколениями, бережно хранилась: *«у нас очень большая библиотека была. Эту библиотеку собирал дедушка, потому что он был партийным работником, и как я понимаю, можно было достать вот эти все книги. Очень много было «ЖЗЛ» книги – «Жизнь замечательных людей», Сталин и всё остальное. Библиотека была шикарная, я много книг брала именно из домашней библиотеки, таких как Гюго»* [А.К., 1991 г.р., дата интервью 10.08. 2022]; *«у папы была большая домашняя библиотека книг. Это поэты, прозаики. Это сборники произведений Маяковского, Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Пушкина, Чехова, Достоевского. Это Лермонтов, Жуковский. Поэты-шестидесятники и их произведения. И конечно часть папиной библиотеки составляли книги по истории России»* [К.А. 1988 г.р., дата интервью 01.07. 2022]

Второй тип – «книги в доме есть» [13]. Это домашняя коллекция, состоящая из определенных книг, например, произведений школьной программы. Собиралась родителями, ориентируясь на «читательскую моду»: *«Серебряная книга сказок», «Золотая книга сказок», там и зарубежные, и российские были авторы»* [В.Е. 1991 г.р., дата интервью 07.07. 2022], *«Эдгар По, Рэй Бредбери – это всё было в нашей библиотеке домашней, у родителей»* [А.М. 1986 г.р., дата интервью 10.08. 2022]; *«была целая серия Гарри Поттера. Это были «Узник Азкабана», «Орден Феникса», «Принц Полукровка» и «Дары смерти»* [О.Ш. 1995 г.р., дата интервью 10.07. 2022].

Третий тип – «дома без книг» [13]. Среди респондентов, участвовавших в нашем исследовании, не было таких, у которых отсутствовала домашняя библиотека.

Таким образом, наличие или отсутствие домашней библиотеки позволяет говорить о типе читателя, который формируется с детского возраста. История домашней библиотеки позволяет проанализировать читательские интересы и потребности предшествующих поколений, категории социокультурной идентичности человека. Семьи, имеющие книжный фонд, раскрывают историю и источники пополнения своей библиотеки, тем самым демонстрируя память о прошлом, ценностях и традициях. Состав домашней библиотеки отражает читательские предпочтения, профессиональные занятия и любительские интересы нескольких поколений, что и определяет круг чтения ребёнка и подростка в будущем. Стоит отметить, что домашняя библиотека была у всех опрошенных нами респондентов, отличие состоит лишь в качественном и количественном соотношении: *«в библиотеке были стихи Роберта Рождественского. Евтушенко были сборники, Вознесенского были сборники. Была своя небольшая библиотека, но она очень содержательная и интересная»* [А.М. 1986 г.р., дата интервью 10.08. 2022]; *«У нас был стеллаж с книгами»* [О.Ш. 1995 г.р., дата интервью 10.07. 2022]; *«у нас был огромный стеллаж детской литературы, гигантский. Потом был забит шкаф книгами в зале, еще забит шкаф в детской. И папа даже рассказывает, что в советское время это было модно, такой признак статуса, богатства, что у тебя есть книги»* [М.К. 1991 г.р., дата интервью 12.08. 2022];. Стоит отметить, что приобретать книги в домашнюю библиотеку было дорого, респонденты отмечали: *«книгами обменивались между родственниками»* [К.М., жен., 1988 г.р.; В.Е., жен., 1991 г.р.], *«книги покупались по талонам»* [Е.В., муж., 1983 г.р.], *«сдавалась макулатура, чтобы на вырученные деньги купить книгу»* [К.А., жен., 1988 г.р.], *«да-*

рилась на праздники» [А.С., муж., 1994 г.р.; О.Ю., жен., 1989 г.р.; К.А., жен., 1988 г.р.], *«поскольку 4 года мои родственники жили за границей, там была возможность купить книги. Они покупали и отправляли в Россию»* [В.Е., жен., 1991 г.р.].

В целом, постсоветский период внёс значительные изменения в культуру чтения и практики межпоколенческой трансляции взрослого, несмотря на то, что во многих семьях были собраны богатейшие издания русской и зарубежной литературы. Трансформация культуры чтения взрослого была связана с масштабным распространением телевидения, информационных технологий и западной культуры. Распространение получила «массовая» или «бульварная литература». Предпочтения к такой литературе исследователи связывали с высоким уровнем тревожности, депрессией и пессимизмом, которые ощущались в обществе после 1994 г. С 1995 г. наиболее востребованными жанрами среди населения стали: детективы, боевики, романы о любви, «женские» романы, фантастика. Среди детективных авторов отмечали А. Маринину, П. Дашкову, Д. Донцову, Т. Полякову, М. Серову, А. Малышеву. Среди авторов-боевиков – А. Воронина, Е. Сухова, Н. Леонова, Ч. Абдуллаева, А. Бушкова. Эволюция читательских интересов была связана с изменением социальных катаклизмов (рыночная экономика, внешняя демократизация, обеднение большинства групп российского населения, коммерциализация издательской деятельности, распад советской интеллигенции и другое), происходящих в обществе. В названиях любовных романов преобладали «И ты полюбишь однажды», «Огонь любви», «Остров мечты». Картинки на обложках книг воспроизводили массовые стереотипы мужской и женской красоты. Среди боевиков – «Бешеный», «Лютый», «Ворон», «Банда», «Варяг» и другие. В таких изданиях главный герой наделён определёнными способностями, которые помогают ему противостоять врагам. В детективных историях – «Каменская», «Пружина для мышеловки», «Как мы выживали».

К 2000-м г. распространение получила система «глянцевого» журналов, демонстрирующих образцы модного потребления. Взрослое население выбирало тонкие иллюстрированные издания с фотографиями звезд телеэкрана, общественно-политическую, развлекательную, скандальную, рекламную прессу. Таким образом, социокультурная атмосфера семейной повседневности к концу 2000-х гг. по сравнению с советским периодом, изменилась, что повлияло и на культуру чтения первого российского поколения. В беседах с респондентами можно было услышать: *«мама моей одноклассницы читала романы Дарьи Донцовой.*

Она мне дала прочитать. Потом я прочитала, наверное, всё, что выходило у Донцовой» [А.К., жен., 1991 г.р. из интеллигентной семьи]; «Детективы какие-то «Женщины в белом». Это я точно помню. Мама до сих пор покупает книжки на рынке, где стоят киоски с уцененными книгами» [О.Ш., жен., 1995 г.р.]; «Детективы любила, Маринину любила читать, а потом еще сериал в 1999 г. вышел с Еленой Яковлевой. До дыр просмотренный, наизусть все знаем, цитируем» [В.Е., жен., 1991 г.р. из интеллигентной и обеспеченной семьи]; «В школе мне нравилась Екатерина Вильмонт, и у нас было очень много её» [А. М., жен., 1990 г.р.]; «были книги серии разных детективов. Я сейчас фамилии не помню. Я их помню визуально по корешкам» [Л.П., жен., 1983 г.р.], «Отец читал чаще всего детективы наших авторов, не Донцова, конечно, но серия а-ля «Слепой» вот эти детективные. Было у него много книг достаточно связанных с фильмами. Книга была по истории Рэмбо, даже находил книгу о Звездных войнах» [А.С., муж., 1994 г.р.]. Тем самым, бульварная литература захватила все категории читателей, в некоторых семьях собирались серии книг определённых авторов и тематики.

Иными словами книга, домашняя библиотека, семейное или совместное чтение формирует традиционные семейные ценности. Они довольно детально и точно описаны в собранных нами кейсах воспоминаний респондентов. Именно поэтому в интервью можно встретить противоречивые и «особенные» взгляды на одни и те же события, атрибуты детской жизни.

Выводы

Таким образом, именно семья остаётся первым и единственным институтом социализации ребёнка

ка, средой воспитания, оказывающий ключевой вклад в формирование социокультурной идентичности индивида. Связь этих поколений (их интересы, взгляды, убеждения) формируется с помощью собирания личных, семейных, домашних библиотек. Дети разных эпох, даже разных сред формируют различные коды, культурные формы, которые влияют на их успехи и успехи последующих поколений [14]. Эти культурные формы трансформируются в зависимости от происходящих политических, экономических, религиозных, технологических изменений, но создают мощный социально-культурный дискурс идентичности конкретной семьи. Наличие домашней библиотеки, чтение, взаимосвязи взрослого и ребёнка по поводу прочитанного текста, общие интересы и увлечения, совместное времяпрепровождение влияют на формирование социокультурного капитала. Внутрисемейная и внесемейная коммуникация является не только инструментом социокультурной идентичности детей первого российского поколения, но и обладает собственной ценностью, создавая уникальную культурную сферу. В тесном взаимодействии постсоветской семьи происходило становление личностных и профессиональных интересов, формирование эмоционально-волевой и духовной сферы ребёнка первого российского поколения. Это, в свою очередь, повлияло на создание семейных традиций и ценностей поколения миллениалов, на их читательские вкусы и предпочтения, умение выбирать из огромного количества литературы ту, которая будет обогащать, наполнять, формировать духовную культуру детей последующих поколений.

Литература

1. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
2. Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. 173 с.
3. Ватлин А.Ю. В поисках «истинного социализма»: историческое сознание поколения перестройки // Форум новейшей восточно-европейской истории и культуры. 2013. № 1. С. 59 – 72. URL: <https://www1.ku.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss19/08Vatlin.pdf> (дата обращения: 04.03.2023)
4. Горбунова З.А., Добрынина Н.Е. Первые шаги ребенка в книжный мир: дипломная работа по специальности «Библиотечное дело и библиография» // Изучение читателей – детей и подростков в России XIX-XX вв.: учеб. пособие. М.: Школьная библиотека, 2006. С. 95.
5. Дементьева И.Ф. Трансформация ценностных ориентаций в современной российской семье // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2004. № 6-7. С. 150 – 160.
6. Исаева М. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 290 – 295.
7. Клейн Л.С. Культура и эволюция. Теоретические исследования. СПб: «Евразия», 2018. 316 с.
8. Кудрявцев В.Т. Психология развития человека. Основания культурно-исторического подхода. Часть 1. Рига: Педагогический центр «Эксперимент», 1999. С. 63.
9. Мангейм К. Проблема поколений // Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 8 – 63.
10. Мелентьева Ю.П. Семейное чтение: теоретический аспект // Библиосфера. 2011. № 18. С. 11 – 14.

11. Россия – 2000. Современная политическая история (1985-1999). Т. 1. Хроника и аналитика. 3-е изд. Доп. И перераб. М., 2000. С. 408 – 410.
12. Сергеева О.В. Домашняя библиотека и чтение: социальные практики в современной городской семье // Вестник Волгоградского государственного университета. Философия. Социология и социальные технологии. 2008. № 1 (7). С. 86.
13. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. Москва: Феникс, 1994. С. 109.
14. Шакурова М.В. Социально-педагогические условия становления социокультурной идентичности личности: монография. Воронеж: ВГПУ, 2006. С. 17 – 96; 1997. С. 21 – 23.
15. Шлезингер А. М., мл. Циклы американской истории. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 688 с.
16. Энциклопедический социологический словарь / под ред. Г.В. Осипова. М.: ИСПИ РАН, 1995. С. 44.
17. Юрайт У. Поколение и память. Концептуальные размышления о поколенческих аспектах, процессов, воспоминаний самотематизации // Работа над прошлым: XX век в коммуникации и памяти послевоенных поколений Германии и России: сборник статей. Челябинск: Каменный пояс, 2014. С. 16 – 17.
18. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / предисл. А. Беляева; пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.
19. Strauss W., Howe N. Generations. New York: William Morrow & Co., 1991. 538 p.

References

1. Assman A. Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriej. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 552 s.
2. Berdjaev N.A. Smysl istorii. M., 1990. 173 s.
3. Vatlin A.Ju. V poiskah «istinnogo socializma»: istoricheskoe soznanie pokolenija perestrojki. Forum novejshej vostochno-evropejskoj istorii i kul'tury. 2013. № 1. S. 59 – 72. URL: <https://www1.ku.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss19/08Vatlin.pdf> (data obrashhenija: 04.03.2023)
4. Gorbunova Z.A., Dobrynina N.E. Pervye shagi rebenka v knizhnyj mir: diplomnaja rabota po special'nosti «Bibliotekovedenie i bibliografija». Izuchenie chitatelej – detej i podrostkov v Rossii XIX-XX vv.: ucheb. posobie. M.: Shkol'naja biblioteka, 2006. S. 95.
5. Dement'eva I.F. Transformacija cennostnyh orientacij v sovremennoj rossijskoj sem'e. Vestnik RUDN. Serija: Sociologija. 2004. № 6-7. S. 150 – 160.
6. Isaeva M. Pokolenija krizisa i pod#ema v teorii V. Shtrausa i N. Houva. Znanie. Ponimanie. Umenie. 2011. № 3. S. 290 – 295.
7. Klejn L.S. Kul'tura i jevoljucija. Teoreticheskie issledovanija . SPb: «Evrazija», 2018. 316 s.
8. Kudrjavcev V.T. Psihologija razvitija cheloveka. Osnovaniya kul'turno-istoricheskogo podhoda. Chast' 1. Ri-ga: Pedagogicheskij centr «Jeksperiment», 1999. S. 63.
9. Mangejm K. Problema pokolenij. Oчерки sociologii znaniya: Problema pokolenij. Sostjazatel'nost'. Jekonomicheskie ambicii. M.: INION RAN, 2000. S. 8 – 63.
10. Melent'eva Ju.P. Semejnoe chtenie: teoreticheskij aspect. Bibliosfera. 2011. № 18. S. 11 – 14.
11. Rossiya – 2000. Sovremennaja politicheskaja istorija (1985-1999). Т. 1. Hronika i analitika. 3-е изд. Доп. I перераб. М., 2000. С. 408 – 410.
12. Sergeeva O.V. Domashnjaja biblioteka i chtenie: social'nye praktiki v sovremennoj gorodskoj sem'e. Vest-nik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija i social'nye tehnologii. 2008. № 1 (7). S. 86.
13. Smelzer N. Sociologija: per. s angl. Moskva: Feniks, 1994. S. 109.
14. Shakurova M.V. Social'no-pedagogicheskie uslovija stanovlenija sociokul'turnoj identichnosti lichnosti: monografija. Voronezh: VGPU, 2006. S. 17 – 96; 1997. S. 21 – 23.
15. Shlezinger A. M., ml. Cikly amerikanskoj istorii. M.: Progress, Progress-Akademija, 1992. 688 s.
16. Jenciklopedicheskij sociologicheskij slovar'. pod red. G.V. Osipova. M.: ISPI RAN, 1995. S. 44.
17. Jurajt U. Pokolenie i pamjat'. Konceptual'nye razмышlenija o pokolencheskih aspektah, processov, vospo-minanij samotematizacii. Rabota nad proshlym: XX vek v kommunikacii i pamjati poslevoennyh pokolenij Ger-manii i Rossii: sbornik statej. Cheljabinsk: Kamennyj pojas, 2014. S. 16 – 17.
18. Jurchak A. Jeto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie. predisl. A. Beljaeva; per. s angl. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 664 s.
19. Strauss W., Howe N. Generations. New York: William Morrow & Co., 1991. 538 p.

*Engalycheva E.V., Senior Lecturer,
Omsk State University named after F.M. Dostoevsky*

**Family reading as a tool of socio-cultural identity of children of the
first Russian generation (based on in-depth interview materials)**

Abstract: the article, based on the materials of a semi-structured in-depth interview with representatives of the first Russian generation, reveals the function of family reading as a tool for forming the socio-cultural identity of the millennial generation. The cultural context of family everyday life of the post-Soviet period and the influence of reading on the value orientations and interests of children who determined their personal formation are characterized. Within the framework of the study, the practices of family reading, the filling of the home library, the joint pastime of an adult and a child, the communication space of millineals as the first Russian generation that appeared in the period 1981-2000's were identified.

Keywords: the first Russian generation, socio-cultural identity, family values, family reading, home library

For citation: Engalycheva E.V. Family reading as an instrument of socio-cultural identity of children of the first Russian generation (based on in-depth interview materials). Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 157 – 164.

*Фомин М.В., кандидат исторических наук, доцент,
Севастопольский государственный университет*

О центрических мартириях позднеантичного Херсонеса – ранневизантийского Херсона

Аннотация: позднеантичный Херсонес-Византийский Херсон является уникальным археологическим комплексом. На его территории сохранились памятники, которые позволяют проследить элементы процесса развития Христианской архитектуры. Одним из уникальных явлений стали центрические христианские храмы. Они имели мартиральные функции и возводились на местах погребения святых или «проявления Бога» (теофании), явления чуда. Их конструктивной особенностью стало ориентирование внутреннего пространства на святыню, которая располагалась в центре архитектурного комплекса и являлась объектом поклонения. В Херсонесе-Херсоне наибольший интерес представляет два таких объекта. Загородная крестообразная церковь известная в литературе как Богородицы Влахернской была построена на территории раннехристианского кладбища, в память о мучениках, пострадавших в период гонений на христиан. Комплекс имел форму равностороннего креста, в каждой из ветвей были сделаны двери. Вся конструкция была ориентирована на центр внутреннего пространства, где совершались специфические богослужения. Позднее комплекс утратил центричность и был перестроен в церковь традиционной архитектуры: в восточной ветви было сформировано алтарное пространство. Другим уникальным архитектурным памятником стал тетраконхинальный теофанический мартирий. Он был возведен на месте «явления чуда» по молитве св. еп. Капитона. Здание представляло собой соединенные четыре полукруга. В центре конструкции, под полом находились остатки печи для обжига извести. С этой печью было связано предание о чуде, явленном по молитве св. еп. Капитона. Храм сохранил циничность формы на протяжении всей истории функционирования. Оба эти комплекса играли важную роль в религиозной жизни горожан и представляют собой этап развития христианской архитектуры.

Ключевые слова: Христианство, Херсонес-Херсон, мартирий, тетраконх, теофания, церковь, Византийская империя

Для цитирования: Фомин М.В. О центрических мартириях позднеантичного Херсонеса – ранневизантийского Херсона // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 165 – 170.

Вопрос формирования раннехристианской архитектурной традиции сохраняет свою актуальность, не смотря на продолжительную историю исследования и обширную историографию. Во многом это связано в том числе и с тем, что многие раннехристианские центры (как например Салоники, Афины, Константинополь-Стамбул, Эдесса, Антиохия и др.) скрыты более поздней застройкой, а сами памятники были многократно перестроены и утратили свой первоначальный вид.

В этой связи особый интерес представляет Херсонес-Херсон (Севастополь). Его преимуществом и особенностью является то, что древний город расположен вне застройки Нового времени, на его территории с конца XIX в. ведутся системные археологические изыскания, сложился научно-исследовательский комплекс, на сегодняшний день накоплен значительный материал, позволяющий проследить процессы трансформации позднеантичного провинциального центра в ранневизантийский город.

Среди объектов городища особого внимания заслуживают многочисленные памятники христианской монументальной архитектуры. Город, расположенный на окраинах империи, на границе

римско-византийского мира и мира варваров представляет особый интерес. С одной стороны, это провинциальный город, находящийся в стороне от основных событий Империи, с другой, здесь долгое время сохранялись архитектурные особенности, которые в крупных имперских центрах исчезли. Среди памятников раннехристианской архитектуры особое внимание заслуживают такое уникальное явление как центрические христианские храмы ранневизантийского Херсона.

В процессе формирования ранней христианской архитектурной традиции возникло два основных типа культовых сооружений: базиликальный и центрический. Именно их развитие, а в дальнейшем и сочетание стали основой многообразия архитектурных форм христианских храмов. Если базилики превратилась в основной архитектурный тип характерный для ранних церквей, предназначенных для массовых богослужений, то центрические сооружения становятся основным типом для специфических храмов: крещален и мартириев.

Сама традиция возведения христианских центрических сооружений корнями восходит к постройкам Палестины 30-х гг. IV в. Возведенные св. Еленой (матерью императора Константина) на

местах земной жизни Иисуса Христа, они представляли собой ротонды без апсиды и становились центрами особого почитания мест, связанных с событиями Евангельской истории [3, с.81-82]. Наибольшую известность приобрела круглая ротонда, возведенная над местом упокоения и воскресения Христа и ставшая смысловым центром комплекса Анастасис (более известного в литературе как «Храм гроба Господня»). [13, с. 123-130]

Происхождение традиции

Но сама архитектурная форма была импортирована из эллинистической архитектурной традиции, в свою очередь имевшей более ранние корни. В процессе становления центральных сооружений важную роль играла архитектура Ближнего Востока и особенно Сирии.

Так, под ее влиянием возводили здания подобной формы для римских императоров. Примером может быть мавзолей Диоклетиана во дворце в Сплите выстроенный антиохийскими зодчими в форме Октагона. В самой Антиохии по заказу Константина был построен так называемый «Золотой октагон» [3, с. 92-93].

В VI веке сформировался тип октагона, вписанного в прямоугольный или квадратный план. К такому типу относились храм св. Георгия в Изре (южная Сирия) датируемый 515 г. [3, с. 92-93]. Примером могут так же служить баптистерии Ареанский и Православных в Равенне [14, с. 41-58].

Другой формой стали крестообразные сооружения. К этому архитектурному типу относятся и мавзолей Галы Платидии V в. в Равенне. Наибольшую известность приобрел ансамбль монастыря преподобного Симеона Столпника (Калат-Семан), построенный в 476-490 гг. в Северной Сирии. Он представлял собой крест, образованный четырьмя сходящимися к центру базиликами, восьмигранное пространство между которыми было перекрыто деревянным шатром, под которым стоял каменный столб-башня – место аскетического подвига преп. Симеона [3, с. 94-98].

В столице Империи был построен величественный мавзолей - Апостолеон, который должен был стать местом поклонения мощам святых апостолов. Он был разрушен в турецкое время, и на его месте возведена мечеть Фатиха. Это породило множество споров о форме христианского мемориального комплекса. Так, Р. Краутхаймер полагал, что сооружение имело форму базилики [5, с. 62-64]. А.М. Высоцкий и Ф.В. Шелов-Коведяев отстаивали точку зрения о крестообразном, центрическом сооружении, которое являлось частью сложного комплекса. А. Хайзенберг предполагал, что «рукава» здания представляли собой трехнефные базиликальные по форме пристройки. К. Ман-

го полагал, что речь идет об одном здании, построенном в центре двора [1, с. 65-82]. Все эти сооружения объединяла их ориентация на святыню, расположенную в центре архитектурной композиции. Со временем, такая специфическая ориентация уступила место ставшей традиционной восточной.

В этом отношении особый интерес представляют ряд сооружений, открытых в Херсонесе-Херсоне и сохранивших следы центральной ориентации.

Дом «Девы Марии, именуемой Влахернской» [9, с. 149-150, 10, с. 1302-1307]. В первую очередь необходимо остановиться на крестообразном храме Богородицы Влахернской в Карантинной балке «среди святых могил» [9, с. 149-150, 10, с. 1302-1307]. Церковь была связана с почитанием памяти первых херсонесских христиан, а с второй половины VII в., после смерти в Херсонесе в 655 г. св. Мартина, и с его памятью.

Комплекс был открыт и исследован К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1902 г. [4], в последующем он был исследован О.И. Домбровским [2, с. 289-317].

Участок загородного некрополя стал местом погребения херсонесских христиан погибших в период гонений, продолжавшихся до 80-х гг. IV в. (об этом красноречиво свидетельствуют как христианские надгробия и эпитафии, так и склепы с христианской полихромной живописью) [15, с. 225-232]. Первоначально здесь был построен небольшой однефный храм-мавзолей в память о событиях, связанных с становлением Церкви в городе [11, с. 416-430]. Его остатки были открыты работами под руководством О.И. Домбровского. Но к сожалению, не были достаточно точно зафиксированы. Спустя некоторое время ранний храм был разрушен (или разобран), а на его месте возник новый, больший, крестообразный по форме. Все остатки малого храма были собраны в центральной части большого храма и над ними, как над святыней совершалось богослужение [2, с. 306].

Первоначально крестообразный храм имел четыре входа. Службы в нем могли носить специфический характер и совершались в центре. Позже, сооружение было перестроено, алтарь перенесен в восточную ветвь креста. Здесь был устроен синтрон, все двери кроме западного входа были заложены. Между восточной и южной ветвями креста пристроили крещальню, а в окне в южной ветви креста была прорублена дверь. С северной стороны пристроили ряд помещений, вероятно, жилого или хозяйственного назначения. Под полом пристройки с северной стороны находился склеп с материалом V-VII вв. и монетой Юстиниана I. [2,

с. 306] Стены храма были оштукатурены и расписаны. Штукатурка обновлялась как минимум три раза [2, с. 289-312]. Пол был покрыт мозаикой с христианской символикой. Центром композиции был квадрат, в котором помещалось изображение чаши с произрастающими из нее виноградными лозами и расположенными симметрично павлинами. Подобные изображения широко известны на Христианском Востоке и в значительном количестве присутствуют в памятниках Северной Сирии [7, с. 121-133]. В Херсонесе это так же не единственное подобное изображение [17, с. 72-80; 18, с. 299-390]. Сама композиция (чаша как символ Евхаристии, виноградная лоза – учения Христова, павлины – символ вечной жизни) подчеркивает особое значение сокрытого под ней. При этом центральная часть, накрывавшая собой остатки маленького храма, как некую святыню была перекрыта для хождения прихожан. Об этом свидетельствует отсутствие потертостей или повреждений на центральной части мозаики в отличие от других участков пола [2, с. 289-319].

В середине XI в. церковь, вероятно, пострадала при землетрясении и была перестроена. Ранний коробовый, кирпичный свод, поврежденный катаклизмом, заменили конической крышей со стропильным перекрытием. Плинфа от первоначального коробового свода вошла в качестве строительного материала в очередную предалтарную вымостку и кладку стены, сложенную на мозаичном полу. Мозаика была перекрыта новым полом [10, с. 851-857]. Толщина стен 0,9 - 1 м, сложенных на известковом растворе, а также факт присутствия довольно широких заплечий и арочных тяг косвенно указывает на существование в храме сводов над четырьмя ветвями креста. В таком виде храм существовал еще долгое время.

Интересным фактом может быть, то что храм пережил Херсонес-Херсон. Он оставался местом особого почитания и паломничества со стороны крымских греков и после запустения города [9, с. 149-150; 10 с. 1302-1307].

Тетраконхиальный (Четырехапсидный) храм

Другим центрическим сооружением в городе стал памятник известный в литературе как тетраконхиальный теофанический мартирий № 47. Храм представлял собой сооружение, состоящее из четырех лепестков-апсид, примыкающих к квадрату. Оно было возведено в юго-западной оконечности города.

Сама форма сооружения известна по памятникам Востока (церковь в Сергиополе (Расафа, Сирия); кафедральный собор Сергия и Вакха в Босре (Сирия)) и особенно Кавказа (Джвари (Мцхета, Грузия); Звартноц, Эчмиадзин (Армения) и др.), но такая архитектурная форма встречается и в

Греции (церковь Мегали Панагия (Афины)) и в Италии (церковь Сан Витале (Равена)). Сама форма сооружения в значительном количестве случаев использовалась для специфических построек мавританских, баптистериев.

Большинство специалистов придерживается точки зрения, что храм возведен не ранее VI в. [6, с. 155-169; 10, с. 851-857]. Памятник был обнаружен в 1893 Г.Д. Струковым и исследовался в 1906-1908 гг. Дополнительные раскопки проводились в 1959 О.И. Домбровским и 1977-1979 гг. под руководством В.А. Кутайсова [6, с. 155-169].

Храм был построен на месте памятного события. А. Грабар называет подобные сооружения теофаническими, т.е. связанные с проявлением могущества Бога. В данном случае идет речь о «Чуде св. еп. Капитона» [8, с. 93].

Монументальное сооружение с поражающей толщиной стен, доходившей местами до 1,6-2,6 м. имело сводчатый купол. Стены были сложены в типичной технике кладки культовых построек Херсонеса *opus mixtum*, при использовании известкового раствора с добавлением песка и толченой керамики. Пол был украшен мозаикой. Здание было возведено на насыпи, при помощи которой был выровнен склон косога и засыпана более ранняя цистерна.

Около южной апсиды находился дверной проем шириной 1,2 м, обрамленный небольшим пристроенным нартексом или портиком. В остальных полукруглых апсидах было по две двери, их общее число достигало семи [6, с. 155-169]. Четыре из них были впоследствии заложены, во время перестройки сооружения в VIII-IX вв. Однако их первоначальное число указывает на совершение здесь массовых богослужений, возможно связанных с процессиями в честь памяти еп. Капитона и «Чуда в печи». Богослужения, совершаемые в церкви, могли быть, в том числе и частью санкционных литургий [12, с. 32-48]

Толщина устоев на стыке эскедр (2,5 - 3 м) и стен при общем диаметре здания около 19 м указывает на то, что его венчал купол, опиравшийся на арки и массивные каменные пилоны [21, с. 166]. На полу в ходе раскопок были собраны остатки темно-синей смальты, которой мог быть украшен купол сооружения. Возможно мозаичное панно имитировало небесный свод [6, с. 155-169].

Раскопки показали, что, несмотря на специфику рельефа, храм воздвигли с точным расчетом, чтобы под полом сооружения, по центру купола и одновременно строго симметрично основной оси запад-восток оказались остатки печи для обжига извести. Это обстоятельство обращает к рассказу о первых епископах херсонесских. Агиографический источник сообщает, что по молитве св. еп.

Капитона было явлено чудо: он вошел в печь, пробыл там некоторое время и вышел невредимым, чем победил в теологическом споре представителей языческой общины и убедил местных жителей принять крещение [9, с. 149-150]. Согласно материалу подстилающего слоя, печь на месте будущего тетраконха была построена не ранее 2-й пол. – конца IV вв. [10 с. 851-857], что согласуется с текстом Жития епископов Херсонских и принятой сегодня хронологической привязкой событий [16, с. 53-60].

Тетраконхиниальный теофонический мартирий №47 функционировал на протяжении длительного времени, перенес ряд перестроек, вероятно, в VIII-IX вв., и дожил, по меньшей мере, до XI в. Вероятной причиной разрушения храма могло быть землетрясение [19, с. 119-128].

Таким образом, на примере развития херсонесских центрических храмов можно констатировать, что они возникли как мемориальные сооружения, связанные с памятью святых или с местом «явления Чуда». Комплексы формировались вокруг «сакрального места», чем и была обусловлена центрическая конструкция.

По мере развития богослужебной традиции постройки могли трансформироваться, и, в конечном итоге, превращаться церкви привычной конструкции. Особо отчетливо данная трансформация прослеживается на примере южного загородного крестообразного храма. Не смотря на ряд перестроек храма и устройство алтаря в восточной ветви, конструктивно сохранились следы его первоначальной центричности. Мозаика, покрывавшая пол, указывает на то, что центр сооружения сохранял свою сакральность и был перекрыт для хождения.

Другим примером развития архитектурной формы мемориального сооружения может быть тетраконхиниальный теофонический мартирий. Он был построен в память о «чуде» явленом по молитве св. еп. Капитона и имел специфические функции. О его значительной роли свидетельствует богатое убранство сооружения и особенности архитектурной конструкции. Храм мог быть одним из объектов, включенных в религиозные шествия или стациональные литургии. Центричность храма сохранялась на протяжении всей его истории.

Литература

1. Высоцкий А.М., Шепов-Коведяев Ф.В. Первая церковь Апостолов в Константинополе и ее наследие в средневековом мире I // Римско-Константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995. С. 65 – 82.
2. Домбровский О.И. Архитектурно-археологические исследования Загородного крестообразного храма Херсонеса // Материалы по археологии, истории, этнографии Таврики. Симферополь, 1997. Вып. 3. С. 289 – 319.
3. Колпакова Г.С. Искусство Византии. Ранний и средний периоды. СПб., 2004. С. 81 – 82.
4. Костюшко-Валюжинич К.К. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1902 год. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.kostsyushko.chersonesos.org/1902/1902.php>
5. Краутхаймер Р. Три христианские столицы: топография и политика. СПб.; М., 2000.
6. Кутайсов В.А. Четырехапсидный храм Херсонеса // Советская археология. 1982. № 1. С. 155 – 169.
7. Литовченко А.Н. Фомин М.В. Чекаль А.Г. О происхождение раннехристианской художественной традиции в византийском Херсоне // Кондаковские чтения – III. Человек и эпоха: Античность – Византия – Древняя Русь. Белгород, 2010. С. 121 – 133.
8. Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Саргсян Т.Э., Сорочан С.Б., Шапошников А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического // Нартекс. Byzantina Ucrainensis. Харьков: Майдан. 2012. Т. 1.
9. Могаричев Ю.М. Православные святые средневековой Тавриды. Симферополь: Бизнес-Информ, 2017.
10. Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.) Очерки истории и культуры. Харьков, 2005.
11. Сорочан С.Б., Фомин М.В. Крымский полуостров. Ранее христианство в Таврике // Очерки истории христианских цивилизаций: в 2-х т. Т. 1: Кн. 1: Ч. 1-3. М.: Политическая энциклопедия, 2019 г. С. 416 – 430.
12. Тафт Р. Византийский церковный обряд. СПб.: Алтея, 200. С. 32 – 48.
13. Фомин М.В. Археология Святой Земли или об экспедиции Святой Елены // «Византийская мозаика»: Сборник публичных лекций. Вып. 6. Харьков: Майдан, 2018. С. 123 – 130.
14. Фомин М.В. Баптистерии ранневизантийского Херсона // Православие, наука, образование. Нижневартовск, 2019. № 1 (7). С. 41 – 58.
15. Фомин М.В. О культе местночтимых святых в ранневизантийском Херсоне // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Караїзна. Харків, 2015. № 1145: Серія: «Історія». Вип. 50. С. 225 – 232.

16. Фомин М.В. О строительной деятельности епископа Капитона в Херсонесе-Херсоне в IV в. н. // Дріновський збірник. Софія; Харків : Видавництво БАН імені проф. Мартіна Дринова, 2020. Т. XIII. С. 53 – 60.
17. Фомин М.В. Мартирий склеп «на земле Н.И. Тура» как памятник христианизации Херсонеса // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Караїзна. Харків, 2017.: Серія: «Історія». Вип. 53. С. 72 – 80.
18. Фомин М.В. Раннехристианская живопись позднеантичного Херсонеса // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Тюмень, 2014. Вып. VI. С. 299 – 390.
19. Хапаев В.В., Корженков А.М., Овсяченко А.Н., Ларьков А.С., Мараханов А.В. Археосейсмологические исследования в древнем городе Херсонесе (Севастополь, Крым) // Геология и геофизика Юга России. 2016. № 3. С. 119 – 128.
20. Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV-VII века). М.: Наука, 2002.
21. Якобсон А.Л. Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // Византийский временник. 1988. № 49. С. 162 – 172.

References

1. Vysockij A.M., Shepov-Kovedjaev F.V. Pervaja cerkov' Apostolov v Konstantinopole i ee nasledie v srednevekovom mire I. Rimsko-Konstantinopol'skoe nasledie na Rusi: ideja vlasti i politicheskaja praktika. M., 1995. S. 65 – 82.
2. Dombrovskij O.I. Arhitekturno-arheologicheskie issledovaniya Zagorodnogo krestoobraznogo hrama Hersonesa. Materialy po arheologii, istorii, jetnografii Tavriki. Simferopol', 1997. Vyp. 3. S. 289 – 319.
3. Kolpakova G.S. Iskusstvo Vizantii. Rannij i srednij periody. SPb., 2004. S. 81 – 82.
4. Kostjushko-Valjuzhinich K.K. Otchet zavedujushhego raskopkami v Hersonese za 1902 god. Jelektronnyj resurs. Rezhim dostupa: <http://www.kostsyushko.chersonesos.org/1902/1902.php>
5. Krauthajmer R. Tri hristianskie stolicy: topografija i politika. SPb.; M., 2000.
6. Kutajsov V.A. Chetyrehapsishnyj hram Hersonesa. Sovetskaja arheologija. 1982. № 1. S. 155 – 169.
7. Litovchenko A.N. Fomin M.V. Chekal' A.G. O proishozhdenie rannehristianskoj hudozhestvennoj tradicii v vizantijskom Hersone. Kondakovskie chteniya – III. Chelovek i jepoha: Antichnost' – Vizantija – Drevnjaja Rus'. Belgorod, 2010. S. 121 – 133.
8. Mogarichev Ju.M., Sazanov A.V., Sargsjan T.Je., Sorochan S.B., Shaposhnikov A.K. Zhitija episkopov Hersonskih v kontekste istorii Hersonesa Tavricheskogo. Narteks. Byzantina Ukrainensis. Har'kov: Majdan. 2012. T. 1.
9. Mogarichev Ju.M. Pravoslavnye svjatye srednevekovoj Tavridy. Simferopol': Biznes-Inform, 2017.
10. Sorochan S.B. Vizantijskij Herson (vtoraja polovina VI – pervaja polovina X vv.) Ocherki istorii i kul'tury. Har'kov, 2005.
11. Sorochan S.B., Fomin M.V. Krymskij poluostrov. Ranee hristianstvo v Tavrike. Ocherki istorii hristianskih civilizacij: v 2-h t. T. 1: Kn. 1: Ch. 1-3. M.: Politicheskaja jenciklopedija, 2019 g. S. 416 – 430.
12. Taft R. Vizantijskij cerkovnyj obrjad. SPb.: Alteja, 200. S. 32 – 48.
13. Fomin M.V. Arheologija Svjatoj Zemli ili ob jekspedicii Svjatoj Eleny. «Vizantijskaja mozaika»: Sbornik publichnyh lekcij. Vyp. 6. Har'kov: Majdan, 2018. S. 123 – 130.
14. Fomin M.V. Baptisterii rannevizantijskogo Hersona. Pravoslavie, nauka, obrazovanie. Nizhnevartovsk, 2019. № 1 (7). S. 41 – 58.
15. Fomin M.V. O kul'te mestnochtimyh svjatyh v rannevizantijskom Hersone. Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu imeni V.N. Karaizna. Harkiv, 2015. № 1145: Serija: «Istorija». Vip. 50. S. 225 – 232.
16. Fomin M.V. O stroitel'noj dejatel'nosti episkopa Kapitona v Hersonese-Hersone v IV v. n. Drinovs'kij zbirnik. Sofija; Harkiv: Vidavnictvo BAN imeni prof. Martina Drinova, 2020. T. XIII. S. 53 – 60.
17. Fomin M.V. Martirij sklep «na zemle N.I. Tura» kak pamjatnik hristianizacii Hersonesa. Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu imeni V.N. Karaizna. Harkiv, 2017.: Serija: «Istorija». Vip. 53. S. 72 – 80.
18. Fomin M.V. Rannehristianskaja zhivopis' pozднеантичного Hersonesa. Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Tjumen', 2014. Vyp. VI. S. 299 – 390.
19. Hapaev V.V., Korzhenkov A.M., Ovsjuchenko A.N., Lar'kov A.S., Marahanov A.V. Arheosejsmologicheskie issledovaniya v drevnem gorode Hersonese (Sevastopol', Krym). Geologija i geofizika Juga Rossii. 2016. № 3. S. 119 – 128.

20. Hrushkova L.G. Rannehristianskie pamjatniki Vostochnogo Prichernomor'ja (IV-VII veka). M.: Nauka, 2002.

21. Jakobson A.L. Zakonomernosti i jetapy razvitija arhitektury srednevekovogo Hepconeca. Vizantijskij vremennik. 1988. № 49. S. 162 – 172.

*Fomin M.V., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Sevastopol State University*

About centric martyries of Late Antique Chersonesos – Early Byzantian Cherson

Abstract: late antique Chersonese – early Byzantine Cherson is a unique archaeological complex. On its territory, have been preserved monuments, which allow us to trace the elements of the development of Christian architecture. Centric Christian churches became one of the unique phenomena. They had martyrium functions and were built on the burial places of saints or “manifestations of God” (theophany), the appearance of a miracle. Their constructive feature was the orientation of the internal space to the shrine, which was located in the center of the architectural complex and was an object of worship. In Chersonesos-Cherson, the greatest interest have two objects. The suburban cruciform church, which known in literature as the Mother of God of Blachernae, was built on the territory of an early Christian cemetery, in memory of the martyrs who suffered during the period of persecution of Christians. The complex had the form of an equilateral cross, with doors, which were made in each of the parts of cross. The whole konstruktion was oriented on the center of the internal space, where were held specific worship. Later, the complex lost its centricity and was rebuilt into a church of traditional architecture: in the eastern part of cross was formed an altar space. Another unique architectural monument was the tetraconchinal theophanic martyrium. It was built on the site of the "appearance of a miracle" through the prayer of St. Bishop Kapiton. The building was a confluence of four semi-circles. Under the floor in the center of the structure were the remains of a limekiln. This furnace was associated with the legend of a miracle revealed through the prayer of St. Bishop Kapiton. The temple has retained the centric form during the whole history of functioning. Both of these complexes were played an important role in the religious life of the townspeople and represent a stage in the development of Christian architecture.

Keywords: Christianity, Chersonesos-Cherson, martyrius, tetraconch, theophany, church, Byzantine Empire

For citation: Fomin M.V. About centric martyries of Late Antique Chersonesos – Early Byzantian Cherson. Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 165 – 170.

Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка «Затмения Фалеса»

Аннотация: в статье проводится комплексное историко-хронологическое исследование документальных источников и каталога Солнечных затмений, относящихся к периоду правления последних царей Лидии и Мидии. В анализе учитывается регион где проходили военные действия между царём Алиаттом и царём Киаксаром и протекала Античная река Галис, современная река Кызылырмак в Турции. Целью исследования, в котором применяются специальные методы исторического исследования является поиск даты полного Солнечного затмения, предсказанного Фалесом, одним из семи мудрецов Древней Греции, и описанного Геродотом в его главном труде «История». Согласно современным данным исторической хронологии считается, что «Затмение Фалеса», произошло 5 июля 585 года до н.э. Однако, историко-хронологические исследования и датировки методом астрономической хронологии произведений драматургов Древней Греции и последующие датировки «Затмений Фукидида» и «Паросской хроники» показали ошибочность этой даты «Затмения Фалеса».

Проведённое комплексное историко-хронологическое исследование документальных источников позволило определить подлинную дату «Затмения Фалеса» это 5 июля 1293 года н.э. Полученная датировка отличается от принятой, в современной исторической хронологии, но согласуется по времени и событиям с полученными автором ранее датировками «Затмений Фукидида», «Паросской хроники» и произведений Древнегреческой драматургии.

Ключевые слова: история, хронология, «Затмение Фалеса», Солнечные затмения, Лидия, Мидия

Для цитирования: Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка «Затмения Фалеса» // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 171 – 177.

Актуальность

Геродот, в своём главном труде «История» [12, I. с. 34], изложил причины и ход войны между Лидией и Мидией, а также описал важнейшее для Древних людей природное явление, а именно затмение Солнца, которое было предсказано Фалесом, одним из семи мудрецов Древней Греции и привело к заключению мира между царями Алиаттом и Киаксаром.

Сегодня исторической хронологией для солнечного затмения «Затмения Фалеса» официально принята дата 28 мая 585 года до н.э. Однако эта датировка «Затмения Фалеса» не согласуется с, установленными ранее автором датами «Затмений Фукидида» [11], создания «Паросской хроники» [8] и произведений драматургов Древней Греции [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10]. В частности, датировка «Паросской хроники» полученная автором в [8] показала следующее. Во-первых, царь Лидии Алиатт пришёл к власти в 1286 году н.э., его сын и наследник, знаменитый царь Крез, направлял послов в Дельфы в 1335 году н.э. и был свергнут царём Персии Киросом в 1350 году н.э. Во-вторых, победа «Дельфийской амфиктении» над фокидским городом Кирры, из-за храма в Дельфах, произошла в 1300 году н.э. Эту войну, названную «Первой Священной войной», инициировал Афинский государственный деятель Солон, один из «Семи мудрецов Древней Греции», который встречался с царём Лидии Крезом и Фалесом Ми-

летским, предсказавшим исследуемое в работе затмение. В-третьих, Писистрат, родственник и современник знаменитого афинского политика и законодателя Солон стал тираном Афин в 1330 году н.э. Датировка «Затмений Фукидида» полученная автором в [11] показала, что первое Солнечное затмение – «Затмение Перикла» произошло 18 июля 1460 года н.э., второе Солнечное затмение 6 марта 1467 года н.э., а Лунное затмение произошло 15 июля 1478 года н.э. Все рассмотренные выше датировки относятся к 13, 14 и 15 векам н.э. и были подтверждены проведёнными историко-хронологическими исследованиями [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11].

В связи с изложенным выше, актуальность данного историко-хронологического исследования обусловлена тем, что позволяет установить подлинную дату «Затмения Фалеса» согласующуюся с полученными ранее автором датировками «Затмений Фукидида» [11] и «Паросской хроники» [8] (периоду времени 13 – 14 веков н.э.) и региону где проходили военные действия между царями Лидии Алиаттом и Мидии Киаксаром и протекала Античная река Галис, современная река Кызылырмак в Турции. Нахождение подлинной даты «Затмения Фалеса», с учётом датировок полученных в проведённых ранее историко-хронологических исследованиях [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11] будет способствовать определению, годов жизни последних царей Лидии и Мидии, а

также дат исторических событий того периода времени в Малой Азии.

Методология

Методологической основой данного исследования являются принципы историзма, научной объективности, критического изучения документальных источников и системности. В работе применяются историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный методы исследования. Использование данных методов обеспечивает всесторонний анализ хронологии событий периода правления последних царей Лидии и Мидии и позволяет установить дату «Затмения Фалеса» произошедшего в период войны между этими государствами. В работе будет использована «Методика исследования астрономической символики персонажей в литературе Древней Греции» [3], разработанная автором на базе «Метода астрономической хронологии», для установления абсолютных дат создания произведений Древнегреческой литературы, успешно применённая в историко-хронологических исследованиях и датировках «Затмений Фукидида» [11] и «Паросской хроники» [8].

Цель исследования

Целью историко-хронологического исследования является установление, путём комплексного анализа документальных источников и каталога Солнечных затмений, относящихся к периоду правления последних царей Лидии и Мидии, даты «Затмения Фалеса». Для достижения цели будут привлечены результаты историко-хронологических исследований [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11] выполненных автором с применением «Метода астрономической хронологии».

Задачи исследования

Данное историко-хронологическое исследование предполагает решение, с опорой на все доступные документальные источники, следующих задач:

Провести комплексный анализ документальных источников, относящихся к периоду правления последних царей Лидии и Мидии, для установления годов их царствования относительно года создания «Паросской хроники» и в годах н.э.

Установить промежуток времени, с учётом годов правления царей Лидии Алиатта и Мидии Киаксара, когда могло произойти «Затмение Фалеса», относительно года создания «Паросской хроники» и в годах н.э.

Провести комплексный анализ каталога полных Солнечных затмений, относящихся к периоду правления последних царей Лидии и Мидии.

Провести проверку на визуальное соответствие, при помощи компьютерной программы-планетария, полученной даты «Затмения Фалеса»,

с реально существовавшим положением Солнца и Луны для региона, где проходили военные действия между царями Лидии Алиаттом и Мидии Киаксаром и протекала Античная река Галис, современная река Кызылырмак в Турции.

Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка, с использованием метода Астрономической хронологии, «Затмения Фалеса».

Комплексный анализ документальных источников, относящихся к периоду правления последних царей Лидии и Мидии, для установления годов их царствования относительно года создания «Паросской хроники» и в годах н.э.

Согласно книге, первой «Клио», «Истории» Геродота:

«16. После 49-летнего царствования Ардиса престол перешел по наследству к его сыну Садиятту, который царствовал 12 лет. Садиятту же наследовал Алиатт. Последний начал войну с Киаксаром (внуком Деиока) и с мидийцами...» [12, I. с. 15].

«103. После кончины Фраорта царство перешло к его сыну, внуку Деиока, Киаксару.

<...>

Это был тот самый Киаксар, который сражался с лидийцами, когда во время битвы день внезапно стал ночью ...» [12, I. с. 44-45].

В пункте 35 Оксфордского фрагмента «Паросской хроники» указано:

«С тех пор, как А[лиатт] стал царём лидийцев, а произошло это когда Аристокл был архонтом в Афинах, прошёл [3] 41 год» [16, п. 35].

Основоположник исторической науки Геродот в своём главном труде «История», в книге, первой «Клио», так описывает «Затмение Фалеса»:

«74. Так как Алиатт, несмотря на требования Киаксара, не захотел выдать скифов, то у лидийцев с мидянами началась война. Пять лет длилась эта война, причем верх одерживали то мидяне, то побеждали лидийцы и однажды – даже в какой-то ночной битве. Так с переменным успехом продолжалась эта затяжная война, и на шестой год во время одной битвы внезапно день превратился в ночь. Это солнечное затмение предсказал ионянам Фалес Милетский и даже точно определил заранее год, в котором оно и наступило. Когда лидийцы и мидяне увидели, что день обратился в ночь, то прекратили битву и поспешно заключили мир ...» [12, I. с. 34].

В этой же книге Геродот пишет об царе Лидии Алиатте и его сыне Крезе следующее:

«26. После кончины Алиатта царство перешло к его сыну Крезу, которому было тогда 35 лет от роду» [12, I. с. 18].

Согласно пункту 41 Оксфордского фрагмента «Паросской хроники»:

«С тех пор, как Крѐз [отправил посланников из] Азии [в] Дельфы, а произошло это, когда Эвтидем был архонтом в Афинах, [прошло 29]2 [года]» [16, п. 41].

О царе Мидии Киаксаре Геродот упоминает следующее:

«106. ... После этого скончался Киаксар. Царствовал он 40 лет (считая и годы скифского владычества).

107. Наследовал ему сын Астиаг...» [12, I. с. 45].

Там же Геродот повествует о войне между Персами, возглавляемыми царём Киром и Мидянами, во главе с царём Астиагом, следующее:

«128. ... Затем царь велел сначала посадить на кол снотолкователей-магов, которые убедили его пощадить Кира, а потом велел, чтобы все оставшиеся в городе мидяне – стар и млад – взяли оружие. С этим войском Астиаг сам выступил против персов, но в битве потерпел поражение. Сам царь был при этом взят в плен, а мидийское войско уничтожено.

<...>

130. Итак, Астиаг после 35-летнего царствования лишился власти. Из-за его жестокости мидянам пришлось подчиниться персам.

<...>

Кир между тем не причинил Астиагу никакого зла, но держал при себе до самой его кончины. Такова история рождения, детства и восшествия Кира на престол. Затем Кир победил также и Креза, который, как я уже сказал, первым напал на него. Так-то после победы над Крезом Кир стал владыкой Азии» [12, I. с. 53-54].

«46. Два года Крез глубоко скорбел, опечаленный потерей сына. После этого Кир, сын Камбиса, сокрушил царство Астиага, сына Киаксара. Возвышение персидской державы положило конец печали Креза и внушило ему тревожные думы, нельзя ли как-нибудь сломить растущую мощь персов, пока они не стали слишком могущественны...» [12, I. с. 24].

«86. Так-то персы овладели Сардами и самого Креза взяли в плен живым. Царствовал же Крез 14 лет, и 14 дней продолжалась осада [столицы], и, как предсказал оракул, он разрушил свою великую державу» [12, I. с. 38].

Падение Мидии описано в «Хронике Набонида» (The Chronicle Concerning the Reign of Nabonidus (ABC 7)) следующим образом:

«[В шестом году] Иштумегу созвал [свое войско] и направился против Кураша, царя Аншана, для завоевания [его страны?]. Войско Иштумегу возмутилось против него, и он был схвачен [как]

пленник. Они передали его Курашу. Кураш выступил против Агамтану, столицы. Серебро, золото и другое имущество, которое увез в качестве добычи из Агамтану, он доставил в страну Аншан» [13, с. 17].

Пункт 42 Оксфордского фрагмента «Паросской хроники» гласит:

«С тех пор, как царь персов Кир взял Сарды и Крѐз..., а произошло это, [когда ... был архонтом в Афинах и] также ямбический поэт Гиппонакс [жил] около этого времени, [прошло 277 лет]» [16, п. 42].

«Хроника Набонида» (The Chronicle Concerning the Reign of Nabonidus (ABC 7)) так повествует о взятии Сард Киром, столицы Лидии:

«В девятом году... в месяце нисанну Кураш, царь страны Парсу созвал свое войско и перешел Тигр ниже Арбелы. В месяце айяру он [выступил] против страны [Ли]дия, нанес поражение ее царю, забрал его имущество (и) поставил свой гарнизон [...]. Затем царь и его гарнизон оставались там» [13, с. 23].

Примечания М.А. Дандамаева, переводчика «Хроники Набонида»:

Страна Парсу – Персия; Иштумегу – Астиаг; Кураш – Кир; Царь Аншана – Ахемениды в вавилонских текстах; Агамтану – Экбатаны, столица Мидии.

В результате проведенного комплексного анализа документальных источников, относящихся к периоду правления последних царей Лидии и Мидии было выяснено, в годах до создания «Паросской хроники» и в годах н.э.:

Кир взял Сарды, столицу Лидии и пленил царя Креза за 277 лет (в 1350 году н.э.). Царь Крез правил 14 лет, пришёл к власти за 291 (277 плюс 14) год (в 1336 году н.э.).

Предшественник царя Лидии Креза, царь Алиатт, при котором произошло «Затмение Фалеса», правил 50 лет, между 341 и 291 годами. Учитывая, что согласно проведенным автором историко-хронологическим исследованиям [8] «Паросская хроника» была создана в 1627 году н.э., царь Алиатт правил между 1286 и 1336 годами н.э.

Кир взял Экбатаны, столицу Мидии и пленил царя Астиага за три года до взятия Сард и пленения царя Креза, за 280 (277 плюс 3) лет (в 1347 году н.э.). Царь Астиаг правил 35 лет, пришёл к власти за 315 (280 плюс 35) лет (в 1312 году н.э.).

Предшественник царя Мидии Астиага, царь Киаксар, при котором произошло «Затмение Фалеса», правил 40 лет, между 355 и 315 годами, а согласно историко-хронологическому исследованию [8] между 1272 и 1312 годами н.э.

2. Установление промежутка времени, с учётом годов правления царей Лидии Алиатта и Мидии

Киаксара, когда могло произойти «Затмение Фалеса», относительно года создания «Паросской хроники» и в годах н.э.

2.1 Перед тем как произошло Солнечное «Затмение Фалеса», война между Мидией и Лидией, длилась 5 лет и так как в ней принимали участие цари Алиатт и Киаксар, то оно не могло произойти ранее 336 (341 (год прихода к власти царя Алиатта) минус 5) года и позднее 315 (смерть царя Киаксара) года до создания «Паросской хроники».

Согласно проведённым автором историко-хронологическим исследованиям [8] «Паросская хроника» была создана в 1627 году н.э. Учитывая это, выявленный интервал времени, когда могло произойти «Затмение Фалеса», определяется между 1291 и 1312 годами н.э.

3. Комплексный анализ каталога Солнечных затмений, относящихся к периоду правления последних царей Лидии и Мидии.

Было проведено исследование каталога полных Солнечных затмений [14], на промежутке времени 1285-1315 года н.э. (исходный интервал был расширен с учётом возможной погрешности определения точных годов правления царей Лидии и Мидии). Был учтён регион, где проходили военные действия между царями Алиаттом и Киаксаром и протекала Античная река Галис, современная река Кызылырмак в Турции, в котором должно было наблюдаться полное Солнечное затмение. Для «Затмения Фалеса», определена единственная дата 5 июля 1293 года н.э. [15] (рис. 1).

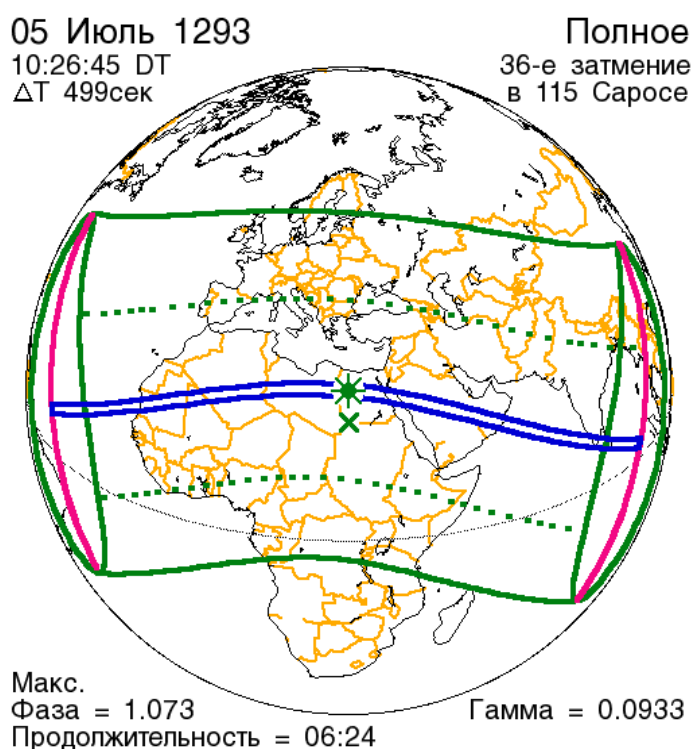

Рис. 1. Полное Солнечное затмение 05 июля 1393 года [15]

Для проверки достоверности полученной датировки «Затмения Фалеса» было осуществлено визуальное, при помощи компьютерной программы планетария, сопоставление полученного решения

5 июля 1393 года с реально существовавшим в этот день положением Солнца и Луны для региона, где проходили сражение у реки Галис между царями Лидии и Мидии (рис. 2).

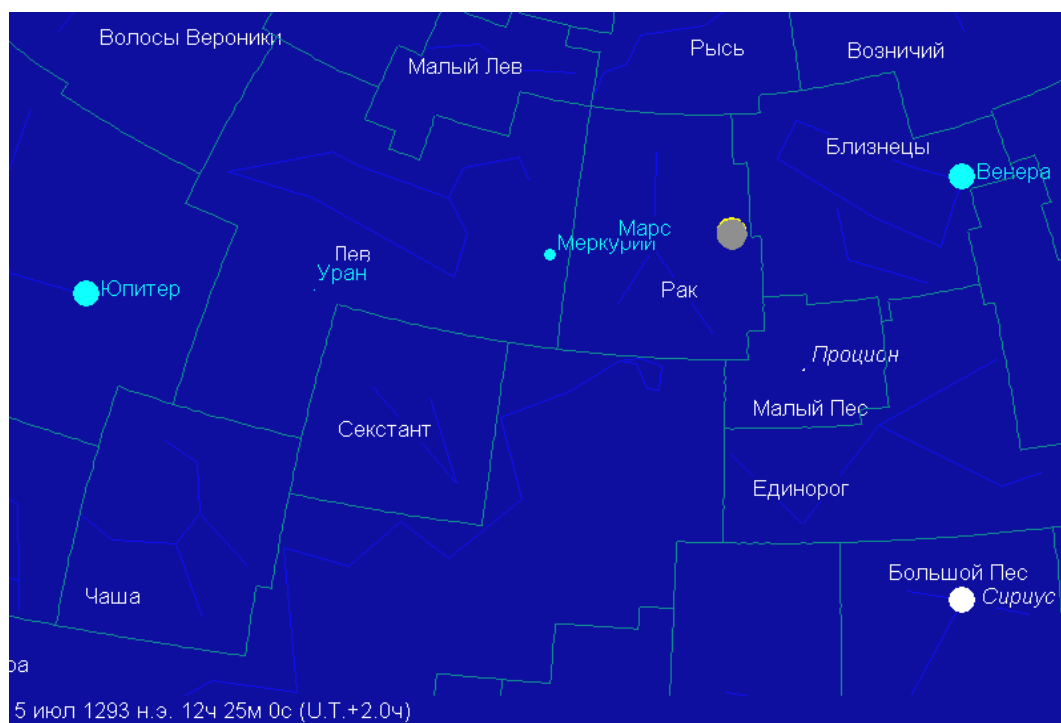

Рис. 2. Солнечное затмение («Затмения Фалеса») 5 июля 1293 года
в 12.25.0, место наблюдения Анкара, Турция

Заключение

Проведённое историко-хронологическое исследование документальных источников, с использованием «Метода астрономической хронологии», позволило определить дату «Затмения Фалеса» 5 июля 1393 года н.э. Полученная дата отличается от принятой, в исторической хронологии, но согласуется по времени и событиям с датировками «Затмений Фукидида», «Паросской хроники» и произведений Древнегреческой драматургии уста-

новленными в предыдущих исследованиях автора. Нахождение даты «Затмения Фалеса», с учётом датировок полученных в проведённых ранее историко-хронологических исследованиях [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11] будет способствовать определению, как годов жизни последних царей Лидии и Мидии, первых царей Персии, исторических событий того периода времени, в том числе и грядущих Греко-персидских войн.

Литература

1. Волков А.С. Датировка методом Астрономической хронологии написания трагедии Эсхила «Жертва у гроба» («Хоэфоры») // Международный научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень». 2023. Т. 6. № 1. С. 86 – 93. URL: <https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/03/istor.-bjul.-tom-6-1-2023.pdf> (дата обращения: 08.03.2023)
2. Волков А.С. Датировка методом Астрономической хронологии написания трагедии Эсхила «Агамемнон» // Международный научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень». 2022. Т. 5. № 5. С. 154 – 162. URL: <https://hb-journal.ru/archives/9611> (дата обращения: 03.01.2023)
3. Волков А.С. Исследование астрономической символики персонажей трагедии Эсхила «Персы» и вопросы датировки // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2018. Т. 8. Вып. 6. С. 21 – 46. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2018-oris-6-2018/a229700> (дата обращения: 19.10.2022)
4. Волков А.С. Исследование астрономической символики персонажей трагедии Эсхила «Просительницы» и вопросы датировки // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2018. Т. 8. Вып. 7. С. 26 – 45. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2018-oris-7-2018/a229707> (дата обращения: 19.10.2022)
5. Волков А.С. Исследование астрономической символики персонажей трагедии Эсхила «Семеро против Фив» и вопросы датировки // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2018. Т. 8. Вып. 7. С. 55 – 72. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2018-oris-7-2018/a229709> (дата обращения: 19.10.2022)

6. Волков А.С. Исследование астрономической символики персонажей трагедии Софокла «Трахинянки» и вопросы датировки // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2018. Т. 8. Вып. 7. С. 83 – 99. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2018-oris-7-2018/a229711> (дата обращения: 20.10.2022)
7. Волков А.С. Исследование астрономической символики персонажей трагедии Софокла «Царь Эдип» и вопросы датировки // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2019. Т. 9. Вып. 1. С. 32 – 56. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-1-2019/a229721> (дата обращения: 21.10.2022)
8. Волков А.С. Астрономическая хронология в литературе Древней Греции и вопросы датировки «Паросской хроники» // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2019. Т. 9. Вып. 2. С. 8 – 19. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725> (дата обращения: 21.10.2022)
9. Волков А.С. Исследование астрономической символики персонажей трагедии Софокла «Эдип в Колоне» и вопросы датировки // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2019. Т. 9. Вып. 2. С. 66 – 83. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229732> (дата обращения: 21.10.2019)
10. Волков А.С. Исследование астрономической символики персонажей трагедии Софокла «Антигона» и вопросы датировки // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2019. Т. 9. Вып. 3. С. 13 – 35. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-3-2019/a229740> (дата обращения: 22.10.2022)
11. Волков А.С. Астрономическая хронология в литературе Древней Греции и вопросы датировки «Затмений Фукидида» // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2019. Т. 9. Вып. 3. С. 78 – 86. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725> (дата обращения: 22.10.2022)
12. Геродот. История: пер. и прим. Г.А. Стратановского. Статья В.Г. Боруховича. Л.: Наука, 1972. 600 с.
13. Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. 319 с.
14. Каталог Солнечных затмений. Информация о затмениях на «Полном солнечном затмении» // Каталог Солнечных затмений URL: http://www.secl.ru/eclipse_catalog.html (дата обращения: 22.02.2023).
15. Каталог солнечных затмений. Полное солнечное затмение 5 июля 1393 года // Информация о затмении на «Полном солнечном затмении» URL: https://www.secl.ru/eclipse_catalog/1293_7_5.html (дата обращения: 22.02.2023)
16. «Паросский мрамор» Оксфордская часть: пер. Ю.П. Митина. URL: <http://ancientrome.ru/antlitrr/marble/part2-f.htm> (дата обращения: 18.02.2023)

References

1. Volkov A.S. Datirovka metodom Astronomicheskoy hronologii napisaniya tragedii Jeshila «Zhertva u groba» («Hojefony»). Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal «Istoricheskij bjulleten'». 2023. T. 6. № 1. S. 86 – 93. URL: <https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/03/istor.-bjul.-tom-6-1-2023.pdf> (data obrashheniya: 08.03.2023)
2. Volkov A.S. Datirovka metodom Astronomicheskoy hronologii napisaniya tragedii Jeshila «Agamemnon». Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal «Istoricheskij bjulleten'». 2022. T. 5. № 5. S. 154 – 162. URL: <https://hb-journal.ru/archives/9611> (data obrashheniya: 03.01.2023)
3. Volkov A.S. Issledovanie astronomicheskoy simvoliki personazhej tragedii Jeshila «Persy» i voprosy datirovki. Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal "Original'nye issledovaniya (ORIS)". 2018. T. 8. Vyp. 6. S. 21 – 46. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2018-oris-6-2018/a229700> (data obrashheniya: 19.10.2022)
4. Volkov A.S. Issledovanie astronomicheskoy simvoliki personazhej tragedii Jeshila «Prositel'nicu» i voprosy datirovki. Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal "Original'nye issle-dovaniya (ORIS)". 2018. T. 8. Vyp. 7. S. 26 – 45. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2018-oris-7-2018/a229707> (data obrashheniya: 19.10.2022)
5. Volkov A.S. Issledovanie astronomicheskoy simvoliki personazhej tragedii Jeshila «Semero protiv Fiv» i voprosy datirovki. Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal "Original'nye is-sledovaniya (ORIS)". 2018. T. 8. Vyp. 7. S. 55 – 72. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2018-oris-7-2018/a229709> (data obrashheniya: 19.10.2022)
6. Volkov A.S. Issledovanie astronomicheskoy simvoliki personazhej tragedii Sofokla «Trahinjanki» i voprosy datirovki. Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal "Original'nye issledovaniya (ORIS)". 2018. T. 8. Vyp. 7. S. 83 – 99. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2018-oris-7-2018/a229711> (data obrashheniya: 20.10.2022)

7. Volkov A.S. Issledovanie astronomicheskoy simboliki personazhej tragedii Sofokla «Car' Jedip» i voprosy datirovki. Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal "Original'nye issledovaniya (ORIS)". 2019. T. 9. Vyp. 1. S. 32 – 56. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-1-2019/a229721> (data obrashheniya: 21.10.2022)
8. Volkov A.S. Astronomicheskaja hronologija v literature Drevnej Grecii i voprosy datirovki «Parosskoj hroniki». Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal "Original'nye issledovaniya (ORIS)". 2019. T. 9. Vyp. 2. S. 8 – 19. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725> (data obrashheniya: 21.10.2022)
9. Volkov A.S. Issledovanie astronomicheskoy simboliki personazhej tragedii Sofokla «Jedip v Kolone» i voprosy datirovki. Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal "Original'nye issledovaniya (ORIS)". 2019. T. 9. Vyp. 2. S. 66 – 83. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229732> (data obrashheniya: 21.10.2019)
10. Volkov A.S. Issledovanie astronomicheskoy simboliki personazhej tragedii Sofokla «Antigona» i voprosy datirovki. Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal "Original'nye issledovaniya (ORIS)". 2019. T. 9. Vyp. 3. S. 13 – 35. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-3-2019/a229740> (data obrashheniya: 22.10.2022)
11. Volkov A.S. Astronomicheskaja hronologija v literature Drevnej Grecii i voprosy datirovki «Zatmenij Fukidida». Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal "Original'nye issledovaniya (ORIS)". 2019. T. 9. Vyp. 3. S. 78 – 86. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725> (data obrashheniya: 22.10.2022)
12. Gerodot. Istorija: per. i prim. G.A. Stratanovskogo. Stat'ja V.G. Boruhovicha. L.: Nauka, 1972. 600 s.
13. Dandamaev M.A. Politicheskaja istorija Ahemenidskoj derzhavy. M.: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 1985. 319 s.
14. Katalog Solnechnyh zatmenij. Informacija o zatmenijah na «Polnom solnechnom zatmenii». Katalog Solnechnyh zatmenij URL: http://www.secl.ru/eclipse_catalog.html (data obrashheniya: 22.02.2023).
15. Katalog solnechnyh zatmenij. Polnoe solnechnoe zatmenie 5 ijulja 1393 goda. Informacija o zatmenii na «Polnom solnechnom zatmenii» URL: https://www.secl.ru/eclipse_catalog/1293_7_5.html (data obrashheniya: 22.02.2023)
16. «Paroskij mramor» Oksfordskaja chast': per. Ju.P. Mitina. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/marble/part2-f.htm> (data obrashheniya: 18.02.2023)

Volkov A.S., Lawyer, Individual Entrepreneur

Historical and chronological study of documentary sources and dating «Eclipses of Thales»

Abstract: the article provides a comprehensive historical and chronological study of documentary sources and a catalog of solar eclipses relating to the reign of the last kings of Lydia and Media. The analysis takes into account the region where the hostilities between King Alyattes and King Cyaxares took place and the Ancient Galis River, the modern Kyzylmak River in Turkey, flowed. The purpose of the study, which uses special methods of historical research, is to find the date of the total solar eclipse predicted by Thales, one of the seven wise men of Ancient Greece, and described by Herodotus in his main work «History». According to modern data of historical chronology, it is believed that the «Eclipse of Thales» occurred on July 5, 585 BC. However, historical and chronological studies and dating by the method of astronomical chronology of the works of the playwrights of Ancient Greece and subsequent dating of the «Eclipses of Thucydides» and the «Parian Chronicle» showed the error of this date of the «Eclipse of Thales».

A comprehensive historical and chronological study of documentary sources made it possible to determine the true date of the «Eclipse of Thales» – July 5, 1293 AD. The dating obtained differs from the accepted one in the historical chronology, but is consistent in time and events with the datings of the «Eclipses of Thucydides», the «Parian Chronicle» and the works of ancient Greek dramaturgy received by the author earlier.

Keywords: history, chronology, «Eclipse of Thales», Solar eclipses, Lydia, Media

For citation: Volkov A.S. Historical and chronological study of documentary sources and dating «Eclipses of Thales». Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 171 – 177.

*Воробьева Н.В., доктор исторических наук, доцент, профессор,
Лидер Н.В., кандидат исторических наук, доцент,
Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева,
Омский автобронетанковый инженерный институт*

История, государственность и культура России в восприятии иностранных курсантов: итоги педагогического эксперимента

Аннотация: в статье рассматриваются промежуточные итоги научно-исследовательской работы «Формирование положительного образа России в ходе преподавания дисциплин социально-гуманитарного цикла». В рамках научно-исследовательской работы разработана программа педагогического эксперимента формирования положительного образа России у иностранных военнослужащих, обучающихся в вузах МО РФ, разработаны критерии и показатели диагностики образа России иностранными военнослужащими, обучающимися в вузах Министерства обороны Российской Федерации и диагностический аппарат исследования. В статье описываются проведенные мероприятия по коррективке образа России у иностранных обучающихся, осуществленные в первом полугодии 2022-2023 учебного года.

Ключевые слова: образ России, социокультурная адаптация, иностранные военнослужащие, мягкая сила, музейная педагогика

Для цитирования Воробьева Н.В., Лидер Н.В. История, государственность и культура России в восприятии иностранных курсантов: итоги педагогического эксперимента // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 178 – 183.

В условиях современного геополитического раскола мира формирование положительного образа России у иностранных обучающихся представляется важной задачей образовательного процесса [1, с. 38-39; 3, с. 52-95]. В рамках научно-исследовательской работы «Формирование положительного образа России в ходе преподавания дисциплин социально-гуманитарного цикла» разработана программа педагогического эксперимента формирования положительного образа России у иностранных военнослужащих, обучающихся в вузах МО РФ.

Нами был проведен дескриптивный анализ образа России в восприятии курсантов специального факультета, а также российских обучающихся. В исследовании приняли участие свыше 436 курсантов из восемнадцати стран. Экспериментальной базой педагогического эксперимента «Формирование положительного образа России в ходе преподавания дисциплин социально-гуманитарного цикла» выступает Омский автобронетанковый инженерный институт. Опытнo-экспериментальной работой охвачены курсанты первого курса специального факультета.

Состав экспериментальной группы включает курсантов из Республики Уганда, Республики Гвинея, Республики Никарагуа, Королевства Иордания, Республики Гвинея Бисау, Республики Буркина Фасо, Социалистической Республики Вьетнам, Республики Монголия. Рассмотрим подробнее представленные в ходе диагностического опроса характеристики образа России: первый блок включал открытые вопросы к респондентам; второй блок диагностических заданий опросника включал невербальные задания, связанные с узнаванием, пониманием и определением смысла тех или иных визуальных образов.

Формирование образа государства неизбежно связано со стереотипизацией представлений об истории, культуре, национальном характере. Респонденты отметили важность понимания изменения дискурса в зоне межнационального и межрелигиозного контакта, которой является совместная среда обучения в военном вузе. Для сравнения приведем высказывания респондентов из экспериментальной группы и неэкспериментальной (табл. 1).

Таблица 1

Стереотипные представления о России

Высказывание	Страна
Вы никогда не должны судить о стране потому, что говорят люди, вы должны пойти и открыть для себя эту страну, если вы действительно хотите ее узнать. Альбер Камю сказал: «лучший способ понять культуру – жить с представителями этой культуры». Находясь в своей стране у меня сложилось собственное представление о русской культуре, но приехав на учебу в Россию у меня появилась возможность увидеть все своими глазами. Я думал, что в русской культуре человека уважают в обществе по отношению к тому, чем он обладает, а не каков он. Аналогично западному восприятию мира, где что самое важное – это материальные ценности. Но на самом деле русские люди культивируют такие ценности как любовь к ближнему и уважение к другим. Мое восприятие было абсолютно неправильным	Буркина Фасо, экспериментальная группа
Человеческие мысли всегда не дают нам истинного ответа на то, что мы желаем получить. Поэтому то, что я думал о России до приезда сюда отличается от действительности. Когда человек приезжает в другую страну, он испытывает культурный шок. Но со временем он привыкает, все становится сбалансированно и может повлиять на образ страны.	Руанда

Оба респондента фиксируют разницу восприятия России на родине и после полутора лет обучения в России, но курсант из экспериментальной группы подчеркивает необходимость целенаправленного «вхождения» в культуру другой страны.

За 2022-2023 учебный год курсанты экспериментальной группы трижды посетили музейно-выставочный комплекс «Моя история». Совместными усилиями педагогов 11 кафедры (Н.В. Воробьевой, Н.В. Лидер, У.В. Добронравовой) и сотрудников музейного комплекса проведены интерактивные музейные занятия «Рюриковичи: начало русской истории», «Романовы: рождение Российской империи», «XX век: Россия в эпоху войн и революций». Предварительное ознакомление обучающихся с фактическим материалом осуществлено на учебных занятиях дисциплин «История» и «Культурология».

Курсанты специального факультета посетили экспозицию «На страже государства. История военного мундира сотрудников органов безопасности России 1900-2000 годов» и интерактивную выставку, посвященную 350-летию Петра Великого. В качестве ответной реакции курсанты создали мультимедийный ролик, посвященный историческому парку, который был размещен на странице музея в Интернете (https://vk.com/myhistory_omsk).

Культура, как высокая, элитарная, так и массовая, отражает смыслы национальной идентичности и раскрывает ценностные ориентиры общества, которые вместе с политикой составляют основные ресурсы «мягкой силы». Как хранители культурных ценностей, музеи могут стать посредниками международной «мягкой силы». Музейные коллекции включают в себя образцы высочайших до-

стижений цивилизации в области визуальной культуры, и, делая эти объекты доступными для людей во всем мире, они пробуждают чувства благоговения, гордости и восхищения, через которые убедительно действует сила «народной дипломатии». Согласно данным социологических опросов ВЦИОМ, музеи оцениваются выше как средств массовой информации, так и государственных учреждений как заслуживающих доверия источников объективной информации [2].

Успешная стратегия «мягкой силы» использует ресурсы музеев как важных агентов культурной дипломатии [4, 5, 6]. Музеи обладают как материальными/или «твердыми» активами: локация, здание, структура помещений экспозиционных залов, наконец музейные коллекции, так и «мягкой силой», генерируемой посредством социальной деятельности музеев и программ, которые помогают активировать культурные ресурсы и превращать их в дипломатические результаты. Например, музейный комплекс «Эрмитаж-Сибирь» расположен в центре Омска, в одном из красивейших зданий, построенном в 1914 г. под руководством знаменитого дореволюционного архитектора Н.Н. Верекина.

С октября 2022 г. по настоящее время (март 2023 г.) продолжается серия музейных занятий. Музеи создают не только экспозиционные ресурсы, но и предлагают их интерпретацию. В ходе музейных занятий 13 ноября 2022 г. курсанты совместно с преподавателями кафедры посетили музей генерал-губернаторский дворец. На выставке «Ветер дальних странствий. Мир глазами русского путешественника XVIII-XXI веков» были представлены произведения живописи, графики,

декоративно-прикладного искусства, редкие книжные издания, предметы археологии и быта. 24 декабря 2022 г. В Омском областном музее изобразительных искусств имени М. А. Врубеля (г. Омск, ул. Музейная, 4), состоялась интерактивная программа «Барышня/крестьянка. Женские

образы в русском искусстве XIX – начала XX века».

Значение веков, событий, явлений российской истории отметили курсанты специального факультета (табл. 2):

Таблица 2

Российская история в восприятии иностранных курсантов

Высказывание	Страна
История говорит нам, что в XVII-XIX вв. Россия была самой сильной империей на земле. Именно тогда я проявил интерес и захотел узнать о людях: кто они такие? Что они едят? Как они выглядят? ... я узнал об империи татар и царствовании Петра I, которые изменили образ жизни россиян	Уганда
Я думал, что русские живут только настоящим. Но это не совсем правильно, наоборот они привязаны к своему прошлому. О героях войны снимают фильмы, о их подвиге и жизни учат в школе. Герои являются примером для народа, например Юрий Гагарин	Буркина Фасо
В России много музеев, о военном музее вы знаете, что Россия победила в войну. Например, Россия победила Монголию, Наполеона, Гитлера и ее армию, остановила Вторую Мировую войну и немецкую идеологию. Поэтому в России много музеев, можно увидеть, какой в прошлом была армия, и как она защищает Отечество в настоящем. Мне нравится, когда россияне говорят: Россия была, Россия есть и Россия будет. В России много памятников, потому что много людей совершили подвиги ради страны. Например, Юрий Гагарин первый улетел в космос, Калашников первый сделал автоматическое оружие в мире и в многих городах герои Российской Федерации совершили подвиги на войне. Русские – талантливые трудолюбивые люди, которые много учатся и продвигают науку. Россия – это страна, в которой каждый хочет побывать, путешествовать, жить, учиться, узнать ее облик, народ, климат, историю, например, первого человека, который полетел в космос, и человека, создавшего такое оружие как АК-47 и т. д. «Моя любимая Россия!»	Руанда
Русские – патриоты, они сохраняют свою историю, помнят своих героев, сражавшихся за национальные интересы. Они также защищают свою культуру, что проявляется в праздновании национальных праздников, таких как Масленица, Новый год	Бурунди
Россия известна как колыбель мировой цивилизации	Вьетнам

Посетители музея сами могут определить уровень своего участия в восприятии культурных ценностей. К примеру, совершить самостоятельную подборку дидактических материалов, которые они прочтут перед посещением той или иной экспозиции или определить собственный маршрут посещения галереи, таким образом опыт посещения музея становится собственным и вполне самостоятельным. В ходе педагогического эксперимента мы пришли к выводу, что такая форма самоорганизации не всегда является доступной для обучающихся. Курсанты первого курса недавно стали осваивать русский язык, поэтому аудиторные занятия по истории, культурологии, философии являются базисом, исключительно после которого вступает в силу «культурная дипломатия» музея.

Последний становится средством обмена ценностями и смыслами между нациями только после освоения соответствующих тем в ходе аудиторных занятий.

Всего за период с октября 2022 г. по март 2023 г. Н.В. Воробьева, Н.В. Лидер, У.В. Добронравовой проведено двенадцать музейных занятий.

В ходе диагностики всего лишь треть курсантов смогли ответить на вопрос о многонациональном составе России (31%), в числе визуальных символов не были узнаны и обозначены как значимые фотографии культовых зданий (мечети Кул Шариф в г. Казани, дацана Золотая обитель Будды Шакьямуни в г. Элиста, храм Христа Спасителя в Москве идентифицировали лишь 12% опрошенных, фонтан Дружбы народов в сквере ВДНХ

смогли узнать столько же курсантов). На наш взгляд из всех представленных образов именно этот оказался наименее воспроизводимым.

Для корректировки образа России как многонациональной и многоконфессиональной державы помимо учебных занятий по «Культурологии», курсанты экспериментальной группы приняли участие в «Игре народов», которую провел председатель Совета Омского регионального отделения Общероссийского общественного движения «Молодежная Ассамблея народов России «Мы – россияне», Ермек Хапизов в молодежном пространстве «Место 8-20». Игра подготовлена в рамках гранта Фонда Президентских грантов Омским региональным отделением Молодежной Ассам-

блеи народов России «Мы – россияне». В ходе игры участники познакомились более чем с 50 символами разных народов, которые населяют Россию от Дальнего Востока до Калининграда. Победителем игры стал курсант Нгуен Куанг Хиен из Вьетнама. Омское региональное отделение Молодежной Ассамблеи народов России планирует выстроить тесные взаимосвязи с институтом по реализации государственной национальной политики России, а также в области социокультурной адаптации иностранных студентов в рамках создания Клуба интернациональной дружбы на базе вуза. По окончании мероприятия курсанты были опрошены, результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3

Многонациональность и поликультурность России

Высказывание	Страна
Россия самая большая страна в мире, в России проживает 146 млн человек. Также в России много национальностей, у некоторых из них есть свой язык, они хорошо говорят по-русски и имеют российское гражданство. Население России составляет более 146 миллионов человек, что является номером один в мире по площади суши. Население состоит из многих этносов, которые имеют свой язык и культуру и сохраняют их. Среди стран с относительно небольшим населением Монголия во многом уникальна, т.к. в граничащих с ней России и Китае есть национальные меньшинства и этнические группы, которые разделяют тот же язык и религию и культуру, что и монголы	Монголия
В России замечательная вещь – организация праздников, театры, музыка, танцы» «что приятно в русских людях, так это то, что они много знают о своем прошлом, их историю всегда помнят, поэтому мы можем встретить множество статуй и памятников в честь их героев и героических подвигах, которые были запечатлены в истории великой страны	Никарагуа
Русские отмечают такие замечательные праздники (как и в моей стране) как Пасху, Рождество, Рамадан для мусульман, Крещение	Гвинея
В других странах вас сначала характеризуют по цвету кожи, по стране, по культуре, но в России все не так сложно, можно даже образовать семью, это зависит от отношений	Гвинея Бисау
До моего приезда сюда мое видение России было ограниченным <...> я думал, что отношения между иностранцами и русскими были чисто профессиональными, то есть они были там на определенный период работы В контексте религии я бы посчитал Россию полукатолической и наполовину мусульманской страной и отношения между этими двумя были мирными Обучаясь в России я узнал, что Россия – это огромная страна с более чем 124 национальностями, которые говорят на нескольких языках. ... Другие нации живут на русской территории, а другие нашли семьи с русскими и десятилетиями жить без дискриминации, ссор и внутренних войн... я несколько раз удивлялся, почему у него много национальностей в России. В настоящее время я считаю, что это доступность земли и работы	Буркина Фасо

Курсанты экспериментальной группы с преподавателями 11 кафедры Н.В. Лидер, Н.В. Воробьевой стали участниками благотворительной акции «Зори Сибири вместе с Донбассом» в Омском государственном музыкальном театре, посетив оперу «Зори здесь тихие»; участвовали в музыкально-

творческой программе «От сердца к сердцу» с подготовкой танцевальных и песенных номеров национальной и русской культуры.

После полугода педагогического эксперимента образ России в восприятии иностранных курсантов изменился следующим образом (см. табл. 4):

Таблица 4

Многонациональность и поликультурность России

Высказывание	Страна
Россия и русский народ занимают особое место в сердцах каждого вьетнамца. Когда я учился в школе, я слышал много историй о помощи русского народа Вьетнаму во время антиамериканской войны сопротивления	Вьетнам
Для каждого человека мечта – это что-то особенное. Для меня как военнослужащего – вносить свой вклад и отдавать себя стране.... Я знал Россию с ее большой территорией, с развитой наукой, технологиями и экономикой. Раньше, когда в Руанде еще шла война во время колонизации, Советский Союз много помогал Африке в процессе защиты страны. Поэтому отношения между Руандой и Россией были очень близкие	Руанда
В русской культуре принято никогда не уступать врагу, защита страны находится для россиян на первом месте. Когда Президент В. Путин выступил с призывом к мобилизации, тысячи россиян не колеблясь присоединились к вооруженным силам для ведения боевых действий. Я счастлив, что приехал в Россию, потому что это позволило мне избавиться от предубеждений, которые у меня были в отношении русской культуры, а также теперь я вижу некоторые ошибки моей культуры, которые я смогу исправить в будущем	Буркина Фасо
Россия – это мировая держава, наделенная правом вето, т.е. одна из стран, которые говорят да или нет решениям, которые должны приниматься в глобальном плане. Я знал Россию, потому что бурундийско-российские отношения со времен Советского Союза, особенно в военных областях	Бурунди
В Российской Федерации есть активный, умный, трудолюбивый Президент, его зовут Владимир Путин. Он самый известный Президент, потому что Российская Федерация – самая большая в мире, сильная армия помогает другим странам, страна имеет полезные ископаемые, нефть, газ, все, что существует в природе в России есть. Поэтому она богата, в России есть Парламент, многопартийная система, люди участвуют в выборах, это тоже хорошо	Руанда
Когда дело доходит до празднования праздников и политики этой страны, я уверен, что был «зеленым» только потому, что знал, что президент там лучший в мире	Уганда
Я вижу Россию как другой мир и Президент России как бог на земле... Я восхищаюсь Президентом России, мне нравится его политика	Гвинея Бисау

Каналами получения информации о России являются во-первых, рассказы родственников, друзей, знакомых (Руандийцы уважают русский народ, потому что предыдущие поколения всегда рассказывают нам о том времени (Руанда), Я узнал о России от моего отца, который рассказывал много историй о России, потому что тоже учился в городе под названием Пенза (Руанда), Когда я был в Гвинее Бисау мой папа немного рассказывал мне про Советский Союз, потому что он учился здесь во времена Советского Союза (в Киеве) (Гвинея Бисау), Мое желание стать отличным офицером на высоких должностях началось еще до того, как я пошел в армию. Меня вдохновили друзья отца, которые получили военное образование в Российской Федерации в начале 1990-х гг. На данный момент они занимают большое положение в различных воинских частях благодаря полученному образованию. Я рассчитываю

окончить учебу с дипломом танкиста в звании лейтенанта, уверен, что это станет отправной точкой моей офицерской военной карьере (Уганда).

Вторым каналом формирования образа России по степени значимости назван Интернет и средства массовой информации (Я никогда не был в России до приезда сюда. Дедушки и бабушки, родители, братья и сестры узнавали о России из телевизора, газет и журналов (Монголия), Я не много знал о России, помнил только спортивные события – чемпионат мира по футболу, который проходил летом 2018 г. (Руанда), Образ России очень сложный, что делает вашу мысль о России и реальности может быть противоречивой. Я немного знаю Россию через фильмы, особенно через футбол. Я помню, что я заинтересовался Россией в 2018 году, когда они организовали Чемпионат мира (Буркина Фасо), Я узнал это по средствам массовой информации по интернету. Трудно знать,

это правда или неправда в настоящее время в мире», «я смотрел Камеди клуб, они очень интересны (Руанда).

Мы полагаем, что взаимное изучение истории и культуры России позволит избавиться от стереотипов и однобокости восприятия, будет

способствовать формированию положительного образа России у иностранных военнослужащих, обучающихся в вузах МО РФ, и не менее положительному образу стран Азии, Африки и Латинской Америки у российских курсантов.

Литература

1. Научное обоснование адаптации дидактических материалов учебника «История России» для иностранных курсантов (слушателей): итоговый отчет о научно-исследовательской работе. Омск: ОАБИИ, 2014.
2. Тренды культурного досуга 1992-2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trendy-kulturnogo-dosuga-1992-2022> (дата обращения: 23.03.2023)
3. Формирование позитивного образа России у иностранных военных специалистов в процессе обучения гуманитарным дисциплинам: учебно-методическое пособие / Под ред. Ю.Ю. Зверевой. Омск: ОАБИИ, 2015.
4. Barno D., Bensahel N. How Militaries Change in Wartime. New York: Oxford University Press, 2020. 430 p.
5. Laruelle M. "Russia's Niche Soft Power: Sources, Targets and Channels of Influence", *Russie.Nei.Visions*, April 2021. № 122, Ifri.
6. Learning the Lessons of Modern War / Edited by Thomas G. Mahnken. Stanford, CA: Stanford University Press, 2020. 332 p.

References

1. Nauchnoe obosnovanie adaptacii didakticheskikh materialov uchebnika «Istorija Rossii» dlja inostrannykh kursantov (slushatelej): itogovyj otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote. Omsk: OABII, 2014.
2. Trendy kul'turnogo dosuga 1992-2022 [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trendy-kulturnogo-dosuga-1992-2022> (data obrashhenija: 23.03.2023)
3. Formirovanie pozitivnogo obraza Rossii u inostrannykh voennykh specialistov v processe obuchenija humanitarnym disciplinam: uchebno-metodicheskoe posobie. Pod red. Ju.Ju. Zverevoj. Omsk: OABII, 2015.
4. Barno D., Bensahel N. How Militaries Change in Wartime. New York: Oxford University Press, 2020. 430 p.
5. Laruelle M. "Russia's Niche Soft Power: Sources, Targets and Channels of Influence", *Russie.Nei.Visions*, April 2021. № 122, Ifri.
6. Learning the Lessons of Modern War. Edited by Thomas G. Mahnken. Stanford, CA: Stanford University Press, 2020. 332 p.

**Vorobyova N.V., Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
Lider N.V., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Military Academy of Logistics named after Army General A.V. Khrulev,
Omsk Armored Engineering Institute**

History, statehood and culture of Russia in the perception of foreign cadets: results of the pedagogical experiment

Abstract: the article discusses the intermediate results of the research work "Formation of a positive image of Russia in the course of teaching the disciplines of the social and humanitarian cycle". As part of the research, a program of a pedagogical experiment was developed to form a positive image of Russia among foreign military personnel studying at the universities of the Ministry of Defense of the Russian Federation, criteria and indicators for diagnosing the image of Russia by foreign military personnel studying at the universities of the Ministry of Defense of the Russian Federation and a diagnostic apparatus for the study were developed. The article describes the measures taken to correct the image of Russia among foreign students, carried out in the first half of the 2022–2023 academic year.

Keywords: image of Russia; sociocultural adaptation; foreign military personnel, soft power"; museum pedagogy

For citation: Vorobyova N.V., Lider N.V. History, statehood and culture of Russia in the perception of foreign cadets: results of the pedagogical experiment. *Historical Bulletin*. 2023. 6 (2). P. 178 – 183.

*Губченко Г.П., аспирант,
Институт истории, гуманитарного и социального образования,
Новосибирский государственный педагогический университет*

Местное книгоиздание в городах Томской губернии в конце XIX – начале XX века: историография проблемы исследования

Аннотация: изучение истории развития регионального книжного дела является одной из важных задач современной отечественной исторической науки. Исследования этого направления необходимы, прежде всего, для оценки региональной издательской культуры в силу того, что сибирское книгоиздание есть неотъемлемый компонент культуры России. Статья подготовлена с целью определения исторических оснований научного исследования местного книгоиздания в городах Томской губернии в конце XIX – начале XX века в рамках подготовки диссертации «Местное книгоиздание в городах Томской губернии в конце XIX – начале XX века» на соискание степени кандидата исторических наук. Теоретические и практические аспекты книжного дела и книжной культуры отражены во множестве работ специалистов – статьях, монографиях, диссертациях, указателях, сборниках докладов и выступлений на конференциях и др. Основу историографии изучаемой темы составляют издания ГПНТБ СО РАН (ранее – ГПНТБ СО АН СССР), посвященные книжной культуре и книжному делу Сибири. Исследования, отражающие историю развития книжной культуры за Уралом, носят либо обобщающий характер, либо сосредоточены на отдельных городах региона. В научно-историческом плане проблема книгоиздания и книгораспространения, а также личность местных издателей, за отдельными случаями, является слабоизученной. Анализ историографии вопроса местного книгоиздания в городах Томской губернии в конце XIX – начале XX века выявляет исследовательскую лакуну, предполагающую реконструкцию развития типографского дела в регионе – изучение, как производственного процесса, так и личностей владельцев типографий, и их сравнительный анализ.

Ключевые слова: книговедение, книжное дело, книгоиздание, типографское дело, книжная культура Сибири, Томская губерния

Для цитирования: Губченко Г.П. Местное книгоиздание в городах Томской губернии в конце XIX – начале XX века: историография проблемы исследования // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 184 – 188.

Цель настоящей статьи состоит в определении исторических оснований научного исследования местного книгоиздания в городах Томской губернии в конце XIX – начале XX века. Изучение историографии вопроса ведется в рамках подготовки диссертации «Местное книгоиздание в городах Томской губернии в конце XIX – начале XX века» на соискание степени кандидата исторических наук. Исходя из поставленной цели, необходимо решить следующие задачи: определить историографию вопроса местного книгоиздания в городах Томской губернии в конце XIX – начале XX века; выявить степень изученности темы и исследовательские лакуны.

Объектом исследования является научное знание о местном книгоиздании в городах Томской губернии в конце XIX – начале XX века. Предметом – история научного изучения местного книгоиздания в городах Томской губернии в конце XIX – начале XX века. Актуальность состоит в расширении научного знания о книгоиздательской деятельности в городах Томской губернии.

Книговедение, или библиология, – комплексная наука о книге; которая изучает процессы её создания и функционирования и традиционно включает

в себя историю книги, издательского дела, полиграфии, искусства оформления книги, а также изучение книжной торговли. Как научная дисциплина книговедение утвердилось после издания трудов австрийского ученого Михаэля Дениса «Очерк библиографии» (1774) и «Введение в книговедение» (1778), выделившего в составе библиографии отдельные отрасли знания – историю рукописной и печатной книги, типографское дело, библиотековедение, каталогизацию и др.

Отечественное книговедение как комплексная наука о книге и книжном деле, изучающая процессы создания, распространения и использования произведений письменности и печати в России появилось в XVII веке. Первым русским книговедом принято считать Андрея Ивановича Богданова (1696—1766), библиотекаря Академии наук, предпринявшего первые попытки составления репертуара русской книги и изучения истории русского книгопечатания. Его научный труд – «Краткое ведение и историческое изыскание о начале и произведении вообще всех азбучных слов...» (1755) – содержит сведения по истории русского книгопечатания, истории типографий, в перечне печатных

книг записи расположены по типографиям, то есть по книговедческому признаку.

Современное книговедение изучает теоретические и практические проблемы взаимоотношений книги (книжного дела) и общества, книги (книжного дела) и государства, а также анализирует книжную культуру, как в синхронном, так и диахронном аспектах, прогнозирует её развитие. В современной исторической науке присутствует внимание к проблемам изучения исторического процесса развития книжного дела, роли книжной культуры в развитии общества.

Комплексное научное изучение истории сибирской книги приходится на вторую половину XX века. Советское книговедение, сформированное как самостоятельная научная дисциплина только на рубеже 1950-х – 1960-х годов, не ставило в ряд плановых исследований проблему книжной культуры в Сибири. Исследования носили локальный характер и «держались прежде всего на энтузиазме одиночек (Е.Д. Петряев, В.Г. Утков)» [1, с. 3].

Среди документов по историографии исследования изучаемой темы в советский период основными являются издания ГПНТБ СО АН СССР, посвященные книжному делу в Сибири: научные труды сотрудников библиотеки, сборники статей и материалы конференций и др.; монографии и диссертации специалистов Института истории, филологии и философии СО АН СССР.

Обобщая опыт исследования сибирского книговедения в советский период, Вера Николаевна Волкова, книговед, библиотекарь ГПНТБ СО РАН, пишет неоднородности самого характера развития книжного дела от зарождения местной печати до Октябрьской революции, что осложняет изучение данного периода. Наиболее интенсивное развитие печати и книгоиздания в Сибири, по мнению Волковой, приходится на рубеж XIX и XX веков. Значительно возрастает число городов, выпускающих книги, количество типографий, а книжная продукция провинции занимает все большее место в общем объеме отечественного книгоиздания. В истории сибирской и дальневосточной книги этого периода, по словам автора статьи, исследователи знают достаточно и периодически, но крайне мало о книгоиздании: «Собраны сведения обо всех газетах и журналах, выходивших на этой территории, написано большое количество обобщающих работ. Иное положение с изучением книгоиздательской деятельности ... в двухтомнике "400 лет русского книгопечатания" содержатся весьма скудные сведения о книгопечатании в русской провинции первой половины XIX – начала XX вв. Вторая же половина XIX в. представлена лишь разделом "Распространение книги в русской провинции"» [1, с. 6-7].

Волкова также отмечает, что история сибирского книгоиздания XIX – начала XX века представлена случайными работами различных авторов, в числе которых приводит таких исследователей, как В.В. Баторов, «У истоков книжного дела в Томске»; Т. Полухин, «Первая типография в Барнауле»; Ф.М. Полищук «Иркутск в дореволюционных справочных изданиях».

В тематических сборниках ГПНТБ СО АН СССР внимание авторов, как правило, сосредоточено на таких аспектах книжного дела, как распространение книги в Сибири, круг чтения сибиряков, участие сибирских авторов в периодической печати и т.п.

Описывая развитие полиграфического промышленности в Сибири в конце XIX – начале XX века, Наталья Петровна Курусканова выводит ряд источников для изучения проблемы и делает обобщения о количестве типографий и их деятельности. Так, по сообщению автора, в Томске в 1890 году насчитывалось шесть типографий с 326 рабочими, из них два (226 рабочих) были фабричного, а остальные – мануфактурного типа. В период предвоенного промышленного подъема получило развитие полиграфического производства в Томске, где усилилась концентрация рабочих на полиграфических фабриках. Также Курускановой отмечено развитие полиграфического производства в Новониколаевске и указана информация о том, что в 1908 году здесь было две типографии с 27 рабочими, с объемом производства 16,5 тыс. рублей. «Спустя четыре года в трех типографиях города, выпускавших продукцию на 70 тыс. рублей, числилось 63 рабочих. Летом 1913 года все типографии были объединены под эгидой торгового дома «Литвинов Н.П., Пономарев Н.М. и Ко». На новом предприятии трудилось до ста рабочих. Печатные машины приводились в движение нефтяными двигателями мощностью 12 л. с.» [5, с. 70].

История сибирского книгоиздательства, по словам В.Н. Волковой, не получила своего активного отражения в научных трудах в связи с тем, что изучение книгоиздательской деятельности требует не локальных исследований, а проведения целенаправленной, трудоемкой и долговременной работы по обследованию большого числа библиографических и иных местных источников, не всегда доступных по своему местонахождению.

В конце 1980-х годов перед исследователями книжного дела в Сибири ставится задача проведения одновременно двух встречных научных поисков – создание «Сводного каталога сибирской и дальневосточной дореволюционной книги», выявляющего реальное наличие изданий в современных книгохранилищах Сибири и Дальнего Востока, и подготовка «Материалов к библиографии

сибирской и дальневосточной книги», отражающих все издания, которые где-либо упоминались. Этот важный для научного изучения книжного дела в Сибири, но крайне трудоемкий процесс затянулся на десятилетия.

В.Н. Волкова в обзорной статье, посвященной сибирскому предпринимательству в области книжного дела во второй половине XIX века, говорит о том, что до конца 1980-х годов книжное дело Сибири второй половины XIX в. как объект частного предпринимательства в историко-книжных работах почти не рассматривалось. На рубеже 1980-х – 1990-х годов стали появляться отдельные материалы, затрагивающие типографское дело и книжное предпринимательство. Ряд исследований был посвящен крупнейшему сибирскому деятелю книги и предпринимателю П. И. Макушину. При этом автор отмечает, что «в целом как самостоятельная исследовательская задача эта тема не разрабатывалась»[2].

В начале XXI века сотрудники ГПНТБ СО РАН впервые в книговедческой практике создали многотомную коллективную монографию, посвященную региональной книговедческой проблеме, К «Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока», не имеющую в нашей стране и за рубежом. Второй том освещает период развития российской книжной культуры с конца XIX до начала XX в. и объединяет эмпирические и теоретические материалы, наиболее значимые сведения из имеющихся книговедческих исследований и работ иной проблематики и основан на анализе архивных документов.

Данный период развития российской книжной культуры, был, по мнению составителей монографии, этапным для страны: Россия вышла на второе место в мире по числу выпускаемых ежегодно названий книг, в обществе резко возросло значение печатного слова, которое сыграло важнейшую роль в социальных конфликтах, изменивших государственный строй империи. Материалы второго тома не ограничиваются иллюстрацией событий. История региональной книги позволяет рельефно показать многоликость культуры российской провинции, раскинувшейся от Урала до Тихого океана. Приводимые на страницах работы факты свидетельствуют о деятельности государственных чиновников и предпринимателей, многие из которых занимались жизненно важными для населения проблемами; о стремлении лучшей части интеллигенции способствовать культурному росту края и др. Материалы «Очерков» подтверждают, что книга в ряде случаев выступала как в роли средства агитации в пользу существующих экономических и политических отношений, так и в качестве орудия их ликвидации. Исходя из принципов истори-

ческой объективности, авторы коллективного труда принимают эти факты во внимание и освещают в работе и издательскую деятельность подпольных антиправительственных организаций, и издательскую практику сторонников власти.

Характеризуя изучение книжной культуры Сибири и Дальнего Востока, исследователи отмечают ряд особенностей этого многолетнего процесса. Книгоиздательская деятельность в провинции до конца XIX века была сосредоточена в губернских городах, прежде всего, в губернских столицах. В преобладающей же массе небольших провинциальных городов губернского значения местное книгоиздание было развито крайне слабо. Однако на рубеже XIX-XX веков усилился интерес к печатному слову в связи с тем, что книга являлась главным средством удовлетворения тяги к культуре широких слоев населения. Быстрыми темпами росла грамотность и культурная активность рабочих, мещан и крестьянского населения. Рост многотысячной аудитории способствовал росту тиражей, удешевлению книги и открытия новых издательств. Среди казенных, ведомственных и частных типографий стали преобладать последние. В историографии вопроса присутствует повышенное внимание авторов к деятельности, связанной с изданием и распространением печатной продукции революционных организаций, прежде всего партии большевиков и лишь иногда эсеров. «Собственно же книговедческие исследования, если и были, то они являлись, как правило, разработкой отдельных аспектов книжного дела» [6, с. 5], – пишут авторы монографии. «В них обычно освещалась деятельность тех или иных издателей или издающих организаций и т.п. Работы этих авторов ограничивались, как правило, узкими географическими или хронологическими рамками. Выпуск книг, книгораспространение или круг чтения определенной социальной группы рассматривались в каком-либо конкретном аспекте»[6, с. 5].

В монографии «Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.)» представлена история книжного дела в Томске и Томской губернии на рубеже XIX и XX в. В главе «Полиграфия и издательское дело в регионе» рассмотрены цензура и законодательство о печати, полиграфическая техника и материальное обеспечение полиграфического процесса, становление и развитие издательского дела, а также репертуар книжной продукции томских издательств конца XIX – начала XX в. (на материале библиотеки Г. К. Тюменцева).

В последнее десятилетие активное изучение книжной культуры Томской губернии ведется Юлией Викторовной Тимофеевой, старшим научным сотрудником лаборатории книговедения ГПНТБ СО РАН. Так, например, в статье «Книго-

издание в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVIII–XIX в.», подготовленной в соавторстве с Анатолием Михайловичем Панченко, даны количественные показатели книгоиздания в Сибири и на Дальнем Востоке в XVIII–XIX веках в целом и по отдельным городам региона и типографиям; реконструирована тематика издательского репертуара; составлен список издаваемых авторов и др.

Установление закономерностей возникновения и развития книжного дела в крупных географических и экономических районах, изучение фактов и событий, происходивших здесь в прошлом и имеющих место в настоящем времени, принадлежат к наиболее важным проблемам исследования эволюции мировой истории и культуры. Книгоиздание, книжные потоки, избыток или недостаток книг, потребность в книге в крупных регионах мира, к числу которых принадлежит Сибирь, – эти проблемы многие годы привлекают внимание отечественных специалистов.

Особое внимание исследователей привлекает история книги в Сибири и на Дальнем Востоке: теоретические и практические аспекты книжного дела и книжной культуры отражены во множестве работ специалистов – статьях, монографиях, диссертациях, указателях, сборниках докладов и выступлений на конференциях и др. Однако, несмотр-

я на ряд научных трудов, отражающих историю развития книжной культуры за Уралом, описание местного книгоиздания в городах Томской губернии в конце XIX – начале XX века носит либо обобщающий характер, либо сосредоточено на отдельных городах губернии (Томск, Барнаул). Также на протяжении продолжительного времени основной интерес для историков представляли не процессы, связанные с книгоизданием и книгораспространением, а изучение ограниченной части книжного репертуара, выпускаемого местными типографиями – печатной продукции. В научно-историческом плане проблема книгоиздания и книгораспространения, а также личность местных издателей, за отдельными случаями, представляется слабоизученной.

Повышенный интерес к отдельным аспектам изучения проблемы книжного дела в Сибири, таким как изучение периодической печати, потребностей и интересов читающей аудитории, а также преимущественное изучение деятельности типографий в отдельных городах Томской губернии, создает исследовательскую лакуну – реконструкцию развития типографского дела в регионе в целом, включая изучение, как производственного процесса, так и личностей владельцев типографий, и их сравнительный анализ.

Литература

1. Волкова В.Н. Итоги и задачи книговедческих исследований в Сибири и на Дальнем Востоке // Книжное дело Сибири и Дальнего Востока в XIX–XX вв. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1986. С. 3 – 16.
2. Волкова В.Н. Сибирское предпринимательство в области книжного дела (вторая половина XIX века) // Вестник Омского университета. Омск: Омский государственный университет, 1997. Вып. 3. С. 68 – 72. URL: <https://omsu.ru/vestnik/articles/y1997-i3/a068/article.html> [проверено 12.04.2023]
3. Айзикова И.А., Воробьева Т.Л., Гнюсова И.Ф. и др. Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.) / под общ. ред. В.А. Есиповой, Т.Л. Воробьевой; Томский гос. ун-т. Томск: Изд-во Томского университета, 2014. 416 с.
4. Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века // Сборник научных трудов. СПб.: Издательство РНБ, 1992. 166 с.
5. Курусканова Н.П. Развитие полиграфической промышленности в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Книга и книжное дело в Сибири. Новосибирск: ГПНТБ СО АН СССР, 1989. С. 69 – 71.
6. Артемьева Е.Б., Волкова В.Н., Козлов С.В. и др. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук; Отв. ред. В.Н. Волкова. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2000–2006. Т. 2: Конец XIX – начало XX в. / Отв. ред. С.А. Пайчадзе. 2001. 367 с.
7. Тимофеева Ю.В., Панченко А.М. Книгоиздание в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVIII–XIX в. // Библиография и книговедение. 2021. № 1. С. 118 – 134.
8. Труды ГПНТБ СО РАН. Вып. 3. Книжная культура Сибири и Дальнего Востока в условиях общественных кризисов XIX – начала XXI в. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2013. 239 с.

References

1. Volkova V.N. Itogi i zadachi knigovedcheskih issledovanij v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. Knizhnoe delo Sibiri i Dal'nego Vostoka v XIX–XX vv. Novosibirsk: GPNTB SO RAN, 1986. S. 3 – 16.
2. Volkova V.N. Sibirskoe predprinimatel'stvo v oblasti knizhnogo dela (vtoraja polovina XIX veka). Vestnik Omskogo universiteta. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet, 1997. Vyp. 3. S. 68 – 72. URL: <https://omsu.ru/vestnik/articles/y1997-i3/a068/article.html> [provereno 12.04.2023]

3. Ajzikova I.A., Vorob'eva T.L., Gnjusova I.F. i dr. Knizhnaja kul'tura Tomska (XIX – nachalo XX v.). pod obshh. red. V.A. Esipovoj, T.L. Vorob'evoj; Tomskij gos. un-t. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2014. 416 s.
4. Knizhnoe delo v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka. Sbornik nauchnyh trudov. SPb.: Izdatel'stvo RNB, 1992. 166 s.
5. Kuruskanova N.P. Razvitie poligraficheskoy promyshlennosti v Sibiri v konce XIX – nachale XX v. Kniga i knizhnoe delo v Sibiri. Novosibirsk: GPNTB SO AN SSSR, 1989. S. 69 – 71.
6. Artem'eva E.B., Volkova V.N., Kozlov S.V. i dr. Ocherki istorii knizhnoj kul'tury Sibiri i Dal'nego Vostoka. Gos. publich. nauch.-tehn. b-ka Sib. otd-nija Ros. akad. nauk; Otv. red. V.N. Volkova. Novosibirsk: GPNTB SO RAN, 2000-2006. T. 2: Konec XIX – nachalo XX v. Otv. red. S.A. Pajchadze. 2001. 367 s.
7. Timofeeva Ju.V., Panchenko A.M. Knigoizdanie v Sibiri i na Dal'nem Vostoke v konce XVIII-XIX v. Bibliografija i knigovedenie. 2021. № 1. S. 118 – 134.
8. Trudy GPNTB SO RAN. Vyp. 3. Knizhnaja kul'tura Sibiri i Dal'nego Vostoka v uslovijah obshhestvennyh krizisov XIX – nachala XXI v. Novosibirsk: GPNTB SO RAN, 2013. 239 s.

*Gubchenko G.P., Postgraduate,
Institute of History and Liberal Arts Education,
Novosibirsk State Pedagogical University*

**Local book publishing in the cities of Tomsk Province in the late
XIX – early XX century: historiography of the research problem**

Abstract: the study of the history of the development of regional book business is one of the important tasks of modern Russian historical science. Research in this area is necessary, first of all, to assess the regional publishing culture due to the fact that Siberian book publishing is an integral component of Russian culture. The article was prepared in order to determine the historical foundations of scientific research of local book publishing in the cities of Tomsk province in the late XIX – early XX century in preparation of the dissertation "Local book publishing in the cities of Tomsk province in the late XIX – early XX century" for the degree of Candidate of Historical Sciences. Theoretical and practical aspects of book business and book culture are reflected in many works of specialists – articles, monographs, dissertations, indexes, collections of reports and speeches at conferences, etc. The basis of the historiography of the topic under study is the publications of the State Scientific Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (formerly the State Scientific Library of the USSR Academy of Sciences) devoted to book culture and book business in Siberia. Studies reflecting the history of the development of book culture beyond the Urals are either generalizing or focused on individual cities in the region. In scientific and historical terms, the problem of book publishing and book distribution, as well as the identity of local publishers, with individual cases, is poorly studied. The analysis of the historiography of the issue of local book publishing in the cities of Tomsk province in the late XIX – early XX century reveals a research gap involving the reconstruction of the development of printing in the region – the study of both the production process and the personalities of the owners of printing houses, and their comparative analysis.

Keywords: book studies, book business, book publishing, printing, book culture of Siberia, Tomsk province

For citation: Gubchenko G.P. Local book publishing in the cities of Tomsk Province in the late XIX – early XX century: historiography of the research problem. Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 184 – 188.

*Погорелов С.С., преподаватель,
Емельянова Е.А., кандидат исторических наук, доцент,
Филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани*

Влияние «Дела Алабамы» на англо-американские отношения в годы гражданской войны в США

Аннотация: британо-американские отношения на первом этапе войны можно назвать противоречивыми. С одной стороны, Британия соблюдает нейтралитет и официально не вмешивается в войну, однако при этом симпатизирует Конфедерации и желает ослабить США, что в отдельных случаях едва не приводит к разворачиванию боевых действий. С другой стороны, дипломатия Линкольна приводит к подписанию нескольких договоров, благоприятно сказавшихся на развитии британо-американских отношений в дальнейшем и положившим начало их сближению. Помимо этого, США играют огромную роль в экспорте товаров в Великобританию, что и делает последнюю нейтральной по отношению к войне.

Статья посвящена такой проблеме англо-американских отношений, как «Алабамский вопрос».

В статье анализируются положение Конфедерации во время гражданской войны в США и причины сближения Южных штатов с Великобританией. Делается вывод о влиянии «Дела Алабамы», во-первых, на сближение США и Великобритании в дальнейшем, во-вторых, на развитие международного права.

Ключевые слова: гражданская война в США, англо-американские отношения XIX вв, Дело Алабамы, дипломатия, конфедерация

Для цитирования: Погорелов С.С., Емельянова Е.А. Влияние «Дела Алабамы» на англо-американские отношения в годы гражданской войны в США // Исторический бюллетень. 2023. Том 6. № 2. С. 189 – 191.

К середине XIX века становится очевидно, что противоречия между двумя регионами США – промышленным, быстро развивающимся, капиталистическим севером и рабовладельческим аграрным югом слишком остры, а различия в экономической системе, политических и культурных ценностях, социальной структуре, традициях, скорее всего, приведут к войне [1]. Долгое время зависимые друг от друга регионы существовали мирно, в рамках торгового сотрудничества, однако американский секционализм [2] достигает апогея к 1860 году, когда на президентских выборах побеждает лидер республиканской партии А. Линкольн, что только усугубляет раскол в американском обществе [3]. После объявления южными штатами сепарации и провозглашении своего нового государства – Конфедерации, начинается гражданская война.

Следует отметить, что гражданская война в США становится исключительным поводом для вмешательства во внутренние дела в американском регионе со стороны ряда европейских держав. В этой связи следует отметить, что К. Маркс в 1860-х гг. отмечал: «США в экономическом смысле все еще представляют собой колонию Европы» [4].

В период войны британская внешняя политика и дипломатия становятся резко ориентированными на американский континент. Великобритания пыталась восстановить экономическую и политическую власть в своей бывшей колонии, используя при этом внутреннюю междоусобицу в своих целях [5].

Конфедерация искала международной поддержки и помощи для достижения своих целей. Правительство Линкольна проводило политику, направленную на то, чтобы США вновь не попали в экономическую зависимость и тем более, снова не превратились в колонию других государств, прежде всего, Великобритании. С другой стороны, северные штаты стремились помешать южанам втягивать в войну другие государства. Также внешняя политика и дипломатия Севера были направлены на недопущение признания Юга независимым государством.

Однако соотношение сил между Севером и Югом было не в пользу последнего, именно по этой причине особую роль в войне, по мнению конфедератов, должна была сыграть дипломатия. Конфедерация надеялась, что их поддержат европейские державы и организуют военную интервенцию против Севера. Ответ на вопрос, почему южане не сомневались в таком исходе, кроется в заявлении политического лидера Конфедерации, сделанном в конгрессе еще до начала войны: «Без единого выстрела и не обнажая меча, мы сможем поставить весь мир на колени в случае объявления войны. Что произойдет, если в течение трех лет не поставят в Англию хлопок? Англия мобилизует весь цивилизованный мир, чтобы спасти нас. Нет такой власти, которая бы посмела воевать с хлопком. Хлопок правит миром» [6].

Иногда в литературе можно встречается мнение, что Конфедерация не только не вела внешнюю политику, но даже не разработала ее концепции. В частности, Джеймс Л. Опп, председатель

комиссии по иностранным делам палаты представителей Конфедерации, заявил, что Конфедерация никогда не занималась внешней политикой и никогда даже не предпринимала попыток вести дипломатию на высшем уровне и в международном масштабе. Однако Южные штаты располагали достаточно разветвленным аппаратом дипломатической службы. Президент Д. Дэвис назначил многих дипломатических, консульских представителей, тайных посланников, которые должны были представлять интересы Конфедерации в других странах, но среди дипломатических представителей южан не было таких известных имен, как среди северян [7]. Руководители Южных штатов сразу же развернули бурную деятельность за границей и в дипломатическом корпусе Вашингтона.

Еще перед началом войны было очевидно, что Великобритания и Франция заинтересованы в расколе Соединенных Штатов, поэтому поддержат южан. В мае 1861 г. в Британии была опубликована «Королевская прокламация о нейтралитете», по праву названная историками самым лицемерным документом в истории мировой дипломатии. Объявляя о занятии нейтральной позиции в американских делах, британское правительство одновременно признавало Конфедерацию воюющей стороной, а значит, и самостоятельным субъектом политики. В то же время российский посол в Вашингтоне сообщал, что «Англия воспользуется первым же предлогом, чтобы признать отделившиеся штаты», а сам А. Линкольн писал, что «Конфедерация взывает о помощи, признании и интервенции со стороны иностранных держав» [8].

В рамках рассмотрения противостояний между Севером, с одной стороны, и Югом, поддерживаемым Великобританией, с другой, интересным кажется инцидент, получивший название «Алабамский вопрос». «Алабамский вопрос» – это международный спор, вызванный претензиями Северных штатов к Великобритании по случаю нанесенного вреда торговле и судоходству Севера многими судами, которыми нейтральная Британия спонсиро-

вала южан. По факту, эти судна принадлежали Конфедерации, но были спущены на воду в английских гаванях. В особенности, один из таких каперских судов «Алабама», построенный в Ливерпуле в 1862 г. и предназначенный для флота Конфедерации, наносил огромные убытки североамериканской торговле, пока не был потоплен американским корветом. Вместе с другими судами такого же типа, входивших в состав ВМФ Конфедерации, «Алабама», «Флорида», «Джорджия», потопили более 150 кораблей северян, нанеся им непоправимый ущерб [9].

Несмотря на то, что британское правительство было предупреждено американским посольством относительно последствий, которые могут возникнуть после выхода судов для Конфедерации из английских портов, Британия игнорировала заявления северян. Естественно, что Вашингтон усмотрел в действиях Британии нарушение нейтралитета и потребовал полного возмещения убытков, нанесенных американскому флоту, а американские дипломаты составляли каталог всех задержаний и жалоб в британское министерство иностранных дел с целью получения компенсации, от уплаты которой Британия наотрез отказалась [10].

«Дело Алабамы» не было урегулировано до тех пор, пока США и Великобритания не договорились решить этот вопрос в 1871 г. По подписанному в Вашингтоне договору «Дело Алабамы» было решено передать международному третейскому трибуналу, который собрался в Женеве уже в 1872 г. и постановил выплату Британией компенсации [10].

Таким образом, этот случай обращения к международному арбитражу не только урегулировал двусторонние отношения, но и стал важным прецедентом для дальнейшего развития международного права, а также положил начало постоянным дружественным англо-американским отношениям, которые в будущем приведут к «Великому сближению».

Литература

1. Болховитинов Н. История США. М., 1983. С. 454.
2. The South and Sectionalism in American Politics. URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.2307/2129583?journalCode=jop> (дата обращения: 15.01.2022)
3. Lincoln's Election. November, 1860. URL: <https://web.archive.org/web/20081026071721/http://valley.vcdh.virginia.edu/outlines/election.html> (дата обращения: 15.01.2022)
4. Маркс К. Капитал. М., 2018. С. 511.
5. Внешняя политика Конфедерации южных штатов во время гражданской войны. URL: <https://america-xix.ru/library/pastusiak-csa-foreign-policy> (дата обращения: 15.01.2022)
6. Родригес А.М. Новая история стран Европы и Америки XVI-XIX века. М., 2010. С. 389.

7. Внешняя политика Конфедерации южных штатов во время гражданской войны. URL: <https://america-xix.ru/library/pastusiak-csa-foreign-policy> (дата обращения: 15.01.2022)
8. Севостьянов Г.Н. История США. М. 1994. С. 232.
9. The Alabama Claims, 1862-1872. URL: <https://history.state.gov/milestones/1861-1865/alabama> (дата обращения: 18.04.2021)
10. Cook A. The Alabama Claims: American Politics and Anglo-American Relations, 1865-1872. Cornell University Press, 1975. P. 167.
11. The Treaty of Washington. URL: https://archive.org/details/cihm_27720 (дата обращения: 15.01.2022)

References

1. Bolhovitinov N. Istorija SShA. M., 1983. S. 454.
2. The South and Sectionalism in American Politics. URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.2307/2129583?journalCode=jop> (data obrashhenija: 15.01.2022)
3. Lincoln's Election. November, 1860. URL: <https://web.archive.org/web/20081026071721/http://valley.vcdh.virginia.edu/outlines/election.html> (data obrashhenija: 15.01.2022)
4. Marks K. Kapital. M., 2018. S. 511.
5. Vneshnjaja politika Konfederacii juzhnyh shtatov vo vremja grazhdanskoj vojny. URL: <https://america-xix.ru/library/pastusiak-csa-foreign-policy> (data obrashhenija: 15.01.2022)
6. Rodrigues A.M. Novaja istorija stran Evropy i Ameriki XVI-XIX veka. M., 2010. S. 389.
7. Vneshnjaja politika Konfederacii juzhnyh shtatov vo vremja grazhdanskoj vojny. URL: <https://america-xix.ru/library/pastusiak-csa-foreign-policy> (data obrashhenija: 15.01.2022)
8. Sevost'janov G.N. Istorija SShA. M. 1994. S. 232.
9. The Alabama Claims, 1862-1872. URL: <https://history.state.gov/milestones/1861-1865/alabama> (data obrashhenija: 18.04.2021)
10. Cook A. The Alabama Claims: American Politics and Anglo-American Relations, 1865-1872. Cornell University Press, 1975. R. 167.
11. The Treaty of Washington. URL: https://archive.org/details/cihm_27720 (data obrashhenija: 15.01.2022)

*Pogorelov S.S., Lecturer,
Emelyanova E.A., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Branch of the Kuban State University in Slavyansk-on-Kuban*

The impact of the Alabama case on Anglo-American relations during the American Civil War

Abstract: British-American relations at the first stage of the war can be called contradictory. On the one hand, Britain observes neutrality and does not officially interfere in the war, but at the same time sympathizes with the Confederation and wants to weaken the United States, which in some cases almost leads to the deployment of hostilities. On the other hand, Lincoln's diplomacy leads to the signing of several treaties that favorably affected the development of British-American relations in the future and marked the beginning of their rapprochement. In addition, the United States plays a huge role in the export of goods to the UK, which makes the latter neutral in relation to the war.

The article is devoted to such a problem of Anglo-American relations as the "Alabama question". The article analyzes the situation of the Confederacy during the American Civil War and the reasons for the rapprochement of the Southern States with Great Britain. The conclusion is made about the impact of the "Alabama Case", firstly, on the rapprochement of the United States and Great Britain in the future, and secondly, on the development of international law.

Keywords: civil War in the USA, Anglo-American relations XIX, Alabama affair, diplomacy, confederation

For citation: Pogorelov S.S., Emelyanova E.A. The impact of the Alabama case on Anglo-American relations during the American Civil War. Historical Bulletin. 2023. 6 (2). P. 189 – 191.